

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 10, № 1, 2017

Журнал издается с 2008 года

Решением Минобрнауки России журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Журнал включен в Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Журнал включён в базы данных ВИНТИ РАН, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, а также в Российский индекс научного цитирования и представлен в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки (<http://www.elibrary.ru>).

С 2014 года Германская национальная экономическая библиотека включила журнал в свой фонд.

Журнал также направляется в Библиотеку Конгресса США.

Редакционный совет:

Макаров В.Л., академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва, Россия)

Ивантер В.В., академик РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН, генеральный директор Центра испытаний и сертификации (ТЕСТ-Санкт-Петербург, Россия)

Витязь П.А., академик, руководитель Аппарата НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Горшков М.К., академик РАН, директор Института социологии РАН (Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН, зав. лаб. ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН, советник РАН, гл.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)

Сапир Ж., проф., директор Высшей школы социальных наук (EHSS), Центра исследований индустриализации (CEMI) (Париж, Франция)

Валентей С.Д., д.э.н., проф., научный руководитель Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Уфа, Россия)

Дайнеко А.Е., д.э.н., проф., директор Института экономики НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Ильин В.А., д.э.н., проф., член-корреспондент РАН, научный руководитель Института социально-экономического развития территорий РАН (Вологда, Россия)

Кибиткин А.И., д.э.н., проф., заместитель ректора по науке и стратегическому развитию Мурманского государственного технического университета (Мурманск, Россия)

Кивинен М., проф., директор Александровского института Хельсинского университета (Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д.с.н., проф., директор Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Кузнецов С.В., д.э.н., проф., директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д.э.н., проф., директор Института экономики РАН (Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д.т.н., директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)

Штомпка Пётр, проф., декан факультета теоретической социологии Ягеллонского университета (Краков, Польша)

Чжан Шухуа, доктор, проф., зам. начальника научного центра информации и документации Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к.с.н., доцент, ректор Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)

Пейтер Оуй – старший научный сотрудник и консультант, Нидерландская организация прикладных научных исследований (Делфт, Нидерланды)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

д.э.н. К.А. Гулин (зам. главного редактора), к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора), к.филол.н. О.В. Третьякова (зам. главного редактора), к.ф.н. А.В. Загребельный (отв. секретарь), д.э.н. Е.С. Губанова, к.э.н. К.А. Задумкин, к.э.н. О.Н. Калачикова, к.э.н. Г.В. Леонидова, к.э.н. М.В. Морев, к.э.н. С.В. Теребова, д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова

Все статьи проходят обязательное рецензирование.

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)

ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.vscc.ac.ru>

© ИСЭРТ РАН, 2017

FEDERAL AGENCY
FOR SCIENTIFIC ORGANIZATIONS

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 10, no. 1, 2017

The Journal is published since 2008

According to the decision of the Russian MES the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

The Journal is covered in Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI).

The journal is included into databases: VINITI RAS, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, and also into the Russian Science Citation Index, and is presented in the open access on the platform of the Scientific e-Library (<http://www.elibrary.ru>).

In 2014 the German National Library of Economics included the Journal into its fund.

The journal is also sent to the Library of Congress, the USA.

Editorial Board:

- V.I. Makarov**, RAS Academician, Director of the Central Economic Mathematical Institute of the RAS (Moscow, Russia)
- V.V. Ivanter**, RAS Academician, Director of the Institute of Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
- V.V. Okrepilov**, RAS Academician, General Director of State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (St. Petersburg, Russia)
- P.A. Vityaz**, Academician, Head of Academy Staff of the NASB (Minsk, Belarus)
- M.K. Gorshkov**, RAS Academician, Director of RAS Institute of Sociology (Moscow, Russia)
- A.D. Nekipelov**, RAS Academician, Director of Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
- V.M. Polterovich**, RAS Academician, Head of Laboratory of the Central Economics and Mathematics Institute (Moscow, Russia)
- V.N. Lazhentsev**, RAS Corresponding Member, RAS Advisor, Senior Research Associate of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
- J. Sapir**, Professor, Director of Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Head of the Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMI-EHESS) (Paris, France)
- S.D. Valentey**, Doctor of Economics, Professor, Supervisor of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
- D.A. Gaynanov**, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russia)
- A.E. Dayneko**, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the NASB (Minsk, Belarus)
- V.A. Ilyin**, RAS Corresponding Member, Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the RAS (Vologda, Russia)
- A.I. Kibitkin**, Doctor of Economics, Professor, Vice Rector for Science and Strategic Development of the Murmansk State Technical University (Murmansk, Russia)
- M. Kivinen**, Professor, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- I.V. Kotlyarov**, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of NASB (Minsk, Belarus)
- S.V. Kuznetsov**, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Regional Economics (St. Petersburg, Russia)
- E.B. Len'chuk**, Doctor of Economics, Professor, Director of RAS Institute of Economics (Moscow, Russia)
- Yu.Ya. Chukreev**, Doctor of Technical Sciences, Director of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
- P. Sztompka**, Professor, Dean at the Department of Theoretical Sociology of the Jagiellonian University (Kraków, Poland)
- Zhang Shuhua**, Doctor, Professor (Beijing, China), Deputy Director of the Center for Documentary and Information of the Chinese Academy of Social Sciences
- D.V. Afanasyev**, Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Rector of Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)
- P.R. A. Oeij** – Senior Research Scientist and Consultant, TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research (Delft, The Netherlands)

Chief Editor – V.A. Ilyin

Editorial Staff:

Doctor of Economics K.A. Gulin (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Economics M.F. Sychev (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Philology O.V. Tretyakova (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Philology A.V. Zagrebel'nyi (Executive Editor),
Doctor of Economics E.S. Gubanova, Ph.D. in Economics K.A. Zadumkin,
Ph.D. in Economics O.N. Kalachikova, Ph.D. in Economics G.V. Leonidova,
Ph.D. in Economics M.V. Morev, Ph.D. in Economics S.V. Terebova,
Doctor of Economics T.V. Uskova, Doctor of Economics A.A. Shabunova

*All research articles submitted to the Journal are subject to mandatory peer-review.
Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view.
Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.*

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

© ISED T RAS, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Ильин В.А.</i> Год до четвертого президентского срока	9
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	25

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

О перспективах социально-экономического развития Вологодской области <i>Интервью с Кожевниковым А.В.</i>	32
<i>Зубок Ю.А., Чупров В.И.</i> Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе	41
<i>Губанова Е.С., Клещ В.С.</i> Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов	58

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

<i>Морев М.В.</i> Новое дыхание «четвертой власти»	76
--	----

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Тихонов А.В., Богданов В.С., Гусейнова К.Э.</i> Гражданская онлайн-экспертиза деятельности региональных систем управления в контексте процессов социокультурной модернизации регионов	101
<i>Шабунова А.А., Попов А.В., Соловьева Т.С.</i> Потенциал женщин на рынке труда региона	124
<i>Фролова Е.В., Рогач О.В.</i> Муниципально-частное партнерство в образовании: инфраструктурный аспект	145
<i>Шишкина М.А., Попова Л.А.</i> Влияние современной просемейной демографической политики на интенсивность рождаемости в северных регионах России	161

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Теребова С.В.* Состояние и особенности развития малого бизнеса в России 178
- Балдина Ю.В., Петрук Г.В., Лебединская Ю.С.* Государственно-частное предпринимательство как инструмент динамичного функционирования туристского кластера в условиях территорий опережающего развития (на примере Приморского края РФ) 200

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

- Татаркин Д.А., Сидорова Е.Н., Трынов А.В.* Моделирование структурных изменений экономики региона на основе матрицы финансовых потоков 218

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

- Малышенко К.А.* Исследование фондового рынка Украины на основе применения событийного анализа 235

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

- Копытова Е.Д.* Социальная ответственность бизнеса: методы оценки и региональное измерение 254

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ. НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

- Ястреб Н.А.* Рецензия на монографию: Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога 272
- Требования к оформлению статей 280
- Информация о подписке 286

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

<i>Ilyin V.A.</i> One Year Left before the Fourth Presidential Term	9
Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society.....	25

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

About the Socio-Economic Development Prospects in the Vologda Oblast. <i>Interview with Kozhevnikov A.V.</i>	32
<i>Zubok Yu.A., Chuprov V.I.</i> Changing Social Reality amid Crisis in the Russian Society.....	41
<i>Gubanova E.S., Kleshch V.S.</i> Methodological Aspects in Analyzing the Level of Non-Uniformity of Socio-Economic Development of Regions	58

DISCUSSION PLATFORM

<i>Morev M.V.</i> New Breath of the “Fourth Estate”	76
---	----

SOCIAL DEVELOPMENT

<i>Tikhonov A.V., Bogdanov V.S., Guseinova K.E.</i> Civil Online Examination of the Work of Regional Management Systems in the Context of Socio-Cultural Modernization Processes in the Region	101
<i>Shabunova A.A., Popov A.V., Solov'eva T.S.</i> The Potential of Women in the Labor Market of the Region	124
<i>Frolova E.V., Rogach O.V.</i> Municipal-Private Partnership in Education: Infrastructural Aspect	145
<i>Shishkina M.A., Popova L.A.</i> Impact of Modern Pro-Family Demographic Policy on Birth Rate Intensity in the Northern Regions of Russia	161

BRANCH-WISE ECONOMY

- Terebova S.V.* The Current State and Specifics of Small Business Development in Russia 178
- Baldina Yu.V., Petruk G.V., Lebedinskaya Yu.S.* Public and Private Sector Entrepreneurship as a Tool of Dynamic Functioning of Tourism Cluster at the Territories of Outstripping Development (Case Study of Primorsky Krai, Russian Federation) 200

MODELING AND FORECAST OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES

- Tatarkin D.A., Sidorova E.N., Trynov A.V.* Simulation of Structural Changes in the Region's Economy Based on the Matrix of Financial Flows 218

PUBLIC FINANCE

- Malysenko K.A.* Studying the Stock Market of Ukraine with the Use of the Event Analysis 235

YOUNG RESEARCHERS

- Kopytova E.D.* Corporate Social Responsibility: Assessment Methods and the Regional Dimension 254

SCIENTIFIC REVIEWS. OPINIONS

- Yastreb N.A.* Review of the Monograph: «Life Satisfaction and the Level of Happiness: a Sociologist's View» 272
- Manuscript Submission Guidelines 280
- Subscription Information 286

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.1
УДК 338.24(470), ББК 65.050.11(2Рос)

© Ильин В.А.

Год до четвертого президентского срока

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
ilin@vscc.ac.ru

В. Путину приходится осуществлять руководство страной в тяжелое и беспокойное для неё время, характеризующееся турбулентностью политических процессов, трансформацией культурно-нравственных ценностей, экономическими кризисами, военными конфликтами, распространением международного терроризма. Сама же Россия в том состоянии, в котором ее «принял» В. Путин в 2000 г., находилась фактически на грани исчезновения, будучи растерзанной внутренней политикой либеральных демократов и олигархов 90-х, массовым обнищанием населения, отсутствием понимания вектора духовного

развития после распада СССР, чеченской войной и регулярными терактами, происходившими даже в столице.

Став в 2000 году Президентом РФ, В. Путин сумел преодолеть социально-экономические последствия реформ 1990-х гг., восстановить и затем существенно поднять материальное положение подавляющего большинства российских граждан, вернуть России право голоса на международной политической арене. Все это было явно не на руку тем силам, которые в конце 80-х гг. позаботились о развале Советского Союза. После Мюнхенской речи В. Путина в 2007 г. глобализаторами

Для цитирования: Ильин, В.А. Год до четвертого президентского срока / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 9-24. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.1

For citation: Ilyin V.A. One Year Left before the Fourth Presidential Term. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, volume 10, no. 1, pp. 9-24. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.1

было предпринято, как минимум, три попытки для того, чтобы выключить Россию из числа участников геополитической конкуренции: в августе 2008 г. (попытка интеграции Грузии в НАТО, повлекшая за собой вооруженный конфликт в Южной Осетии), в феврале 2012 г. (митинг на Болотной площади) и в марте 2014 г. (попытка втянуть Россию в войну с Украиной). Каждая из этих попыток, причем именно во многом благодаря политике Президента РФ, заканчивалась провалом для Запада, а Россия «получала расширение своих возможностей в геополитическом противостоянии, усиливалось её влияние на общемировые процессы, и, каждый раз, Россия не реализовала до конца свои возможности и новый потенциал для развития внутри страны»¹.

В конечном итоге за 17 лет своего президентства В. Путину удалось не только восстановить статус России, как одного из полноценных участников геополитической конкуренции, но и расположить ее в центре мейнстрима духовно-нравственных ценностей, которые только в середине 2010-х гг. начинают постепенно доминировать в общественном сознании рядовых жителей США и Европы, а вслед за этим — трансформировать властвующую элиту и всю политическую систему ведущих мировых держав.

В этом смысле показательным стал 2016 год, когда во многих странах мира прошли важнейшие референдумы и начался новый политический цикл. Выход Великобритании из состава ЕС, победа Д. Трампа на президентских выборах в США, выборы глав государств в Болгарии,

¹ Стариков Н.В. Что делать патриотам // Официальный блог Н. Старикова. — Режим доступа: <https://nstarikov.ru/blog/75257>

Ход развития социально-политических и экономических процессов как в самой Европе, так и в мире, в целом, способствует стремительной актуализации темы кризиса либеральных ценностей и мультикультурализма в Европе².

Молдавии, Италии, предвыборная кампания во Франции — все эти события наглядно демонстрируют тот факт, что либерально-демократические ценности (мультикультурализм, толерантность, глобализация и т.д.) уступают место ценностям государственного суверенитета, социальной справедливости и национальных интересов, которые с самого начала своей президентской деятельности защищал В. Путин — не только в публичных выступлениях на международных площадках (в Мюнхенской речи 2007 г., в Валдайском выступлении 2013 г., в обращении к главам государств на 70-й юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2015 г. и т.д.), но и в борьбе со сросшимися интересами олигархических слоев и представителей коррумпированного либерально-демократического чиновничьего аппарата на всех уровнях властной вертикали.

К середине 2010-х гг. мировое сообщество пришло к пониманию того, о чем Президент РФ открыто предупреждал еще 10 лет назад в Мюнхенской речи — об угрозах и бесперспективности однополярного мироустройства и опасностях попирания норм международного права. Этот факт заставил американцев и европейцев по-новому взглянуть на Россию и ее Президента.

² О кризисе либеральных ценностей и мультикультурализма в Европе. Международный проект Общественного объединения «За права человека» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://thedecline.info/ru/pre2>

Путин В.В.: «Обсуждаемые на площадке ООН решения согласовываются в виде резолюций или не согласовываются, как говорят дипломаты: проходят или не проходят. И всякие действия любых государств в обход этого порядка нелегитимны и противоречат Уставу Организации Объединённых Наций, современному международному праву... Конечно, мир меняется, и ООН должна соответствовать этой естественной трансформации. Россия на основе широкого консенсуса готова к этой работе по дальнейшему развитию ООН со всеми партнёрами, но считаем попытки расшатать авторитет и легитимность ООН крайне опасными. Это может привести к обрушению всей архитектуры международных отношений»³.

Однако сегодня, за год до очередных президентских выборов в нашей стране и, судя по всему, до четвертого президентского срока В. Путина, эксперты констатируют, что **«глобальные либерально-финансовые силы предпринимают четвёртую попытку приструнить и подчинить Россию»**⁴. На этот раз используется «проверенный» на распаде СССР механизм — противостояние патриотических и либерально-демократических сил в системе государственного управления.

Борьба патриотов и либералов во властвующей элите России имеет достаточно глубокие исторические корни. По сути, это

³ Стенограмма выступления В.В. Путина на пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке 28 сентября 2015 г. // Официальный сайт Президента РФ. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385>

⁴ Стариков Н.В. Что делать патриотам // Официальный блог Н. Старикова. — Режим доступа: <https://nstarikov.ru/blog/75257>

выбор одного из двух альтернативных вариантов развития России: «восточного», в котором власть первична над собственностью, и «западного», где система государственного управления подчинена законам бизнеса и получения прибыли. Россия всегда развивалась по «восточному» пути, при этом **общая идея патриотизма носила именно системный характер, она «пронизывала» не только сферу государственного управления, но и все социальные слои российского общества.**

Карпец В.И.: «Устройство России до 1762 года, когда вышел «Указ о вольности дворянства» Екатерины II, было таким: действовало непреложное правило «крепости»: крестьянин был «крепок земле» аристократа только до тех пор, пока последний был «крепок» Государю службой. В.О. Ключевский называл это «тягловым государством»... Духовные и идеологические «знаки и возглавья» старой Руси и СССР менялись, но «структура» оставалась почти та же самая. Аскетизм, самоотречение и самоотвержение в равной степени требуются в обоих случаях»⁵.

В советский период партийная номенклатура руководствовалась принципами патриотизма и национальных интересов во многом из-за страха перед репрессиями, однако после смерти И. Сталина дисциплина и напряжённость, характерные для сталинской эпохи, стали постепенно уходить в прошлое. Почувствовав свободу и безнаказанность, отдельные представители правящих элит постепенно

⁵ Карпец В.И. Истоки и корни «пятой колонны» // Газета «Завтра». — 2017. — 2 февр. — Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/istoki_i_korni_pyatoj_kolonni

Стариков Н.В.: «Правительство занимается прямым саботажем распоряжений Президента:

✓ Президент требует моратория на рост тарифов монополий – правительство вводит так называемые «социальные нормы», которые являются скрытой формой повышения расценок.

✓ Президент говорит о решении демографической проблемы – правительство пытается отменить материнский капитал.

✓ Президент ставит задачу создать 25 млн. новых рабочих мест к 2020 году – правительство говорит об отказе от занятости любой ценой и готовится к росту безработицы.

✓ Правительство требует от граждан перевести пенсионные накопления в частные пенсионные фонды – Президент не рекомендует гражданам этого делать.

✓ Президент дает поручение создать национальную платежную систему – правительство говорит, что невозможно отказаться от зарубежных систем.

И это лишь некоторые факты прямого саботажа распоряжений президента со стороны правительства. В реальности их значительно больше... России нужно работающее правительство, состоящее из патриотов. Не частично и фрагментарно, как сегодня, а все целиком. Либералы у власти – это просто опасно для России»⁶.

приподнимали «железный занавес», руководствуясь своими частными интересами в тесной привязке с ценностями западного мира и общества потребления. Апофеозом либерализации элит стал 1991

⁶ Стариков Н.В. Кто-то должен уйти: либо правительство, либо народ // Официальный блог Н. Старикова от 02.06.2014. – Режим доступа: <https://nstarikov.ru/blog/40617>

год, когда советская номенклатура фактически полностью отказалась от защиты социализма и занялась частным присвоением и разделом считавшейся «общенародной» собственности, в том числе и территории СССР.

Так продолжалось в течение всех 1990-х, пока в 1999 г. на пост председателя Правительства не был назначен В. Путин, который начал активно создавать противодействующий либеральной элите блок, продвигая на должности в государственные и экономические структуры офицеров ФСБ и других спецслужб. На протяжении всех президентских сроков В. Путина противостояние силовиков и представителей правительственно-либерального клана, состоящего преимущественно из наследников КПСС и либеральной интеллигенции, проходило с переменным успехом. Во многом по причине того, что главные угрозы для страны в первые три президентских срока В. Путина были сосредоточены на международной арене, его внимание было сконцентрировано именно на вопросах внешней политики. Кроме того, стратегическая дальновидность не позволяла В. Путину идти на радикальный разрыв отношений с либеральной элитой, поскольку та имела поддержку «коллективного Запада».

Вопросы внутреннего экономического развития были приоритетом деятельности Правительства Д. Медведева, состав которого практически не менялся. Несмотря на то, что в его экономическом блоке периодически появлялись новые лица, суть лоббируемых ими интересов оставалась прежней и об этом неоднократно высказывались эксперты: С.Ю. Глазьев, С.С. Губанов, Ю.Ю. Болдырев, А.А. Проханов и другие.

Характерными чертами Правительства Медведева стали приоритетность частных интересов, срастание олигархических сил и бюрократического аппарата или, попросту говоря, **злоупотребление служебным положением в личных целях**. По сути, в XXI в. Правительством Медведева была продолжена линия действий М. Горбачева, Б. Ельцина и других представителей либеральной элиты 80-х–90-х гг., которая привела к распаду СССР. Существовавшие и процветавшие более четверти века на самой верхушке политического олимпа, эти характеристики либерального блока Правительства «пустили корни» глубоко по всей вертикали власти. Это стало всё более отчетливо проявляться тогда, когда началась системная работа по выявлению коррумпированных чиновников – сначала на местах (аресты «зарвавшихся» губернаторов, уверовавших в безнаказанность своих поступков, потерявших чувство профессиональной ответственности за управление регионом и личной морально-нравственной ответственности перед людьми⁷), а затем и в самом Правительстве (арест министра экономического развития А. Улюкаева), что вывело борьбу с коррупцией на новый уровень, существенно сократив круг «неприкасаемых».

Как отметили эксперты, арест федерального министра – «это беспрецедентная история. Такого сорта одиночные, не массовые аресты помогают управлять экономикой. Бюджет ведь стал несравненно

⁷ Некоторые главы регионов, против которых были возбуждены уголовные дела: М. Машковцев (Камчатка, 2003 г.), А. Баринев (Ненецкий округ, 2007 г.), А. Тишанин (Иркутская обл., 2008 г.), Л. Коротков (Амурская обл., 2010 г.), В. Дудка (Тульская обл., 2011 г.), В. Юрченко (Новосибирская обл., 2014 г.), А. Хорошавин (Сахалин, 2015 г.), Н. Денин (Брянская обл., 2015 г.), В. Гайзер (Коми, 2015 г.), Н. Белых (Кировская обл., 2016 г.).

беднее. А громкими уголовными делами можно показать чиновникам, что так, как прежде, расходовать государственные деньги просто нельзя, невозможно»⁸.

Другой чертой Правительства Медведева стал **закрытый (прежде всего, от общества) характер принимаемых решений**, вследствие чего некоторые эксперты заговорили о некой «суперэлите»⁹, в которой все решения принимаются «в кулуарах» правительственных кабинетов, а кадровые перестановки осуществляются не по критерию компетентности новых лиц, а скорее являются результатом побед тех или иных группировок в «подковерной» борьбе за власть.

После выборов в Государственную Думу VII созыва, по итогам которых «Единая Россия» получила конституционное большинство в парламенте, возник новый политический тандем – «Медведев–Володин», укрепивший позиции либералов в Правительстве. Конкретным результатом деятельности этого тандема стал новый бюджет страны, согласно которому в 2017 г.:

✓ сократится финансирование стационарной медицинской помощи (с учетом инфляции в 2,5 раза по сравнению с 2012 годом);

✓ сократятся расходы федерального бюджета на дошкольное образование (на 47,7% по сравнению с 2016 г.);

✓ упадет доля расходов на жилищно-коммунальное хозяйство (с 2,6% в 2011 году до 0,4% в 2017 г.).

⁸ Соловей В.Д. Запад вернет Украину в орбиту России, а к весне ждите новых реформ [Эл. рес.] // Комсомольская правда. – 2016. – 28 дек. – Режим доступа: <http://www.vologda.kp.ru/daily/26625/3643134/>

⁹ Арбитраж Путина [Эл. рес.] // Независимая газета. – 2016. – 17 нояб. – Режим доступа: http://www.ng.ru/editorial/2016-11-17/2_6861_red.html

Кроме того, Правительство внесло, а Государственная Дума поддержала законопроект об увеличении акцизов на бензин и дизельное топливо; закон о платном въезде в города. Правительство Медведева повысило также тарифы на ЖКХ (на 4–6%) и отказалось от увеличения МРОТ с 1 января 2017 г. Вместе с тем Госдума отклонила законопроекты о запрете чиновникам иметь недвижимость за рубежом и об отмене ЕГЭ в качестве выпускного и вступительного в вузы.

Неэффективность экономического курса либерального блока Правительства Медведева создает двойную угрозу национальной безопасности России.

✓ О первой говорил сам Президент, когда в одной из статей писал: «Сегодня Россия зависит от мировой экономики, интегрирована в нее очень сильно – сильнее, чем большинство других стран... Иметь экономику, которая не гарантирует нам ни стабильности, ни суверенитета, ни достойного благосостояния, – для России непозволительно. Нам нужна новая экономика, с конкурентоспособной промышленностью и инфраструктурой, с развитой сферой услуг, с эффективным сельским хозяйством. Экономика, работающая на современной технологической базе. Нам необходимо выстроить эффективный механизм обновления экономики, найти и привлечь необходимые для нее огромные материальные и кадровые ресурсы»¹⁰.

По мере обострения геополитической конкуренции смена устаревшей экономической модели становится все более актуальной задачей. Эксперты отмечают, что «наивно рассчитывать на развитие при

¹⁰ Путин В.В. О наших экономических задачах [Эл. рес.] // Российская газета. – 2012. – 30 янв. – Режим доступа: <https://rg.ru/2012/01/30/putin-ekonomika.html>

Шейнис В.Л.: «Глядя на деятельность правительства, анализируя его предложения и работу, нельзя не заметить, что львиная доля прямых распоряжений Президента остаётся невыполненной. Майские указы В.В. Путина, которым скоро исполнится пять лет, до сих пор не выполнены. На недавнем Съезде ОНФ говорилось, что полностью воплощено в жизнь лишь 16% майских указов, остальные либо частично, либо полностью не выполнены»¹¹.

опоре на сырьевой экспорт, на ”экономическую трубу”, в то время когда промышленно развитые страны, продвигаясь по пути новой, цифровой и технотронной индустриализации, уходят от сжигания углеводородов к постнефтяной энергетике»¹².

✓ Вторая угроза связана с тем, что в условиях неэффективной экономической политики российское общество всё больше углубляется в свое «травмированное» состояние. Как показывают результаты социологических исследований, население негативно оценивает своё текущее материальное положение и не видит перспектив его улучшения в будущем. Так, за период с 2007 по 2016 г. доля людей, считающих себя «бедными и нищими», существенно увеличилась во всех основных слоях российского общества. При этом с 2013 г. удельный вес «бедных и нищих» составляет 47–50% (то есть почти каждый второй; *вкладка 1*).

¹¹ Шейнис В.Л. Исторический транзит: российская драма [Эл. рес.] // Независимая газета. – 2017. – 27 янв. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2017-01-27/5_6914_drama.html

¹² Губанов С.С. Альтернативы суверенизации собственности нет, кроме краха России [Эл. рес.] // Деловая электронная газета «Бизнес Online». – 2016. – 19 апр. – Реж. дост.: <https://www.business-gazeta.ru/article/308196>

Вкладка 1

Доля людей, считающих себя «бедными и нищими» (в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Изменение (+/-), 2016 к		
							2015	2011	2007
<i>Пол</i>									
Мужской	39,8	42,8	45,1	48,9	49,5	47,9	-2	+5	+8
Женский	44,6	45,4	48,3	49,2	51,7	49,8	-2	+4	+5
<i>Возраст</i>									
До 30 лет	32,4	39,2	42,8	44,6	47,7	42,7	-5	+4	+10
30-55 лет	40,0	43,1	46,3	48,6	51,3	49,4	-2	+6	+9
Старше 55 лет	55,5	50,2	50,8	52,7	51,7	52,1	0	+2	-3
<i>Образование</i>									
Н/среднее и среднее	52,6	52,5	55,7	58,0	54,6	55,5	+1	+3	+3
Среднее специальное	39,9	46,7	48,3	48,0	50,1	47,6	-3	+1	+8
Н/высшее и высшее	33,1	33,3	36,1	40,0	47,3	42,8	-5	+10	+10
<i>Доходные группы</i>									
20% наименее обеспеченных	64,5	60,3	70,3	70,1	65,8	70,5	+5	+10	+6
60% среднеобеспеченных	45,0	47,9	48,5	50,9	53,0	50,3	-3	+2	+5
20% наиболее обеспеченных	15,9	21,9	19,7	22,2	32,6	28,7	-4	+7	+13
<i>Территории</i>									
Вологда	32,3	44,8	49,3	50,4	53,9	46,5	-7	+2	+14
Череповец	31,4	35,0	34,7	39,8	44,5	47,2	+3	+12	+16
Районы	52,5	48,7	52,1	53,4	52,3	51,3	-1	+3	-1
В среднем по Вологодской области	42,5	44,2	46,9	49,1	50,7	49,0	-2	+5	+7
Общее количество положительных и отрицательных изменений в 14 группах и в целом по области							+2 / -6	+11 / 0	+13 / -1

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?». Варианты ответа – «богатые», «люди среднего достатка», «бедные», «нищие».

Для расчёта индекса социальной самоидентификации доля ответов «богатые» умножается на 200, «люди среднего достатка» – на 150, «бедные» – на 50, «затрудняюсь ответить» – на 100. Сумма этих произведений делится на 100. Здесь и далее ошибка выборки не превышает 2%, поэтому изменения +/- 2 п.п. принимались как несущественные.

За период с 2007 по 2016 г. доля людей, считающих себя «бедными и нищими», возросла на 6 п.п. (с 43 до 49%). Негативные изменения произошли в 12 из 14 социально-демографических категорий. **При этом ни в одном из основных социальных слоев за последние 10 лет существенных позитивных изменений не наблюдается.**

Более того, к «бедным и нищим» стали себя чаще относить представители тех групп, которые нельзя назвать социально уязвимыми: люди младших и средних возрастов (на 10 п.п.), высокодоходные категории населения (на 13 п.п.), жители городов (на 14–16 п.п.).

В 2016 г. в 10 из 14 групп к «бедным и нищим» относил себя почти каждый второй (46–55%). Среди 20% наименее обеспеченных слоев населения этот показатель составляет 70%.

Динамика индекса потребительских настроений, пунктов*

Категория населения	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Изменение (+/-), 2016 к		
							2015	2011	2007
<i>Пол</i>									
Мужской	107,8	90,3	91,0	87,6	76,8	78,7	+2	-12	-29
Женский	104,4	89,1	89,8	87,6	77,3	76,9	0	-12	-28
<i>Возраст</i>									
До 30 лет	115,2	95,0	94,5	93,0	82,9	83,7	+1	-11	-32
30-55 лет	107,1	89,1	91,4	87,5	75,2	76,8	+2	-12	-30
Старше 55 лет	95,7	86,0	85,6	84,2	76,0	75,4	-1	-11	-20
<i>Образование</i>									
Н/среднее и среднее	100,2	85,6	83,4	80,5	73,6	74,7	+1	-11	-26
Среднее специальное	105,9	87,9	88,7	86,9	76,9	78,4	+2	-10	-28
Н/высшее и высшее	113,1	95,6	99,2	96,3	81,1	80,2	-1	-15	-33
<i>Доходные группы</i>									
20% наименее обеспеченных	88,2	74,8	71,2	69,8	62,5	64,8	+2	-10	-23
60% среднеобеспеченных	105,5	89,0	90,8	87,0	77,0	76,7	0	-12	-29
20% наиболее обеспеченных	124,7	105,3	108,9	107,5	91,0	91,5	+1	-14	-33
<i>Территории</i>									
Вологда	104,2	90,9	92,3	90,8	75,9	77,1	+1	-14	-27
Череповец	114,9	98,9	97,7	95,3	83,3	78,4	-5	-20	-36
Районы	102,3	84,4	85,3	81,7	74,2	77,5	+3	-7	-25
В среднем по Вологодской области	105,9	89,6	90,3	87,6	77,1	77,4	0	-12	-29
Общее количество положительных и отрицательных изменений в 14 группах и в целом по области							+1 / -1	0 / -15	0 / -15

* Индекс потребительских настроений рассчитывается исходя из ответов на вопросы:

1. Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи: оно лучше или хуже, чем было год назад? (варианты ответов: «лучше», «хуже»).
2. Если говорить о крупных покупках для дома, то, говоря в общем, как Вы считаете, сейчас хорошее или плохое время для того, чтобы покупать большинство таких товаров? (варианты ответов: «хорошее», «плохое»).
3. Как Вы считаете, через год Ваше материальное положение будет лучше, хуже или примерно таким же, как сейчас? (варианты ответов: «будет лучше», «будет хуже», «будет таким же»).
4. Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут для экономики страны хорошим временем или плохим или каким-либо еще? (варианты ответов: «хорошим», «плохим»).
5. Если говорить о следующих пяти годах, то будут ли они для экономики страны хорошим или плохим временем? (варианты ответов: «хорошим», «плохим»).

Для каждого вопроса рассчитываются частные индексы. Для этого из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой. Среднее арифметическое из частных индексов даёт совокупную величину – индекс потребительских настроений.

В 2007–2016 гг. индекс потребительских настроений (ИПН), отражающий динамику прогнозов населения относительно перспектив развития экономической ситуации в стране и своего личного материального положения, **существенно снизился в целом по области и во всех социально-демографических категориях населения (на 20–36 пунктов).**

В 2007 г. значение ИПН ниже 100 пунктов (что означает преобладание пессимистических суждений) отмечалось только среди людей старше 55 лет (96 п.) и 20% наименее обеспеченных жителей области (88 п.). **В 2015–2016 гг. индекс потребительских настроений был ниже 100 пунктов во всех социально-демографических категориях, включая 20% наиболее обеспеченных жителей области (91 п.). В 11 из 14 анализируемых групп ИПН «не дотягивал» даже до отметки в 80 пунктов.**

Вкладка 3

Доля людей, сталкивающихся с проблемой неуверенности
в завтрашнем дне (в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Изменение (+/-), 2016 к		
							2015	2011	2007
<i>Пол</i>									
Мужской	40,1	60,0	46,3	46,5	56,8	57,9	+1	-2	+18
Женский	48,5	62,8	51,7	49,6	53,1	62,6	+10	0	+14
<i>Возраст</i>									
До 30 лет	35,1	47,3	41,1	40,6	47,1	52,5	+5	+5	+17
30-55 лет	44,7	63,9	47,9	47,6	54,4	59,7	+5	-4	+15
Старше 55 лет	53,1	69,7	58,8	54,2	59,9	66,2	+6	-4	+13
<i>Образование</i>									
Н/среднее и среднее	41,2	66,5	53,6	55,2	63,6	60,5	-3	-6	+19
Среднее специальное	47,6	64,2	49,6	49,4	50,8	64,4	+14	0	+17
Н/высшее и высшее	45,4	54,2	44,2	40,0	49,2	56,3	+7	+2	+11
<i>Доходные группы</i>									
20% наименее обеспеченных	44,6	69,7	66,2	59,8	64,3	60,5	-4	-9	+16
60% среднеобеспеченных	47,7	63,3	50,1	48,0	57,6	59,6	+2	-4	+12
20% наиболее обеспеченных	39,2	50,0	35,3	29,5	39,4	59,3	+20	+9	+20
<i>Территории</i>									
Вологда	52,6	61,2	35,3	37,7	45,3	63,8	+19	+3	+11
Череповец	52,3	54,0	45,8	41,3	49,0	65,2	+16	+11	+13
Районы	37,5	65,5	57,9	57,7	63,0	55,9	-7	-10	+18
В среднем по Вологодской области	44,7	61,5	49,3	48,2	54,7	60,5	+6	-1	+16
Общее количество положительных и отрицательных изменений в 14 группах и в целом по области							+10 / -3	+4 / -6	+15 / 0

В целом по области и во всех слоях населения за период с 2007 по 2016 г. существенно увеличилась доля испытывающих неуверенность в завтрашнем дне (на 10–20 п.п.). В 11 из 14 социально-демографических групп рост числа людей, сталкивающихся с этой проблемой, отмечается **ежегодно на протяжении последних трех лет** (с 2014 по 2016 г.).

Если в 2007 г. в большинстве групп доля испытывающих неуверенность в будущем составляла 35–45%, то в 2016 г. во всех слоях их удельный вес составлял **от 56 до 66%**. Особенно часто с данной проблемой сталкиваются жители городов, а также люди старше 55 лет (64–66%). При этом, как показывают результаты опросов, высокий уровень благосостояния «не защищает» от ощущения страха перед будущим – **во всех доходных группах населения доля людей, испытывающих неуверенность в завтрашнем дне, составляет 60%**.

Динамика потенциала протеста (в % от числа опрошенных)*

Категория населения	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Изменение (+/-), 2016 к		
							2015	2011	2007
<i>Пол</i>									
Мужской	23,6	22,6	19,3	21,7	22,6	20,4	-3	-2	-3
Женский	18,3	17,5	15,7	16,6	19,9	18,5	-1	+1	0
<i>Возраст</i>									
До 30 лет	20,2	19,2	17,4	17,7	20,5	15,4	-6	-4	-5
30-55 лет	20,8	20,8	17,3	20,1	22,9	20,9	-2	0	0
Старше 55 лет	20,9	18,5	17,4	18,0	19,1	19,5	+1	+1	-1
<i>Образование</i>									
Н/среднее и среднее	20,5	20,5	17,3	21,4	20,9	20,7	0	0	0
Среднее специальное	21,1	19,6	18,2	17,9	20,7	18,9	-2	-1	-2
Н/высшее и высшее	20,4	19,1	16,5	17,2	21,8	18,2	-4	-1	-2
<i>Доходные группы</i>									
20% наименее обеспеченных	23,9	26,8	21,7	23,3	29,0	27,4	-2	+1	+4
60% среднеобеспеченных	21,2	19,0	16,4	19,1	20,9	18,9	-2	0	-2
20% наиболее обеспеченных	16,1	14,7	13,6	11,4	14,5	13,5	-1	-1	-3
<i>Территории</i>									
Вологда	21,4	21,6	20,3	20,2	25,6	21,4	-5	0	0
Череповец	20,3	19,7	17,6	22,7	24,7	21,6	-3	+2	+1
Районы	20,5	19,0	15,7	16,1	16,7	16,8	0	-2	-4
В среднем по Вологодской области	20,7	19,8	16,8	19,3	21,1	19,3	-2	-1	-1
Общее количество положительных и отрицательных изменений в 14 группах и в целом по области							0 / -5	0 / -1	+1 / -4

* Формулировка вопроса: «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?». Варианты ответов: «Подпишу обращение к властям», «Буду участвовать в забастовках, других акциях протеста», «Выйду на митинг, демонстрацию», «Если надо, возьму оружие, пойду на баррикады», «Ничего не буду делать», «Мои интересы достаточно защищены», «Затрудняюсь ответить».

Потенциал протеста составляют респонденты, выбравшие варианты ответов: «Выйду на митинг, демонстрацию»; «Буду участвовать в забастовках, акциях протеста»; «Если надо, возьму оружие, выйду на баррикады».

Доля людей, готовых принять участие в акциях протеста, в целом по области и во всех основных слоях населения сохраняется на стабильном уровне 18–20 п.п., что по оценкам некоторых экспертов (В.Л. Шейнис) является значительным показателем, **не позволяющим говорить о социальной стабильности в обществе.**

Относительно высоким протестным потенциалом (20 и более п.п.) характеризуются **мужчины, люди среднего возраста, со средним или неполным средним образованием, негативно оценивающие свой уровень дохода и проживающие на городских территориях.** На протяжении всех лет измерений чаще всего готовность принять участие в акциях протеста проявляли жители области, которые по самооценке собственных доходов относятся к категории 20% наименее обеспеченных. **Это самый важный фактор формирования протестных настроений.**

Следует также отметить, что во всех социально-демографических категориях населения преобладают пессимистические прогнозы о будущем как российской экономики, так и своего личного материального положения (вкладка 2).

Негативное восприятие экономической ситуации и ощущение ее бесперспективности накладывает отпечаток на психологическое состояние общества: во всех социальных слоях более 50% населения отмечают, что сталкиваются с проблемой неуверенности в завтрашнем дне, при этом доля разделяющих это мнение в последние три года увеличивается (в 2014 г. — 48%, в 2015 г. — 55%, в 2016 г. — 61%; вкладка 3).

Тощенко Ж.Т.: «Общественное сознание во все большей мере становится показателем противоречивых и парадоксальных изменений во всех сферах общественной жизни: социологический анализ свидетельствует, что они отражают глубинные сдвиги в социально-экономической и социально-политической жизни после распада СССР, которые разорвали поступательное развитие государства и общества...**травмированность и антиномичность сознания стали характерными чертами общественного сознания всего населения постсоветской России**»¹³.

Вышеперечисленные тенденции пока что не приводят к росту протестных настроений, однако говорить о социальной стабильности в стране также не представляется возможным.

¹³ Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. — С. 14-15.

Как показывают результаты социологических опросов, уровень протестного потенциала на протяжении последних трех лет составляет 19–20% (вкладка 4). При этом в год столетия революции 1917 г. нельзя не вспомнить предостережение экспертов о том, что **«переломные исторические повороты совершаются, как правило, не всем обществом и даже не его большинством. Бурные события нередко начинали разворачиваться, когда не большинство населения, а критическая масса (достигавшая вначале 5, 10, много — 20%) решала, что так жить нельзя, возбуждала ожидание реформ и подталкивала к ним власть. Но крутые перемены не бывают безболезненными и их одобрение — всеобщим и безусловным...С нерешенными проблемами народы могут жить долго. Но мир меняется на глазах, и отставание России теперь уже по отношению к некоторым успешным странам бывшего третьего мира становится все более угрожающим и труднопреодолимым»**¹⁴.

Кроме того, неудовлетворенность общества динамикой уровня и качества жизни в стране постепенно отражается и на оценке деятельности Правительства. Так, в 2011 г. уровень одобрения деятельности Председателя кабинета министров составлял 59%, в 2015 г. — 58%, в 2016 г. — 52%, в феврале 2017 г. — 50%.

Таким образом, анализируя положение дел в стране накануне четвертого 6-летнего президентского срока В. Путина, мы можем прийти к выводу о том, что стагнация российской экономики, являющаяся на сегодняшний день ключевой угрозой

¹⁴ Шейнис В.Л. Исторический транзит: российская драма [Эл. рес.] // Независимая газета. — 2017. — 27 янв. — Реж. дост.: http://www.ng.ru/ideas/2017-01-27/5_6914_drama.html

для России как участника геополитической конкуренции, напрямую связана с неэффективностью экономического блока правительства Медведева, ответственного за проведение внутренней экономической политики. Не имея возможности противостоять курсу внешней политики Президента РФ, глобальные политические игроки пытаются ослабить позиции России изнутри, используя для этого либерально-демократическую направленность кабинета министров.

Пока что, к сожалению, можно констатировать, что прогнозы некоторых экспертов, данные после победы В. Путина на президентских выборах 4 марта 2012 г., оправдываются: *«Победа В.В. Путина и тех, кто его поддержал, будет выхолощена или украдена...есть ощущение, что всё так и будет продолжаться. Что порой кажется: Путин поддаётся давлению проигравшей стороны»*¹⁵.

В феврале 2012 г., ровно за месяц до президентских выборов, после которых начался третий президентский срок В. Путина, наши рассуждения о перспективах развития России заканчивались следующим выводом: «Сумеет ли «новый» В.В. Путин перевести страну (и себя в первую очередь) на новый уровень управления социальными и политическими процессами, о чем говорилось в предвыборных выступлениях, статьях, которым большинство избирателей поверили. Судить об этом можно будет по реальным шагам уже в первый год третьего срока пребывания В.В. Путина на посту Президента РФ»¹⁶.

¹⁵ Затулин К. Как не дать украсть плоды победы // Московский комсомолец. — 2012. — 22 марта.

¹⁶ Ильин, В.А. К итогам политического цикла // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2012. — № 1. — С. 13.

Спустя 5 лет мы вынуждены вновь констатировать это утверждение и говорить о том, что 12 месяцев, оставшихся до главных выборов в стране, будут во многом определяющими с точки зрения ответа на вопрос: какой след оставит В. Путин в истории России? Удастся ли ему добиться столь же эффективных результатов во внутренней экономической политике, каких он достиг, укрепляя суверенитет нашей страны на международной арене в течение последних 16 лет? Или борьба патриотически настроенной части властвующей элиты за национальные интересы вновь будет проиграна либерально-демократическим силам, всё ещё занимающим значительное место в системе государственного управления?

Противостояние патриотов и либералов во власти далеко не окончено и не разрешено и по мере стабилизации ситуации на международной политической арене внимание Президента всё больше переключается на внутренние дела страны: в 2015 г. В. Путин подписал Стратегию национальной безопасности, в которой принял на себя личную ответственность за решение ключевых вопросов национальной безопасности, в 2016 г. был арестован и отстранен от дел министр экономического развития, в конце 2016 г. — прозвучало Послание Федеральному Собранию РФ, также посвященное преимущественно делам внутренней политики. В начале 2017 г. произошел ряд кадровых перестановок в губернаторском корпусе: в феврале свои посты покинули главы республик Бурятия и Карелия, а также Новгородской, Рязанской и Пермской областей. Эксперты отмечают, что таким образом **Президент «укрепляет государственную дисциплину**

на местах, после чего сможет начать ”перетряхивание” кадров на правительственном этаже российской власти»¹⁷. При этом сам В. Путин остается «единственным модератором отношений в элите. Без Путина сохранить мирный характер перехода к новой власти, к новым лидерам невозможно; конфликтующие между собой группировки не могут позволить лишиться Путина как арбитра»¹⁸.

Однако пока «пятая колонна» в системе государственного управления России существует, угроза ее использования геополитическими противниками с целью разрушения нашей страны сохраняется. Именно поэтому выборы Президента, которые пройдут в следующем году, так важны для российского общества: **в социуме, ощущающем бесперспективность своего материального положения и неспособность действующего правительства справиться с проблемами в экономике, растет надежда на главу государства, обладающего, по сути, монопольной властью, которая находится над законом и вне Конституции.** Эксперты отмечают, что «русская власть в том виде, в каком она возникла в середине XVI века и дожила до наших дней, — власть **надзаконная, экстралегальная.** Даже нынешняя, постсоветская, ослабленная как внутренними, так и внешними факторами власть сохраняет родовые черты. При этом власть концентрируется в Администрации Президента — органе, о котором ничего не говорится в Конституции РФ. В результате

¹⁷ Стариков Н.В. Что стоит за чередой отставок губернаторов // Официальный блог Н. Старикова. — Режим доступа: <https://nstarikov.ru/blog/75270>

¹⁸ Интервью Ремчукова К.В. на радио «Эхо Москвы» в программе «Особое мнение» (эфир от 26.12.2016) // Официальный сайт радиостанции «Эхо Москвы». — Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1898516-echo/>

мы имеем ситуацию, когда технический, не прописанный в Конституции, а следовательно, **вне- и надконституциональный орган** является главной властной структурой страны»¹⁹.

За год до четвертого президентского срока В. Путиным создан фундамент для проведения решительных мер в борьбе патриотических сил с частными интересами либеральной элиты, поразившими систему государственного управления. Эксперты отмечают, что «только полная смена правящего слоя может спасти Россию. И это обязана сделать сама Верховная власть, потому что ”революция снизу” в нынешних условиях неминуемо приведёт к расчленению, а затем — и ко внешней оккупации страны»²⁰.

Дальнейшая реализация ожиданий населения будет зависеть от последовательных и стратегически выверенных шагов Президента в направлении национализации элит, от четкого понимания того, что **«наши проблемы во всех сферах жизни — в экономике, в образовании, в здравоохранении и во внешней политике — во многом связаны с тем, что наше политическое руководство (и высшее, и среднее звено), чиновники разного уровня исповедуют двоемыслие, они сидят на двух стульях. Проводить политику, сидячи на двух стульях, нельзя. Рано или поздно эти стулья раздвинутся и можно грохнуться так, что костей не соберешь. И пока у нас с одной стороны есть некая патриотическая риторика, а с другой стороны проводится**

¹⁹ Фурсов А.И. Вопросы борьбы в русской истории. Логика намерений и логика обстоятельств. — М.: Книжный мир, 2016. — С. 139.

²⁰ Карпец В. Истоки и корни «пятой колонны» [Эл. рес.] // Газета «Завтра». — 2017. — 2 февр. — Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/istoki_i_korni_pyatoy_kolonni

совершенно откровенный антипатриотический курс, то мы, конечно, далеко не уедем. Поэтому рано или поздно подобного рода вещи поставят перед нашим руководством эту дилемму: делать этот выбор (может быть, метафизический выбор) — каким же путем все-таки должна двигаться сегодняшняя страна?»²¹

«Фундаментальные основы, на которых стоит наша страна, имеют настолько глубокие и настолько прочные корни, что её замечательное, прекрасное будущее неизбежно!» — отметил В. Путин на одном из мероприятий, посвященных Дню российской науки, в феврале 2017 года²². Объективно за годы своей деятельности в должности Президента и Председателя Правительства В. Путиным была проведена огромная работа по укреплению международного статуса России, защите национальных интересов и национальной безопасности государства. В не меньшей степени его заслуга состоит и в том, что силам «коллективного Запада» пока не удается разрушить страну изнутри, посредством «пятой колонны» в системе государственного управления.

Однако для того, чтобы оптимизм главы государства прочувствовали широкие слои населения (собственно те люди, которые придут на выборы в марте 2018 г.), требуется нечто большее: требуются ощутимые сдвиги в решении наиболее острых вопросов социальной справедливости, потребность в которой уже много лет не ослабевает в общественном сознании россиян.

²¹ Спицын Е.Ю. Лекция в «Политкафе» (Москва, 27 декабря 2016 г.) // Официальный блог Н. Старикова. — Режим доступа: <https://nstarikov.ru/blog/73788>

²² Стенограмма выступления В.В. Путина на церемонии вручения премии Президента в области науки и инноваций для молодых учёных за 2016 год (8 февраля 2017 г.) // Официальный сайт Президента РФ. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53837>

Оценивая текущее состояние российского общества и государства, большинство экспертов считают важнейшей характеристикой современного состояния — моносубъектность. Единственными факторами развития признаются Президент России и его окружение, к числу которых относятся «силовики» и государственные СМИ. При этом эксперты транслируют это состояние и в обозримое будущее, не видя других серьезных и ресурсно-обеспеченных субъектов, способных значимо повлиять на развитие ситуации в стране.

Общий вывод относительно наиболее вероятного будущего российского общества можно выразить одной фразой — «оно в тумане»²³. Трудно не согласиться с такой экспертной оценкой настоящего и будущего российского общества с учетом неэффективной для значительной части населения экономической и социальной политики, проводимой правящими элитами и приводящей к снижению уровня и качества жизни в результате реформ в образовании, здравоохранении, ЖКХ. Социологические замеры показывают, что российские граждане очень обеспокоены осуществляемыми в стране внутренними реформами и своим туманным будущим.

Президент Путин, как национальный лидер, фактически обладающий конституционным большинством в Федеральном Собрании, имеет все возможности для того, чтобы задать ясный и понятный всем вектор движения из этого вязкого, обволакивающего либерального «тумана».

²³ Российское общество и вызовы времени. Кн. 4 / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. — М.: Весь Мир, 2016. — С. 345.

Литература

1. Балацкий, Е.В. Предпосылки глобальной геополитической инверсии / Е.В. Балацкий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – №2(32). – С. 43.
2. Ильин, В.А. К итогам политического цикла / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 1. – С. 13.
3. Ильин, В.А. Эффективность государственного управления и накапливающиеся проблемы социального здоровья / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 6(42). – С. 15.
4. Качество и успешность государственных политик и управления. Серия «Политическая аксиология» / В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян, И.Б. Орлов, С.М. Строганова. – М.: Научный эксперт, 2012. – С. 12.
5. Полтерович, В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) / В.М. Полтерович // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 5(47). – С. 35.
6. Путин, В.В. О наших экономических задачах [Электронный ресурс] / В.В. Путин // Российская газета. – 2012. – 30 янв. – Режим доступа: <https://rg.ru/2012/01/30/putin-ekonomika.html>
7. Путин, В.В. Россия на рубеже тысячелетий / В.В. Путин // Российская газета. – 1999. – 30 декабря.
8. Путин, В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить [Электронный ресурс] / В.В. Путин // Российская газета. – 2012. – 16 янв. – Режим доступа: <https://rg.ru/2012/01/16/statya.html>
9. Российское общество и вызовы времени. Кн. 4 / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. – М.: Весь Мир, 2016.
10. Спицын, Е.Ю. Лекция в «Политкафе» (Москва, 27 декабря 2016 г.) [Электронный ресурс] / Е.Ю. Спицын // Официальный блог Н. Старикова. – Режим доступа: <https://nstarikov.ru/blog/73788>
11. Стенограмма выступления В.В. Путина на пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке 28 сентября 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385>
12. Стенограмма выступления В.В. Путина на церемонии вручения премии Президента в области науки и инноваций для молодых учёных за 2016 год (8 февраля 2017 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53837>
13. Тощенко, Ж.Т. Фантомы российского общества / Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – С. 14-15.
14. Фурсов, А.И. Вопросы борьбы в русской истории. Логика намерений и логика обстоятельств / А.И. Фурсов. – М.: Книжный мир, 2016. – С. 139.

Сведения об авторе

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ilin@vscc.ac.ru)

Ilyin V.A.

One Year Left before the Fourth Presidential Term

References

1. Balatskii E.V. Predposylki global'noi geopoliticheskoi inverzii [Prerequisites for Global Geopolitical Inversion]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 2 (32), p. 43. (In Russian)

2. Il'in V.A. K itogam politicheskogo tsikla [To the Political Cycle Results]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2012, no. 1, p. 13. (In Russian)
3. Il'in V.A. Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya i nakaplivayushchiesya problemy sotsial'nogo zdorov'ya [Public Administration Efficiency and the Aggravation of Public Health Issues]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2015, no. 6 (42), p. 15. (In Russian)
4. Yakunin V.I., Sulakshin S.S., Bagdasaryan V.E., Orlov I.B., Stroganova S.M. *Kachestvo i uspehnost' gosudarstvennykh politik i upravleniya. Seriya «Politicheskaya aksiologiya»* [Quality and Successfulness of Public Administration. Series "Political Axiology"]. Moscow: Nauchnyi ekspert, 2012. P. 12. (In Russian)
5. Polterovich V.M. Instituty dogonyayushchego razvitiya (k proektu novoi modeli ekonomicheskogo razvitiya Rossii) [Institutions of Catching-up Development (On the Project of a New Model for Economic Development of Russia)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2016, no. 5 (47), p. 35. (In Russian)
6. Putin V.V. O nashikh ekonomicheskikh zadachakh [On our Economic Tasks]. *Rossiiskaya gazeta* [The Russian Newspaper], 2012, January 30. Available at: <https://rg.ru/2012/01/30/putin-ekonomika.html> (In Russian)
7. Putin V.V. Rossiya na rubezhe tysyacheletii [Russia at the Turn of Centuries]. *Rossiiskaya gazeta* [The Russian Newspaper], 1999, December 30. (In Russian)
8. Putin V.V. Rossiya sosredotachivaetsya – vyzovy, na kotorye my dolzhny otvetit' [Russia is Concentrating – the Challenges We Must Answer]. *Rossiiskaya gazeta* [The Russian Newspaper], 2012, January 16. Available at: <https://rg.ru/2012/01/16/statya.html> (In Russian)
9. Gorshkov M.K., Petukhov V.V. *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kn. 4* [Russian Society and the Challenges of Time. Book Four]. Moscow: Ves' Mir, 2016. (In Russian)
10. Spitsyn E.Yu. Lektsiya v «Politkafe» (Moskva, 27 dekabrya 2016 g.) [A Lecture at the "Poticafe" (Moscow, December 27, 2016)]. *Ofitsial'nyi blog N. Starikova* [Official Blog of N. Starikov]. Available at: <https://nstarikov.ru/blog/73788> (In Russian)
11. Stenogramma vystupleniya V.V. Putina na plenarnom zasedanii yubileinoi, 70-i sessii General'noi Assamblei OON v N'yu-Iorke 28 sentyabrya 2015 g. [Transcript of Vladimir Putin's Speech at the Plenary Meeting of the 70th Session of The UN General Assembly in New York on September 28, 2015]. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta RF* [Official Website of the RF President]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385>
12. Stenogramma vystupleniya V.V. Putina na tseremonii vrucheniya premii Prezidenta v oblasti nauki i innovatsii dlya molodykh uchenykh za 2016 god (8 fevralya 2017 g.) [Transcript of Vladimir Putin's Speech at the Ceremony of the Delivery of Presidential Prizes in Science and Innovation for Young Scientists for 2016 (February 08, 2017)]. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta RF* [Official Website of the RF President]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53837>
13. Toshchenko Zh.T. *Fantomy rossiiskogo obshchestva* [Phantoms of the Russian Society]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2015. Pp. 14–15. (In Russian)
14. Fursov A.I. *Voprosy bor'by v russkoi istorii. Logika namerenii i logika obstoyatel'stv* [Issues of Fight in Russian History. The Logic of Intentions and of Circumstances]. Moscow: Knizhnyi mir, 2016. P. 139. (In Russian)

Information about the Author

Vladimir Aleksandrovich Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, ilin@vscc.ac.ru)

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в декабре 2016 – феврале 2017 г., а также в среднем за последние 6 опросов (апрель 2016 – февраль 2017 г.). Дается сопоставление их с данными за 2007-й (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности) и 2011 г. (последний год президентства Д.А. Медведева). С 2013 г. представлена годовая динамика данных.

Оценка деятельности власти

В декабре 2016 – феврале 2017 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился (67%). Поддержка главы государства остается стабильной на протяжении всего 2016 г. и в начале 2017 г.

Оценка деятельности Председателя Правительства РФ за последние два месяца также не изменилась: доля позитивных суждений составляет 50%. Это ниже, чем в 2014–2016 гг. (52–58%). В среднем за последние 6 опросов уровень одобрения деятельности Председателя Правительства снизился на 7 п.п. (с 58 до 51%), по сравнению с 2011 г. – на 8 п.п. (с 59 до 51%).

Для справки: в целом по стране уровень одобрения деятельности Президента РФ остается стабильным. В декабре 2016 – январе 2017 г. по данным ВЦИОМ он составил 85–86% (доля негативных оценок – 9–10%); по данным Левада-Центра – 84–85% (удельный вес отрицательных суждений – 14–15%). Доля положительных оценок деятельности Председателя Правительства по данным ВЦИОМ незначительно уменьшилась (на 3 п.п., с 61% в декабре 2016 г. до 58% за первую половину февраля 2017 г.).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..?
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
														2015	2011	2007
Президент РФ																
Одобрю	75,3	58,7	55,3	64,1	69,1	67,8	66,9	67,4	68,7	68,4	67,3	65,7	67,4	-2	+9	-8
Не одобряю	11,5	25,6	29,4	22,3	17,5	18,8	17,9	20,1	19,6	19,7	19,3	21,1	19,6	+2	-6	+8
Председатель Правительства РФ*																
Одобрю	-*	59,3	48,9	54,2	58,1	52,3	53,5	52,8	52,7	49,4	50,4	50,4	51,5	-7	-8	-
Не одобряю	-	24,7	32,8	27,6	21,7	27,6	25,7	28,6	27,7	30,6	30,1	29,8	28,8	+7	+4	-
Губернатор																
Одобрю	55,8	45,7	44,4	40,1	39,3	37,7	34,9	38,2	38,4	39,1	40,2	38,9	38,3	-1	-7	-18
Не одобряю	22,2	30,5	33,2	38,9	36,2	39,3	39,6	40,3	40,0	39,3	38,5	37,8	39,3	+3	+9	+17
* Вопрос задается с 2008 г.																

С декабря 2016 по февраль 2017 г. незначительно улучшилась оценка деятельности Президента РФ по укреплению международных позиций России (на 3 п.п., с 52 до 55%, что является наиболее высоким показателем за последние 6 опросов) и защите демократии и укреплению свобод граждан (на 3 п.п., с 36 до 39%).

Оценка деятельности главы государства по наведению порядка в стране в декабре 2016 – феврале 2017 г. существенно не изменилась: успешной ее считают 50% населения, неуспешной – 37%.

На стабильном и низком уровне остается мнение людей об успешности решения Президентом задачи подъема экономики и роста благосостояния граждан: доля положительных суждений составляет 26–27%, отрицательных – 59–61%.

Следует отметить, что в среднем за последние 6 опросов, по сравнению с 2011 г., улучшилась оценка деятельности главы государства по решению всех ключевых задач (на 4–13 п.п.), кроме подъема экономики и роста благосостояния населения (доля положительных оценок снизилась на 4 п.п., с 31 до 27%).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..? *
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
														2015	2011	2007
Укрепление международных позиций России																
Успешно	58,4	46,2	45,7	50,4	51,7	51,2	50,7	52,2	50,1	51,4	51,9	54,5	51,8	0	+6	-7
Не успешно	24,9	33,7	36,2	32,4	31,3	29,9	30,9	29,0	30,3	28,8	31,1	26,5	29,4	-2	-4	+5
<i>Индекс успешности</i>	<i>133,5</i>	<i>112,5</i>	<i>109,5</i>	<i>118,0</i>	<i>120,4</i>	<i>121,3</i>	<i>119,8</i>	<i>123,2</i>	<i>119,8</i>	<i>122,6</i>	<i>120,8</i>	<i>128,0</i>	<i>122,4</i>	<i>+2</i>	<i>+10</i>	<i>-11</i>
Наведение порядка в стране																
Успешно	53,2	36,6	39,4	48,0	50,2	49,2	48,1	49,7	50,0	49,7	50,2	49,5	49,5	-1	+13	-4
Не успешно	34,0	50,0	47,5	39,1	37,9	36,7	38,2	37,5	35,1	35,6	36,7	36,8	36,7	-1	-13	+3
<i>Индекс успешности</i>	<i>119,2</i>	<i>86,6</i>	<i>91,9</i>	<i>108,9</i>	<i>112,3</i>	<i>112,6</i>	<i>109,9</i>	<i>112,2</i>	<i>115,4</i>	<i>114,1</i>	<i>113,5</i>	<i>112,7</i>	<i>113,0</i>	<i>+1</i>	<i>+26</i>	<i>-6</i>
Защита демократии и укрепление свобод граждан																
Успешно	44,4	32,4	31,8	37,5	40,4	36,6	35,6	38,3	36,7	35,7	36,2	38,6	36,9	-4	+4	-8
Не успешно	37,0	48,3	51,0	45,4	41,5	44,3	45,3	42,2	45,0	44,7	44,3	41,3	43,8	+2	-4	+7
<i>Индекс успешности</i>	<i>107,4</i>	<i>84,1</i>	<i>80,8</i>	<i>92,1</i>	<i>99,0</i>	<i>92,3</i>	<i>90,3</i>	<i>96,1</i>	<i>91,7</i>	<i>91,0</i>	<i>91,9</i>	<i>97,3</i>	<i>93,1</i>	<i>-6</i>	<i>+9</i>	<i>-14</i>
Подъём экономики, рост благосостояния граждан																
Успешно	47,2	30,7	31,3	34,8	34,2	27,2	27,6	27,5	26,7	26,4	27,2	26,1	26,9	-7	-4	-20
Не успешно	39,1	56,1	56,8	53,4	52,3	59,4	57,9	59,1	60,4	60,9	61,1	59,1	59,8	+7	+4	+21
<i>Индекс успешности</i>	<i>108,1</i>	<i>74,6</i>	<i>74,5</i>	<i>81,4</i>	<i>81,8</i>	<i>67,8</i>	<i>69,7</i>	<i>68,4</i>	<i>66,3</i>	<i>65,5</i>	<i>66,1</i>	<i>67,0</i>	<i>67,2</i>	<i>-15</i>	<i>-7</i>	<i>-41</i>

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2016 г.

В структуре партийно-политических предпочтений населения за последние два месяца существенных изменений не произошло. Уровень поддержки «Единой России» составляет 34–35% (что ниже, чем в 2015 г. – 39%), КПРФ – 7%, «Справедливой России» – 4%.

В начале 2017 г. заметно снизился уровень поддержки ЛДПР (на 4 п.п., с 14 до 10%), хотя он остается более высоким, чем в 2015 г. (6%).

Также следует отметить, что в декабре 2016 – феврале 2017 г. возрос удельный вес людей, затрудняющихся с выбором той или иной политической партии, отражающей их интересы (на 6 п.п., с 8 до 14%), что может свидетельствовать о росте незаинтересованности или неинформированности населения о политической ситуации в стране.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партии	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт		2011		Выборы в ГД РФ 2011 г., факт		2013	2014	2015	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт		Апр. 2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
		2015	2011	2007																			
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	32,8	38,8	35,4	38,0	34,1	36,0	36,5	36,3	34,5	33,9	35,2	-4	+4	+5				
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	7,6	6,2	10,4	21,9	8,2	10,3	10,5	12,8	13,9	10,2	11,0	+5	+3	+3				
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	9,7	7,1	8,3	14,2	7,2	8,0	7,5	9,0	8,7	7,2	7,9	+1	-2	+1				
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	3,5	3,6	4,2	10,8	2,7	4,0	4,7	6,1	4,9	4,3	4,5	+1	-1	-3				
Другая	1,8	-	1,9	-	0,6	0,3	0,2	0,3	-	0,2	0,3	0,4	0,3	0,3	0,1	0,3	0	-2	-2				
Никакая	17,8	-	29,4	-	34,9	34,4	31,8	29,4	-	34,9	29,7	26,1	23,7	30,1	30,7	29,2	-3	0	+11				
Затрудняюсь ответить	21,2	-	13,2	-	10,2	11,7	12,2	12,0	-	12,7	11,7	14,3	11,8	7,7	13,6	12,0	0	-1	-9				

За последние два месяца незначительно ухудшились оценки социального самочувствия. Доля людей, положительно характеризующих свое настроение, уменьшилась на 3 п.п. (с 70 до 67%). Удельный вес тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», снизился с 81 до 78% (также на 3 п.п.).

В динамике социальной самоидентификации существенных изменений за последние два месяца не произошло: доля считающих себя «людьми среднего достатка» составляет 43%, удельный вес «бедных и нищих» – 47%, что выше, чем в 2007 (42%) и 2011 гг. (44%).

За период с декабря 2016 по февраль 2017 г. незначительно возрос индекс потребительских настроений (на 3 пункта, с 79 до 82 п.), хотя его значение по-прежнему остается менее 100 пунктов, что означает преобладание пессимистических прогнозов населения относительно динамики развития экономической ситуации и своего личного материального положения.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
											2015	2011		2007		
Настроение																
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	68,0	67,0	68,0	68,8	70,2	70,4	67,2	68,6	0	+5	+5
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	26,2	24,9	25,9	26,2	25,4	26,7	25,8	24,3	26,1	28,5	26,1	0	-3	-2
Запас терпения																
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	80,8	78,4	78,0	77,5	78,2	78,3	79,5	81,1	78,2	78,8	0	+4	+5
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	14,2	12,6	14,5	15,6	16,4	15,7	15,5	14,9	14,9	16,1	15,6	+1	0	+2
Социальная самоидентификация*																
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,9	43,2	38,7	42,1	40,9	42,8	43,2	42,3	43,7	42,5	42,6	+4	-1	-6
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	46,9	49,1	50,7	49,0	49,4	47,1	49,5	48,9	47,4	47,2	48,3	-2	+4	+6
Индекс потребительских настроений																
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	90,3	87,6	77,1	77,7	74,4	77,3	79,4	80,8	79,4	82,0	78,9	+2	-11	-27

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

За последние два месяца в большинстве (в 8 из 14) социально-демографических категорий населения оценки социального настроения ухудшились. Доля положительных оценок эмоционального состояния особенно уменьшилась среди людей в возрасте до 30 лет (на 10 п.п., с 81 до 71%), а также среди тех, кто по самооценке доходов относится к 20% наименее обеспеченных слоев населения (на 13 п.п., с 58 до 45%).

Тем не менее в целом по области доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное», пока еще соответствует среднегодовому уровню 2013–2016 гг. (68–69%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Апр. 2016	Июнь 2016	Авг. 2016	Окт. 2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2015	2011	2007
Пол																
Мужской	65,9	64,5	69,9	68,9	69,5	68,8	66,5	70,0	67,3	71,6	73,3	66,9	69,3	0	+5	+3
Женский	61,7	62,0	67,5	69,8	68,0	67,4	67,5	66,5	70,0	69,0	68,1	67,4	68,1	0	+6	+6
Возраст																
До 30 лет	71,3	70,0	75,5	75,1	77,1	76,4	75,4	81,2	74,5	76,3	80,8	70,9	76,5	-1	+7	+5
30-55 лет	64,8	62,5	69,2	69,5	67,2	67,4	66,0	68,3	67,1	68,9	71,8	66,7	68,1	+1	+6	+3
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,4	65,4	65,5	64,0	63,7	59,8	67,7	68,3	62,8	65,8	64,7	-1	+6	+10
Образование																
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	60,6	62,5	63,6	62,1	62,4	62,9	61,7	64,7	62,8	61,4	62,7	-1	+5	+4
Среднее специальное	64,6	63,6	68,1	70,4	70,1	68,4	67,3	69,3	68,5	72,1	72,7	67,7	69,6	-1	+6	+5
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,4	76,2	72,7	74,3	71,5	73,3	76,8	74,6	76,9	73,1	74,4	+2	+6	+6
Доходные группы																
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	46,2	50,8	51,8	52,5	51,3	52,0	56,3	55,5	57,5	44,6	52,9	+1	+8	+1
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	71,9	72,3	71,0	69,4	67,6	69,3	70,4	71,8	70,7	70,8	70,1	-1	+5	+7
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	83,3	84,8	82,0	80,9	81,0	85,2	78,5	79,3	83,5	86,3	82,3	0	+7	+7
Территории																
Вологда	63,1	67,1	75,0	76,4	73,9	69,9	69,1	71,5	69,2	71,0	73,6	67,9	70,4	-4	+3	+7
Череповец	68,1	71,2	75,3	76,3	70,6	71,7	70,5	72,5	74,0	72,7	74,0	73,7	72,9	+2	+2	+5
Районы	61,6	57,1	61,6	61,8	64,6	64,8	63,9	63,7	65,7	68,1	66,6	63,1	65,2	+1	+8	+4
Область	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	68,0	67,1	68,1	68,8	70,1	70,4	67,2	68,6	0	+6	+5

Заключение

Результаты социологического опроса, проведенного в начале 2017 г., свидетельствуют о сохранении в обществе тревожных настроений по поводу динамики экономической ситуации и уровня жизни. В то время как оценка деятельности Президента по укреплению международных позиций России улучшилась (доля положительных суждений возросла с 52 до 55%), в динамике общественного мнения об успешности действий главы государства по укреплению материального положения населения существенных изменений не происходит: как и в 2016 г., лишь 26–27% жителей области полагают, что эта проблема решается успешно. При этом доля людей, считающих себя «бедными и нищими», с 2013 г. является

более высокой, чем удельный вес людей «среднего достатка» (примерно на 5 п.п.). В начале 2017 г. отмечается существенное ухудшение социального настроения среди наименее обеспеченных жителей области (доля положительных характеристик уменьшилась на 13 п.п., с 58 до 45%).

Многолетний характер неудовлетворенности населения динамикой материального положения постепенно отражается на оценке деятельности органов власти. Прежде всего, Правительства РФ, ответственного за курс внутренней социально-экономической политики. Так, в 2011 г. уровень одобрения деятельности Председателя Правительства составлял 59%, в 2015 г. – 58%, в 2016 г. – 52%, в феврале 2017 г. – 50%.

Оценка деятельности Президента РФ остается в целом стабильной (уровень поддержки составляет 66–68%), однако после «крымской весны» 2014 года существенных позитивных тенденций в динамике общественного мнения о работе главы государства пока не наблюдается.

Среди заметных изменений начала 2017 г. следует выделить снижение показателей социального самочувствия: на 3 п.п. уменьшилась доля людей, позитивно характеризующих свое настроение (с 70 до 67%), снизился запас терпения (доля считающих, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть»), уменьшилась с 81 до 78%). Пока что нельзя сказать, связаны ли эти изменения с сезонным фактором (климатические условия зимних месяцев, окончание новогодних каникул, проблемы ЖКХ, низкий размер заработной платы в начале года) или со временем они примут характер тенденции.

В конце 2016 г. в своем Послании к Федеральному Собранию Президент РФ отметил: «Стабилизация не означает автоматического перехода к устойчивому подъёму. Если мы не решим базовые проблемы российской экономики, не запустим в полную силу новые факторы роста, то на годы можем зависнуть возле нулевой отметки. Такого мы себе позволить не можем... Прошу Правительство проработать вопросы совершенствования механизмов обеспечения устойчивого бюджета и государственных финансов, исполнения всех наших обязательств вне зависимости от внешних факторов, включая цены на углеводороды»².

Тем не менее проект бюджета, который был разработан Правительством и принят Государственной Думой в декабре 2016 г., многие эксперты (С.Ю. Глазьев, Б.Ю. Титов, С.А. Глотов, Н.В. Стариков) называют бюджетом стагнации и застоя, не соответствующим ни ключевым задачам обеспечения национальной безопасности, ни ожиданиям широких слоев населения.

В этих условиях сохраняются опасения относительно дальнейшей динамики общественного мнения. Отсутствие ощутимых изменений в уровне и качестве жизни может существенно обострить социальную обстановку в стране, что недопустимо в преддверии выборов Президента РФ, назначенных на март 2018 г.

---

² Стенограмма Послания Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию 1 декабря 2016 г. // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.2

О перспективах социально-экономического развития Вологодской области

Интервью с заместителем Губернатора Вологодской области
А.В. Кожевниковым

**Алексей Викторович
КОЖЕВНИКОВ**
Правительство Вологодской области
Россия, г. Вологда, ул. Герцена, д. 2
pr_kozhevnikov@gov35.ru

Одним из базовых условий устойчивого развития территорий в долгосрочной перспективе является наличие системы стратегического планирования. Согласно Федеральному закону от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» стратегические планы развития субъектов РФ представляют неотъемлемый элемент стратегического планирования в стране. В последние годы в регионах активно разрабатывались соответствующие документы. Не стала исключением и Вологодская область, где Стратегия социально-экономического развития на период до 2030 г. была утверждена в октябре 2016 г. О ключевых моментах Стратегии и перспективах развития региона мы побеседовали с заместителем Губернатора области, курирующим вопросы стратегического планирования и социально-экономического развития, Алексеем Викторовичем Кожевниковым.

Для цитирования: О перспективах социально-экономического развития Вологодской области. Интервью с А.В. Кожевниковым // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 32-40. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.2

For citation: About the Socio-Economic Development Prospects in the Vologda Oblast. Interview with A.V. Kozhevnikov. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 32-40. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.2

— **Алексей Викторович, Вы принимали активное участие в разработке Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года. Главная цель, определенная в документе, заключается в «создании условий для сохранения демографического потенциала и накопления человеческого капитала за счет конкурентоспособности экономики области и формирования пространства развития». Насколько эта цель, на Ваш взгляд, реалистична?**

— Вне всяких сомнений — такая цель достижима, а реализация поставленных задач региону по силам. Для достижения цели упор делается на основные приоритеты: сохранение народонаселения (демография), человеческий капитал, создание конкурентоспособной экономики будущего (экономики высоких технологий), сбалансированное пространственное развитие территории, эффективное государственное и муниципальное управление, экологическое благополучие.

— **Почему именно демографический аспект положен в качестве основы будущего благополучия региона?**

— Анализ источников долгосрочного экономического роста различных стран показывает, что территории с растущим населением, структура которого отличается повышенной долей лиц трудоспособного возраста, как правило, имеют более высокие темпы развития экономики, динамики внутреннего продукта. Человек, народонаселение, сохранение нации — это главные слагаемые устойчивого социально-экономического развития.

Жители территории формируют внутренний спрос на продукцию и услуги, являются генераторами новых знаний и инновационных разработок. В конечном итоге население территории обеспечивает ее стратегическую конкурентоспособность. По нашему убеждению, внешние

вызовы и угрозы могут быть преодолены только при растущей численности населения.

Существует устойчивая прямая зависимость между экономическим ростом (определяемым ростом ВВП) и динамикой численности населения. На основе изучения показателей выборки стран с наибольшим размером экономики (изучены 37 стран с открытыми статистическими данными) получены результаты о прямой зависимости между среднегодовым приростом ВВП и среднегодовой динамикой численности населения. Причем рост численности населения на 1% в год обуславливал рост объемов ВВП в долгосрочном тренде на 1,9%.

Анализируя источники экономического роста отдельных стран мира, можно утверждать, что он обеспечивается, в первую очередь, увеличением расходов на конечное потребление (ростом конечного потребительского спроса). Растущая популяция формирует более высокий объем внутреннего спроса на гражданскую продукцию.

Еще одним фактором, определяющим повышенные темпы роста в странах с растущей численностью населения, является инвестиционная активность — второй по значимости источник роста ВВП за счет демографической составляющей. Растущая популяция обуславливает качественные улучшения, способствующие наращиванию потенциала инвестиционной активности на территориях, обладающих высококвалифицированными кадрами и благоприятным инновационным климатом.

Одновременно в странах с высокой динамикой численности выявлен более высокий уровень развития промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг. Также наблюдаются более высокие значения показателей уровня и качества жизни людей, в частности расходов на товары и услуги.

Изучение динамики статистических данных по российским регионам также убедительно доказывает, что экономический рост выше там, где устойчиво растет численность населения.

– Каким Вам видится «образ будущего» Вологодской области с точки зрения развития её производственного сектора?

– Вологодская область в 2030 году – регион с высокотехнологичным промышленным потенциалом, интегрированным в национальные и международные цепочки создания добавленной стоимости. Обеспечено ускоренное развитие видов производств, относимых к пятому и шестому технологическим укладам за счет постоянного обновления продукции и технологий, роста производительности труда, сокращения издержек и обеспечения лидерства в качестве. За счет роста добавленной стоимости, локализуемой на территории региона, он входит в число 15 регионов-лидеров по объемам валового регионального продукта в расчете на душу населения и 15 регионов, лидирующих по объемам отгруженной промышленной продукции в расчете на душу населения.

Для достижения этой цели планируется решение следующего комплекса ключевых задач:

– усиление отраслевой диверсификации отраслей промышленности за счет роста добавленной стоимости в сегменте приоритетных высокотехнологичных, среднетехнологичных и базовых отраслей; переход к «новой индустриализации», связанной с формированием, развитием и внедрением в производство передовых технологий пятого и шестого технологических укладов;

– создание условий и преференций для локализации выпуска на территории Вологодской области продукции с высокой добавленной стоимостью и иннова-

ционной продукции путем встраивания в действующие и формируемые технологические цепочки;

– создание и развитие объектов промышленной инфраструктуры, в том числе индустриальных (промышленных) парков («Шексна», «Череповец», «Вологда», «Сокол»); участие субъектов промышленной деятельности области в проектах Национальной технологической инициативы;

– создание особой экономической зоны промышленно-производственного типа по глубокой переработке древесины;

– создание и развитие промышленных кластеров в целях укрупнения производственных цепочек, локализованных полностью или преимущественно на территории региона, по приоритетным отраслям промышленности: «Металлургия, полимеры и композиты», «Газохимический кластер», «Машиностроительный кластер», «Кластер домостроения и строительной индустрии», «Биотехнологический кластер», «Лесопромышленный кластер»;

– создание и развитие инфраструктуры поддержки деятельности в сфере промышленности, в том числе современного инжиниринга, проектирования, испытаний и сертификации;

– создание условий для роста производительности труда и формирования высокопроизводительных рабочих мест в сегменте высокотехнологичных и среднетехнологичных отраслей;

– стимулирование промышленных предприятий к внедрению результатов интеллектуальной деятельности, освоению производства инновационной продукции;

– создание условий для технического и технологического перевооружения субъектов деятельности в сфере промышленности, модернизация основных производственных фондов исходя из темпов, опережающих их старение;

— создание условий для развития внутрирегионального, межрегионального и международного сотрудничества промышленных предприятий, расположенных на территории области, в том числе путем создания стимулов к перерегистрации организаций единых производственно-технологических цепочек;

— стимулирование субъектов в сфере промышленности к ресурсосбережению, повышению энергоэффективности и экологичности выпускаемой продукции;

— создание условий для углубления процессов внутриобластной кооперации и интеграции субъектов в сфере промышленности с образовательными, научными, финансовыми организациями, субъектами малого и среднего предпринимательства, выступающими в качестве поставщиков и предоставляющими услуги высококачественного сервиса;

— повышение глубины переработки сырья промышленными предприятиями (в т.ч. в химической промышленности, лесопромышленном комплексе, производстве строительных материалов, агропромышленном комплексе), с повышением доли добавленной стоимости, создаваемой в регионе.

— **В Вологодской области сложился моноструктурный характер экономики с преобладанием в структуре промышленного производства металлургического и химического секторов. Нет ли опасений относительно того, что от этой зависимости будет трудно уйти?**

— Напротив, мы рассматриваем крупные «системообразующие» предприятия в качестве своеобразного «приводного ремня» для запуска процессов импортозамещения и развития пояса малого инновационного предпринимательства. В регионе с 2014 г. успешно реализуется проект «Синергия роста», который ориентирован на

создание новых высокопроизводительных рабочих мест, обеспечение устойчивого поступления платежей в бюджет, увеличение числа представителей малого и среднего бизнеса, рост объемов высокотехнологичной и наукоемкой продукции, внедрение новейших разработок в производственный цикл и увеличение объемов промышленного производства на территории региона. Данный проект является эффективным инструментом организации процесса кооперации производства между крупным и малым бизнесом, в том числе и в рамках производства импортозамещающей продукции. В 2016 г. в рамках реализации проекта «Синергия роста» было заключено контрактов на сумму более 12 млрд. руб.

В то же время объективная ограниченность проекта заключается в том, что в основном он нацелен на удовлетворение текущих потребностей крупных предприятий, позволяет загрузить существующие мощности малых и средних производств. Между тем, крупные предприятия приобретают значительное количество оборудования и техники, в т.ч. зарубежной, часть из которой потенциально может быть произведена в Вологодской области (при этом речь не идет о том, чтобы производить всё самим, возможно говорить о развитии отдельных производств с перспективой выхода на российский и зарубежные рынки).

С учетом позитивного опыта реализации проекта «Синергия роста» целесообразен его переход в новое качество — проект «Синергия развития». Его отличие от проекта «Синергия роста» может заключаться в стратегическом подходе: это не только кооперация по текущей номенклатуре, но и, в большей степени, взаимовыгодное партнерство между крупными предприятиями, малым и средним бизнесом, научно-инновационным сектором на основе долгосрочных программ развития.

Наличие крупных производств, созданных и модернизированных в предыдущие десятилетия, представляет конкурентное преимущество, пока в явно недостаточной мере используемое для развития региона. Поэтому задача стимулирования создания высокотехнологичных производств должна занять одно из центральных мест в Стратегии социально-экономического развития региона до 2030 г.

— **В последнее время в стране много говорится о необходимости активного импортозамещения. Какие процессы в этом плане происходят в Вологодской области?**

— Мы рассматриваем импортозамещение как важную задачу, но в то же время, своего рода, промежуточный этап для восстановления в новом качестве утраченного за последнюю четверть века производственного и инженерно-технического потенциала. В регионе функционируют малые промышленные предприятия, реализующие проекты развития высокотехнологичных производств с высокой добавленной стоимостью (импортозамещающей и экспортно-ориентированной направленности), которые имеют потенциал стать новыми точками роста в промышленности региона. Часть из них включена в проект регионального плана по импортозамещению. Необходимо ставить цель развития малых высокотехнологичных компаний в направлении их перехода в статус и качество среднего бизнеса. Только в этом случае они могут стать «драйверами» экономического роста для территорий. Для этого необходимо создавать различные стимулы и преференции (в том числе и на региональном уровне), чтобы у малых предприятий была реальная заинтересованность в росте. Сегодня областным правительством предпринят ряд шагов в данном направлении. Это и поддержка приоритетных

инвестиционных проектов, льготные инструменты по линии Министерства экономического развития, содействие в получении поддержки со стороны Министерства промышленности и торговли. Важным шагом является создание регионального фонда поддержки промышленности, в котором мы видим ключевой инструмент направленного воздействия на процессы развития высокотехнологичных производств.

— **В современных условиях устойчивую конкурентоспособность региона трудно обеспечивать без опоры на научно-технический потенциал. Как Вы видите место науки в системе стратегического планирования и управления региональным развитием?**

— С моей точки зрения не имеет смысла ставить задачу «развивать науку по всем фронтам». Бесперспективно также развивать какие-то обособленные научные направления в отдельности (например, теоретическую физику, химию и т.п.), т.к. развитие фундаментальных исследований в чистом виде — вопрос федеральной компетенции, у региона для этого нет ни возможностей, ни ресурсов.

Должна быть генеральная цель, для реализации которой нужно формировать научные направления. В современной регионалистике актуальным является подход, обосновывающий развитие внутреннего потенциала территорий (одним из примеров эффективной реализации такого подхода на государственном уровне служит, например, опыт Южной Кореи). Учитывая движение современного общества от вертикально-иерархической модели к сетевой модели, можно сказать, что значимость активизации внутреннего потенциала регионов и локальных территорий будет только возрастать. В этой связи, в рамках долгосрочной стратегии развития региона, задача повышения качества жизни должна

решаться на основе обеспечения экономического роста за счет максимально эффективного использования внутреннего потенциала (природно-ресурсного, экономического, социального). При этом, если будет создан комплекс условий для развития внутреннего потенциала, появятся широкие возможности для того, чтобы развивать на этой основе бизнес, повысится привлекательность территории для внешних инвесторов, бизнеса, кадровых ресурсов.

Почему я заостряю на этом внимание? Потому что развивать внутренний потенциал можно только на основе научного подхода. Речь идет не только об экономических аспектах проблемы. Если мы говорим, например, о переходе с сырьевой модели на модель продуцирования высокой добавленной стоимости в таких, например, отраслях, как молочное хозяйство, лесопереработка, необходимо наличие в регионе серьезных научных коллективов мирового уровня по данным направлениям. Например, если мы снимаем с 1 литра сырого молока или с 1 кубометра леса, условно, 10 рублей, а можем 100, мы должны определить, как мы можем сами снять остальные 90 рублей, а не отдавать их на сторону. Если мы ставим задачу минимизации социально-экономических потерь от неизбежного уменьшения спроса на продукцию черной металлургии, то надо развивать направление, связанное с разработкой новых материалов (композитов и пр.) и т.д.

Для этого нужны свои разработки, свои «боевые» научные коллективы, которые будут интегрированы в региональную производственную сеть, которым регион будет ставить стратегические и оперативные задачи. Важно, что мы в режиме реального времени сможем контролировать эффективность этих затрат, поскольку мы будем

иметь оперативную стоимостную оценку, отражающую степень реализации социально-экономического потенциала, ранее не использовавшегося.

Необходимо в рамках стратегического планирования определить ключевые точки роста для региона, в которых бы синергетически сплетались научный подход и строгий практический расчет, ориентированный на долгосрочный (25–30 лет) результат, а затем разработать дорожные карты по развитию каждого научного направления (5–7 направлений). Эти направления будут комплексно взаимосвязаны, т.к. будут ориентированы на достижение общей цели.

Учитывая фактор цикличности научно-технологического развития, в настоящее время можно заложить фундамент конкурентоспособности территорий в долгосрочной перспективе. Это, в свою очередь, ставит вопрос о необходимости стратегического подхода к выстраиванию региональных инновационных систем, отвечающих будущим вызовам внешней среды.

Для Вологодской области, экономика которой долгое время носит ярко выраженный моноструктурный характер с доминированием в объеме промышленного производства черной металлургии, задача диверсификации и повышения экономической устойчивости является приоритетной. Эту задачу невозможно решить без активизации внутреннего потенциала и создания условий для развития новых производств. Речь идет как о создании стимулов для роста инновационной активности, формирования и реализации инновационных проектов действующих предприятий, так и о «выращивании» нового предпринимательского слоя, способного в перспективе стать своеобразным «технологическим ядром» региональной экономики.

— **Какие практические шаги в регионе делаются для формирования и активизации научно-технического потенциала?**

— В 2015–2016 гг. в области был сделан ряд значимых шагов по выстраиванию системы, позволяющей создавать условия для наращивания научно-технического потенциала и его эффективного использования, активизации развития инновационного предпринимательства. В предыдущие годы существовали только отдельные элементы этой системы: научные гранты, государственные премии по науке и технике, совместные конкурсы с Российским гуманитарным научным фондом и Российским фондом фундаментальных исследований.

В 2015 г. впервые в области был проведен конкурс научно-технических проектов «Потенциал будущего». Конкурс проходил по 5 номинациям: «Ученик» (для обучающихся образовательных организаций, реализующих программы основного общего, среднего общего, среднего профессионального образования и дополнительного образования детей, и коллективов обучающихся в составе одного-трех человек и руководителей научно-технических проектов); «Молодежное творчество» (для лиц в возрасте от 18 до 26 лет или коллективов таких лиц в составе одного-трех человек и руководителей научно-технических проектов); «СтартАп» (для физических лиц или коллективов физических лиц в составе не более пяти человек; субъектов малого предпринимательства, срок деятельности которых составляет не более двух лет со дня государственной регистрации); «Развитие» (для юридических лиц, осуществляющих НИОКР) и «Кооперация» (для юридических лиц, имеющих договор с образовательной, научной организацией

или малым инновационным предприятием на выполнение научно-исследовательских или опытно-конструкторских работ).

Активизирована и поставлена на системную основу работа по программам Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере. Это послужило стимулом к выявлению внутренних ресурсов предприятий области для реализации научно-технических проектов. Если в 2014 г. по разным программам Фонда в область было привлечено в общей сложности 30 млн. рублей, то в 2015 г. — уже 105 млн. рублей, а в 2016 г. эта сумма возросла до 121 млн. рублей.

Дополнительно к этому в 2015 г. на региональном уровне учреждены две значимые формы поддержки НИОКР:

— субсидии на реализацию инновационных проектов малых инновационных предприятий области (до 500 тыс. руб.), выделяемые на конкурсной основе предприятиям, имеющим действующий контракт с Фондом содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (в рамках реализации проекта по программе «Старт»);

— субсидии на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, осуществляемых предприятиями области с привлечением образовательных организаций высшего образования и научных организаций, расположенных на её территории (до 1,5 млн. рублей).

Таким образом, на региональном уровне сделаны значимые шаги, определяющие контуры системы поддержки и стимулирования творческой активности населения, научно-технической и инновационной деятельности, которую планируется и далее развивать в рамках общего проекта под названием «Инновационный конвейер».

— В течение последнего года Правительством области предприняты значительные усилия по решению вопроса о создании в регионе научного центра РАН на базе действующих академических учреждений. Какой Вам видится роль научного центра в системе регионального управления?

Привлекательность создания Вологодского научного центра РАН для региона заключается в том, что он будет органично встроен в систему стратегического управления социально-экономическим развитием региона и нацелен, помимо изучения фундаментальных научных проблем, на решение задач комплексного развития территорий. Процесс этот в настоящее время запущен и будет проходить поэтапно.

Мы рассчитываем на то, что Вологодский научный центр станет в перспективе крупным многопрофильным научным учреждением со штатной численностью научных сотрудников до 300 человек, состоящим из 7–8 высокоэффективных подразделений, осуществляющих уникальные комплексные фундаментальные и прикладные исследования на международно признанном уровне, в том числе и в интересах Вологодской области, территорий Северного экономического района РФ.

Для достижения этой цели нам необходимо выполнить следующие задачи:

— углубление и развитие применяемых в исследовательском процессе фундаментальных теоретико-методологических подходов и методического инструментария;

— расширение тематического спектра проводимых исследований, развертывание новых направлений научно-исследовательской деятельности по прорывным фундаментальным темам;

— генерация научно обоснованных результатов, имеющих высокую степень практической значимости, в интересах народнохозяйственного комплекса территорий, органов государственного и муниципального управления;

— расширенное воспроизводство научного потенциала за счет развития существующих и формирования новых научных школ, системной подготовки специалистов высшей квалификации.

Стратегической целью является превращение Центра в конкурентоспособное на международном уровне научное учреждение, выполняющее уникальные комплексные фундаментальные и прикладные исследования, обеспечивающее потребности региона в научном обосновании стратегических направлений, программно-плановых мероприятий, разработке механизмов и инструментария управления развитием территорий.

Заказчиками результатов исследований смогут выступить не только органы государственного и муниципального управления, но и хозяйствующие субъекты. Для последних новая научная организация станет площадкой для маркетинговых исследований и лабораторных испытаний, консалтинговым центром по бизнес-планированию и привлечению инвестиционных ресурсов под реализацию программ модернизации и развития.

Таким образом, объединенный научный Центр позволит нам развивать научный потенциал Вологодской области, привлекать сюда, как мы очень надеемся, перспективных ученых, реализовывать наукоемкие проекты, что в конечном итоге послужит дополнительным импульсом к развитию региона.

Сведения об авторе

Алексей Викторович Кожевников – заместитель Губернатора Вологодской области, Правительство Вологодской области (160000, Россия, г. Вологда, ул. Герцена, д. 2, pr_kozhevnikov@gov35.ru)

About the Socio-Economic Development Prospects in the Vologda Oblast

Interview with Kozhevnikov A.V.

Information about the Author

Aleksei Viktorovich Kozhevnikov – Deputy Governor of the Vologda Oblast, Vologda Oblast Government (2, Herzen Street, Vologda, 160000, Russian Federation, Pr_Kozhevnikov@gov35.ru)

DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.3

УДК 316.3, ББК 60.52

© Zubok Yu.A., Chuprov V.I.

Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе

**Юлия Альбертовна
ЗУБОК**

доктор социологических наук
Институт социально-политических исследований РАН
119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1
uzubok@mail.ru

**Владимир Ильич
ЧУПРОВ**

доктор социологических наук
Институт социально-политических исследований РАН
119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1
chuprov443@yandex.ru

Аннотация. Социологическая интерпретация реальности и процессов, происходящих в ней, определяется различными подходами к пониманию ее сущности. Все многообразие этих подходов в конечном итоге сводится к ее определению как действительности социального мира, в которой отражаются, с одной стороны, все объективно существующие явления и процессы, а с другой – субъективные представления людей об объективной действительности. Социальная действительность как объективная социальная реальность существует вне субъекта социального познания, т.е. объективно. Каждое новое поколение, вступая в жизнь, застаёт унаследованную от родительских поколений сложную систему экономических, социальных, политических

Для цитирования: Zubok, Yu.A. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 41-57. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.3

For citation: Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Changing social reality amid crisis in the Russian society. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, volume 10, no. 1, pp. 41-57. – DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.3

структур, институтов, организаций со сложившимися в них отношениями, образующих социальную инфраструктуру объективной реальности (социальной действительности). Но люди непосредственно воспринимают ту часть объективной реальности, в отношении которой располагают собственными знаниями. Благодаря знанию о той или иной ее стороне, различных объектах реальности возникает более или менее адекватное субъективное представление о ней. Поэтому в исследовании социальной реальности основное внимание уделяется процессу формирования субъективных представлений об объектах социальной действительности и отношения к ним, что входит в предметную область социологии знания. То есть с позиций социологии знания объектом изучения является не реальность, а представления о реальности. Исходя из субъективных представлений об окружающей действительности, люди конструируют собственную реальность. Эти представления меняются под влиянием различных факторов, что отражается на изменении социальной реальности в процессе ее конструирования. Значимым фактором изменения является кризис, охвативший все сферы жизнедеятельности российского общества. В статье дается анализ влияния кризиса на изменения социальной реальности в различных группах населения России и выясняется, как это отразилось на их отношении друг к другу, к семье, к труду, к образованию. На основе анализа данных всероссийского исследования выявлено противоречие между традиционными образцами отношения россиян друг к другу, к семье, к труду, к образованию и формирующимися современными. В условиях кризиса это противоречие имеет тенденцию к обострению в связи с невозможностью сохранения привычных принципов, обуславливающих прежний образ жизни, что приводит к состоянию неопределенности и конструированию новых форм определенности посредством смены жизненной парадигмы.

Ключевые слова: изменяющаяся реальность, кризис, межличностные взаимодействия, семья, труд, образование.

1. Изменение как имманентное свойство социальной реальности

С позиций феноменологической социологии знания социальная реальность, будучи объектом когнитивного интереса человека, вовлеченного в процесс познания, «существует только в сознании его субъектов» (М. Хайдеггер). По определению А. Шюца, под термином «социальная реальность» понимается «вся совокупность объектов и событий в социокультурном мире как объекте обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракций»¹. В ходе познания реальности перемешиваются личный и групповой

опыт, индивидуальные и общие чувства, новейшие экспертные оценки и традиционные представления, складывающиеся в единый образ реальности².

При этом социальный мир дискретен и изменчив. Он являет собой постоянно меняющееся сочетание различных сфер реальности. По выражению П. Бергера и Т. Лукмана, «я осознаю мир как состоящий из множества реальностей», которые, во-первых, могут быть не связаны друг с другом, во-вторых, могут быть в постоянном изменении³. Соответственно и общество в целом и его отдельные элементы — социальные группы, общности, организа-

¹ Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. — М., 1994. — С. 485.

² Barkan S.E. Sociology: Understanding and Changing the Social World. Jussim, L.J. Social Perception and Social Reality: why accuracy dominates bias and self-fulfilling prophecy. Oxford University Press, 2012.

³ Berger P, Lucman T. The Social Construction of Reality. N.Y., 1967, P. 21.

ции, институты не могут существовать в неизменном виде. Внутри них непрерывно протекают какие-то процессы, что-то меняется под влиянием как внутренних (эндогенных), так и внешних (экзогенных) факторов. Становясь субъектами и объектами этих изменений, люди постоянно переконструируют собственную реальность. Взаимодействуя друг с другом в изменяющихся структурах и получая новые знания об их реальном состоянии и характере происходящих изменений, они корректируют образы объектов социальной реальности и свое отношение к ним. Но лишь те объекты, которые осознаны человеком как пространство собственной жизнедеятельности, и становятся для него реальными.

В социологическом анализе изменений социальной реальности упор делается на понятие «социальное». При этом имеются в виду не любые изменения, происходящие в обществе, а те, которые нашли отражение в обыденном сознании людей в процессе их социальных взаимодействий. То есть в основе изменений социальной реальности лежат социальные изменения. Причем, как отмечает П. Бурдьё, наиболее фундаментальные социальные изменения происходят не тогда, когда утверждаются новые структуры, а когда изменяется габитус (поведенческая предрасположенность к определенной деятельности).

Существующие теории социальных изменений хотя и отличаются многообразием подходов к их социологической интерпретации, сходятся в утверждении об изменяющейся природе общества. В каждой из них обосновываются механизмы, с помощью которых они производят и воспроизводят социальную реальность. При этом в ней отражаются не сами механизмы, а результаты их действий в социальной действительности — реальные социальные изменения. А сама социальная реальность

утверждается как изменяющаяся, гибкая, вместе с тем реконструирующаяся и неизменно усложняющаяся⁴.

Понимание социальной реальности как изменяющейся связано с процессом ее конструирования. В концепции социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана раскрывается процесс ее объективации во взаимодействии с другими людьми. То есть содержится ответ на вопрос о том, как субъективное восприятие реальности приобретает объективную форму. Конструирование социальной реальности в феноменологической парадигме — это «непрерывное производство людьми конкретных значений, символов, которые образуют субъективную реальность»⁵. Непрерывность производства новых для себя знаний в процессе конструирования людьми собственной реальности предполагает постоянство ее изменения.

Так, в условиях рыночных отношений человек, не включенный непосредственно в них, корректирует свои взаимодействия с другими на основе новых для него реалий. Изменение ролевых структур в семейной сфере позволяет молодым людям воспринимать как должные новые формы брачных отношений (например, так называемый гражданский брак). Либерализация в сфере труда раскрывает новую реальность в отношениях между работником и работодателем. Превращение образования в сферу услуг становится новой реальностью во взаимодействиях студентов с

⁴ Alexander J. C. *The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*. N.Y.: Oxford University Press, 2003; Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003; Штомпка П. *Социология. Анализ современного общества*. М.: Логос, 2005; Bauman Z. *Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge: Polity Press, 2009; Bauman Z. *Culture in a Liquid Modern World*. Cambridge: Polity Press, 2011.

⁵ Кравченко С.А. *Социологический энциклопедический русско-английский словарь*. М.: Руссо, 2002. — С. 174.

преподавателями. Во всех перечисленных ситуациях действует механизм объективизации индивидуального опыта посредством типизации внешних условий, что способствует расширению объектов социальной реальности в сознании индивидов.

Формы производства и распространения знаний различаются в разных социальных условиях. Они зависят не только от способности к саморефлексии жизненного опыта, но и от доступности различных способов их приобретения и передачи посредством образования, литературы, профессиональной подготовки, что также социально обусловлено. Чем больше возможностей для приобретения знаний, тем шире пространство социальной реальности и предметная область ее изменения.

В условиях кризиса, органически присущего рынку и являющегося одним из его регулирующих инструментов, изменяющаяся природа социальной реальности приобретает новые проявления, связанные не только с обострением рыночных противоречий, но и с возникновением новых возможностей для оптимизации социальных взаимодействий в различных сферах общества.

По данным Росстата⁶, в кризисном 2014 году по сравнению с 2011 годом индекс промышленного производства снизился со 105 до 101,7%, а индекс производительности труда в целом по экономике со 103,8 до 100,8%. Начавшийся с 2010 года подъем экономики замедлился, приобретя к 2015 году отрицательную динамику; разрыв в объемах импорта и экспорта товаров в России увеличился с 3,3 до 5,4 раза в пользу товаров иностранного производства⁷. Снижение объемов производства не могло не отразиться на росте инфляции, ко-

торая составила 11,4%. Падение мировых цен на нефть, по оценкам Центробанка России, отчасти привело к девальвации рубля — на 30 п.п. с начала 2014 года, а санкции дополнительно ослабили рубль на 20 п.п. Приобретая долгосрочный характер, кризис отразился на материальном положении россиян. Отмечено снижение роста их среднедушевых доходов со 109,6% в 2011 г. до 107,1% в 2014 г. на фоне роста цен, в т.ч. на товары первой необходимости. Индекс потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации составил в 2014 г. 111,35%. Величина прожиточного минимума в среднем на душу населения возросла за этот период с 6369 рублей в месяц до 8050 рублей. В 2015 году число россиян с доходами ниже прожиточного минимума увеличилось на 3,1 млн. чел. (почти на 20%). В то же время численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в 2015 году составила более 19 млн. чел., т.е. 13,4% общей численности населения⁸. Более половины жителей страны (56%) признались в неспособности существовать без государственной поддержки⁹. Такова объективная действительность, которая с неизбежностью изменяет субъективную, отражаясь в социокультурных характеристиках россиян, особенно молодежи¹⁰.

Рассмотрим, как отразились эти изменения на представлениях россиян о социальной реальности.

⁸ Росстат/ [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>

⁹ Российское общество и вызовы времени. Книга первая [Текст] / под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. — М. : Весь мир, 2015. — 336 с. с. 34, 41-42.

¹⁰ Леонидова, Г.В., Головчин М.А. Трансформация социокультурных характеристик молодежи : динамика оценок за 2012-2015 гг. // Здоровье молодежи: сравнительное исследование. Россия, Беларусь, Польша: коллективная монография. — М.: Экон-Информ, 2016. — С. 191-208; *Ilišin V., Bouillet D., Gvozdanović A., Potočnik D.* Youth in a Time of Crisis. Institute for Social Research — Friedrich Ebert Stiftung, Zagreb, 2013.

⁶ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // www.gks.ru

⁷ Регионы России: социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 1266 с.

2. Тенденции и противоречия в изменяющейся социальной реальности

Кризис усиливает состояние неопределенности в процессе конструирования людьми собственной реальности. Социальная неопределенность сопряжена с появлением новых структур и норм, новых аспектов отношений, с которыми им приходится сталкиваться в изменяющейся реальности. Возникающие социальные связи, отношения, взаимодействия, с одной стороны, выступают необходимым источником выбора возможностей в конструировании социальной реальности, а с другой — превращенные в реальность, они становятся определенностью. Поэтому неопределенность и определенность являются фазами процесса социального конструирования изменяющейся реальности. При переходе неопределенности и определенности из одного состояния в другое возникают риски, которые, в свою очередь, влияют на изменение реальности, придавая ей рискогенный характер.

Опираясь на данные сравнительных исследований, проведенных в относительно благополучном 2011 году и кризисном 2014 году¹¹, рассмотрим, как изменяется социальная реальность в отношениях людей друг к другу, в семье, в труде, в образовании.

Кризисные изменения реальности в межличностных взаимодействиях. В процессе взаимодействий, оценивая друг друга, люди не всегда принимают во внимание индивидуально-личностные проявления, а руководствуются обобщенными (образ-

ными) социально-личностными характеристиками. Причем чем более формализованы взаимодействия, тем больше обращается внимание на социальные характеристики личности, образующие в совокупности образ Другого. К ним относятся морально-этические, статусные, социокультурные, поведенческие. Поэтому изменение образа Другого в условиях кризиса рассматривается как признак и фактор изменяющейся социальной реальности в межличностных взаимодействиях.

Сравнительный анализ показал, что в отношении россиян к Другим, как к партнерам межличностных взаимодействий, доминируют этические социально-личностные характеристики. Выстраивая отношения друг с другом, российские граждане ожидают проявления прежде всего моральных (82,9% в 2011 г. и 82,6% в 2014 г.) и деловых (53,3% в 2011 г. и 55,7% в 2014 г.) качеств. Как видно, значения моральных и деловых качеств Других практически не изменились в кризисном 2014 году, что свидетельствует об устойчивости морально-этических критериев в оценке россиянами друг друга, которые остаются доминирующими в условиях не только социальной стабильности, но и кризиса.

Статусные и поведенческие характеристики партнеров принимаются во внимание в межличностных взаимодействиях в меньшей степени, хотя их влияние в условиях кризиса возрастает. Соотношение значений «влияют» и «не влияют» проявлялось следующим образом. В связи с общественным положением партнера (как 39% к 61% в 2011 г. и 45,1% к 54,9% в 2014 г.); с принадлежностью к определенному кругу (как 45% к 55% в 2011 г. и 52,2% к 47,8% в 2014 г.); с принадлежностью к политической партии (как 13,5% к 86,5% в 2011 г. и 20,8% к 79,2% в 2014 г.); с активностью в общественной жизни (как 42,4% к 57,6% в

¹¹ Исследования проведены отделом социологии молодежи ИСПИ РАН по репрезентативной для взрослого населения России выборке в 66 населенных пунктах в 13 регионах РФ. В 2011 г. опрошен 1301 чел. в возрасте от 18 лет и старше, в 2014 г. — 1459 чел. в возрасте от 15 лет и старше. Рук. — д. соц. н., проф. Ю.А. Зубок и д. соц. н., проф. В.И. Чупров. Полевой этап исследований осуществлен Институтом общественного мнения «Квалитас» под руководством д. соц. н. Н.А. Романович.

2011 г. и 45,2% к 54,8% в 2014 г.); с успешностью (как 43% к 57% в 2011 г. и 47,4% к 52,6% в 2014 г.); с лидерскими качествами (как 39,8% к 60,2% в 2011 г. и 44,5% к 55,5% в 2014 г.). Обращает на себя внимание самая низкая оценка влияния на отношение к партнеру его принадлежности к политическим партиям, хотя значение и этой характеристики в кризисном 2014 году повысилось. То есть невысокая политизированность современных российских граждан в кризисном обществе повышается. Отсюда следует вывод, что в условиях кризиса роль статусных и поведенческих характеристик партнеров в пространстве социальной реальности в межличностных взаимодействиях возрастает. Это отражается в переконструировании людьми субъективной реальности.

Заметно повышается в условиях кризиса степень влияния социокультурных характеристик на отношение к партнеру. В связи с национально-этническими характеристиками соотношение значений «влияют» и «не влияют» составило в 2011 г. 22,2% к 77,8%, а в 2014 г. 28,2% к 71,8%; с принадлежностью к разным религиям — в 2011 г. 21% к 79%, а в 2014 г. — 29,8% к 70,2%. Это свидетельствует о росте межэтнической и межконфессиональной напряженности в отношениях друг к другу в условиях кризиса, что также отражается в изменении субъективной реальности.

Наиболее распространенной формой межличностных взаимодействий является общение. В процессе общения происходит, с одной стороны, познание личностных характеристик партнеров взаимодействий, а с другой — обмен знаниями об окружающей действительности. Поэтому ценность общения является важной базовой характеристикой межличностных отношений. Ответы на вопрос «В чем для Вас смысл повседневного общения с окружающими?»

предполагали анализ ценностного отношения к общению между субъектами межличностных взаимодействий, в котором выделялись терминальные и инструментальные ценности. Терминальная ценность общения (его самоценное значение для респондента) определялась набором смысловых значений: внутренняя потребность, удовольствие (общаться с приятным человеком), привычка (само по себе общение). Ее значение составило в 2011 г. 65,3% (внутренняя потребность — 24%, удовольствие — 35,2%, привычка — 6,1%) и в 2014 г. 60% (внутренняя потребность — 27%, удовольствие — 26,7%, привычка — 6,3%). Следовательно, в условиях кризиса общение остается для большинства россиян терминальной ценностью, хотя ее значение снижается.

При этом возрастает доля смысловых значений общения как инструментальной ценности (достижение посредством общения других целей), которые распределились следующим образом: общение — это средство (обмен информацией) — 19,1% в 2011 г. и 21,3% в 2014 г.; необходимость (по мере надобности) — соответственно 12,7 и 15,4%; долг вежливости — 2,9 и 3,3%. В целом инструментальная ценность общения составила 34,7% в 2011 г. и 40% в кризисном 2014 г.

В условиях кризиса во всех группах — по возрасту, уровню образования, материальному положению, типу поселения по месту жительства — четко прослеживается тенденция снижения значений терминальных ценностей общения и роста — инструментальных. В наиболее выраженной форме данная тенденция отмечена среди молодежи в возрасте 18–29 лет (инструментальная ценность общения составила 35% в 2011 г. и 40,1% в кризисном 2014 году) и в группе старше 50 лет (соответственно 32 и 40,6%); среди лиц с высшим

образованием (бакалавриат, специалитет, магистратура; 31 и 42,3%); в группе среднеобеспеченных по уровню материального положения (31 и 42,5%); среди городских жителей (33,3 и 42,6%). Инструментализация общения отражается в социальной реальности в межличностных взаимодействиях в различных социальных группах, определяя направленность ее изменения в кризисном российском обществе.

Таким образом, из проведенного анализа следует, что морально-этические характеристики исторически сформировавшегося образа Другого как объекта социальной реальности, практически не изменяющие своих значений в условиях кризиса, являются ее устойчивыми базовыми основаниями. В качестве таких оснований также выступают пока еще сохраняющие свой вес терминальные ценности общения.

Изменение в условиях кризиса социокультурных, социально-статусных и поведенческих характеристик образа Другого в межличностных взаимодействиях являются факторами изменяющейся социальной реальности. Они распределились по степени значимости индексов кризисных изменений¹² следующим образом: социокультурные (средний суммарный индекс равен 1,3), социально-статусные (1,27) и поведенческие (1,07). Среди социокультурных характеристик наиболее значимым фактором изменения социальной реальности в межличностных взаимодействиях оказа-

лись религиозные характеристики (1,35); среди социально-статусных – принадлежность к политической партии (1,55); среди поведенческих – лидерские качества (1,09). В социально-групповом разрезе социальная реальность в межличностных взаимодействиях в наибольшей степени изменяется в связи с различиями по уровню материального положения (1,21); по уровню образования (1,2); по типу поселения (1,2); по социально-возрастным особенностям (1,18). Выявленные в результате анализа факторы способствуют росту определенности и доверия в отношениях друг с другом в кризисном обществе, оказывая влияние на изменение социальной реальности в межличностных взаимодействиях.

Кризисные изменения реальности в семейных отношениях. Для определения тенденций и факторов изменяющейся социальной реальности в семейных отношениях служат показатели базовых характеристик образа семьи, рассматриваемого в качестве эмпирического референта отношения к ней. Показателями, из набора которых складывается обобщенный образ семьи, в данном исследовании являлись: семья как ценность, распределение ролей в семье, желаемое количество детей, характер отношения к детям, характер семейных связей (многопоколенная или однопоколенная семья), содержание семейных связей (независимость каждого члена семьи или общее ведение хозяйства), отношение к межнациональным бракам.

Ценностное отношение к семье анализировалось на основе распределения ответов на вопрос «В чем для Вас смысл семьи?» Семья как терминальная ценность определялась набором таких смысловых значений, как потребность (не могу представить свою жизнь без семьи); цель, т.е. просто должна быть; любовь. А инстру-

¹² «Индекс кризисных изменений» является показателем изменения уровня связи анализируемых характеристик с социально-групповыми факторами в кризисном 2014 году по отношению к значениям аналогичных характеристик в 2011 году. Степень значимости факторов изменения социальной реальности определялась на основе средних суммарных значений индексов кризисных изменений. При этом следует иметь в виду, что если границы исследуемого диапазона сужаются, то автоматически увеличивается значимость даже небольших различий в значимости факторов (в десятых и сотых балла).

ментальное отношение к семье определялось набором следующих смысловых значений: семья как средство (для карьеры, комфорта); как необходимость (чувство долга или чувство неловкости без семьи); как обуза. Отношение к семье, как к ценности, практически не изменилось по сравнению с 2011 годом. И в благополучные годы, и в условиях кризиса семья для большинства россиян (84,2%) остается значимой терминальной ценностью.

В 2014 году возросла доля респондентов, придерживающихся традиционного взгляда на роль мужа как главы семьи (с 33,1 до 40,9%) и сократилось число сторонников равноправного распределения ролей в семье (с 60,8 до 53,7%). Повышение роли мужчины в семье отразилось в некотором усилении авторитарных мотивов в отношении к детям, основанном на строгости и подчинении их воле родителей (с 11,4 до 16,7%). Сократился процент респондентов, одобritельно относящихся к межнациональным бракам (с 26,5 до 22,5%). С 21,3 до 18,3% снизилась доля респондентов, желающих иметь трех и более детей. Эти тенденции отражают изменившуюся социальную реальность в семейных отношениях в кризисном обществе.

Таким образом, в условиях кризиса семья остается базовой терминальной ценностью в социальной реальности россиян. Наибольшие изменения образа семьи как феномена социальной реальности связаны с представлениями россиян о распределении семейных ролей, о характере отношения к детям и к межнациональным бракам.

По степени значимости средних суммарных значений индексов кризисных изменений факторы изменяющейся социальной реальности распределились следующим образом: авторитарное, основанное на строгости и подчинении отно-

шение к детям (средний суммарный индекс равен 1,54); муж как глава семьи в распределении семейных ролей (1,24), равноправное распределение семейных ролей (0,91), одобritельное отношение к межнациональным бракам (0,85)¹³. Это означает, что в условиях кризиса отмечается повышающаяся тенденция доверия к традиционной модели семьи, и понижающаяся тенденции доверия к её современной модели.

В социально-групповом разрезе социальная реальность в межличностных взаимодействиях в наибольшей степени изменяется в связи с различиями по уровню материального положения (1,16), затем по типу поселения (1,13), по уровню образования (1,11) и по социально-возрастным характеристикам (1,11). То есть влияние кризиса на изменение социальной реальности в сфере семейных отношений существенно дифференцируется из-за неодинаковых условий жизни различных групп населения.

Кризисные изменения реальности в сфере труда. В конструировании образа труда определяющими являются те его смыслы, с которыми люди связывают свои ожидания. Общественный смысл труда раскрывается во взаимодействии с другими людьми в представлении о его целесообразности, полезности и эффективности. Личный смысл труд приобретает также в процессе интеракций посредством его оценки как меры потребления, а также способа самовыражения и самоутверждения. Из многообразия актуальных смыслов складывается субъективное представление о социальной реальности в сфере трудовых отношений.

¹³ Положительные значения индексов (выше единицы) свидетельствуют о повышающей тенденции изменения социальной реальности, а отрицательные (ниже единицы) — о понижающей тенденции.

В качестве эмпирических показателей образа труда в данном исследовании выступали: ценность труда, ожидания и возможности их реализации в сфере труда, этические характеристики трудовых отношений. Ценностное отношение к труду анализировалось на основе распределения ответов на вопрос «В чем для Вас смысл труда?» Труд как терминальная ценность определялся набором смысловых значений: ощущение своей полезности, внутренняя потребность, творчество. А инструментальное отношение к труду определялось набором следующих смысловых значений: возможность заработать, вынужденная необходимость, общение. При том, что на протяжении всего постсоветского периода отмечалась доминанта инструментального отношения к труду, в условиях кризиса возрастает значение терминальной ценности труда – с 27,7% в 2011 г. до 31,3% в 2014 г. Это означает, что активизируется, традиционно присущий россиянам потенциал самоценного отношения к труду, как к способу самореализации и самоутверждения. Данный вывод подтверждается тем, что в наборе смысловых значений ценностного отношения к труду выделяется рост необходимости ощущения своей полезности (18,4% в 2011 г. и 22,5% в 2014 г.). Причем самый высокий рост данной ценности труда отмечен в группах наиболее активного периода трудоспособного возраста (25-29 лет – с 12,1 до 22,3%; 30-39 лет – с 12,3 до 23,2%; 40-49 лет – с 14,8 до 23,8%). Отсюда следует, что традиционные ценности труда обладают способностью активизировать свою саморегуляционную функцию в экстремальных кризисных условиях.

Значимыми характеристиками образа труда являются ожидания, с которыми люди связывают свое представление о труде вообще, а не только о своей работе. В

ожиданиях отражаются их потребности и интересы, реализация которых возможна посредством труда. В зависимости от того, что они ожидают от труда, складывается и мотивация их трудовой деятельности, и отношение их к собственному труду.

По сравнению с 2011 годом в кризисном 2014 году снизились ожидания от труда интересной, творческой работы (с 34,6% в 2011 г. до 24,1% в 2014 г.), самоутверждения в коллективе (соответственно 14,6 и 9,5%) и даже повышения жизненного уровня (73,9 и 51,9%), но возросли надежды на обеспечение элементарных средств для существования (21,9 и 35,5%). Однако в разных возрастных группах кризисные изменения ожиданий, сохраняя выявленную тенденцию, заметно различаются как по уровню значений, так и по направленности изменений. Среди молодежи, например, на фоне снижающихся значений перечисленных ожиданий возрастает потребность в профессиональной самореализации (с 38,3 до 46,2% в группе 18-24 лет, и с 36,4 до 41,5% в группе 25-29 лет). В старших возрастных группах в большей степени, чем в других, заметно снижаются ожидания профессиональной самореализации (с 27,5 до 20,9% в группе 50-59 лет и с 26,4 до 14,7% в группе 60 лет и старше) и актуализируется потребность в обеспечении элементарных средств для существования (с 24,5 до 41,2% в группе 50-59 лет и с 20,5 до 44,1% в группе 60 лет и старше). При этом на вопрос «Насколько реализовались Ваши ожидания от труда?» каждый третий респондент ответил отрицательно (22,3% – «скорее не реализовались» и 7,7% – «не реализовались»).

Все это означает, что в условиях кризиса сужаются и область интересов в сфере труда, и возможности их реализации. Реальными становятся наиболее актуальные на данный момент потребности и интересы.

Фокусируя свои усилия на их реализации, люди активизируют внутренний потенциал, расширяя тем самым возможности для их удовлетворения. Таким образом, в изменяющейся реальности возрастает роль субъективного фактора, проявляющегося в предприимчивости и активности, направленных на преодоление кризиса.

Для анализа изменения этики труда в условиях кризиса в распределении ответов на вопрос «В какой мере перечисленные качества присущи в трудовых отношениях представителям Вашего поколения?» использовался ответ «Присущи в полной мере». Кризис заметно повлиял на изменение этики труда в разных поколениях россиян. Значения оценок таких качеств, как трудолюбие, честное, добросовестное отношение к труду, ответственность, бережливость, взаимопомощь, относящихся к архетипу россиян, наиболее заметно повысились в кризисном 2014 году среди молодежи, а также в группе 30-39 лет. Это свидетельствует о том, что в экстремальных кризисных условиях традиционные этические ориентации в сфере труда актуализируются в социальной реальности россиян. Одновременно в этих группах возросла доля респондентов, представляющих сторонников современной этики труда — чувства свободы и независимости ни от кого. То есть в социальной реальности россиян до сорокалетнего возраста, трудовая социализация которых проходила в постсоветский период, отмечается стремление адаптироваться к кризису, оптимизируя соотношение качеств традиционной и современной этики труда.

Однако в старших поколениях кризис вызывает неоднозначную реакцию. Наиболее противоречиво она проявляется в группе 40-49-летних россиян, у которых период вступления в трудовую жизнь со-

впал с концом перестройки и с развалом Союза. В этой группе, с одной стороны, отмечается, хотя и в меньшей степени, рост значений характеристик традиционной этики труда в кризисном 2014 году. А с другой — снижается значение такой традиционной характеристики, как взаимопомощь и поддержка друг друга (с 57,2% в 2011 г. до 51,5% в 2014 г.), и резко возрастает доля сторонников принципа «каждый за себя» (с 18,6 до 26%). В поколениях старше 50 лет в условиях кризиса происходит снижение значений оценок трудолюбия, ответственности, взаимопомощи и заметно возрастает значение принципа «каждый за себя». Это связано, скорее всего, с возрастными изменениями трудовой активности, субъективное восприятие которых усиливается в условиях кризиса угрозой увольнения по возрасту. Необходимость адаптации к изменяющимся условиям способствует вытеснению традиционных этических ориентаций более рациональными, основанными на индивидуализме, который становится значимым фактором изменения социальной реальности в сфере трудовых отношений в старшем поколении. То есть, принужденное к выживанию, старшее поколение утрачивает свою важнейшую функцию — сохранения и воспроизводства традиционных ценностей в трудовых отношениях.

Таким образом, в условиях кризиса произошли следующие изменения социальной реальности в сфере труда. На фоне инструментальной ценности труда, доминирующей в социальной реальности большинства россиян, в условиях кризиса заметно возрастает доля респондентов, относящихся к труду как к терминальной ценности. То есть активизируется традиционно присущий россиянам потенциал самоценного отношения к труду, как к способу самореализации и самоутверждения.

Активизация глубинных установок является своего рода регулятором в условиях кризиса, приобретая своеобразие в региональных условиях¹⁴.

Вместе с тем четко прослеживается тенденция рационализации ожиданий от труда и этики трудовых отношений, о чем свидетельствуют значения индекса кризисных изменений. В ожиданиях от труда: обеспечения элементарных средств для существования – 1,74; профессиональной самореализации – 0,72; интересной, творческой работы – 0,71; повышения уровня жизни – 0,7; самоутверждения в коллективе – 0,64; возможности для предпринимательской деятельности – 0,53. В этике трудовых отношений: чувство свободы и независимости ни от кого – 1,19; принцип – «каждый за себя» – 1,15; бережливость – 1,06; ответственность – 1,01; трудолюбие, честное добросовестное отношение к труду – 0,98; взаимопомощь, поддержка друг друга – 0,95. Это означает, что в условиях кризиса в социальной реальности россиян в сфере труда актуализируются первичные потребности (по А. Маслоу), обеспечивающие элементарные средства для существования, и снижается доверие к труду, как к способу личностной самореализации. Вместе с тем возрастает стремление к гармонизации этики труда путем оптимизации современных качеств, основанных на самоощущении свободы, независимости и индивидуализма, и традиционных – бережливости, ответственности.

В социально-групповом разрезе тенденции изменения социальной реальности в сфере труда связаны с различиями по уровню материального положения (0,98),

¹⁴ Головчин М.А. Ментальные основы формирования образа жизни у молодежи: на материалах Вологодской области // Проблемы развития территории. – 2016. – № 5. – С. 72-89.

по уровню образования (0,98) и по социально-возрастным характеристикам (0,98), а также в несколько меньшей степени по типу поселения (0,92). Отрицательные значения (меньше единицы) свидетельствуют о понижающей тенденции в изменяющейся социальной реальности в этих группах в условиях кризиса доверия к труду как возможности личностной самореализации.

Кризисные изменения в сфере образования. Отношение к образованию предполагает понимание его смысла и функций в пространстве социальной реальности и его роли в духовном воспроизводстве общества и самореализации личности, что находит конкретное проявление в ценностных ориентациях людей. Соответственно изменение ценности образования и знаний в условиях кризиса рассматривается как признак и фактор изменяющейся социальной реальности.

Образование как ценность (терминальная) определялась набором смысловых значений, таких как развитие способностей, потребность в познании, общая культура. В целом, по совокупности значений, терминальная ценность образования составила 49,7% в 2011 г. и 34,5% в 2014 г. Столь резкое снижение терминальной ценности образования, видимо, связано не только с кризисом, но и с образовательной политикой, проводимой в стране на протяжении всего постсоветского периода. Кризис лишь обострил негативные последствия этого процесса.

Самоценное отношение к образованию, исторически сформировавшееся в национальном архетипе, традиционно было присуще большинству россиян. На этом строилась советская система образования, что во многом определило ее качественное превосходство в мире. Реформирование образования в постсоветский период по западным образцам, направлен-

ное на его рационализацию, превращение в образовательную услугу, способствовало инструментализации ценности образования, особенно в молодежной среде. Постепенно снижаясь, доля россиян, разделяющих терминальные ценности образования, сравнялась в предкризисном 2011 году с долей сторонников инструментального отношения к нему. А среди молодежи в возрасте 18–29 лет уже в предкризисный период доля относящихся к образованию как к терминальной ценности стала заметно ниже (38,3%). Две трети молодежи (61,7%) придерживались инструментального отношения к образованию как к средству достижения других целей (диплома, престижа, карьеры).

В кризисном 2014 году среди молодежи отмечен некоторый рост значений терминальной ценности образования (с 38,3% в 2011 г. до 42,2% в 2014 г.). Это означает, что в условиях кризиса актуализируются для молодежи такие терминальные ценности, как развитие способностей (с 20,9 до 26,6%) и потребность в познании (с 12,6 до 15,1%), т.е. в молодежной среде возрастает их роль как фактора изменяющейся социальной реальности.

Для исследования ценности знания использовался вопрос, состоящий из нескольких альтернативных суждений, выбор которых предполагал соответствующую оценку. Альтернатива «Знание — это главное достояние человека» или «В наше время без знаний можно обойтись, были бы деньги» предполагает оценку понимания респондентом роли знания в жизнедеятельности современного молодого человека (соответственно терминальную или инструментальную ценность знания). Следующая альтернатива — «К получению знаний нужно стремиться всегда для общего развития, даже если они не востребованы в практической жизни»

или «Знания — не самоцель, а средство решения поставленных задач» — уточняет предыдущую оценку на выявление терминального и инструментального аспекта когнитивной ценности.

Анализ показывает, что среди россиян в целом значения терминальной ценности знания превосходят значения инструментальной ценности, соотношение которых практически не изменилось в условиях кризиса. Это проявилось в оценках суждений: «Знание — это главное достояние человека» (61,8% в 2011 г. и 61,5% в 2014 г.) и «К получению знаний нужно стремиться всегда для общего развития, даже если они не востребованы в практической жизни» (соответственно 59,4 и 57,8%). Среди молодежи также отмечается положительное сальдо в соотношении значений терминального и инструментального отношения к знаниям, причем в условиях кризиса значения терминальной ценности знания повышаются в оценках обоих суждений (соответственно с 54,2 до 61,1%, и с 53,7 до 56,2%). Хотя доля инструментальной ценности знания в молодежной среде остается высокой. В 2014 г. среди молодежи в возрасте 18–29 лет почти каждый второй (43,8%) считал, что знания — лишь средство решения поставленных задач, а 38,9% молодых людей убеждены, что деньги могут заменить знания.

Доминирование инструментальной ценности образования и достаточно высокие значения инструментального отношения к знанию в социальной реальности россиян свидетельствуют о противоречии традиционного отношения россиян к образованию с государственной политикой, проводимой в данной сфере. Во многом противоречие связано с внедрением профильного образования по выбору учащихся, а также с единым государственным экзаменом (ЕГЭ). Профильное образование

и введение ЕГЭ разрушило целостность познавательного процесса в школе, ограничив его узким кругом знаний, необходимых для поступления в вуз.

Больше половины молодых людей и их родителей целью общего среднего образования считают подготовку молодого человека к жизни, для чего необходимо, чтобы он овладел широким набором знаний и общей культурой. Причем эта позиция укрепилась даже в кризисном 2014 году. Как видно, она расходится с Федеральным образовательным стандартом для старшей общеобразовательной школы, где основной упор делается на профильное образование по выбору учащихся¹⁵. Каждый второй негативно относится к ЕГЭ (52,1% в 2011 г. и 56,9% в 2014 г.). Общеизвестным становится снижение качества знаний, приобретаемых в школе и вузах. В 2014 г. на вопрос «Насколько удовлетворены Вы или Ваши дети качеством знаний, получаемых по месту учебы?» неудовлетворенность в разной степени (скорее не удовлетворены и не удовлетворены) выразили: среди молодежи в возрасте 18-24 лет – 25,8%, в возрасте 25-29 лет – 29,8%, а среди родителей в возрасте 40-49 лет – 34,9%. Все это говорит о том, что ошибочный курс реформирования образования отразился в изменяющейся социальной реальности россиян в усилившемся в условиях кризиса противоречии – вынужденной необходимостью следовать ему при несогласии с его основополагающими принципами.

По степени значимости средних значений индексов кризисных изменений факторы изменяющейся социальной реальности распределились следующим образом.

¹⁵ Основные положения о профильном образовании в средней общеобразовательной школе вошли в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 30.12. 2012 г.

Повышающая тенденция влияния ценности образования в социальной реальности связана с получением диплома – 1,5 и с карьерой – 1,29. А понижающая тенденция – с развитием способностей – 0,81; с престижем – 0,78; с потребностью в познании – 0,6; с общей культурой – 0,48. То есть в условиях кризиса перечисленные инструментальные ценности образования играют определяющую роль в конструировании россиянами социальной реальности, что свидетельствует о повышающей тенденции влияния доверия образованию как возможности социального продвижения и понижающей – как фактору самореализации личности. В социально-групповом разрезе значимые изменения социальной реальности в сфере образования связаны с различным уровнем жизни, в зависимости от материального положения (1,16) и типа поселения (1,02).

Итак, из проведенного анализа следует, что в условиях кризиса усиливается противоречие между традиционным, исторически присущим россиянам отношением друг к другу, к семье, к труду, к образованию и современным, рационально-прагматическим отношением к ним как к объектам изменяющейся социальной реальности. Кризис, повлиявший на условия жизни каждого человека, поставил его перед необходимостью выбора между различными моделями поведения. При этом люди до определенного момента стараются сохранять привычные принципы, традиционно определяющие их образ жизни. Но, сталкиваясь с жизненными ситуациями, когда следование этим принципам перестает отвечать ожиданиям, люди испытывают состояние неопределенности, выход из которого видится им в смене жизненной парадигмы.

Состояние неопределенности усиливается непродуманной государственной по-

литикой, а также под влиянием средств массовой информации. Поиск иных жизненных принципов сопряжен с рисками в силу непредсказуемости последствий от обращения к ним. Усиливающаяся рискогенность изменяющейся социальной реальности не способствует повышению определенности в возникших ситуациях, препятствуя оптимальной реализации вы-

бранных стратегий. Преодоление возникшего противоречия связано с необходимостью повышения доверия в обществе, основанного на уверенности людей в жизненных принципах, исторически заложенных в менталитете россиян. Очевидно, что комплекс мер, направленных на достижение этой цели, должен найти отражение в антикризисной программе Правительства.

Литература

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. с англ. — М., 1995. — С. 9.
2. Головчин, М.А. Ментальные основы формирования образа жизни у молодежи: на материалах Вологодской области / М.А. Головчин // Проблемы развития территории. — 2016. — № 5. — С. 72-89.
3. Горшков, М.К. Российское общество как новая социальная реальность [Электронный ресурс] / М.К. Горшков. — URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gorshkov_Rossijskoe_obsc.pdf
4. Горшков, М.К. Российское общество как новая социальная реальность / М.К. Горшков // Россия реформирующаяся: ежегодник. — Вып. 6. — М.: Институт социологии РАН, 2007.
5. Горшков, М.К. Российское общество как оно есть / М.К. Горшков. — М., 2011.
6. Здравомыслов, А.Г. Теории социальной реальности в российской социологии / А.Г. Здравомыслов // Мир России. — 1999. — № 1-2.
7. Качанов, Ю.Л. Пространство-время, социальный мир и социальная реальность [Электронный ресурс] / Ю.Л. Качанов. — Режим доступа: http://www.isras.ru/files/31036-Sages_Katchanov_02.pdf.
8. Кляйненберг, Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность / Э. Кляйненберг. — М.: Альпина Паблишерс, 2012.
9. Кравченко, С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь / С.А. Кравченко. — М.: Руссо, 2002.
10. Кравченко, С.А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности / С.А. Кравченко. — М.: МГИМО-Университет, 2012. — С. 9.
11. Леонидова, Г.В. Трансформация социокультурных характеристик молодежи / Г.В. Леонидова, М.А. Головчин // Здоровье молодежи: сравнительное исследование. Россия, Беларусь, Польша: коллективная монография. — М.: Экон-Информ, 2016. — С. 191-208.
12. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // www.gks.ru
13. Регионы России: социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 1266 с.
14. Российское общество и вызовы времени. Книга первая [Текст] / под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. — М.: Весь мир, 2015. — 336 с.
15. Центральная база статистических данных [Электронный ресурс] / Росстат. — Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>
16. Чупров, В.И. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, Н.А. Романович. — М.: Норма, 2014.
17. Штомпка, П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социс. — 2001. — № 1.
18. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка; пер. с англ. — М., 1996.
19. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка. — М.: Логос, 2005.
20. Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках / А. Шюц // Американская социологическая мысль. — М., 1994.
21. Alexander J.C. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. N.Y.: Oxford University Press, 2003.
22. Bauman Z. Culture in a Liquid Modern World. Cambridge: Polity Press, 2011.

23. Bauman Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2009.
24. Berger P, Lucman T., The Social Construction of Reality. N.Y., 1967.
25. Ilišin V., Bouillet D., Gvozdanović A., Potočnik D. Youth in a Time of Crisis. Institute for Social Research – Friedrich Ebert Stiftung, Zagreb, 2013.
26. Sánchez-Bayón, A. (2014). Global System in a Changing Social Reality: How to Rethink and to Study It.
27. Beijing Law Review, Beijing Law Review, 2014, 5, 196-209. <http://dx.doi.org/10.4236/blr.2014.53019>
28. Schutz A. The Phenomenology of the Social World. London, 1972, p. 64. Social Reality. Perspectives band understanding. Janak Pandey Ed. Naurang Rai Concept Publishing Company New Delhi. 1988.
29. Urry J. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003.
30. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Risk environment as social reality change factor: the problem of social regulation // Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Социология и управление». – Т. 1, № 4(6), 2015.

Сведения об авторах

Юлия Альбертовна Зубок – доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1, uzubok@mail.ru)

Владимир Ильич Чупров – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1, chuprov443@yandex.ru)

Zubok Yu.A., Chuprov V.I.

Changing Social Reality amid Crisis in the Russian Society

Abstract. The sociological interpretation of reality and the processes occurring in it is determined by various approaches to understanding its nature. The diversity of these approaches is eventually reduced to its definition as a reality of the social world, which reflects, on the one hand, objectively existing phenomena and processes and, on the other hand, people's subjective perceptions about the objective reality. Social actuality as objective social reality exists beyond the subject of social cognition, i.e. objectively. Each new generation inherits from their parent generations a complex system of economic, social and political structures, institutions, organizations and the established relationships which form the social infrastructure of objective reality (social reality). But people perceive directly only the part of objective reality in which they have their own knowledge. Due to knowledge of its particular sphere or different objects of reality, people get its more or less adequate subjective perception. Therefore, the study of social reality focuses on the process of formation of subjective ideas about the objects of social actuality and attitudes to it, which is included in the subject area of sociology of knowledge. That is, from the standpoint of sociology of knowledge, the research object is not reality, but ideas about the reality. Based on subjective perceptions of reality, people construct their own reality. These perceptions change under the influence of various factors affecting the changes in social reality in the process of its formation. A significant change factor is the crisis which affects all spheres of the Russian society. The article analyzes the impact of the crisis on the changes in social reality in different population groups in Russia and the way it is reflected on people's attitudes to each other, to family, work and education. Based on analysis of data from nationwide studies it has been revealed that there is a contradiction between Russians' traditional attitudes to each other, family, work and education and the emerging modern attitudes. Amid crisis, this contradiction

tends to exacerbate due to the impossibility of maintaining the traditional principles underlying the old way of life, which leads to uncertainty and formation of new forms of certainty through the change in life paradigm.

Key words: changing reality, crisis, interpersonal interaction, family, work, education.

References

- Berger P., Luckman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya* [The social construction of Reality. A treatise on sociology of knowledge]. Translated from English. Moscow, 1995. P. 9. (In Russian).
- Golovchin M.A. Mental'nye osnovy formirovaniya obraza zhizni u molodezhi: na materialakh Vologodskoi oblasti [Mental bases of formation of young people's lifestyle: case study of the Vologda Oblast]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2016, no. 5, pp. 72-89. (In Russian).
- Gorshkov M.K. *Rossiiskoe obshchestvo kak novaya sotsial'naya real'nost'* [Russian society as a new social reality]. Available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Gorshkov_Rossiiskoe_obsc.pdf. (In Russian).
- Gorshkov M.K. *Rossiiskoe obshchestvo kak novaya sotsial'naya real'nost'* [Russian society as a new social reality]. *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik* [Russia in reform: yearbook], issue 6. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2007. (In Russian).
- Gorshkov M.K. *Rossiiskoe obshchestvo kak ono est'* [Russian society as it is]. Moscow, 2011. (In Russian).
- Zdravomyslov A.G. *Teorii sotsial'noi real'nosti v rossiiskoi sotsiologii* [Theories of social reality in the Russian sociology]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 1999, no. 1–2. (In Russian).
- Kachanov Yu.L. *Prostranstvo-vremya, sotsial'nyi mir i sotsial'naya real'nost'* [Space and time, social world and social reality]. Available at: http://www.isras.ru/files/31036-Sages_Katchanov_02.pdf.
- Klinenberg E. *Zhizn' solo. Novaya sotsial'naya real'nost'* [Going solo. The extraordinary rise and surprising appeal of living alone]. Moscow: Al'pina Publishers, 2012. (In Russian).
- Kravchenko S.A. *Sotsiologicheskii entsiklopedicheskii russko-angliiskii slovar'* [Sociological encyclopedic Russian-English dictionary]. Moscow: Russo, 2002. (In Russian).
- Kravchenko S.A. *Stanovlenie slozhnogo obshchestva: k obosnovaniyu gumanisticheskoi teorii slozhnosti* [The establishment of a complex society: revisiting the substantiation of the humanistic complexity theory]. Moscow: MGIMO-Universitet, 2012. P. 9. (In Russian).
- Leonidova G.V., Golovchin M.A. Transformatsiya sotsiokul'turnykh kharakteristik molodezhi [Transformation of youth's socio-cultural characteristics]. *Zdorov'e molodezhi: sravnitel'noe issledovanie. Rossiya, Belarus', Pol'sha: kollektivnaya monografiya* [Youth health: comparative research. Russia, Belarus, Poland: a multi-author monograph]. Moscow: Ekon-Inform, 2016. Pp. 191-208. (In Russian).
- Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Official website of the Federal State Statistics Service]. Available at: www.gks.ru. (In Russian).
- Regiony Rossii: sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2015: stat. sb. [Russian regions: socio-economic indicators. 2015: statistical book]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service]. Moscow, 2016. 1266 p. (In Russian).
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (Eds.). *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaya* [Russian society and the challenges of time. Book 1]. Moscow: Ves' mir, 2015. 336 p. (In Russian).
- Tsentrал'naya baza statisticheskikh dannykh [Central statistical database]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>. (In Russian).
- Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Romanovich N.A. *Otnoshenie k sotsial'noi real'nosti v rossiiskom obshchestve: sotsiokul'turnyi mekhanizm formirovaniya i vosproizvodstva* [Attitudes to the social reality in the Russian society: socio-cultural development and reproduction mechanism]. Moscow: Norma, 2014. (In Russian).
- Sztompka P. *Sotsial'noe izmenenie kak travma* [Social change as a trauma]. *Sotsis* [Sociological studies], 2001, no. 1. (In Russian).
- Sztompka P. *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii* [The sociology of social change]. Translated from English. Moscow, 1996. (In Russian).
- Sztompka P. *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. Analysis of modern society]. Moscow: Logos, 2005. (In Russian).

20. Schutz A. Formirovanie ponyatii i teorii v obshchestvennykh naukakh [The development of concepts and theories in social sciences]. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American sociological thought]. Moscow, 1994. (In Russian).
21. Alexander J. C. *The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*. New York: Oxford University Press, 2003.
22. Bauman Z. *Culture in a Liquid Modern World*. Cambridge: Polity Press, 2011.
23. Bauman Z. *Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge: Polity Press, 2009;
24. Berger P, Lucman T., *The Social Construction of Reality*. New York, 1967.
25. Ilišin V., Bouillet D., Gvozdanović A., Potočnik D. *Youth in a Time of Crisis*. Institute for Social Research – Friedrich Ebert Stiftung, Zagreb, 2013.
26. Sánchez-Bayón, A. (2014). Global System in a Changing Social Reality: How to Rethink and to Study It. *Beijing Law Review*, 2014, no. 5, pp. 196–209. Available at: <http://dx.doi.org/10.4236/blr.2014.53019>
27. Schutz A. *The Phenomenology of the Social World*. London, 1972, p. 64.
28. J. Pandey (Ed.) *Social Reality. Perspectives band understanding*. Naurang Rai Concept Publishing Company New Delhi. 1988
29. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003
30. Zubok Yu. A. Chuprov V.I. Risk environment as social reality change factor: the problem of social regulation. *Setevoi zhurnal «Nauchnyi rezul'tat»*. Seriya "Sotsiologiya i upravlenie" [Online journal "Scientific result". Series "Sociology and management"], volume 1, no. 4(6), 2015.

Information about the Authors

Yuliya Al'bertovna Zubok – Doctor of Sociology, Professor, Institute of Socio-Political Research (ISPR RAS), Head of Department for Youth Sociology (6, Fotieva Street, Building 1, Moscow, 119333, Russian Federation, uzubok@mail.ru)

Vladimir Il'ich Chuprov – Doctor of Sociology, Professor, Institute of Socio-Political Research (ISPR RAS), Chief Research Associate at the Department for Youth Sociology (chuprov443@yandex.ru)

Статья поступила 01.11.2016.

DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.4

УДК 332.142.2, ББК 65.9(2Рос)

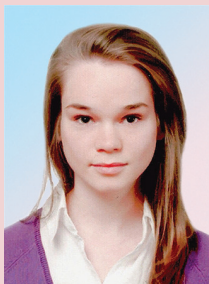
© Губанова Е.С., Клещ В.С.

Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов

**Елена Сергеевна
ГУБАНОВА**

доктор экономических наук
Вологодский государственный университет
160000, Россия, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15
gubanova_elena@mail.ru

**Виктория Сергеевна
КЛЕЩ**

аспирант
Вологодский государственный университет
160000, Россия, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15
korennikova@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема неравномерности социально-экономического развития территорий. Опыт многих стран убедительно демонстрирует, что неоднородность пространства является существенным препятствием для устойчивого развития регионов. На основе проведенного авторами анализа работ зарубежных и отечественных ученых показано, что в ходе трансформации взглядов на пространственное развитие постепенно складывалось представление о неравномерности социально-экономического развития как объективном свойстве территории. В исследовании классифицированы факторы, влияющие на социально-экономическое неравенство территорий и предопределяющие его сложный характер. Авторы обращают внимание на то, что при изучении неравномерности развития исследователи используют

Для цитирования: Губанова, Е.С. Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов / Е.С. Губанова, В.С. Клещ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 58-75. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.4

For citation: Gubanova E.S., Kleshch V.S. Methodological aspects in analyzing the level of non-uniformity of socio-economic development of regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 58-75. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.4

различные термины («дифференциация», «асимметрия», «поляризация», «диспропорция»), которые нередко отождествляются. Поэтому в статье выдвинута гипотеза о существовании связи между этими понятиями, несущими схожую смысловую нагрузку, и особом характере этой связи, проявляющемся в том, что перечисленные понятия представляют собой разные стадии неравномерности. Эта гипотеза подтверждена анализом и обобщением ряда работ отечественных и зарубежных ученых. Авторы статьи пришли к выводу, что каждая стадия неравномерности отражает определенную степень разобщенности территории (или территорий) по социально-экономическим показателям. Переход от одной стадии к другой (от дифференциации к асимметрии, от асимметрии к поляризации) обусловлен сочетанием совокупности факторов, усиливающих различия в указанном направлении. Принимая во внимание то, что неравномерность развития территорий может приводить к возникновению отрицательных последствий для их социально-экономического развития, следует отметить, что активную роль в их устранении должно играть государство. Авторами предпринята попытка расширить существующие представления о неравномерности социально-экономического развития территории. Теоретические обобщения, содержащиеся в статье, могут быть использованы в качестве материалов к обсуждению в научной дискуссии. Кроме того, они могут представлять интерес для научной и учебной деятельности.

Ключевые слова: неравномерность социально-экономического развития территории, дифференциация, асимметрия, поляризация, диспропорция.

Неравномерность развития территорий — одна из ключевых проблем многих стран, специфические черты которой во многом определяются размерами территории, природно-климатическими особенностями, национальным составом, культурно-историческими факторами, неоднородностью экономического пространства, распределением ресурсов и степенью их освоенности. На современном этапе развития производительных сил под влиянием стремительного внедрения инноваций во всех сферах человеческой деятельности, повсеместного распространения информационных технологий и систем телекоммуникаций, формирующих единое информационное пространство, а также развития сетевых форм организации производства эта проблема обретает новые очертания и новые особенности.

Конфигурация социально-экономического пространства России отличается неоднородностью и несбалансированностью, что сдерживает движение в направлении устойчивого развития, приводит к усиле-

нию межрегиональных контрастов. Процессы дифференциации российской экономики, сформировавшейся в условиях централизованного планирования, усилились в период перехода к рыночной модели хозяйствования, что стало причиной снижения ее конкурентоспособности и углубления диспропорций в уровнях социально-экономического развития. Указанные обстоятельства подчеркивают актуальность исследования неравномерности развития территорий, ее причин и возможных последствий, особенностей проявления.

Стоит отметить, что проблема неравномерности интересует ученых и изучается ими уже на протяжении более двухсот лет. Как справедливо замечают авторы монографии [11, с. 26], что подтверждается и в работе [34, с. 42], неравномерность регионального развития — это пространственная форма проявления неравномерности в развитии общества, изменения которой во многом обусловлены сменой этапов общественного развития. В ходе этих изме-

нений взгляды ученых на пространство и его особенности также менялись, при этом трансформировалось и само пространство под влиянием развития производительных сил и производственных отношений.

Долгое время неравномерность развития рассматривалась как следствие определенных явлений и процессов, происходящих на территории, поэтому во многих работах ученые пытались дать ответ на вопрос: каковы ее причины? Одним из первых указал на причины неравномерности развития А. Смит, выделив среди них уровень накопленных ресурсов и пространственное положение [35, с. 204, 248].

В XIX веке появились работы Й. Тюнена и В. Лаунхардта, которые положили начало теории размещения производства [3; 37]. Именно с поиска ответов на вопросы о том, как размещать предприятия, чтобы добиться наилучшего экономического результата; под влиянием каких факторов происходит размещение производства; каким образом размещение производства влияет на системы расселения населения, и начала свое формирование наука об экономическом пространстве. Отметим, что пространственный аспект в экономической науке Запада XIX века изучался главным образом с позиций теории размещения, где экономика впервые стала рассматриваться как «пространственная» категория, что свидетельствует о взаимосвязи вопросов размещения производства и неравномерности развития территорий. Обобщив труды Й. Тюнена и В. Лаунхардта, разработавших основы классической штандортной теории, А. Вебер предложил модель размещения промышленности, выявив не только факторы размещения этой отрасли, но и пространственно-временные закономерности их действия [3, с. 578; 5].

В работах указанных авторов были определены факторы, оказывающие зна-

чительное влияние на размещение сельскохозяйственного и промышленного производства: транспортный, рабочей силы и агломерационный. Несмотря на то, что особенностью этих работ было предположение об однородности экономического пространства, как следствие целого ряда допущений, необходимых для доказательства идей оптимального размещения хозяйства, они имели большое значение для дальнейшего развития экономической мысли.

Но, если обратиться к реальности периода конца XIX – начала XX века, становится заметным то, как по мере развития производительных сил происходило расщепление экономического пространства на разных иерархических уровнях, и особенно это проявлялось на страновом уровне. Подтверждая эту мысль, можно сослаться на фундаментальный труд К. Маркса «Капитал», в котором автор пришел к выводу о возникновении поляризации экономического пространства, вызванной неравномерностью распределения доходов не только между классами населения, но и между отдельными территориями (как внутри страны, так и между странами) [26, с. 660, 763]. Эти положения получили дальнейшее развитие в работах В.И. Ленина, где указывалось на то, что «неравномерность и скачкообразность в развитии предприятий, отраслей промышленности и стран являются предпосылками капиталистического способа производства» [24, с. 59].

Изменения, происходившие в экономике отдельных стран в этот период, послужили импульсом к дальнейшим исследованиям. Большой вклад в развитие теории размещения внесли Т. Поландер и А. Предель. Критикуя теории штандорта, авторы высказывают мысль о том, что неоднородность территории является ее свойством, порождаемым географическими

факторами, которые определяют доминирование тех или иных отраслей. В работе Т. Поландера, в частности, особое внимание уделено территориальным различиям в спросе, дифференциации цен на ресурсы, а также возможностям применения альтернативных технологий в зависимости от места размещения предприятия [44]. Исследования этих авторов ознаменовали собой переход к новому этапу в развитии теории размещения и теории экономического пространства.

Особое место среди работ первой половины XX века занимает фундаментальный труд А. Лёша «Пространственная организация хозяйства», где экономическое пространство рассматривалось не только на уровне отдельных предприятий и поселений, но и на уровне экономических регионов [25]. При этом автор расширил состав факторов (это технический прогресс, налоговая система, близость к государственным границам), оказывающих влияние на размещение, показав и их взаимное воздействие на пространственную организацию хозяйства.

Большой вклад в исследование проблемы размещения производительных сил и экономического пространства внесли советские ученые Н.Н. Баранский и Н.Н. Колосовский, которые стояли у истоков создания «районной школы» экономической географии. В работах этих ученых получили теоретические обоснования не только вопросы экономического районирования страны, но и вопросы формирования территориально-производственных комплексов [2; 18]. По сути, ученые предложили реальные инструменты территориального управления, использование которых было нацелено на рациональное размещение производства, способствующее сглаживанию социально-экономических диспропорций. Однако в условиях командной

централизованной экономики и приоритетности отраслевого управления применение предложенных инструментов не принесло ожидаемого результата.

Во второй половине XX века на фоне процессов интернационализации хозяйственной жизни и региональной интеграции усиливается теоретический и практический интерес к проблемам функционирования экономического пространства. В этот период были опубликованы работы У. Айзарда, которого называют основателем современной региональной науки, – «Location and Space Economy» и «Methods of Regional Analysis». В них автор предпринял попытку адаптации методов макроэкономики к исследованию регионов, представил модель пространственного равновесия и предложил математические методы исследования экономического пространства [13; 42]. Работы этого периода отличает важная особенность: при исследовании экономического пространства авторы обращают внимание на его неоднородность, как особое свойство.

Среди работ, в которых получила развитие теория экономического пространства, отдельное место занимают работы французского экономиста Ф. Перру, разработавшего концепцию «полюсов роста» [45; 46]. Согласно этой концепции рост экономики не происходит равномерно, а проявляется в центрах экономического пространства («полюсах роста»), но затем может распространяться с разной интенсивностью и на другие территории. Ф. Перру был сделан важный методологический вывод о том, что неравенство следует рассматривать как основополагающий принцип экономического развития, и что оно вытекает из различий в размерах производства и капитала, из различной степени информированности партнеров, из

принадлежности к различным областям хозяйства. Идеи Ф. Перру получили развитие в работах Ж. Будвиля, выделившего виды экономических пространств и предложившего иерархию центров роста; Х. Ричардсона, указавшего на роль агломераций в процессах формирования полюсов роста; Р.Х. Ласуэна, описавшего ряд важнейших особенностей полюсов роста [10; 21; 22; 47].

Значимую роль в исследованиях, раскрывающих механизмы пространственного развития (в том числе и его неравномерность), играет работа основателя теории «центр—периферия» Дж. Фридмана «Политика регионального развития» [41]. По мнению ученого, одной из главных причин неравномерности развития является научно-технический прогресс, который приводит к тому, что центры на любом пространственном уровне притягивают ресурсы с периферии, формируя тем самым не только возможности инновационного развития, но и диспропорции между территориями. Эта модель «центр—периферия» подтверждает мысль о том, что расслоение регионов в уровне развития — непременный спутник роста.

Таким образом, в научной литературе постепенно складывается понимание пространственного развития как неравномерного. Как необходимо подчеркнуть, по мере развития производительных сил и производственных отношений авторы исследуют силы, приводящие экономику в неравновесное состояние, и расширяют спектр факторов, влияющих на неравномерность развития. Так, если в работах конца XVIII и XIX вв. к главным движущим силам, обуславливающим неравномерное развитие, относились факторы положения в пространстве и транспортный, то, начиная с первой половины XX века, состав факторов существенно увеличился.

Важнейшим результатом научных работ этого периода является признание неравномерности объективным свойством территории. На современном этапе большое значение в усилении (равно, как и в снижении) неравномерности развития имеет инновационный фактор.

В тоже время акцент в исследованиях сместился в сторону изучения структурных характеристик экономического пространства [12; 20; 27], особенностей проявления неравномерности развития территорий различного иерархического уровня [1; 16], поскольку усиление неравномерности начинает формировать угрозы устойчивому поступательному развитию. В этой связи возрастает практический интерес к вопросам, связанным с разработкой методик диагностирования и оценки неравномерности [14; 17; 33], что, в свою очередь, обуславливает поиск новых механизмов, позволяющих снижать проявления негативных последствий.

Анализ научной литературы, посвященной проблематике неравномерности развития территорий, показал, что существуют достаточно схожие по своему содержанию определения этой категории, отличающиеся друг от друга лишь той спецификой и особенностями, определяемым направлением и сферой, в рамках которых рассматривается неравномерность. В целом можно отметить, что во многих исследованиях неравномерность развития территории отождествляется с различиями. Поэтому *под неравномерностью развития территорий следует понимать наличие (существование) различий по определенной совокупности параметров, отражающих ту или иную сферу функционирования и развития территории.*

Неравномерность как свойство территории определяется различными причинами и факторами. В работах ряда авторов

указываются факторы, влияющие на неравенство территорий, однако не приводятся признаки, позволяющие понять, как классифицированы эти факторы. Вместе с тем некоторые авторы концентрируют внимание на выделении, например, объективных и субъективных, внутренних и внешних факторов, детерминирующих возникновение и трансформацию неравенства территорий. Классификация факторов расширяет возможности не только более глубокого изучения причин изменения неравномерности развития регионов, но и более точной оценки места и роли каждого из них в данном процессе. Заметим также, что это создает широкие возможности для обоснованного управления социально-экономи-

ческим развитием. В этой связи хотелось бы отметить работу П. Кругмана, нобелевского лауреата по экономике 2008 года, который выделяет две группы факторов: одна из них не зависит от деятельности человека, а другая, наоборот, ею (деятельностью) определяется [43]. В опоре именно на эти факторы, создаваемые деятельностью человека, можно оказывать определенное влияние на пространственное развитие, сглаживание диспропорций, снижение их негативного действия на развитие общества. Понимание возможности и необходимости воздействия на указанные процессы позволило расширить перечень признаков, положенных в основу выделения следующих групп факторов (рис. 1).

Особое внимание, на наш взгляд, следует уделять объективным и субъективным факторам, которые также могут быть разделены и по другим признакам. К объективным факторам относятся: географическое положение (в определенных широтах, по отношению к водным путям, морям, границам, районам потребления готовой продукции, районам концентрации природных ресурсов и т.п.); природно-климатические особенности (тип климата, тип почв, геоморфологические особенности, конфигурация речных сетей); обеспеченность природными ресурсами (наличие или отсутствие определенных видов топливно-энергетических, рудных, нерудных, земельных, лесных и водных ресурсов). Данные факторы, в свою очередь, влияют на степень хозяйственного освоения территории, систему расселения населения, отраслевую структуру экономики. Это позволяет заключить, что объективные факторы обуславливают действие субъективных, к числу которых можно отнести экономические условия, политические и экономические институты, систему управления, научно-технический прогресс, человеческий капитал, социальные институты, инфраструктуру, рыночную конъюнктуру и др.

Каждый из указанных факторов воздействует на социально-экономические процессы, при этом совместное влияние совокупности факторов формирует тренд, в направлении которого различия по определенному кругу параметров могут либо усиливаться, либо сокращаться. Между тем, один и тот же фактор может иметь разную направленность влияния на развитие конкретной территории: в одних случаях он может сказываться на развитии территории положительно, в других — негативно, а в третьих — не оказывать никакого влияния.

Особенности современного функционирования хозяйственных систем (переход к инновационному типу развития, достижения в различных областях науки и т.д.) стали причиной снижения роли объективных и повышения роли субъективных факторов. Однако полностью устранить факторы неравномерности невозможно: они неизбежны для любой территориальной общественной системы.

Таким образом, многообразие факторов и их взаимное влияние друг на друга предопределяют не только сложный характер неравномерности, но и возможность ее изменения.

Как показал анализ научной литературы, исследователи, изучающие неравномерность социально-экономического развития, используют для её обозначения различные термины, такие как: «дифференциация», «асимметрия», «поляризация», «диспропорция». При этом, характеризуя неравномерность развития территорий в целом, каждый из них «отражает отдельные аспекты феномена неравенства» [31, с. 87]. Следует также согласиться с автором работы [28], в которой дифференциация, поляризация, диспропорция, дисгармония, анклавизация территории именуется формами проявления или степенями неравенства.

Это стало основанием для гипотезы о существовании связи между этими понятиями (неравномерность, дифференциация, асимметрия, поляризация), несущими схожую смысловую нагрузку, и об особом характере этой связи, который проявляется в следующем:

- перечисленные понятия характеризуют неравномерность;
- изменение неравномерности развития территории проходит три стадии (дифференциация — асимметрия — поляризация);

- на каждой из этих стадий имеет место усиление различий, что позволяет говорить о соответствии каждой стадии определенной степени неравномерности развития;

- углубление различий обусловлено воздействием комплекса определенных факторов.

Аргументами в обоснование данного предположения могут стать результаты исследований неравномерности развития, опираясь на которые, возможно установить отличительные особенности дифференциации, асимметрии и поляризации, позволяющие разграничить эти понятия и установить между ними взаимосвязь.

В научных работах, связанных с изучением социально-экономического неравенства, отмечается, что в основе дифференциации лежат объективные различия в исходных предпосылках хозяйственной деятельности, которые носят естественный характер. По мнению исследователей [8, с. 8; 36, с. 12], дифференциация – это процесс *становления* и развития несоответствия между территориями, который определяется различиями в условиях, факторах и результатах развития территорий. При этом авторы подчеркивают, что дифференциация является одной из закономерностей развития экономики, приводящих к нарушению равновесия, диспропорциям и несбалансированности территории. В исследовании [29, с. 10] под дифференциацией как неотъемлемым свойством экономического пространства понимается объективное состояние неоднородности пространства, проявляющееся в различиях по определенным социальным и экономическим параметрам. Убедительны аргументы авторов работы [23, с. 39-40] в пользу того, что дифференциация есть индикатор целостности пространства и территорий. По их мнению, дифференциация

представляет собой одновременно и процесс, и результат формирования различий между территориями, которые отражают «качество и степень единства пространства экономической, социальной, политической и иной жизни общества в границах конкретного государства».

Принимая во внимание эти точки зрения, можно утверждать, что возникновение дифференциации (различий) свидетельствует о начале процесса «расслоения» территории, обусловленного в определенной степени объективными факторами (это геополитическое положение региона, природно-климатические условия, культурно-исторические факторы, обеспеченность региона важнейшими видами ресурсов и другие). Наличие этих причин подтверждает мысль о том, что состояние неоднородности пространства – закономерность развития экономики. Но, как было сказано выше, объективные факторы приводят в действие субъективные факторы, совместное действие которых изменяет социально-экономическое пространство.

Изложенное выше позволяет определить *дифференциацию как явление возникновения первоначальных, стартовых различий в уровне социально-экономического развития территории, обусловленное объективными и субъективными факторами.*

Одно из важнейших свойств сложных систем, к которым относится регион (как территория) – его открытость. Она проявляется в постоянном взаимодействии территории с внешней средой (меняющейся во времени), с другими регионами и т.п. В ходе этого заметно увеличивается количество факторов, влияющих на процессы развития. Так, например, в результате воздействия ряда внешних факторов, особенно из числа неуправляемых, сложно-прогнозируемых и долговременных, как экономического, так и неэкономического

го характера, происходит постепенное изменение первоначального состояния неоднородности и возрастание социальных и экономических различий. Заметим, что при этом может иметь место разнообразное по глубине и направлению влияние факторов на отдельные части территории, порождающее усиление неравномерности. Это находит свое отражение во взаимном удалении друг от друга показателей, свидетельствующем об увеличении межрегионального различия (расслоения) [20, с. 525]. Появление так называемых отклонений (разрывов, сдвигов) в параметрах, характеризующих состояние территории, в работах ряда авторов содержательно связывается с понятием асимметрии. Так, автор [6] понимает асимметрию социально-экономического развития как увеличение различий между территориями; по мнению автора [7, с. 10-11], асимметрия – это отклонения в условиях и результатах развития социальной и экономической сфер региона; такой же точки зрения придерживаются авторы [19, с. 8; 32, с. 10; 39, с. 9], связывая асимметрию с разрывами (отклонениями) в результатах деятельности.

Это свидетельствует о том, что неравномерность развития территории при воздействии определенных факторов переходит из стадии дифференциации, на которой возникают различия, нарушающие целостность пространства, в стадию асимметрии, на которой продолжается дальнейшее смещение уровня развития территорий относительно друг друга и более существенной становится дестабилизация воспроизводственных процессов.

Поэтому *асимметрию* можно определить следующим образом: *это явление увеличения социально-экономических различий между территориями, вызванное разнонаправленным воздействием совокупности внутренних и внешних факторов.*

Следует также отметить, что вследствие усиливающейся асимметрии происходит рост разобщенности территории по социально-экономическим параметрам, а вследствие сокращающейся асимметрии могут иметь место спад различий и постепенное выравнивание уровня социально-экономического развития территории. Становится понятным, что вектор изменения асимметрии в определенной степени может зависеть от регулирующих воздействий государства.

Однако не всегда влияние государства приводит к положительным результатам для развития территорий. Отсутствие внимания к закономерностям социально-экономической системы, к определенным внешним и внутренним рискам, выбор методов регулирования без учета свойств объекта воздействия и случайный характер появления некоторых факторов могут вызывать значительное увеличение социально-экономических различий – вплоть до критического уровня. Это неизбежно будет усиливать обособление территорий (или их частей), что, в свою очередь, может стать серьезной угрозой экономической целостности и безопасности страны.

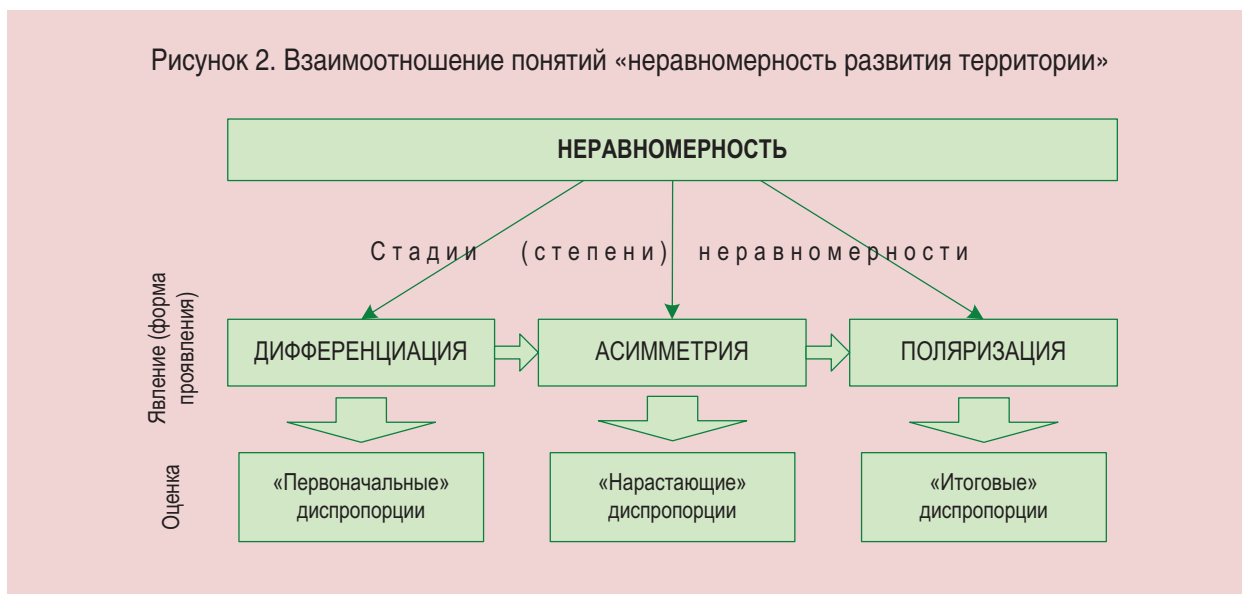
Такое состояние, при котором имеет место «противопоставление территории по отдельным признакам, а также процесс разделения единого пространства на противоположные по ряду характеристик территории» [9, с. 10], в научной литературе именуется поляризацией пространства. Несмотря на некоторые отличия в формулировках, используемых при определении сущности поляризации, многие авторы связывают её с «обособлением двух относительно самостоятельных, но взаимосвязанных компонент в рамках выстраиваемых отношений, имеющих экономическую природу» [4, с. 15], обуславливающим чрезмерную территори-

альную неравномерность, что, в свою очередь, «противопоставляет территории по отдельным признакам» [15]. Такое обособление территорий неизбежно приводит к перераспределению ресурсов, изменению уровня привлекательности территорий, их конкурентоспособности и формированию территорий-лидеров и территорий-аутсайдеров. Это позволяет заключить, что поляризация является завершающей стадией неравномерности развития, на которой обострение различий социально-экономических параметров достигает значительных размеров. *Поляризация* представляет собой крайнюю степень неравномерности развития территорий, ее максимальный, предельный уровень в сложившихся на данный момент времени условиях, это — явление достижения территориями диаметрального (или максимально возможного) удаления друг от друга по определенным параметрам в конкретных условиях.

Неравномерность социально-экономического развития проявляется через диспропорции, нарастание которых происходит по мере увеличения различий,

имеющих место при смене стадий (дифференциация — асимметрия — поляризация). Нарушение пропорционального развития может усиливать экономическую и социальную напряженность. Определение степени неравномерности развития, необходимой для принятия управленческих решений, может опираться на оценку диспропорций. По мнению исследователей, диспропорция понимается как разница в параметрах, характеризующих социально-экономическое развитие, которая превышает некоторый (предельный, критический) уровень [20, с. 525; 30, с. 9]. Следовательно, можно предположить, что путем определения диспропорций можно оценить неравномерность развития как в целом, так и отдельных стадий (дифференциация, асимметрия, поляризация) территории (рис. 2). Такая количественная оценка позволяет определить не только степень различий между территориями по социально-экономическим параметрам, но и соответствующие инструменты государственного воздействия с целью их (различий) уменьшения.

Рисунок 2. Взаимоотношение понятий «неравномерность развития территории»

На начальной стадии, под влиянием главным образом объективных факторов, происходит изменение равновесия социально-экономического развития, формируются так называемые «первоначальные» диспропорции. Дальнейшее увеличение различий, обусловленное воздействием не только внутренних, но и внешних факторов, сопровождается нарушением сбалансированности развития и приводит к возникновению «нарастающих диспропорций». В конечном итоге, когда взаимодействие факторов усиливается, различия, достигая значительных размеров, обуславливают формирование противоположностей, формируются «итоговые» диспропорции.

В работах многих отечественных и зарубежных авторов подчеркивается, что неравномерность развития, являясь свойством социально-экономического пространства, представляет собой естественное нормальное явление, характерное для территории любого уровня иерархии. При этом отмечается двоякий характер влияния неравномерности [10; 23; 40]. Это проявляется в существовании как позитивной, так и негативной составляющей ее воздействия на экономическую и социальную сферы.

Положительное влияние неравномерности развития на функционирование региональной социально-экономической системы может проявляться в том, что одни территории получают возможность развития за счет более эффективного использования собственных и привлечения внешних ресурсов, тем самым повышая свою конкурентоспособность и устойчивость. Добавим при этом, что при определенных условиях и регулирующих воздействиях государства импульс развития может распространиться и на другие территории, где ак-

тивизируются экономические процессы, раскрываются возможности реализации конкурентных преимуществ.

В то же время необходимо иметь в виду, что в условиях существенных различий накопление преимуществ и развитие одних территорий происходит за счет ограничения возможностей других, что увеличивает вероятность угрозы кризисных явлений, приводит к расслоению социально-экономического пространства, нарушению его однородности. Отрицательное влияние социально-экономического неравенства находит свое отражение в замедлении экономического роста, истощении человеческого капитала, технологическом отставании, снижении доверия населения к власти, в ослаблении экономических и социальных связей.

Однако, как показывает практика, в большинстве случаев неравномерность развития территорий вызывает негативные последствия (рис. 3).

Обращает на себя внимание тот факт, что между степенью неравномерности и последствиями прослеживаются тесная связь и зависимость. При изменении неравномерности от стадии дифференциации к стадии поляризации социальные и экономические последствия могут приобретать угрожающий характер для стабильного развития территории: сокращение занятости в отдельных сферах экономики может привести к социальной напряженности в обществе, а снижение эффективности и результативности функционирования экономики — к возникновению проблемной территории.

Образование проблемных регионов, требующих значительной поддержки со стороны государства, влечет за собой растущее неравенство в уровне жизни населения и его миграцию в более благопри-

Рисунок 3. Негативные последствия неравномерности развития территорий

ятные территории, а это, в свою очередь, приводит к «угасанию» развития и «вымиранию» целых населённых пунктов [38, с. 65]. При этом увеличение различий между территориями по ряду социально-экономических параметров дестабилизирует развитие экономики и социальной сферы, нарушает устойчивое и сбалансированное развитие территорий, целостность и единство социально-экономического пространства.

Таким образом, сопоставление и анализ изучаемых понятий (дифференциация, асимметрия, поляризация) показали, что каждое из них содержательно связано с различиями, характеризующими неравномерность социально-экономического развития. Возникновение и изменение различий обусловлено сочетанием разнообразных факторов. Сначала воздействие одних факторов (главным образом объективных) инициирует возникновение неравенства, потом комбинация факторов увеличивается и усложняются связи между ними и социально-экономическими процессами, что приводит к усилению

различий, далее происходит обострение различий, так как действие многих факторов усугубляется не только нестабильностью условий, неопределенностью исходов многих явлений, но и случайным характером некоторых процессов. Эта последовательность смены форм проявления неравенства (качественно и количественно) позволяет сделать вывод о том, что в развитии неравномерности можно выделить отдельные стадии, на каждой из которых исследуемое свойство пространства приобретает свои особенности. Следовательно, каждая стадия неравномерности (дифференциация – асимметрия – поляризация) отражает определенную степень разобщенности территории (или территорий) по социально-экономическим показателям, которая в указанном направлении возрастает. Усиление неравномерности (равно как и ее негативных последствий) может представлять угрозу не только целостности социально-экономического пространства, но и национальной безопасности. С целью предотвращения отрицательных последствий этого

явления необходимо активное участие государства в регулировании территориального развития. При выборе методов, инструментов и форм государственного воздействия следует опираться на опреде-

ление стадии неравномерности социально-экономического развития, выявление ее особенностей и факторов, обуславливающих различия, воздействуя на которые можно достичь наилучшего результата.

Литература

1. Александрова, А. Неравномерность развития муниципальных образований [Текст] / А. Александрова, Е. Гришина // Вопросы экономики. – 2005. – № 8. – С. 97-105
2. Баранский, Н.Н. Становление советской экономической географии [Текст] : избранные труды / Н.Н. Баранский; редкол.: В.А. Анучин и др. – М.: Мысль, 1980. – 287 с.
3. Блауг, М. Экономическая мысль в ретроспективе [Текст] / М. Блауг; пер. с англ. – 4-е изд. – М.: Дело Лтд, 1994. – 720 с.
4. Булгакова, О.А. Поляризация территориального развития мезоэкономических систем в условиях глобализации [Текст]: автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.05 / О.А. Булгакова. – Ростов н/Д, 2003. – 28 с.
5. Вебер, А. Теория размещения промышленности [Текст] / А. Вебер. – М.: Книга, 1926. – 228 с.
6. Воробьев, Д.Н. Регулирование асимметрии социально-экономического развития муниципальных образований региона: автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.05 / Д.Н. Воробьев. – Екатеринбург, 2005. – 26 с.
7. Галдин, М.В. Методические подходы к выявлению асимметрии социально-экономического развития региона (на примере Омской области) [Текст]: автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.05 / М.В. Галдин. – Омск, 2004. – 26 с.
8. Гетманцев, К.В. Социально-экономическая дифференциация муниципалитетов и механизм поддержки проблемных территорий [Текст]: автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.05 / К.В. Гетманцев. – Краснодар, 2006. – 28 с.
9. Головачева, О.А. Активизация притока иностранного капитала как инструмент сглаживания пространственной поляризации регионов: автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.05 / О.А. Головачева. – Иваново, 2013. – 23 с.
10. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов [Текст] / А.Г. Гранберг. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 495 с.
11. Грицай, О.В. Центр и периферия в региональном развитии [Текст] / О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиш. – М.: Наука, 1991. – 168 с.
12. Зубаревич, Н.В. Социально-экономическое развитие регионов: мифы и реалии выравнивания [Текст] / Н.В. Зубаревич // SPERO. – 2008. – № 9. – С. 7-22
13. Изард, У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах [Текст] / У. Изард; пер. с англ. В.М. Гохмана, Ю.Г. Липеца, С.Н. Тагера. – М.: Прогресс, 1966. – 659 с.
14. Казанцев, С.В. Оценка взаимного положения регионов [Текст] / С.В. Казанцев // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 2. – С. 151-174.
15. Кетова, Н.П. Региональная экономика: универсальный учебный экономический словарь [Текст] / Н.П. Кетова, В.Н. Овчинников. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 247 с.
16. Койчужев, Т. О неравномерности экономического развития стран в современном мире [Текст] / Т. Койчужев // Общество и экономика. – 2014. – № 6. – С. 5-12.
17. Коломак, Е.А. Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный аспекты [Текст] / Е.А. Коломак // Пространственная экономика. – 2010. – № 1. – С. 26-35.
18. Колосовский, Н.Н. Избранные труды [Текст] / Н.Н. Колосовский; под ред. Н.Н. Казанского. – Смоленск: Ойкумена, 2006. – 336 с.
19. Корень, К.С. Инструменты сглаживания пространственной поляризации муниципальных образований [Текст]: автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.05 / К.С. Корень. – Иркутск, 2010. – 24 с.
20. Лавровский, Б.Л. Территориальная дифференциация и подходы к ее ослаблению в Российской Федерации / Б.Л. Лавровский // Экономический журнал ВШЭ. – 2003. – № 4. – С. 524-537.

21. Ласуэн, Х.Р. Урбанизация и экономическое развитие: временное взаимодействие между географическими и отраслевыми кластерами [Текст] / Х.Р. Ласуэн // *Пространственная экономика*. – 2009. – № 4. – С. 106-125.
22. Ласуэн, Х.Р. Урбанизация и экономическое развитие: временное взаимодействие между географическими и отраслевыми кластерами [Текст] / Х.Р. Ласуэн // *Пространственная экономика*. – 2010. – № 1. – С. 68-101.
23. Лексин, В. Общероссийские реформы и территориальное развитие. Статья 2. Реформы и целостность государства. Проблемы территориальной дифференциации и дезинтеграции [Текст] / В. Лексин, А. Швецов // *РЭЖ*. – 1999. – № 11-12. – С. 36-44.
24. Ленин, В.И. Империализм как высшая стадия капитализма [Текст] / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1984. – 136 с.
25. Леш, А. Пространственная организация хозяйства [Текст] / А. Леш: пер. с нем.; под ред. А.Г. Гранберга. – М.: Наука, 2007. – 663 с.
26. Маркс, К. Критика политической экономии [Текст] // *Капитал*. – Т. 1. – Кн. 1: Процесс производства капитала / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1983. – 905 с.
27. Минакир, П.А. Мнимые и реальные диспропорции экономического пространства [Текст] / П.А. Минакир // *Пространственная экономика*. – 2008. – № 4. – С. 5-18.
28. Перов, А.В. Генезис проблемы неравномерности социально-экономического развития в пространстве [Электронный ресурс] / А.В. Перов // *Российский экономический интернет журнал*. – 2009. – № 2. – Режим доступа: <http://www.e-rej.ru/Articles/2009/Perov.pdf>
29. Победин, А.А. Политика регулирования внутрирегиональной дифференциации социально-экономического развития [Текст]: автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.05 / А.А. Победин. – Екатеринбург, 2008. – 25 с.
30. Полтавский, С.А. Дифференциация социально-экономического положения субъектов Российской Федерации и механизм ее сокращения [Текст]: автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.05 / С.А. Полтавский. – Владимир, 2009. – 22 с.
31. Попов, П.А. Дефиниции социально-экономической асимметрии муниципальных организаций региона [Текст] / П.А. Попов // *Социально-экономические явления и процессы*. – 2010. – № 5. – С. 85-88
32. Попов, П.А. Интеграция муниципальных территорий как инструмент сглаживания асимметрии социально-экономического развития региона [Текст]: автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.05 / П.А. Попов. – Тамбов, 2011. – 24 с.
33. Проект Сирена: методы измерения и оценки региональной асимметрии [Текст] / под ред. С.А. Суспицына. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2002. – 248 с.
34. Региональное развитие: опыт России и Европейского союза [Текст] / рук. авт. колл. и отв. ред. А.Г. Гранберг. – М.: Экономика, 2000. – 435 с.
35. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов [Текст] / под ред. В. Незнанова. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 684 с.
36. Татульян, М.Е. Внутрирегиональная социально-экономическая дифференциация и механизмы ее преодоления [Текст]: автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.05 / М.Е. Татульян. – Майкоп, 2008. – 26 с.
37. Тюнен, И. Изолированное государство [Текст] / И. Тюнен: пер. с нем.; под ред. и с предисл. проф. А.А. Рыбникова. – М.: Экономическая жизнь, 1926. – 326 с.
38. Ускова, Т.В. Региональная политика территориального развития [Текст]: монография / Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 156 с.
39. Чуракова, М.М. Оценка социально-экономической асимметрии в развитии регионов [Текст]: автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.05 / М.М. Чуракова. – Ставрополь, 2011. – 23 с.
40. Этингоф, Е.В. Усиление социально-экономической дифференциации как фактор дисбалансированности социального развития России [Текст]: автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.05 / Е.В. Этингоф. – Москва, 2006. – 28 с.
41. Friedmann, J. Regional Development Policy: A Case of Study Venezuela [Text] / J. Friedmann. – MIT Press, 1966, P.17.
42. Isard, W. Location and Space-Economy [Text] / W. Isard. – The MIT Press, 1972. – P. 369.

43. Krugman, P. Increasing Returns and Economic Geography [Text] / P. Krugman // Journal of Political Economy. – 1991. – Vol. 99. – No. 3. – P. 483-499.
44. Palander, T. Beiträge zur Standortstheorie [Text] / T. Palander. – Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1935. – P. 419.
45. Perroux, F. Note sur la ville consideree comme pole de developpement et comme foyer du progres [Text] / F. Perroux // Revue Tiers-Monde. - 1967. - Vol. 8. - № 32. – P. 1147-1158.
46. Perroux, F. Les investissements multinationaux et l'analyse des poles de developpement et des poles d'integration [Text] / F. Perroux // Revue Tiers-Monde. - 1968. - Vol. 9. - № 34. – P. 239-265.
47. Richardson, H. W. Regional growth theory [Text] / H. W. Richardson. - London: MacMillan, 1973. – P. 272.

Сведения об авторах

Елена Сергеевна Губанова – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Финансы и кредит», Вологодский государственный университет (160000, Россия, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, gubanova_elena@mail.ru)

Виктория Сергеевна Клещ – аспирант, Вологодский государственный университет (160000, Россия, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, korennikova@gmail.com)

Gubanova E.S., Kleshch V.S.

Methodological Aspects in Analyzing the Level of Non-Uniformity of Socio-Economic Development of Regions

Abstract. This article considers uneven socio-economic development of territories. The experience of many countries convincingly demonstrates that the heterogeneity of space is a significant obstacle to the sustainable development of regions. Having analyzed the works of foreign and domestic scientists, the authors prove that in the course of transformation of the views on spatial development, there gradually evolved an idea of uneven socio-economic development as an objective feature of any territory. The study classifies factors that influence the socio-economic inequality of territories and determine its complexity. The authors pay attention to the fact that when studying development unevenness the researchers use different terms (“differentiation”, “asymmetry”, “polarization”, “disproportion”) that are often treated as similar. Therefore, the paper puts forward a hypothesis that there exists a relationship between these concepts that have similar meaning, and the special nature of this relationship is manifested in the fact that these concepts represent different stages of unevenness. This hypothesis is confirmed by the analysis and synthesis of a number of works of domestic and foreign researchers. The authors conclude that each stage of unevenness reflects a certain degree of fragmentation of the territory (or territories) by socio-economic indicators. Transition from one stage to another (from differentiation to asymmetry, from asymmetry to polarization) is caused by a combination of factors that reinforce differences in the direction specified. Taking into account the fact that uneven development of territories can lead to negative consequences affecting their socio-economic development, it should be noted that the government should play an important role in their elimination. The authors attempt to expand the existing notions of uneven socio-economic development of the territory. Theoretical generalizations contained in the article can be used as materials for discussion in the scientific discourse. In addition, they may be of interest to the scientific and educational activities.

Key words: unevenness of socio-economic development of the territory, differentiation, asymmetry, polarization, disproportion.

References

1. Aleksandrova A., Grishina E. Neravnomernost' razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy [Nonuniform development of municipalities]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of economy], 2005, no. 8, pp. 97-105. (In Russian).
2. Baranskii N.N. *Stanovlenie sovetskoi ekonomicheskoi geografii: izbrannye trudy* [Formation of the Soviet economic geography: selected works]. Moscow: Mysl', 1980. 287 p. (In Russian).
3. Blaug M. *Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive* [Economic theory in retrospect]. Translated from English. 4th edition. Moscow: Delo Ltd, 1994. 720 p. (In Russian).
4. Bulgakova O.A. *Polyarizatsiya territorial'nogo razvitiya mezoekonomicheskikh sistem v usloviyakh globalizatsii: avtoref. dis. ... k.e.n.: 08.00.05* [Polarization of territorial development of meso-economic systems in conditions of globalization: Ph.D. in Economics thesis abstract]. Rostov-on-Don, 2003. 28 p. (In Russian).
5. Weber A. *Teoriya razmeshcheniya promyshlennosti* [Theory of industrial location]. Moscow: Kniga, 1926. 228 p. (In Russian).
6. Vorob'ev D.N. *Regulirovanie asimmetrii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy regiona: avtoref. dis. ... k.e.n.: 08.00.05* [Regulation of asymmetry of socio-economic development of municipal formations of the region: Ph.D. in Economics thesis abstract]. Yekaterinburg, 2005. 26 p. (In Russian).
7. Galdin M.V. *Metodicheskie podkhody k vyvazheniyu asimmetrii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona (na primere Omskoi oblasti): avtoref. dis. ... k.e.n.: 08.00.05* [Methodological approaches to the identification of asymmetry of socio-economic development of the region (case study of the Omsk Oblast: Ph.D. in Economics thesis abstract]. Omsk, 2004. 26 p. (In Russian).
8. Getmantsev K.V. *Sotsial'no-ekonomicheskaya differentsiatsiya munitsipalitetov i mekhanizm podderzhki problemnykh territoriy: avtoref. dis. ... k.e.n.: 08.00.05* [Socio-economic differentiation of municipalities and the mechanism for support of problem territories: Ph.D. in Economics thesis abstract]. Krasnodar, 2006. 28 p. (In Russian).
9. Golovacheva O.A. *Aktivizatsiya pritoka inostrannogo kapitala kak instrument sglazhivaniya prostranstvennoi polyarizatsii regionov: avtoref. dis. ... k.e.n.: 08.00.05* [Boosting the inflow of foreign capital as an instrument to smooth spatial polarization of regions: Ph.D. in Economics thesis abstract]. Ivanovo, 2013. 23 p. (In Russian).
10. Granberg A.G. *Osnovy regional'noi ekonomiki: uchebnyk dlya vuzov* [Fundamentals of regional economics: textbook for universities]. Moscow: GU VShE, 2000. 495 p. (In Russian).
11. Gritsai O.V., Ioffe G.V., Treivish A.I. *Tsentr i periferiya v regional'nom razvitiy* [Centre and periphery in regional development]. Moscow: Nauka, 1991. 168 p. (In Russian).
12. Zubarevich N.V. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye regionov: mify i realii vyvazhivaniya* [Socio-economic development of regions: myths and realities of alignment]. *SPERO*, 2008, no. 9, pp. 7-22. (In Russian).
13. Isard W. *Metody regional'nogo analiza: vvedenie v nauku o regionakh* [Methods of regional analysis: an introduction to regional science]. Translated from English by V.M. Gokhman, Yu.G. Lipets, S.N. Tager. Moscow: Progress, 1966. 659 p. (In Russian).
14. Kazantsev S.V. *Otsenka vzaimnogo polozheniya regionov* [Comparative assessment of regional economies]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: economics and sociology], 2008, no. 2, pp. 151-174. (In Russian).
15. Ketova N.P., Ovchinnikov V.N. *Regional'naya ekonomika: universal'nyi uchebnyy ekonomicheskii slovar'* [Regional economics: universal educational economic dictionary]. Rostov-on-Don: Feniks, 2006. 247 p. (In Russian).
16. Koichuev T. *O neravnomernosti ekonomicheskogo razvitiya stran v sovremennom mire* [On uneven economic development in the modern world]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and economy], 2014, no. 6, pp. 5-12. (In Russian).
17. Kolomak E.A. *Mezhregional'noe neravenstvo v Rossii: ekonomicheskii i sotsial'nyi aspekty* [Interregional disparities in Russia: economic and social aspects]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economics], 2010, no. 1, pp. 26-35. (In Russian).
18. Kolosovskii N.N. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Ed. by N.N. Kazanskii. Smolensk: Oikumena, 2006. 336 p. (In Russian).
19. Koren' K.S. *Instrumenty sglazhivaniya prostranstvennoi polyarizatsii munitsipal'nykh obrazovaniy: avtoref. dis. ... k.e.n.: 08.00.05* [Tools for smoothing spatial polarization of municipal entities: Ph.D. in Economics thesis abstract]. Irkutsk, 2010. 24 p. (In Russian).

20. Lavrovskii B.L. Territorial'naya differentsiatsiya i podkhody k ee oslableniyu v Rossiiskoi Federatsii [Territorial differentiation and approaches to its smoothing in the Russian Federation]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE* [Economic journal of Higher School of Economics], 2003, no. 4, pp. 524-537. (In Russian).
21. Lasuen J.R. Urbanizatsiya i ekonomicheskoe razvitie: vremennoe vzaimodeistvie mezhdru geograficheskimi i otraslevymi klasterami [Urbanisation and development—the temporal interaction between geographical and sectoral clusters]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economics], 2009, no. 4, pp. 106-125. (In Russian).
22. Lasuen J.R. Urbanizatsiya i ekonomicheskoe razvitie: vremennoe vzaimodeistvie mezhdru geograficheskimi i otraslevymi klasterami [Urbanisation and development—the temporal interaction between geographical and sectoral clusters]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economics], 2010, no. 1, pp. 68-101. (In Russian).
23. Leksin V., Shvetsov A. Obshcherossiiskie reformy i territorial'noe razvitie. Stat'ya 2. Reformy i tselostnost' gosudarstva. Problemy territorial'noi differentsiatsii i dezintegratsii [Nationwide Russian reforms and territorial development. Article 2. Reforms and integrity of the state. The problems of territorial differentiation and disintegration]. *REZh* [Russian economic journal], 1999, no. 11-12, pp. 36-44. (In Russian).
24. Lenin V.I. *Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma* [Imperialism, the highest stage of capitalism]. Moscow: Politizdat, 1984. 136 p. (In Russian).
25. Lösch A. *Prostranstvennaya organizatsiya khozyaistva* [The Spatial Organization of the Economy]. Translated from German. Ed. by A.G. Granberg. Moscow: Nauka, 2007. 663 p. (In Russian).
26. Marx K. *Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii T. 1. Kn. 1: Protsess proizvodstva kapitala* [Capital: Critique of Political Economy. Volume 1. Book One: The Process of Production of Capital]. Moscow: Politizdat, 1983. 905 p. (In Russian).
27. Minakir P.A. Mnimye i real'nye disproportsii ekonomicheskogo prostranstva [The seeming and real disproportions of economic space]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economics], 2008, no. 4, pp. 5-18. (In Russian).
28. Perov A.V. Genezis problemy neravnomernosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v prostranstve [Genesis of the issue of uneven socio-economic development in space]. *Rossiiskii ekonomicheskii internet zhurnal* [Russian economic online journal], 2009, no. 2. Available at: <http://www.e-rej.ru/Articles/2009/Perov.pdf>. (In Russian).
29. Pobedin A.A. *Politika regulirovaniya vnutriregional'noi differentsiatsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: avtoref. dis. ... k.e.n.: 08.00.05* [Policy on the regulation of intra-regional differentiation of socio-economic development: Ph.D. in Economics thesis abstract]. Yekaterinburg, 2008. 25 p. (In Russian).
30. Poltavskii S.A. *Differentsiatsiya sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya sub"ektov Rossiiskoi Federatsii i mekhanizm ee sokrashcheniya: avtoref. dis. ... k.e.n.: 08.00.05* [Differentiation of the socio-economic status of the Russian Federation constituent entities and the mechanism of its reduction: Ph.D. in Economics thesis abstract]. Vladimir, 2009. 22 p. (In Russian).
31. Popov P.A. Definitcii sotsial'no-ekonomicheskoi asimmetrii munitsipal'nykh organizatsii regiona [Definitions of socio-economic asymmetry of the region's municipal organizations]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes], 2010, no. 5, pp. 85-88. (In Russian).
32. Popov P.A. *Integratsiya munitsipal'nykh territorii kak instrument sglazhivaniya asimmetrii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona: avtoref. dis. ... k.e.n.: 08.00.05* [Integration of municipal territories as an instrument for smoothing the asymmetry of socio-economic development of the region: Ph.D. in Economics thesis abstract]. Tambov, 2011. 24 p. (In Russian).
33. *Proekt Sirena: metody izmereniya i otsenki regional'noi asimmetrii* [Sirena Project: methods of measurement and evaluation of regional asymmetry]. Ed. by S.A. Suspitsyn. Novosibirsk: IEiOPP SO RAN, 2002. 248 p. (In Russian).
34. *Regional'noe razvitie: opyt Rossii i Evropeiskogo soyuza* [Regional development: experience of Russia and the European Union]. Moscow: Ekonomika, 2000. 435 p. (In Russian).
35. Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]. Ed. by V. Neznanov. Moscow: Sotsekgiz, 1962. 684 p. (In Russian).
36. Tatul'yan M.E. *Vnutriregional'naya sotsial'no-ekonomicheskaya differentsiatsiya i mekhanizmy ee preodoleniya: avtoref. dis. ... k.e.n.: 08.00.05* [Intraregional socio-economic differentiation and the mechanisms to overcome it: Ph.D. in Economics thesis abstract]. Maikop, 2008. 26 p. (In Russian).
37. Thünen J. *Izolirovannoe gosudarstvo* [The isolated state]. Translated from German. Ed. by and foreword by Professor A.A. Rybnikov. Moscow: Ekonomicheskaya zhizn', 1926. 326 p. (In Russian).

38. Uskova T.V., Voroshilov N.V. *Regional'naya politika territorial'nogo razvitiya: monografiya* [Regional policy of territorial development: monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2015. 156 p. (In Russian).
39. Churakova M.M. *Otsenka sotsial'no-ekonomicheskoi asimmetrii v razvitiit regionov: avtoref. dis. ... k.e.n.: 08.00.05* [Evaluation of socio-economic asymmetry in the development of regions: Ph.D. in Economics thesis abstract]. Stavropol, 2011. 23 p. (In Russian).
40. Etingof E.V. *Usilenie sotsial'no-ekonomicheskoi differentsiatsii kak faktor disbalansirovannosti sotsial'nogo razvitiya Rossii: avtoref. dis. ... k.e.n.: 08.00.05* [Increasing socio-economic differentiation as a factor promoting imbalances in social development of Russia: Ph.D. in Economics thesis abstract]. Moscow, 2006. 28 p. (In Russian).
41. Friedmann J. *Regional Development Policy: A Case of Study Venezuela*. MIT Pres, 1966. P.17.
42. Isard W. *Location and Space-Economy*. The MIT Press, 1972. P. 369.
43. Krugman P. Increasing returns and economic geography. *Journal of Political Economy*, 1991, vol. 99, no. 3, pp. 483-499.
44. Palander T. *Beiträge zur Standortstheorie*. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1935. P. 419.
45. Perroux F. Note sur la ville consideree comme pole de developpement et comme foyer du progress. *Revue Tiers-Monde*, 1967, vol. 8, no. 32, pp. 1147-1158.
46. Perroux F. Les investissements multinationaux et l'analyse des poles de developpement et des poles d'integration. *Revue Tiers-Monde*, 1968, vol. 9, no. 34, pp. 239-265.
47. Richardson H. W. *Regional growth theory*. London: MacMillan, 1973. P. 272.

Information about the Authors

Elena Sergeevna Gubanova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Finance and Credit, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation, gubanova_elena@mail.ru)

Viktoriya Sergeevna Kleshch - Graduate Student, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation, korennikova@gmail.com)

Статья поступила 29.08.2016.

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.5
УДК 316.774, 316.74, ББК 76.0, 60.524

© Морев М.В.

Новое дыхание «четвертой власти»*

Михаил Владимирович

МОРЕВ

кандидат экономических наук

Институт социально-экономического развития территорий РАН

160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

379post@mail.ru

Аннотация. В стремительно и хаотично развивающихся глобализационных процессах, которые наблюдаются в последние годы, средства массовой информации приобретают всё более важное значение в качестве фактора, влияющего на общественное сознание. Данный феномен связан с усложнением социальной структуры и психологических взаимоотношений в ходе естественной эволюции человечества, с развитием информационных технологий, а также с напряженной международной ситуацией, обусловленной развертыванием так называемой гибридной войны. Для Российской Федерации проблематика влияния СМИ на общественное сознание особенно актуальна, поскольку, во-первых, в ментальности российского общества «субъективный» фактор всегда был весьма значимым (что неоднократно подтверждалось ходом исторических событий), во-вторых, в гибридной войне Россия играет одну из главных ролей. Цель проведенного исследования заключалась в том, чтобы выявить и охарактеризовать специфические особенности социального восприятия и социального самочувствия, складывающиеся в общественном сознании под влиянием воздействия средств массовой информации. Ключевой вопрос, затрагиваемый в статье: насколько объективно средства массовой информации отражают существующую социальную реальность? Является ли целью «четвертой власти» донесение до людей объективной и достоверной информации о политической и экономической ситуации в стране и за ее пределами

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-02-00482 «Социокультурные детерминанты модернизационного развития России: методы измерения и анализ причинных зависимостей».

Для цитирования: Морев, М.В. Новое дыхание «четвертой власти» / М.В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 1. — С. 76-100. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.5

For citation: Morev M.V. New breath of the “fourth estate”. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 76-100. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.5

и, таким образом, приобщение широких слоев общества к конструированию социальной реальности? Или современные СМИ в большей степени являются инструментом информационного управления, нацеленного на программирование определенного типа поведения, формирование определенного типа психологической реакции на те или иные события, происходящие в России и в мире? Основным источником информации для подготовки данной статьи выступили результаты социологических исследований, проводимых на территории конкретного региона – Вологодской области (ИСЭРТ РАН) и в целом по стране (ВЦИОМ, Левада-центр, ИС РАН). Выводы и вопросы, поднимаемые в ходе рассуждений, достаточно дискуссионны, однако, на авторский взгляд, достойны обсуждения, в первую очередь по причине потенциальных угроз социальной стабильности и национальной безопасности, которые несет в себе искаженное восприятие социальной реальности в общественном сознании.

Ключевые слова: российское общество, средства массовой информации, гибридная война, общественное мнение, социальная реальность.

Средства массовой информации приобретают всё более весомую роль в качестве инструмента влияния на формирование общественного мнения. Данный процесс отмечают многие эксперты (Г.Г. Малинецкий, Н.В. Стариков, С.С. Сулакшин и др.): он идет не только в России, но и во всем мире, поэтому проблематика влияния СМИ на общественное сознание представляется крайне актуальной. «Сейчас возникли новые методы управления обществом – информационное управление, при котором поведение людей программируется сообщаемой ему или скрываемой от него информацией...» [21, с. 153].

В связи с ростом влияния средств массовой информации на формирование общественного мнения актуализируется цель настоящего исследования – выявить и охарактеризовать особенности социального восприятия и социального самочувствия, складывающиеся у людей в результате воздействия средств массовой информации, проанализировать отношение населения к СМИ и определить контуры возможных последствий, которые несет в себе искаженное восприятие экономических

и политических процессов, гипотетически возможное при неправильном подходе медийных источников к выполнению своих функций.

Следует отметить, что для Российской Федерации актуальность усиления роли СМИ как инструмента формирования общественных настроений обусловлена специфическими факторами. К ним можно отнести, например, освоение новых форм управления обществом в результате опыта ведения «информационной войны» с США [33], разгоревшейся в ходе конфликта с Украиной. Сегодня, несмотря на постепенное затухание украинского конфликта, опыт «информационного управления» по-прежнему остается актуальным. Как отмечают некоторые эксперты, «внимание власти сосредоточено на пропаганде» [6].

В нашей стране нематериальный фактор всегда занимал особое место. Достаточно вспомнить тот факт, что российское общество в течение почти 70-ти лет существовало в условиях тотальной пропаганды коммунистического режима. За это время советская экономика переживала

разные периоды: были голодные времена, была Великая Отечественная война... И далеко не всегда рядовой советский житель чувствовал себя так же, как в эпоху заката СССР, когда это была одна из самых мощных держав мира. Во все периоды существования советской власти уровень жизни в стране был значительно хуже, чем сейчас, однако, благодаря системно выстроенной идеологической политике или, другими словами, обращению к духовно-нравственным основам российского общества, чувство национальной идентичности было развито у людей сильнее, чем сегодня.

Даже социальная структура современного российского общества говорит об исключительной значимости именно нематериального фактора развития. «Прообразом среднего класса в России, в отличие от западного мира, является не буржуазия, а интеллигенция, то есть учителя, врачи, инженеры, ученые, а не предприниматели. Таким образом, в российском среднем классе и сегодня доминируют не бизнесмены, а интеллигенты» [32].

В современной, пореформенной России, как отмечают ученые, «концентрируется огромный социально-психологический ресурс, выступающий основой осуществления модернизационного прорыва, в котором столь остро нуждается сегодня российский социум» [7, с. 6]. Субъективный фактор «играет существенную и все возрастающую роль среди факторов, определяющих содержание и вектор происходящих изменений во всем мире и в нашей стране» [38, с. 32]. «Сложность и непредсказуемость социальных трансформаций, переживаемых российским обществом на протяжении последних двадцати пяти лет, обусловили включение социально-

психологических механизмов адаптации населения к существующему порядку вещей. Точнее, даже не столько к порядку, поскольку последний предполагает определенные стабильность и предсказуемость, сколько к складывающимся в социуме отношениям, далеко не всегда предсказуемым и упорядоченным» [29, с. 126].

В 2010-х годах череда событий (мюнхенское выступление В. Путина в 2007 г., его валдайская речь в 2013 г., Олимпийские игры в Сочи, «крымская весна», участие России в сирийском конфликте) вызвали в российском обществе всплеск патриотических чувств, самоуважение и гордость за страну, рост национальной идентичности. Многие ученые (Г.В. Осипов, С.С. Сулакшин и др.) говорили об этом периоде, как о новом этапе в жизни страны [25, с. 18; 36, с. 103]. Хочется в этой связи отметить, что **ни одно из вышеперечисленных событий, по большому счету, не было связано с улучшением уровня и качества жизни. Именно «духовные», а не какие-либо другие «скрепы» стали основой возрождения российской национальной идентичности. Это яркий пример того, насколько важен для россиян нематериальный фактор.**

Таким образом, мы видим, что существуют объективные предпосылки к тому, чтобы «четвертая власть» во всем мире обретала всё большее влияние на человечество, становилась все более значимым субъектом формирования социальной реальности. Для такой страны, как Россия, этот процесс особенно важен. У него есть глубокие, ментальные основания, уходящие своими корнями в историю российского народа, а также специфические факторы настоящего времени — «новый этап» российской истории и ключевая роль, которая отведена России в идущей

гибридной войне. Не случайно в стратегии национальной безопасности 2015 г. существенное внимание уделено информационной безопасности страны¹.

В своей статье мы бы хотели подчеркнуть важную, но неоднозначную, как нам кажется, роль, которую сегодня играют средства массовой информации в формировании общественного мнения. Однако прежде сделаем «лирическое отступление», чтобы указать на два объективных, не требующих доказательств факта, которые имеют самое непосредственное отношение к объекту нашего исследования.

Первый факт заключается в том, что СМИ во все времена имели колоссальное влияние на общественное сознание и поведение. Всем известно, что так называемая «четвертая власть», как нарекли журналистов ещё в XIX веке², в действительности властными полномочиями не обладает, и это лишь подчеркивает их роль в конструировании социальной реальности. По мере эволюции общества, усложнения социальной структуры и социальных отношений, научно-технического прогресса и появления новых форм

и технических средств, обеспечивающих коммуникацию, делающих неизбежным процесс глобализации, роль СМИ всё более усиливалась. Современное общество называют информационным, что говорит само за себя, и будущее его связывают исключительно с ростом влияния информационных технологий.

Второй факт, не требующий доказательств, — участие России в гибридной войне. Что такое гибридная война? Это военная стратегия, объединяющая как единое целое обычную войну, малую войну и информационную войну [24]. То есть информационная война представляет неотъемлемую часть войны гибридной, а СМИ в ней — одно из главных орудий.

Нельзя не согласиться с мнением Президента РФ, который считает, что «человечество достигло такого уровня развития, когда ядерная война становится бессмысленной, в ней не может быть победителя» [28]. И пока военная промышленность разрабатывает новые технологии для упреждения ядерного удара, главным ресурсом гибридной войны является общество, а ее главным инструментом — информация.

В целом, вектор развития интереса зарубежной науки к влиянию средств массовой информации на общественное сознание в XX веке (концепции неограниченного влияния СМИ на аудиторию (1920–1930-е годы; У. Липпман, К.Э. Шеннон, У. Уивер, Г. Лассуэлл); концепции опосредованного влияния СМИ на аудиторию (1940–1950-е годы; К. Ховланд, П. Лазарсфельд, Д. Клаппер); концепции взаимного влияния СМИ и аудитории (1960–1970-е годы, Э. Ноэль-Нойман, С. Болл-Рокич, М. Дефлер)) говорит о нарастающей актуальности данной проблематики и понимании того, что СМИ и общество — два активных субъекта,

¹ «Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности... Укрепление России происходит на фоне новых угроз национальной безопасности, имеющих комплексный взаимосвязанный характер. Проведение Российской Федерацией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мировых делах. Реализуемая ими политика сдерживания России предусматривает оказание на нее политического, экономического, военного и информационного давления» [24].

² Впервые этот термин употребил британский писатель, публицист, историк и философ Томас Карлайл (1795–1881). Иногда его авторство приписывают Жан-Жаку Руссо (1712–1778).

взаимовлияющих друг на друга. В контексте нашего исследования обращает на себя внимание одна из современных теорий — концепция о так называемой «мягкой силе» («soft power»), автор которой — американский исследователь Д. Най апеллирует к идее о том, что главное преимущество «мягкой силы» перед военной или финансовой мощью государства заключается в способности привлечь кого-либо благодаря ценностному содержанию внешней политики, а не простому набору материальных рычагов давления [41].

Итак, существуют два объективных, действующих на все мировое сообщество условия — гибридная война, в которую прямо или косвенно вовлечено большинство государств, и возрастание роли СМИ вследствие не только этой войны, но и естественной эволюции человечества (технического прогресса).

Применительно к российским реалиям нельзя сказать, что СМИ приобрели какое-то «второе» дыхание. На самом деле оно не ослабевало ни в советский (с его идеологической пропагандой), ни в постсоветский период 1990-х гг. (с его агрессивной рекламой различных видов продукции западной культуры). **«Новым» мы его называем в первую очередь потому, что изменилось его качество. На наш взгляд, сегодня СМИ — это не «проповедник» идеологии и не «маркетолог», а прежде всего инструмент трактовок внутренних и внешних событий.** Это важно понимать, т.к. для страны актуализируются внутренние и внешние угрозы. Их мало объяснять специализированными терминами и экспертными оценками, их надо объяснять доступным для народа языком. Вот на этом посыле и вступает в силу «четвертая власть». Нет сомнений в том, что народная поддержка имеет сегодня колоссаль-

ное значение — на ней держится социальная стабильность в стране. **Но вопрос в другом: каковы «взаимоотношения» россиян со средствами массовой информации? Служат ли СМИ народу, сообщая о реальных тенденциях политической и экономической ситуации в стране и за ее пределами и, таким образом, создавая возможности для участия общества в качестве полноправного и активного субъекта конструирования социальной реальности? Или они всего лишь «инструмент информационного управления», который целиком и полностью находится в руках «власть предержащих» и используется ими по своему усмотрению? И если так, то соответствует ли это «усмотрение» элит национальным интересам?**

Как показывают результаты проведенных социологических исследований, динамика общественного мнения о деятельности средств массовой информации отражает отношение людей к тенденциям во внутренней и внешней политике. Здесь уместно сделать еще одно «лирическое» отступление и напомнить читателю о том, что происходит сегодня во внутренней и внешней политике России.

А происходит в ней то, что образно можно представить как человека, который садится в лодку, привязанную к причалу, — поставив в нее одну ногу, надо ставить и другую, иначе можно просто упасть. Так и в политической жизни современной России. Во внешней политике мы видим очевидные успехи, связанные преимущественно с деятельностью Президента и его администрации. Это и концептуальные выступления В. Путина, которые сплотили все слои российского общества вокруг идеи «русского мира»; это и последствия украинского кризиса, главным результатом которого для России стало присоединение Крыма и Севастополя; это беском-

промиссная позиция России в сирийском конфликте, ее растущая роль в урегулировании самых важных мировых вопросов, в том числе касающихся борьбы с международным терроризмом.

Если в 2007 г. Президент только говорил о том, что «Россия — страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня» [34], то после «очного» вступления в борьбу с исламским государством стало очевидно, что «России больше не надо доказывать своё полноценное партнерство с ведущими мировыми державами» [16, с. 13], она стала не просто равноправным, а одним из ключевых игроков на мировой политической арене.

Совершенно иную картину можно наблюдать во внутренней жизни страны. Здесь мы видим глубоко укоренившийся системный кризис³, который уже давно вышел за рамки реального сектора экономики и проявляет себя практически во всех сферах общественной жизни; неэффективность управления, «благодаря» которому до сих пор доминирует экспортно-сырьевая модель экономического развития, категорически не соответствующая реалиям времени, делая нашу страну неконкурентоспособной на фоне перехода развитых стран к неоиндустриализации; наконец, это процветание коррупции, факты которой на протяжении

³ «Структурный экономический кризис в России, формально начавшийся в 2015 году (первый год фактического падения ВВП), — это структурный кризис в различных областях и направлениях: структурный кризис реального сектора экономики, такого же характера бюджетный кризис и т.п. Можно, по-видимому, говорить и о других проявлениях структурного кризиса, однако и уже названных достаточно для полноты анализа нынешнего экономического кризиса в России, для доказательства того, что он является, прежде всего, структурным по своей природе» [22, с. 17].

последних лет не сходят со страниц прессы и экранов телевидения.

С.С. Губанов отмечает, что «за вхождение России в автономную рецессию всецело ответственны внутренние причины и факторы, а именно — экспортно-сырьевая модель, основанная на компрадорской собственности» [8, с. 21]. Причём «автономная рецессия сигнализирует о том, что Россия сидит на вулкане системного кризиса, который был спящим, а теперь проснулся и пришёл в открытое движение... Системный кризис неустрашим ничем, кроме замены старой, архаичной и неэффективной экономической системы на исторически новую — прогрессивную, способную обеспечить качественно более высокую степень системного сочетания экономической эффективности и социальной справедливости» [9, с. 4].

Официальная позиция власти относительно экономической ситуации в стране кардинально расходится с тем, что говорят эксперты и о чем свидетельствуют данные официальной статистики⁴. При этом точка

⁴ «...Можно утверждать, что в 2014 г. мы ощутили только частичное влияние антироссийских мер... В 2014 году ухудшились многие показатели: инвестиции, рекордная девальвация рубля, начиная с 2012 г. стала ускоряться инфляция. Произошло ухудшение социально-экономической ситуации в целом. В отличие от кризиса 2008 г., это не кратковременный, а долгосрочный процесс, поэтому восстановление предсказать невозможно» [1].

«Только за первую половину 2015 г. по сравнению с январем — июнем 2014 г. ВВП снизился на 3,4%, индекс промышленного производства — на 2,7%, инвестиции в основной капитал — на 5,4%, реальные располагаемые денежные доходы населения — на 3,1%, индекс потребительских цен возрос на 8,5%. Несмотря на это, Правительство Медведева и финансовый блок продолжают давать достаточно благоприятные прогнозы относительно перспектив развития экономической ситуации в стране: согласно базовому сценарию «при низком потребительском спросе ожидается, что инфляция в 2016 году замедлится почти вдвое — до 6,5–7,5%. К 2018 году в условиях укрепления рубля инфляция снизится до 5%. Снижение инфляции и возобновление экономического роста обеспечат рост реальных доходов населения темпами 1,1 % в 2016 году и 2,6–2,8 % в 2017–2018 годах» [15, с. 11].

зрения Правительства активно транслируется средствами массовой информации по всем федеральным, региональным и местным телеканалам. Мнение же экспертов если и появляется в эфире федеральных каналов, то в таких программах, как «Политика», «Вечер с В. Соловьевым», «Структура момента», и других телепередачах, которые, во-первых, имеют статус ток-шоу, а во-вторых, транслируются по будням, после 23.00, то есть предназначены не для широкой общественности.

Таким образом, ситуация во внутренней политической жизни в стране, мягко говоря, «отстает» от тех достижений, которые смогла сделать Россия в укреплении своего международного статуса за последние 9 лет. Не случайно в последней редакции Стратегии национальной безопасности отмечена персональная ответственность главы государства за обеспечение всех приоритетных направлений национальной безопасности — не только внешних, но и внутренних, акцент на которых также является одним из ключевых отличий главного стратегического документа страны⁵.

Результаты социологических исследований показывают: **насколько дисбалансированной является система управления в России, настолько же и противоречиво отношение россиян к деятельности средств массовой информации.** Люди считают, что средства массовой информации играют положительную роль в жизни страны. В последние 11 лет (2005–2016) это мнение разделяли более половины жителей Вологодской области. Противоположной точ-

⁵ «Реализация государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности осуществляется путем согласованных действий всех элементов системы ее обеспечения **под руководством Президента Российской Федерации** и при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации» [24].

ки зрения придерживается всего лишь 15–25% населения (*рисунок*)⁶.

Однако СМИ как один из институтов, участвующих в конструировании социальной реальности, не пользуется высоким уровнем доверия среди людей. За период с 2000 по 2016 г. СМИ доверяло не более 30% населения, что является одним из самых низких показателей среди основных общественных структур и государственных институтов (*табл. 1*). Если в 2000 г. средства массовой информации находились на 9 месте по уровню доверия, то в 2015 г. — на 16 месте.

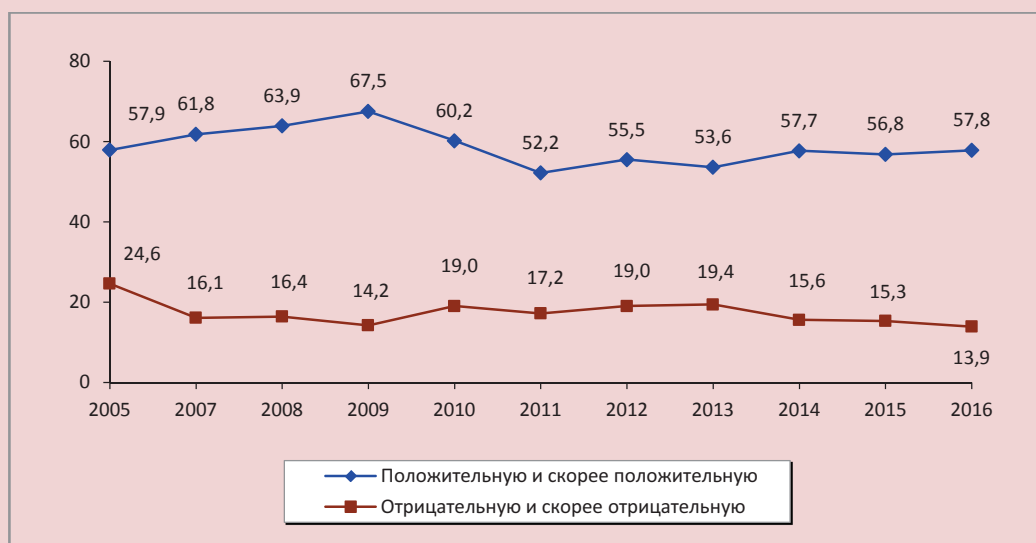
По результатам исследований Института социологии РАН (ИС РАН), «журналисты из всех профессий, занятых в сфере духовного производства, единственные с отрицательным, причем достаточно существенным, рейтингом доверия (журналистам доверяет 21% населения, не доверяет — 36%)»⁷.

Справедливости ради надо сказать, что низким уровнем характеризуется доверие людей не только средствам массовой информации, но и практически всем демократическим институтам в стране. Вследствие, мягко говоря, неэффективных управленческих решений государства в

⁶ Здесь и далее (кроме табл. 8) приведены данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН. Мониторинг проводится на территории Вологодской области с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

⁷ Исследование было проведено в 2012 г. среди населения Белгородской области, объем выборки составил 962 респондента [29, с. 132].

Как Вы считаете, какую роль в жизни страны играют газеты, радио и телевидение? (в % от числа опрошенных)

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.

Таблица 1. Динамика уровня доверия действующим в стране общественным структурам и институтам власти (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение (+/-), 2016 к	
												2015	2000
Президент РФ	57,1	53,1	54,4	62,0	65,2	56,8	45,7	47,0	57,0	60,6	62,0	+1	+5
Правительство РФ	42,7	33,8	35,2	42,1	60,2	52,4	39,6	40,4	48,3	49,4	48,8	-1	+6
Церковь	42,3	35,4	42,9	42,9	51,9	47,0	41,4	43,9	44,7	43,7	47,1	+3	+5
Армия	37,0	28,5	27,1	29,6	37,8	34,5	31,3	37,5	37,8	42,0	43,9	+2	+7
Полиция	27,2	22,3	23,7	29,0	36,5	32,7	29,3	33,7	35,4	40,2	41,7	+2	+15
ФСБ	34,2	25,8	28,4	35,3	43,8	36,0	33,2	37,5	36,4	39,6	40,6	+1	+6
Прокуратура	30,9	21,7	28,8	33,3	40,9	36,1	33,9	40,1	38,5	40,9	40,3	-1	+9
Совет Федерации	28,3	21,7	27,1	34,3	47,6	38,1	32,3	34,6	40,2	40,2	39,3	-1	+11
Суд	31,6	24,7	31,0	35,5	41,3	37,4	36,1	39,3	36,9	40,5	39,3		
Руководство области	31,3	23,2	30,0	37,7	48,6	41,0	34,6	37,8	37,4	36,9	38,5	+2	+7
Органы местного самоуправления	н.д.	н.д.	н.д.	26,6	40,9	35,6	29,3	32,7	35,1	34,5	33,3	-1	-
Государственная Дума	23,0	18,2	26,0	27,9	42,0	33,5	30,5	31,6	35,2	34,0	33,0	-1	+10
Общественная палата РФ	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	27,3	28,1	29,9	32,8	32,5	32,1	0	-
Профсоюзы	28,4	22,4	26,5	27,4	35,9	29,9	25,6	27,8	26,6	26,5	28,1	+2	0
Общественная палата области	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	24,8	25,4	29,2	29,4	29,5	28,0	-2	-
СМИ	30,2	29,6	31,8	30,4	27,5	28,7	28,7	29,5	28,0	26,6	25,7	-1	-5
Общественные организации	-	-	-	20,0	32,6	26,7	26,5	26,8	25,5	23,8	24,2	0	-
Директоры, руководители предприятий	19,6	17,4	21,5	26,5	30,5	22,8	25,1	27,5	21,9	20,2	20,5	0	+1
Политические партии	20,4	11,6	18,5	16,0	17,6	20,0	22,8	20,9	20,2	17,0	18,1	+1	-2
Банковские, предпринимательские круги	12,4	10,7	17,6	22,6	26,6	21,5	21,3	23,4	18,8	16,5	17,2	+1	+5

* Вопрос задаётся регулярно с 2000 г.; ранжировано по значению показателя в 2016 г.
Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.

1990-е годы⁸, доверие к этим институтам уже давно находится в недостижимо низких пределах от уровня доверия тем субъектам, которых смело можно назвать «традиционными» для российского менталитета, — власти и церкви. При этом в отношении ко всем государственным и общественным институтам особенно выделяется уровень доверия Президенту РФ — институту, являющемуся «верхушкой всей пирамиды власти в России» [36] и, благодаря «исторической тяге России к самодержавию», несущему в себе «элемент традиционный, некоторую схожесть с монархической формой власти, что является особенностью российской системы, не похожей ни на восточную деспотию, ни на западную демократию» [14, с. 171].

Однако, казалось бы, парадоксальные оценки общественного мнения, свидетельствующие о положительном отношении людей к современным СМИ и одновременно о низком уровне доверия к ним, вызваны, на наш взгляд, не только кризисом доверия демократическим институтам в принципе.

Есть определенные факты, события, высказывания, которые не могут не найти отклик в сердцах и умах рядовых граждан (например, высказывания о том, как «страдает» Европа от антироссийских санкций, или подробнейший анализ того, как нагло врёт американская пропаганда, говоря о России). Тем не менее в обществе сохраняется ощущение какой-то недосказанности, остаются многочисленные вопросы: где расцвет российской экономики, обещанный в результате импортозамещения? Почему население страны, претендующей

⁸ «Российские реформаторы 1990-х гг., по существу, убили в своем народе желание построить демократическую страну. Дискредитация демократии и создание реальных предпосылок к авторитаризму стали главным общественно-политическим итогом их деятельности, причем в этих итогах заключались «самые тяжелые потери этого периода» [31, с. 143].

на один из ключевых центров многополярного мира, из года в год терпит ситуацию экономического кризиса? Как можно входить в мировое сообщество для открытого полноправного сотрудничества, если к России относятся негативно (а именно так считают люди: согласно данным опроса Левада-центра, проведённого в октябре 2015 г., каждый третий россиянин полагает (33%), что европейцы относятся к России с «презрением» и «страхом» [13, с. 189]. По данным социологического опроса, выполненного ИСЭРТ РАН в феврале 2016 г., 45–47% жителей региона считают, что отношение к России в мире «плохое» и «необъективное»; 53% отмечают, что Россию «боятся» (противоположное мнение высказывают 22% населения; табл. 2). Почему с тех пор, как началась антикоррупционная кампания, россияне узнали о хищениях таких средств, что на деньги посаженных олигархов и губернаторов можно было бы давно решить все проблемы в стране? Этими вопросами не могут не задаваться люди каждый раз, когда начинают считать деньги до зарплаты⁹, но СМИ не дают на них ответа или дают ответ, который население не устраивает.

Президент «играет вдолгую», конкретные действия и управленческие решения, которые принимает В. Путин, находясь на посту главы государства, становятся для России по-настоящему историческими [4], но СМИ, взаимодействуя с населением ежедневно, не имеют такой возможности. Они отражают текущую ситуацию в стране и за ее пределами, они влияют на характер общественных настроений «здесь и сейчас». Поэтому то, о чем говорят в СМИ, люди соотносят с тем, что они видят в своей повседневной жизни.

⁹ К слову сказать, сам факт того, что на улицах появляются рекламные вывески микрофинансовых организаций «Деньги до зарплаты!» и «Деньги до пенсии!», на наш взгляд, довольно красочно характеризуют материальное положение современных россиян.

Таблица 2. Распределение ответов на вопросы, характеризующие мнение населения об отношении к России в мире (в % от числа опрошенных)*

Вопрос	Вариант ответа	2016 г.
Как Вы считаете, отношение к России в мире в целом объективное или необъективное?	Объективное	20,4
	Необъективное	46,5
	Затрудняюсь ответить	33,1
Если говорить в целом, то как, по Вашему мнению, сегодня относятся к России в мире – хорошо или плохо?	Хорошо	22,9
	Плохо	45,1
	Затрудняюсь ответить	32,0
По Вашему мнению, Россию в мире уважают или не уважают?	Уважают	40,9
	Не уважают	28,5
	Затрудняюсь ответить	30,5
По Вашему мнению, Россию в мире боятся или не боятся?	Боятся	52,5
	Не боятся	21,6
	Затрудняюсь ответить	25,9
Как Вы думаете, Россию в мире считают свободной или несвободной страной?	Свободной	41,3
	Несвободной	27,4
	Затрудняюсь ответить	31,3
На Ваш взгляд, влияние России в мире в последние годы растёт, снижается или остаётся неизменным?	Растёт	42,9
	Остаётся неизменным	17,8
	Снижается	15,8
	Затрудняюсь ответить	23,5
* Вопрос задавался один раз – в феврале 2016 г. Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.		

С этой точки зрения важно знать, насколько объективной, по оценкам населения, является информация, которую дают СМИ. Можно по-разному оценивать результаты социологических исследований, отвечающих на этот вопрос. С одной стороны, доля людей, считающих, что СМИ объективно отражают ход событий в стране и за ее пределами, выше, чем удельный вес тех, кто придерживается противоположной точки зрения (в 2016 г. – 48 и 25–26% соответственно; табл. 3). Более того, если в 1996 г. это касалось только оценки освещения событий, происходящих в мире, то с 2000 г., когда пост главы государства впервые занял В.В. Путин, объективность СМИ стала превалировать в оценках населения относительно развития ситуации и внутри страны, на уровне конкретных регионов.

Однако, с другой стороны, вывод о том, что люди находят объективной информа-

цию, предоставляемую СМИ о ситуации в стране и в мире, сделать нельзя, потому что разделяющие данное мнение составляют меньше половины (с 2013 г. – 43–48%).

Среди тех людей, которые положительно относятся к деятельности СМИ и считают, что они объективно и в достаточной мере освещают политическую и экономическую ситуацию в стране, в большей степени распространены позитивные характеристики социального настроения (табл. 4).

Но важный, на наш взгляд, нюанс состоит в том, что позитивные оценки социального настроения распространены больше среди тех, кто получает информацию о политической и экономической ситуации из газет, журналов и Интернета, а не среди тех, кто ориентируется на телевидение – самый распространенный источник информации о событиях в стране и в мире (табл. 5).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, объективно или нет средства массовой информации освещают ход событий в мире, в стране и в области?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа		1996	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение (+/-), 2016 к	
																2015
В мире	Объективно	34,1	50,6	58,2	59,3	60,1	57,8	53,6	53,1	55,9	46,1	40,9	44,1	48,3	+4	+14
	Необъективно	26,8	21,4	24,2	22,4	21,6	22,2	25,2	24,9	22,1	30,8	34,5	30,1	25,0	-5	-2
В стране	Объективно	25,5	43,7	53,5	59,0	57,2	58,1	50,3	48,1	52,2	43,0	43,3	43,8	48,7	+5	+23
	Необъективно	38,1	33,4	30,5	24,1	26,3	24,2	30,3	31,9	26,4	34,7	32,8	30,9	26,0	-5	-12
В области	Объективно	29,5	51,0	51,8	60,4	57,3	58,5	50,2	49,9	52,6	43,5	43,7	43,8	48,2	+4	+19
	Необъективно	32,4	24,0	31,4	22,5	26,0	23,5	29,3	29,6	25,9	33,7	32,2	31,6	27,6	-4	-5

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.

Таблица 4. Доля людей, испытывающих нормальное состояние, прекрасное настроение, среди... (в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа		2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение (+/-), 2016 к	
																	2015	2002
СМИ играют положительную роль в жизни страны		54,4	60,2	64,8	65,1	68,9	69,7	70,3	61,6	70,0	68,5	75,3	76,3	77,7	74,8	75,0	0	+21
СМИ играют отрицательную роль в жизни страны		35,8	37,7	47,0	39,2	42,3	54,9	50,8	32,7	50,1	55,4	54,8	54,1	54,2	53,3	59,2	+6	+23
СМИ объективно отражают ход событий в стране		56,0	64,0	66,2	63,1	67,6	70,4	71,5	64,5	70,6	68,4	73,0	75,9	74,2	75,6	74,1	-2	+18
СМИ необъективно отражают ход событий в стране		44,5	42,9	53,2	51,6	49,3	57,5	55,0	37,2	56,6	58,6	64,1	63,5	71,1	66,0	64,0	-2	+20
В СМИ достаточно информации о политической жизни в стране		52,4	60,9	63,6	61,3	67,8	69,0	71,6	64,5	69,3	65,5	75,0	76,4	73,3	74,8	73,6	-1	+21
В СМИ недостаточно информации о политической жизни в стране		43,4	51,1	55,8	54,5	49,0	60,3	55,2	43,3	59,7	63,5	62,1	62,9	68,8	62,2	64,4	+2	+21
В СМИ достаточно информации об экономической жизни в стране		-	61,2	65,1	60,5	69,5	70,1	72,7	64,4	69,1	65,3	74,2	76,8	74,3	76,4	76,9	+1	+16**
В СМИ недостаточно информации об экономической жизни в стране		-	53,5	54,6	55,8	52,2	59,8	54,2	44,6	60,1	64,5	64,1	64,1	67,4	61,3	63,9	+3	+10**

* Вопросы задаются с 2002 г.

** 2015 к 2003, т.к. вопрос задается с 2003 г.

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.

Таблица 5. Доля людей, испытывающих нормальное состояние, прекрасное настроение, среди тех, кто получает информацию об экономической и политической жизни из различных источников СМИ* (в % от числа опрошенных)

Источник СМИ		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение (+/-), 2016 к	
									2015	2010
Телевидение		64,3	64,2	68,8	67,8	71,7	69,9	68,7	-1	+4
Газеты и журналы		65,6	67,0	72,0	71,6	76,0	74,5	75,9	+1	+10
Интернет		77,8	73,9	77,8	76,2	78,5	75,5	75,1	0	-3
Радио		69,8	76,3	80,3	77,2	75,9	76,4	74,5	-2	+5

* Вопрос задается с 2010 г.

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.

Как нам видится, причина кроется в том, что люди, черпающие информацию об экономической и политической жизни из ТВ-программ, сталкиваются с ее несоответствием реальной действительности, в то время как у людей, которые в своих информационных предпочтениях ориентируются на газеты, журналы и Интернет, формируется более адекватное восприятие ситуации, сложившейся в стране, регионе.

Происходит это во многом благодаря более глубокой аналитической информации, встречающейся на просторах виртуального пространства и особенно в печатных периодических изданиях. Так, по результатам мониторингового исследования роли СМИ, проведенного в период 2000–2011 гг., российские ученые сделали следующий вывод: «Какие претензии предъявляют современному телевидению негативно настроенные к нему респонденты? В первую очередь, они не удовлетворены содержанием телевизионных выпусков новостей. Практически все респонденты убеждены, что в новостях по ТВ содержится «не вся правда», что новости проходят цензуру, что они однобоки, выхолощены и официозны»¹⁰.

Что касается печатных СМИ, то общепризнано, что они являются площадкой для глубокой аналитики [2, 3], и в этом смысле экспертами неоднократно высказывались опасения, что с распространением виртуальной сети наступит кризис периодической печати: «Прогноз по ситуации на рынке печатных СМИ на 2020 год является негативным с перспективой почти полного исчезновения данного сегмента в его бумажном виде в промежутке между 2020 и 2030 годом» [2].

¹⁰ Представлены результаты мониторингового социологического исследования «Телевидение глазами телезрителей» (2000–2011 гг.): опрос проводился 1 раз в год среди городских жителей старше 15 лет, выборка 3000 чел., метод – формализованное интервью по месту жительства респондентов [27, с. 168].

В свете этого особого внимания заслуживает Интернет, как источник, наименее подверженный цензуре, и как площадка, куда «уходят» печатные периодические издания. Судя по оценкам населения, с 2010 года доля людей, использующих Интернет в качестве основного источника для получения сведений о политической и экономической жизни в стране, ежегодно увеличивается (в целом за период с 2010 по 2016 год – на 18 п.п., с 24 до 42%; табл. 6). Можно было бы предположить, что это связано с распространением виртуальной сети в принципе, с улучшением технологий, развитием оптоволоконных сетей и т.д., в общем – с повышением доступности Интернета для граждан. Однако, на наш взгляд, интернет-технологии уже давно, задолго до 2010 г., «охватили» все уголки планеты, страны и регионов. Дома или на работе, но у большинства граждан есть доступ к виртуальной сети¹¹, поэтому увеличение доли пользующихся интернет-ресурсами для того, чтобы узнавать информацию (причем именно об экономической и политической жизни), по нашему мнению, говорит скорее о том, что качество информации, получаемой из других источников (прежде всего телевидения, которым, по результатам мониторинга общественного мнения, пользуется 96% населения), всё меньше удовлетворяет потребности граждан.

И если сравнить характеристику эмоционального состояния, восприятие экономической и политической жизни в стране, оценку эффективности государственного управления в двух категориях на-

¹¹ По данным на 30 ноября 2015 г. Россия занимает 7 место по числу пользователей Интернета (70,5% от численности всего населения) среди 182 стран мира. Выше – Франция (83,8%), США (87,4%), Германия (88,4%), Япония (90,6%), Великобритания (91,6%), Корея (92,3) [40]. По данным опросов ИСЭРТ РАН, доля жителей Вологодской области, пользующихся Интернетом, в 2012–2014 гг. составила 61–65%.

Таблица 6. Доля жителей Вологодской области, получающих информацию о политической и экономической жизни из различных СМИ* (в % от числа опрошенных)

Источник СМИ	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение (+/-), 2016 к	
								2015	2010
Телевидение	88,9	82,0	84,2	83,6	86,9	86,8	82,9	-4	-6
Интернет	24,0	27,8	29,8	37,2	35,1	43,2	41,6	-2	18
Газеты и журналы	38,1	36,1	33,8	43,9	40,3	40,6	39,1	-2	1
Радио	21,2	21,2	22,6	22,5	19,1	24,3	22,7	-2	2

* Вопрос задается с 2010 г.

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН. Респондентам предлагалось выбрать любое количество источников информации, которыми они пользуются для получения информации о политической и экономической жизни.

селения: среди тех, кто в качестве основного источника информации о политике и экономике использует интернет-ресурсы, и остальной частью населения, то можно отметить, что в последние, как минимум, 5 лет в первой группе отмечается рост доли положительных суждений по всем вышеназванным параметрам, во второй – её снижение. Не говорит ли это о том, что Интернет (при всех своих всем известных недостатках) формирует у людей более адекватную картину восприятия социальной реальности? Точнее, не подтверждает ли это тот факт, что позитив, льющийся с экранов телевидения, разбивается о суровую действительность, когда люди сталкиваются с реальными повседневными проблемами?

Ключевое, на наш взгляд, негативное последствие вхождения в нашу жизнь такого понятия, как виртуальное информационное пространство, достаточно четко охарактеризовали российские ученые: «Развитие и всё более широкое использование интернет-технологий фактически привело общество к разбиению на два класса: людей категории онлайн и офлайн, то есть использующих ИКТ и не применяющих последние. Причем первые получили большие преимущества перед последними как в работе, так и в повседневной жизни. Образование цифрового раскола

с разделением на представителей категорий онлайн и офлайн позволяет говорить о возникновении нового дихотомического расслаивания общества, аналогичного разделению на богатых и бедных, элиту и рядовых граждан, образованных и неграмотных» [12, с. 102].

Из представленных в *таблице 7* данных можно сделать еще один вывод – дискуссионный, но, на наш взгляд, крайне важный: **россияне имеют объективный, трезвый подход к СМИ. Оценивая средства массовой информации как источник получения сведений о происходящих в стране и в мире событиях, они не упускают из внимания тот факт, что одну и ту же информацию можно преподнести по-разному, и то, что представляется на суд общественности, на самом деле может не отражать объективную реальность, а всего лишь транслировать чью-то точку зрения.**

И если этот вывод справедлив, то он существенно усиливает актуальность вопроса о том, как правильно выстраивать информационную политику – сглаживать острые противоречия, существующие в российской экономике и политике, или предоставлять людям возможность формирования собственного мнения за счет дискуссии разных точек зрения, разных экспертов из разных областей (из числа представителей органов власти, науки, бизнес-сообщества и т.д.).

Таблица 7. Оценки социального настроения, ситуации в стране, деятельности органов власти среди людей, использующих Интернет в качестве основного источника получения информации о политической и экономической жизни в стране, и остального населения (в % от каждой категории)*

Вариант ответа	Люди, использующие Интернет в качестве основного источника получения информации о политической и экономической жизни в стране							Остальное население						
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Настроение														
Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние	77,8	74,1	77,6	76,2	77,9	74,0	75,1	58,9	59,2	63,0	61,8	66,5	65,4	65,0
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	18,1	20,8	17,3	18,3	17,2	21,4	21,3	34,9	34,6	29,7	31,9	28,2	27,1	30,0
Затрудняюсь ответить	4,1	5,1	5,2	5,5	4,9	4,7	3,6	6,2	6,2	7,3	6,3	5,2	7,4	5,0
Оценка экономического положения страны														
Очень хорошее и хорошее	12,1	10,1	12,6	9,4	10,6	9,5	8,9	5,0	11,0	11,5	8,4	8,1	6,1	8,7
Среднее	47,6	51,4	49,7	52,4	57,7	48,4	39,3	47,9	50,5	48,8	43,9	48,2	41,5	41,2
Очень плохое и плохое	27,6	30,2	25,7	26,0	20,7	33,5	39,2	32,1	28,1	27,2	31,4	29,4	40,2	35,3
Затрудняюсь ответить	12,7	8,2	12,0	12,1	11,0	8,6	12,7	15,0	10,4	12,5	16,3	14,3	12,2	15,0
Оценка политической обстановки в стране														
Благополучная, спокойная	51,5	44,9	40,1	45,1	38,1	32,0	29,6	47,9	42,4	34,9	39,5	27,5	24,8	25,3
Напряжённая, критическая, взрывоопасная	30,8	38,6	42,5	38,7	47,1	49,1	55,0	32,8	38,7	44,6	43,1	56,5	59,4	55,7
Затрудняюсь ответить	17,7	16,4	17,4	16,2	14,9	19,0	15,5	19,3	18,9	20,5	17,4	16,0	15,8	19,1
Оценка деятельности Президента РФ														
Полностью и в основном одобряю	57,3	54,2	53,3	53,4	70,2	71,3	68,3	57,8	58,8	54,3	57,6	63,8	68,0	66,6
Полностью и в основном не одобряю	27,2	31,3	30,5	29,9	17,1	15,6	19,7	24,7	27,6	32,5	28,5	23,1	16,5	19,8
С деятельностью не знаком	2,4	2,0	2,3	1,9	0,3	2,3	1,6	0,6	2,0	2,9	1,8	0,8	6,6	1,5
Затрудняюсь ответить	13,1	12,5	13,9	14,8	12,4	10,9	10,5	16,9	11,6	10,3	12,1	12,3	9,0	12,2
Оценка деятельности Правительства РФ														
Полностью и в основном одобряю	49,6	42,2	39,1	40,6	50,4	54,3	44,4	46,8	42,1	41,0	45,4	47,8	49,6	40,4
Полностью и в основном не одобряю	27,8	34,7	34,6	35,3	25,0	22,9	34,6	27,9	33,4	36,3	33,7	28,7	21,9	29,1
С деятельностью не знаком	5,0	6,1	6,8	4,3	4,9	4,2	6,6	3,5	5,2	6,5	4,7	4,0	9,8	12,0
Затрудняюсь ответить	17,7	17,0	19,5	19,7	19,7	18,5	14,4	21,8	19,3	16,2	16,2	19,4	18,7	18,6
Оценка деятельности Губернатора области														
Полностью и в основном одобряю	53,0	42,3	43,8	43,6	42,2	43,1	41,3	44,6	45,3	43,5	44,7	36,7	38,1	37,6
Полностью и в основном не одобряю	26,3	34,8	32,8	33,8	34,5	35,8	39,9	29,6	31,8	34,1	33,4	41,8	35,1	39,0
С деятельностью не знаком	4,7	5,4	5,6	4,6	5,1	4,7	5,2	4,0	4,7	5,3	5,0	3,8	9,5	5,8
Затрудняюсь ответить	15,9	17,5	17,8	18,0	18,2	16,4	13,6	21,8	18,2	17,1	16,9	17,7	17,4	17,6
Оценка деятельности Главы местной администрации														
Полностью и в основном одобряю	44,8	41,4	38,5	40,9	40,7	41,3	41,4	39,3	40,2	37,2	41,6	38,2	35,9	35,4
Полностью и в основном не одобряю	30,8	34,8	34,5	34,8	32,9	32,0	37,8	33,9	37,2	40,1	35,6	37,6	33,3	39,5
С деятельностью не знаком	6,0	6,2	7,3	5,3	6,9	6,5	5,8	5,3	4,8	7,1	5,1	4,2	9,3	6,5
Затрудняюсь ответить	18,3	17,6	19,7	19,0	19,6	20,2	15,1	21,5	17,8	15,5	17,7	19,9	21,4	18,7

* Вопрос задается с 2010 г.

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.

Таблица 8. Что для Вас значит быть патриотом России?*(
2016 г., в % от числа ответивших, без учёта затруднившихся ответить)

Вариант ответа	Согласен (согласна)	Не согласен (не согласна)
Любить свою страну	97,5	2,5
Стремиться улучшить жизнь в стране, для того чтобы обеспечить ей достойное будущее	96,0	4,0
Защищать свою страну от любых нападков и обвинений	91,8	8,2
Гордиться своей страной	95,3	4,7
Говорить о своей стране правду, какой бы горькой она не была	80,7	19,3
Не говорить, что у твоей страны есть недостатки	33,5	66,5

* Данные исследования «20 лет реформ глазами россиян», проведенного в апреле 2011 г. Институтом социологии РАН. – Режим доступа: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=2971

По большому счету этот вопрос тесно коррелирует с другим вопросом, который в 2011 г. задавал Институт социологии РАН: «Что для Вас значит быть патриотом?» Судя по полученным результатам, мнение россиян вполне очевидно: **«Говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была», гораздо важнее, чем «не говорить, что у твоей страны есть недостатки» (81% против 34%)** (табл. 8).

В подтверждение того, что недоверие людей к средствам массовой информации может быть связано с характером освещения именно экономических проблем, можно привести тот факт, что степень достаточности информации о политической жизни (в стране, регионе, городе) оценивается людьми выше, чем об экономической (по данным на 2016 г. – 43–48% против 36–43% соответственно; табл. 9).

Таблица 9. Как Вы полагаете, сегодня в СМИ достаточно или недостаточно информации? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа		2007	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение (+/-), 2016 к	
									2015	2017
О политической жизни										
В стране	Достаточно	50,8	45,6	52,1	42,2	42,5	45,2	48,0	+3	-3
	Недостаточно	25,0	29,8	24,5	29,4	26,5	25,4	24,1	-1	-1
В области	Достаточно	49,7	43,9	49,6	40,5	39,9	40,2	42,9	+3	-7
	Недостаточно	28,4	32,3	27,7	31,8	29,2	31,8	30,8	-1	+2
В Вашем городе/районе	Достаточно	47,7	41,9	48,8	39,4	37,9	40,3	42,5	+2	-5
	Недостаточно	30,3	33,5	28,4	33,9	31,7	32,3	33,4	+1	+3
Об экономической жизни										
В стране	Достаточно	47,0	43,0	47,1	40,0	41,3	38,1	39,8	+2	-7
	Недостаточно	28,5	31,7	28,7	32,5	28,5	32,3	31,6	-1	+3
В области	Достаточно	46,4	39,9	44,0	37,8	37,9	34,5	36,7	+2	-10
	Недостаточно	30,4	36,3	32,8	35,4	31,8	36,4	35,7	-1	+5
В Вашем городе/районе	Достаточно	45,7	38,8	42,3	36,3	37,1	35,1	35,8	+1	-10
	Недостаточно	31,5	35,8	34,2	37,2	33,7	36,5	39,1	+3	+8

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.

Другими словами, общество заявляет о своей потребности в более широком освещении сведений о положении дел в российской экономике.

Сравнение динамики уровня одобрения и доверия СМИ в различных социально-демографических категориях населения показывает, что существенных изменений доли людей, считающих, что СМИ играют положительную роль в жизни страны, не происходит (табл. 10).

Однако доверие СМИ снижается, причем это особенно заметно в группе людей старше 55 лет (в 2000–2016 гг. – на 9 процентных пунктов, с 32 до 23%), людей со средним и неполным средним образованием (на 14 процентных пунктов, с 34 до 20%), 20% наименее обеспеченных (на 12 п.п., с 29 до 17%), жителей районов (на 18 п.п., с 35 до 17%) – одним словом, среди социально незащищенных категорий населения (табл. 11).

Таблица 10. Доля респондентов, считающих что СМИ играют положительную роль в жизни страны, в различных социально-демографических категориях населения (в % от числа опрошенных)*

Категории населения	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение (+/-), 2016 к	
																2015	2002
Пол																	
Мужской	59,0	63,1	60,3	58,8	60,1	62,1	66,0	68,2	60,6	50,5	52,7	52,8	58,0	56,9	56,5	0	-3
Женский	54,7	60,6	59,8	57,1	65,0	61,5	62,1	66,9	59,8	53,6	57,6	54,2	57,4	56,7	58,8	+2	+4
Возраст																	
До 30 лет	67,4	71,3	66,8	63,2	70,6	64,4	68,2	68,7	64,7	55,7	56,7	53,2	56,2	58,0	54,7	-3	-13
30-55 лет	51,9	60,2	60,8	57,3	61,0	61,2	63,4	67,8	59,3	51,7	56,4	55,5	58,5	57,7	57,8	0	+6
Старше 55 лет	54,2	54,7	52,2	54,6	59,2	60,3	60,6	66,0	57,6	50,0	52,7	51,0	57,4	54,7	59,4	+5	+5
Образование																	
Среднее и н/среднее	55,9	63,7	58,3	55,7	61,4	60,6	60,8	63,1	57,8	47,9	50,0	49,7	51,9	51,5	55,3	+4	-1
Среднее специальное	57,6	63,0	61,6	57,1	59,7	61,2	65,6	70,3	59,2	52,9	57,6	54,4	58,4	56,6	60,1	+4	+3
Высшее и н/высшее	55,9	57,7	60,0	61,3	67,5	63,9	65,5	69,7	63,4	55,5	58,2	57,3	63,3	62,3	58,3	-4	+2
Доходные группы																	
20% наименее обеспеченных	47,9	61,6	57,5	48,5	48,5	48,3	54,9	57,1	52,9	44,1	45,4	45,1	43,9	33,1	49,2	+16	+1
60% среднеобеспеченных	55,6	61,5	61,9	58,8	63,8	59,8	65,6	69,8	59,9	53,7	57,4	56,1	60,7	60,5	57,7	-3	+2
20% наиболее обеспеченных	63,2	63,0	63,1	74,1	74,7	80,0	67,7	76,3	69,4	59,6	63,6	64,0	72,3	73,6	70,2	-3	+7
Территории																	
Вологда	57,9	73,9	62,6	58,2	74,5	63,5	62,0	69,6	68,3	54,1	63,1	53,9	61,9	67,2	55,0	-12	-3
Череповец	51,6	52,0	72,6	71,0	73,4	75,4	70,8	79,4	72,9	62,4	64,8	69,3	69,7	71,4	68,9	-3	+17
Районы	58,4	60,6	52,8	51,5	52,3	54,3	61,2	60,6	49,9	46,2	47,1	44,7	48,7	42,5	52,9	+10	-6
Область	56,5	61,6	60,0	57,9	62,8	61,8	63,8	67,5	60,1	52,2	55,4	53,6	57,7	56,8	57,8	+1	+1
* Вопрос задается с 2002 г.																	
Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.																	

Таблица 11. Доля респондентов, доверяющих средствам массовой информации, в различных социально-демографических категориях населения (в % от числа опрошенных)

Категории населения	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение +/- 2016 к	
																		2015	2000
Пол																			
Мужской	33,4	31,0	22,1	31,6	27,5	32,1	30,0	25,6	34,3	27,8	27,6	25,4	28,9	27,7	24,4	25,4	23,7	-2	-10
Женский	33,4	28,6	21,3	32,0	27,2	29,0	31,8	29,1	36,0	29,4	30,5	31,2	30,0	32,1	30,8	27,5	27,3	0	-6
Возраст																			
До 30 лет	36,6	31,5	26,5	37,2	30,0	36,9	35,7	28,2	36,1	30,5	28,5	31,4	31,4	30,5	25,9	27,2	28,2	+1	-8
30-55 лет	32,6	29,3	18,8	28,9	27,1	30,4	28,9	29,4	34,8	28,7	28,1	27,6	28,2	29,2	26,9	26,5	26,4	0	-6
Старше 55 лет	31,9	28,0	22,8	33,1	25,0	24,9	30,5	23,6	34,9	27,0	31,5	28,0	30,0	31,3	30,9	26,3	23,3	-3	-9
Образование																			
Среднее и н/среднее	34,2	28,8	18,9	29,0	24,6	29,6	25,4	24,5	29,5	25,9	23,9	26,6	24,7	24,5	25,7	20,3	20,3	0	-14
Среднее специальное	33,0	29,1	21,2	34,0	27,8	28,6	29,8	27,4	37,5	28,3	31,2	27,6	30,6	32,8	26,7	27,7	27,1	-1	-6
Высшее и н/высшее	33,8	31,5	25,0	32,4	30,0	33,6	38,6	31,2	39,9	32,0	32,5	32,2	32,9	33,7	32,0	32,7	29,9	-3	-4
Доходные группы																			
20% наименее обеспеченных	29,0	30,7	15,1	28,5	19,9	30,2	18,8	23,6	27,2	21,0	18,9	23,5	19,6	20,3	17,8	12,2	17,0	+5	-12
60% средне-обеспеченных	35,1	28,3	22,5	36,1	29,9	30,7	31,3	29,3	38,5	29,6	30,9	29,9	31,4	33,7	28,9	28,0	26,4	-2	-9
20% наиболее обеспеченных	35,1	34,2	26,2	32,3	33,1	34,2	45,9	34,0	40,6	35,8	34,7	34,4	32,2	32,3	33,0	40,1	32,0	-8	-3
Территории																			
Вологда	41,0	31,0	27,8	42,5	26,7	33,0	42,6	24,5	35,4	31,9	34,7	33,8	32,2	27,8	28,6	26,9	30,9	+4	-10
Череповец	24,3	18,9	21,8	27,2	25,5	30,1	33,7	38,7	42,6	41,0	35,6	35,2	34,2	37,2	36,9	43,6	36,5	-7	+12
Районы	34,5	34,5	18,7	29,3	28,5	29,3	24,4	23,3	31,4	21,2	23,4	22,9	26,0	27,4	22,7	16,9	16,5	0	-18
Область	33,4	29,6	21,6	31,8	27,3	30,4	31,0	27,5	35,2	28,7	29,2	28,7	29,5	30,1	28,0	26,6	25,7	-1	-8

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.

Таким образом, судя по результатам анализа оценок общественного мнения (отмечаемых как ИСЭРТ РАН, так и ИС РАН) не только на уровне Вологодской области, но и в среднем по стране, «не положительное, а реальное» — таким должен быть девиз современных СМИ. И это особенно актуально на региональном уровне, о котором (на фоне хаотично развивающихся мировых событий) как-то подзабыли. Тем не менее люди и до, и после событий, связанных с украинским и сирийским конфликтами, жили и живут в конкретном регионе и в конкретном муниципальном образовании. Их главные проблемы — не война и не мельдоний, которые, возмож-

но, и являются темой «номер один» для разговоров, но только «на кухне». В реальной действительности людей заботит то, как отдать ребенка в детский сад, как долго будут расти цены в магазинах и т.д. **«Есть один постоянный ключевой фактор общественного мнения: это не события в Кремле, это не выборы политические, это не война в Сирии, Ливии, и не «Фукусима», и не события в сопредельных странах, это всё вторично, — этот фактор называется «цены», так как каждый человек не только зависит от них, но и может реально соприкоснуться с ними» [19].** И это нужно иметь в виду, если ставить перед собой задачу консолидации общества и власти.

Стабильно низкий уровень социальной напряженности (по данным ИСЭРТ РАН, 19–21% за период с 2007 по 2016 г.), во многом являющийся следствием воздействия СМИ на общественное сознание, – цель благая. Но ее обратную сторону представляет снижение доверия средствам массовой информации – одному из главных средств связи между государством и обществом.

Как бы ни была сильна идеологическая «подпитка» общества после событий «крымской весны», экономическая проблематика берет верх. То, что было объединяющей основой российского социума в 2014 году и теоретически должно было выступать основой его дальнейшего развития на многие годы вперед, сходит на «нет». Это отмечают эксперты [18], и это наглядно показывают результаты социологических исследований. Так, после «вспышки» в 2014 г. консолидационных настроений в обществе, в 2016 г. произошло снижение доли людей, считающих, что «сегодня в стране больше согласия и сплоченности, чем несогласия и разобщенности» (на 7 п.п., с 29 до 22%); уменьшился удельный вес тех, кто «готов объединяться ради реализации общих идей и интересов» (на 12 п.п., с 55 до 38%; табл. 12).

Так же как незнание закона не освобождает от ответственности, так и «спокойное неведение» не освобождает от тягот

жизни. И, учитывая нисходящую динамику доверия «четвертой власти» среди населения, следует задуматься: что дальше? Конечно, речь не идет о том, чтобы нагнетать психологическую обстановку и регулярно сообщать о провалах российской экономики. Речь идет о том, чтобы освещать ситуацию в стране и регионах объективно, достоверно и разносторонне, предоставляя людям возможность выбора различных точек зрения, в том числе и по выходу из экономического кризиса (тем более что такие предложения от экспертов есть [5, 8, 25]). Речь идет о том, чтобы обращать внимание не только на долгосрочные экономические проекты, приносящие миллионы долларов России (а точнее – конкретным отечественным корпорациям), но и освещать реальные проблемы в тех сферах, с которыми люди соприкасаются в повседневной жизни, – в здравоохранении, образовании и т.д.

В июне 2016 г. на международном медиафоруме «Новая эпоха журналистики: прощание с мейнстримом» Президент РФ В.В. Путин четко обозначил цель современных СМИ: «В современном мире, когда так бурно развиваются информационные технологии, всё равно остаётся самым главным – это информационная добросовестность и правда, объективность информации. Вот что самое главное... Информация должна быть объективной со всех

Таблица 12. Показатели, характеризующие динамику социальной консолидации в обществе (в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	2011	2013	2014	2015	2016	Изменение (+/-), 2016 к	
						2015	2011
Доля людей, считающих, что сегодня в стране «больше согласия и сплоченности, чем несогласия, разобщенности»	14,2	14,1	28,9	22,0	21,6	0	+8
Доля людей, «готовых объединяться для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают»	47,1	43	54,6	50,6	38,3	-12	+4
* Вопрос задается с 2011 г. Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.							

точек зрения и не подвергаться никаким репрессивным действиям с целью её корректировки» [35]. В стратегической дальновидности главы государства сомневаться не приходится, и, пожалуй, эта миссия «четвертой власти», обозначенная Президентом, представляет основное условие профилактики социальных потрясений и, следовательно, обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, в настоящее время, когда события на мировом уровне отличаются турбулентностью развития и зыбкостью духовно-нравственных основ цивилизаций, для обеспечения национальной безопасности крайне важным является поддержание адекватного социального восприятия окружающей действительности широкими слоями населения. Особенно в России, как одном из главных участников геополитической конкуренции и гибридной войны, в которую втянуты большинство стран мира. В реализа-

ции данной задачи ключевую роль играют средства массовой информации, поскольку, на наш взгляд, это главный механизм взаимодействия власти и общества. Речь идет не только о донесении до населения объективной информации о развитии политических и экономических событий, но и о поддержании духовно-нравственного, идеологического стержня — фундамента нашей национальной идентичности и одного из стратегических преимуществ России в геополитической борьбе. Искажение объективной социальной реальности, как показывают результаты исследования, несет в себе комплексные последствия, проявляющиеся в том числе и в экономической сфере. И пока властвующие элиты не увидят или будут игнорировать этот аспект современной жизни, говорить о позитивных стратегических планах России (прежде всего в отношении обеспечения эффективного взаимодействия между властью и обществом) крайне затруднительно.

Литература

1. Аганбегян, А.Г. Социально-экономическое развитие России: итоги и перспективы, санкции (материалы открытого семинара) [Эл. рес.] / А.Г. Аганбегян // Новости на официальном сайте Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС). — Режим доступа: <http://www.emba.ranepa.ru/novosti/seminar-abela-gezevicha-aganbegyana-abel-aganbegyan-naibolshiy-uscherb-ot-sanktsiy-zhdet-rossiu-v-2015-g>
2. Апетьян, С. Печатные СМИ умрут, остальные переориентируются на интернет: что ждет газеты, ТВ и радио в 2020 году [Эл. рес.] / С. Апетьян // Информационное агентство Regnum. — Режим доступа: <https://regnum.ru/news/economy/1731555.html>.
3. Богданов, В. Печатные СМИ не изжили себя и не изживут [Эл. рес.] / В. Богданов // Информационный портал медиасообщества Северо-Западного региона. — Режим доступа: <https://lenizdat.ru/articles/1074398/>
4. Главный марафонец [Эл. рес.] // Журнал «Эксперт». — 2016. — 14 февр. — Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2016/01/glavnyij-marafonets/>
5. Глазьев, С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России: доклад на заседании Совета безопасности 15.09.2015 / С.Ю. Глазьев // Бизнес Online: деловая электронная газета. — 2015. — 15 сент. — Реж. дост.: <http://www.business-gazeta.ru/article/140998/>
6. Горбачев, А. Россияне отделяют Путина от чиновников [Эл. рес.] / А. Горбачев // Независимая газета. — 2015. — № 136. — 7 июля. — Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2015-07-07/1_putin.html
7. Горшков, М.К. Российская социология и вызовы современного общества: вместо предисловия / М.К. Горшков // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2010. — Вып. 9. — М.: Новый Хронограф, 2010. — С. 3-18.

8. Губанов, С.С. Автономная рецессия как финальная фаза системного кризиса в России / С. Губанов // Экономист. – 2013. – №9. – С. 3-23.
9. Губанов, С.С. Кризисные реалии России и их преломление в оценках правительства (анализ статьи Д. Медведева) / С. Губанов // Экономист. – 2015. – №10. – С. 3-50.
10. Губанов, С.С. Системные предпосылки экономического подъема России: доклад / С.С. Губанов // Материалы VII научно-практической конференции «Стратегия и тактика социально-экономических реформ: региональный аспект» (г. Вологда, 18 дек. 2015 г.). – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – 196 с.
11. Данные исследования «20 лет реформ глазами россиян», проведенного в апреле 2011 г. Институтом социологии РАН. – Режим доступа: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=2971
12. Жеребин, В.М. Информационные ресурсы повседневной жизни населения / В.М. Жеребин, О.Н. Вершинская, Н.А. Ермакова // Народонаселение. – 2016. – №3. – С. 102 – 112.
13. Зоркая, Н. Россия и Европа 2000–2015: результаты совместного проекта Левада-Центра и Фонда Фридриха Науманна / Н. Зоркая, Е. Лезина // Вестник общественного мнения. – 2015. – № 3-4. – С. 181-193.
14. Зуйков, А.В. Институт президентства в России: конституционная модель, современные реалии и перспективы развития / А.В. Зуйков // Конституционный вестник. – 2008. – № 1(19). – С. 171-179.
15. Ильин, В.А. Экономическая политика Правительства продолжает противоречить интересам основной части населения страны / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 4. – С. 9-20.
16. Ильин, В.А. Стратегия национальной безопасности-2015 – шаг к новому этапу развития России / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 1. – С. 9-25.
17. Ильин, В.А., Проблемы эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия-2020: проблемы реализации: монография / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 220 с.
18. Карта страхов: весне навстречу! [Электронный ресурс]: пресс-выпуск / ВЦИОМ. – 2016. – 1 апр. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115647>
19. Кашеварова, А. «Если будут ухудшения, то рейтинг Путина будет меняться последним» (интервью с президентом фонда «Общественное мнение» А. Ослоном) [Эл. рес.] / А. Кашеварова // Известия. – 2016. – 20 января. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/601912>
20. Липпман, У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчунова; под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
21. Малинецкий, Г.Г. Междисциплинарные идеи в социологии и вызовы будущего / Г.Г. Малинецкий // Социологические исследования. – 2015. – №4(372). – С. 152-161.
22. Николаев, И. Какой в России кризис и как долго он продлится? / И. Николаев, Т. Марченко, О. Точилкина // Общество и экономика. – 2015. – №8–9. – С. 5-44.
23. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. №537. – URL: <http://rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html>
24. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. №683. – URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>
25. Осипов, Г.В. Не упустить предоставившийся шанс! / Г.В. Осипов // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. – М: ИСПИ РАН, 2013. – С. 6-18.
26. Полтерович, В.М. Вопрос о системе, порождающей рост, не обойти (интервью журналу «Эксперт Юг» от 24.02.2015) [Электронный ресурс] / В.М. Полтерович. – Режим доступа: <http://mse-msu.ru/v-m-polterovich-voprosa-o-sisteme-porozhdayushhej-rost-ne-oboiti-intervyu-zhurnalu-ekspert-yug/>

27. Полуэхтова, И.А. Телевидение в общественном мнении и повседневной жизни россиян / И.А. Полуэхтова // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 166-172.
28. Путин, В.В. Говоря о ядерной программе Ирана, США обманывали весь мир [Эл. рес.] / В.В. Путин // Газета «Взгляд». – Режим доступа: <http://vz.ru/news/2015/10/22/773867.html>
29. Реутов, Е.В. Недоверие в установках и практиках населения / Е.В. Реутов, М.Н. Реутова // Социс. – 2015. – № 6. – С. 126-132.
30. Силков, С.В. Информационная война / С.В. Силков // Социология: энциклопедия / сост.: А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Интерпрессервис, Книжный дом, 2003.
31. Симонян, Р.Х. Есть ли особый «русский путь»? (Полемиические заметки) / Р.Х. Симонян // Социологические исследования. – 2013. – № 7. – С.137-148.
32. Скоробогатый, П. Тревожный и лояльный [Эл. рес.] / П. Скоробогатый // Журнал «Эксперт». – 2015. – 24 окт. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2015/45/trevozhnyij-i-loyalnyij/>
33. Стариков, Н.В. На сегодняшний момент информационная война играет значительно большую роль, чем военная сила: лекция на Всероссийском молодежном форуме «Территория смыслов», г. Клязьма, 26 июля 2015 г. / Н.В. Стариков // Официальный блог Н. Старикова. – Режим доступа <http://nstarikov.ru/blog/53726>
34. Стенограмма выступления В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml
35. Стенограмма выступления В.В. Путина на международном медиафоруме «Новая эпоха журналистики: прощание с мейнстримом» 7 июня 2016 г. [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52120>
36. Сулакшин, С.С. Конституция РФ: оставить нельзя изменить: интервью на радио финам.фм. в программе «Парадокс» [Эл. рес.] / С.С. Сулакшин // Официальный сайт Центра научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина). – Режим доступа: <http://rusrand.ru/tv/media/stepan-sulakshina-finamfm-konstitutsija-rf-ostavit-nelzja-izmenit>
37. Сулакшин, С.С. На пороге нравственного государства / С.С. Сулакшин // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2011. – № 4. – Т. 4. – С. 98-103.
38. Тощенко, Ж.Т. Социальное настроение – феномен социологической теории и практики / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 1998. – № 1. – С. 21-34.
39. Defense lacks doctrine to guide it through cyberwarfare // Nextgov. – URL: <http://www.nextgov.com/defense/2010/09/defense-lacks-doctrine-to-guide-it-through-cyberwarfare/47575/>
40. Internet World Stats [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.internetworldstats.com/top20.htm>
41. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics (New York: Public Affairs Group, 2004). (издано на рус. – Джозеф Най «Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике». – М.: Тренд, 2006. – 397 с.)
42. Klapper J.T. The Effects of Mass Communication. Free Press, 1960. 12.
43. Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society // Mass Communication. Urbana, 1960.

Сведения об авторе

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, 379post@mail.ru)

Morev M.V.

New Breath of the “Fourth Estate”

Abstract. In a rapidly and chaotically developing globalization processes, which are observed in recent years, the media have become increasingly important as factors influencing social consciousness. This phenomenon is associated with the increasing complexity of social structures and psychological relations in the course of natural evolution of mankind, with the development of information technology as well as the tense international situation caused by the deployment of the so-called hybrid warfare. Impact of the media on public knowledge is particularly relevant for the Russian Federation because, first, the “subjective” factor has always been highly important (which was confirmed more than once by the course of historical events) in the mentality of Russian society, and second, Russia plays a major role in the hybrid warfare. The aim of this study is to identify and characterize the specific features of social perception and social well-being prevailing in the public mind under the influence the media. The key question that the present article addresses is how objective the media reflect the existing social reality? Is the purpose of the “fourth estate” to help people see the objective and reliable information about political and economic situation in the country and abroad and thus involve the broad layers of society in the construction of social reality? Or are the modern media to a greater extent a tool of information management, focused on programming a certain type of behavior, forming certain types of psychological response to certain events taking place in Russia and in the world? The main sources of information for the preparation of this article were the results of a sociological research conducted in the territory of a particular region – the Vologda Oblast (ISEDТ RAS) and in the whole country (VTsIOM, Levada-Center, RAS Institute of Sociology). The conclusions and issues raised in the course of the reasoning are fairly debatable, but, in the author’s view, they are worthy of discussion, primarily, due to the existence of potential threats to social stability and national security, which can be found in a distorted perception of social reality in public consciousness.

Key words: Russian society, mass media, hybrid warfare, public opinion, social reality.

References

1. Aganbegyan A.G. Sotsial’no-ekonomicheskoe razvitie Rossii: itogi i perspektivy, sanktsii (materialy otkrytogo seminar) [Socio-economic development of Russia: results and prospects, and the sanctions (proceedings of an open workshop)]. *Novosti na ofitsial’nom saite Rossiiskoi akademii narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii (RANKhiGS)* [News on the official website of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANЕPA)]. Available at: <http://www.emba.ranepa.ru/novosti/seminar-abela-gezevicha-aganbegyana-abel-aganbegyan-naibolshiy-uscherb-ot-sanktsiy-zhdet-rossiu-v-2015-g>. (In Russian).
2. Apet’yan S. Pechatnye SMI umrut, ostal’nye pereorientiruyutsya na internet: chto zhdet gazety, TV i radio v 2020 godu [Print media will die, the rest will re-orient themselves toward the Internet: what will happen to newspapers, TV and radio in 2020]. *Informatsionnoe agentstvo Regnum* [Regnum information agency]. Available at: <https://regnum.ru/news/economy/1731555.html>. (In Russian).
3. Bogdanov V. Pechatnye SMI ne izzhili sebya i ne izzhivut [Print media is not obsolete and will not become obsolete]. *Informatsionnyi portal mediasoobshchestva Severo-Zapadnogo regiona* [Information portal of the media community of the Northwestern region]. Available at: <https://lenizdat.ru/articles/1074398/>. (In Russian).
4. Glavnyi marafonets [The principal marathon runner]. *Zhurnal “Ekspert”* [Journal “Expert”], 2016, February 14. Available at: <http://expert.ru/expert/2016/01/glavnyij-marafonets/>. (In Russian).
5. Glazyev S.Yu. O neotlozhnykh merakh po ukrepleniyu ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii: doklad na zasedanii Soveta bezopasnosti 15.09.2015 [On urgent measures to strengthen Russia’s economic security: a report on the

- meeting of the Security Council, September 15, 2015]. *Biznes Online: delovaya elektronnaya gazeta* [Business Online: business electronic newspaper], 2015, September 15. Available at: <http://www.business-gazeta.ru/article/140998/>. (In Russian).
6. Gorbachev A. Rossiyanе otdeleyayut Putina ot chinovnikov [Russians dissociate Putin from the officials]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper], 2015, no. 136, July 07. Available at: http://www.ng.ru/politics/2015-07-07/1_putin.html. (In Russian).
  7. Gorshkov M.K. Rossiiskaya sotsiologiya i vyzovy sovremennogo obshchestva: vmesto predisloviya [Russian sociology and the challenges of modern society: in lieu of a foreword]. *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik* [Reforming Russia: Yearbook], 2010, no. 9, pp. 3–18. (In Russian).
  8. Gubanov S.S. Avtonomnaya retsessiya kak final'naya faza sistemnogo krizisa v Rossii [Autonomous recession as a final phase of the systemic crisis in Russia]. *Ekonomist* [Economist], 2013, no. 9, pp. 3–23. (In Russian).
  9. Gubanov S.S. Krizisnye realii Rossii i ikh prelomlenie v otsenkakh pravitel'stva (analiz stat'i D. Medvedeva) [Crisis realities in Russia and their refraction in government assessments (analyzing Dmitri Medvedev's article)]. *Ekonomist* [Economist], 2015, no. 10, pp. 3–50. (In Russian).
  10. Gubanov S.S. Sistemnye predposylki ekonomicheskogo pod'ema Rossii: doklad [Systemic prerequisites for the economic rise of Russia: a report]. *Materialy VII nauchno-prakticheskoi konferentsii «Strategiya i taktika sotsial'no-ekonomicheskikh reform: regional'nyi aspekt»* (g. Vologda, 18 dek. 2015 g.) [Proceedings of the 7th scientific-practical conference “Strategy and tactics of socio-economic reforms: regional aspect” (Vologda, December 18, 2015)]. Vologda: ISERT RAN, 2016. 196 p. (In Russian).
  11. *Dannye issledovaniya “20 let reform glazami rossiyan”, provedennogo v aprele 2011 g. Institutom sotsiologii RAN* [Data from the study “20 years of reforms through the eyes of Russians” conducted in April 2011 by RAS Institute of Sociology]. Available at: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=2971. (In Russian).
  12. Zherebin V.M., Vershinskaya O.N., Ermakova N.A. Informatsionnye resursy povsednevnoi zhizni naseleniya [Information resources in the daily life of people]. *Narodonaselenie* [Population], 2016, no. 3, pp. 102–112. (In Russian).
  13. Zorkaya N., Lezina E. Rossiya i Evropa 2000–2015: rezul'taty sovmestnogo proekta Levada-Tsentra i Fonda Fridrikha Naumanna [Russia and Europe 2000–2015: the results of the joint project of Levada-Center and the Friedrich Naumann Foundation]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Public Opinion Bulletin], 2015, no. 3–4, pp. 181–193. (In Russian).
  14. Zuikov A.V. Institut prezidentstva v Rossii: konstitutsionnaya mo-del', sovremennye realii i perspektivy razvitiya [The institute of presidency in Russia: the constitutional model, modern realities and development prospects]. *Konstitutsionnyi vestnik* [Constitutional bulletin], 2008, no. 1(19), pp. 171–179. (In Russian).
  15. Ilyin V.A. Ekonomicheskaya politika Pravitel'stva prodolzhaet protivorechit' interesam osnovnoi chasti naseleniya strany [Economic Policy Pursued by the Government Is Still Inconsistent with the Interests of the Majority of Russia's Population]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2015, no. 4, pp. 9–20. (In Russian).
  16. Ilyin V.A. Strategiya natsional'noi bezopasnosti-2015 – shag k novomu etapu razvitiya Rossii [National Security Strategy 2015 – a Step towards the New Phase of Russia's Development]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 1, pp. 9–25. (In Russian).
  17. Ilyin V.A., Povarova A.I. *Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya. Tendentsii rynochnykh transformatsii. Krizis byudzhethoi sistemy. Rol' chastnogo kapitala. Strategiya-2020: problemy realizatsii: monografiya* [Public administration efficiency. Market transformation trends. Crisis of the budget system. Role of private capital. Strategy-2020: implementation issues: monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2014. 220 p. (In Russian).
  18. *Karta strakhov: vesne navstrechu!: press-vypusk* [A map of fears: toward the spring!: press release]. VTsIOM. 2016. April 01. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115647>. (In Russian).
  19. Kashevarova A. “Esli budut ukhudsheniya, to reiting Putina budet menyat'sya poslednim” (interv'yu s prezidentom fonda “Obshchestvennoe mnenie” A. Oslonom) [“If there is any deterioration, then Putin's rating will be the last to change” (an interview with President of the Public Opinion Foundation Alexander Oslon)]. *Izvestiya*, 2016, January 20. Available at: <http://izvestia.ru/news/601912>. (In Russian).

20. Lippmann W. *Obshchestvennoe mnenie* [Public opinion]. Translated from English by T.V. Barchunov; ed. by K.A. Levinson, K.V. Petrenko. Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie", 2004. 384 p. (In Russian).
21. Malinetskii G.G. Mezhdistsiplinarnye idei v sotsiologii i vyzovy budushchego [Interdisciplinary ideas in sociology and the challenges of the future]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2015, no. 4(372), pp. 152-161. (In Russian).
22. Nikolaev I., Marchenko T., Tochilkina O. Kakoi v Rossii krizis i kak dolgo on prodlihsya? [What's the Russian crisis and how long it will last?]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economy], 2015, no. 8-9, pp. 5-44. (In Russian).
23. *O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda: Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 12 maya 2009 g. №537* [On the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020: Decree of the President of the Russian Federation dated May 12, 2009 No. 537]. Available at: <http://rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html>. (In Russian).
24. *O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 31 dekabrya 2015 g. №683* [About the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation from December 31, 2015 No. 683]. Available at: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>. (In Russian).
25. Osipov G.V. Ne upustit' predostavivshiisya shans! [Do not Miss This Chance!]. *Sotsiologiya i ekonomika sovremennoi sotsial'noi real'nosti. Sotsial'naya i sotsial'no-politicheskaya situatsiya v Rossii v 2013 godu* [Sociology and Economics of the Current Social Reality. Social and Socio-Political Situation in Russia in 2013]. Moscow: ISPI RAN. Pp. 6-18. (In Russian).
26. Polterovich V.M. *Vopros o sisteme, porozhdayushchei rost, ne oboiti (interv'yu zhurnalu "Ekspert Yug" ot 24.02.2015)* [The question about the system that generates growth cannot be dismissed (an interview for the journal "Expert Yug" from February 24, 2015)]. Available at: <http://mse-msu.ru/v-m-polterovich-voprosa-o-sisteme-porozhdayushchei-rost-ne-oboiti-intervyu-zhurnalu-ekspert-yug/>. (In Russian).
27. Poluekhova I.A. Televidenie v obshchestvennom mnenii i povsednevnoi zhizni rossiyan [Television in the public opinion and everyday life in Russia]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2012, no. 2, pp. 166-172. (In Russian).
28. Putin V.V. Govorya o yadernoi programme Irana, SShA obmanyvali ves' mir [Speaking about Iran's nuclear program, the United States has deceived the whole world]. *Gazeta "Vzglyad"* [Newspaper "View"]. Available at: <http://vz.ru/news/2015/10/22/773867.html>. (In Russian).
29. Reutov E.V., Reutova M.N. Nedoverie v ustanovkakh i praktikakh naseleniya [Mistrust in the attitudes and practices of the population]. *Sotsis* [Sociological Studies], 2015, no. 6, pp. 126-132. (In Russian).
30. Silkov S.V. Informatsionnaya voina [Information warfare]. *Sotsiologiya: entsiklopediya* [Sociology: encyclopedia]. Compiled by: A.A. Gritsanov, V.L. Abushenko, G.M. Evel'kin, G.N. Sokolova, O.V. Tereshchenko. Minsk: Interpresservis, Knizhnyi dom, 2003. (In Russian).
31. Simonyan R.Kh. Est' li osobyi "russkii put'"? (Polemicheskie zametki) [Is there any special "Russian path"? (Polemic notes)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2013, no. 7, pp.137-148. (In Russian).
32. Skorobogatyi P. Trevozhnyi i loyal'nyi []. *Zhurnal "Ekspert"* [], 2015, October 24. Available at: <http://expert.ru/expert/2015/45/trevozhnyij-i-loyalnyij/>. (In Russian).
33. Starikov N.V. Na segodnyashnii moment informatsionnaya voina igraet znachitel'no bol'shuyu rol', chem voennaya sila: lektsiya na Vserossiiskom molodezhnom forume "Territoriya smyslov", g. Klyaz'ma, 26 iyulya 2015 g. [To date, the information warfare plays a much greater role than military force: a lecture at the all-Russian youth forum "Territory of meanings", Klyaz'ma, July 26, 2015]. *Ofitsial'nyi blog N. Starikova* [N. Starikov's official blog]. Available at <http://nstarikov.ru/blog/53726>. (In Russian).
34. Stenogramma vystupleniya V.V. Putina na Myunkhenskoj konferentsii po voprosam politiki bezopasnosti 10 fevralya 2007 g. [Transcript of Vladimir Putin's speech at the Munich conference on security policy, February 10, 2007]. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta RF* [Official website of the President of the Russian Federation]. Available at: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml. (In Russian).

35. Stenogramma vystupleniya V.V. Putina na mezhdunarodnom mediaforume “Novaya epokha zhurnalistiki: proshchanie s meinstrimom” 7 iyunya 2016 g. [Transcript of Vladimir Putin’s speech at the New Era of Journalism: Farewell to Mainstream international media forum]. *Ofitsial’nyi sait Prezidenta RF* [Official website of the President of the Russian Federation]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52120>. (In Russian).
36. Sulakshin S.S. Konstitutsiya RF: ostavit’ nel’zya izmenit’: interv’yu na radio finam.fm. v programme “Paradoks” [The RF Constitution: to be upheld impossible to be changed: interview on radio Finam.FM. in the program “Paradox”]. *Ofitsial’nyi sait Tsentra nauchnoi politicheskoi mysli i ideologii (Tsentr Sulakshina)* [Official website of the Center for Scientific and Political Thought & Ideology (Sulakshin’s Center)]. Available at: <http://rusrand.ru/tv/media/stepan-sulakshin-na-finamfm-konstitutsiya-rf-ostavit-nelzja-izmenit>. (In Russian).
37. Sulakshin S.S. Na poroge npravstvennogo gosudarstva [On the threshold of a moral state]. *Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem analysis and state administration planning], 2011, no. 4, vol. 4, pp. 98-103. (In Russian).
38. Toshchenko Zh.T. Sotsial’noe nastroyenie – fenomen sotsiologicheskoi teorii i praktiki [Social mood – the phenomenon of sociological theory and practice]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1998, no. 1, pp. 21-34. (In Russian).
39. *Defense lacks doctrine to guide it through cyberwarfare*. Available at: <http://www.nextgov.com/defense/2010/09/defense-lacks-doctrine-to-guide-it-through-cyberwarfare/47575/>
40. *Internet World Stats*. Available at: <http://www.internetworldstats.com/top20.htm>
41. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs Group, 2004. (Russ.ed.: *Nai Dzh. Gibkaya sila. Kak dobit’sya uspekha v mirovoi politike*. Moscow: Trend, 2006. 397 p.)
42. Klapper J.T. *The Effects of Mass Communication*. Free Press, 1960.
43. Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society. *Mass Communications*. Urbana, 1960.

Information about the Author

Mikhail Vladimirovich Morev – Ph.D. in Economics, laboratory head, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, 379post@mail.ru)

Статья поступила 21.11.2016.

Гражданская онлайн-экспертиза деятельности региональных систем управления в контексте процессов социокультурной модернизации регионов*

Александр Васильевич

ТИХОНОВ

доктор социологических наук

ИС РАН

117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

alvast39@mail.ru

Владимир Сергеевич

БОГДАНОВ

кандидат социологических наук

ИС РАН

117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

valarf@mail.ru

Ксения Эльдаровна

ГУСЕЙНОВА

магистр

ИС РАН

117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

likseidar@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-18-30077 «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования». Руководитель проекта – д. социол. н., проф. А.В. Тихонов.

Для цитирования: Тихонов, А.В. Гражданская онлайн-экспертиза деятельности региональных систем управления в контексте процессов социокультурной модернизации регионов / А.В. Тихонов, В.С. Богданов, К.Э. Гусейнова / Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 101-123. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.6

For citation: Tikhonov A.V., Bogdanov V.S., Guseynova K.E. Civil online examination of the work of regional management systems in the context of socio-cultural modernization processes in the region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 101-123. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.6

Аннотация. Исследование является частью гибридной методологии, сочетающей полевые и дистанционные методы сбора первичных социологических данных. Его цель — проверить и показать возможности экспертного онлайн-опроса в изучении проблем реформирования властно-управленческой вертикали в сочетании с данными из официальных источников, репрезентативного полевого опроса, контент-анализа региональных СМИ и онлайн-изучения сетевых сообществ в регионах с различным уровнем социокультурной модернизации, которые в комплексе используются в исследовании по гранту РНФ. В статье представлены обобщенные результаты начального этапа (в 4-х регионах РФ из 12-ти) этого исследования, направленного на получение репрезентативных данных о деятельности органов власти и управления в контексте проблем социокультурной модернизации отдельных регионов, на выявление связей, влияющих на функциональность региональных систем управления, определяющих, в свою очередь, характер и уровень их развития, а также способность региональной властно-управленческой вертикали эффективно решать проблемы социально-экономического характера. Внимание уделяется и вопросу методической верификации экспертных мнений в рамках сопоставления с данными социально-экономических и социально-политических рейтингов; поднимается вопрос о необходимости разработки и внедрения технологий коммуникативной обратной связи между органами власти, управления и населением. Основным источником эмпирических данных, используемых в статье, стал экспертный онлайн-опрос, проведенный с участием авторов в 2015 году, а также данные социально-экономических и социально-политических рейтингов развития регионов РФ в этот период. Работа в рамках общего исследования по гранту РНФ, с учётом публикуемых предварительных данных, продолжилась в оставшихся 8 регионах в 2016–2017 году. Обобщённые научные результаты планируется представить на итоговой международной конференции в октябре 2017 года.

Ключевые слова: региональные системы управления, социокультурная модернизация регионов, экспертный онлайн-опрос.

Введение

Проблема, поставленная нами в рамках исследования по гранту РНФ «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования», является частью мирового дискурса в геополитике и геоэкономике относительно краха неолиберального проекта глобализации (в духе Ф. Фукуямы [18]) и поиска новых путей организации мироустройства на основе новой регионализации стран и народов, новой расстановки социально-политических сил, что стало особенно очевидным после победы Д. Трампа на президентских выборах в

США. Если известный социолог И. Валлерстайн [3] считает, что перспективным было бы движение полупериферийной экономики России в сторону слияния с ядром миросистемы (США, ЕС, Япония), то академик Британской академии наук Дэвид Лайн [8] придерживается противоположного мнения. Он, в частности, утверждает, что наиболее жизнеспособным было бы создание такой региональной интеграции, как Евразийский союз, в сотрудничестве с ШОС и БРИКС. Мы видим, что автор утверждает здесь то, что уже стало стратегической линией развития России в последние годы, хотя, справедливости ради, следует сказать, что первые публикации такого рода у него появились ещё в 2000 году. Сегодня и к этим перспективам

нашего геополитического развития нужно будет отнестись с осторожностью. На фоне происходящих в мире глобальных событий у нас продолжается жаркая полемика относительно специфики трансформационных процессов собственно нашего, российского общества. Прежде всего, следует выделить работы С. Кирдиной («институциональные матрицы» [21]), О.Э. Бессоновой (о «раздаточной экономике» [2]), С.Г. Кордонского («сословная структура постсоветской России» [7]), М.Ф. Черныша («сословные институты, мобильность и социальная справедливость» [19]). К ним относятся также статьи О.И. Шкаратана и В.В. Радаева (об «этакратизме российского социума» [16]), Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова (об «отношении у нас к государственной и частной собственности» [15]). Полемизуя с ними, А.И. Липкин, например, утверждает, что для оценки трансформационных процессов в современной России наиболее подходит теория взаимопроникновения двух моделей социальной организации общества: «приказной», основанной на централизованном механизме мобилизации населения на преодоление внешних и внутренних угроз, и «договорной», идущей от принципов «общественного договора» Гоббса и Локка [13]. На самом деле, в общетеоретическом плане, позиции всех авторов достаточно интересны, но тем не менее важно уже научиться соотносить масштаб теоретизирования и возможность эмпирической проверки тех или иных гипотез. Наибольшим потенциалом в этом отношении обладает антропосоциетальный подход в общей социологии, обоснованный Н.И. Лапиным, исходящий из того, что сегодня на авансцене появляется человек как социальный субъект, деятельность которого сопоставима с действиями социальных институтов [10]. Этот субъект не только интернализует

нормы и ценности общества, но и воздействует на их компоненты в соответствии с новыми потребностями и интересами при непрерывном возрастании (за счёт научно-технологического прогресса) обеспеченности ресурсами как групповой, так и персональной активности. Этот подход позволяет лучше понять и, главное, эмпирически исследовать реальные и возможные тренды трансформации российского общества в исторически заданных обстоятельствах (см. программу «Социокультурная эволюция России и ее регионов» [10]). Логика такой трансформации раскрывается при анализе теоретически выделенных инверсионных пар происходящих процессов типа: кризис (спад) – подъём, экстенсивное – интенсивное (развитие), конфронтация – согласие, мобильность – стабильность, управляемость – турбулентность и т.п. По этой логике сама властно-управленческая вертикаль является реальным компромиссом между «приказной» и «договорной» моделями организации общественной жизни, между т.н. вертикалью и горизонталью, организацией и самоорганизацией. Любые реформы тоже компромиссы между инструментальными результатами и социальной устойчивостью общества, начиная с правящей элиты. Если реформы односторонние, то они неминуемо будут порождать контрреформы, что невольно возвращает наше развитие на старые «манихейские» круги: от красных к белым, от левых к правым, от архаики к инноватике и обратно. В этой связи следует более глубоко изучать механизмы согласования–рассогласования позиций противоборствующих сторон и выведения их на конструктивные решения. Эта проблема была поставлена в своё время в работах П. Сорокина [17], А. Ахиезера [1] и сегодня продолжается А.П. Давыдовым [5] как проблема социокультурных транс-

формаций через образование «срединных» социоментальных групп. Гипотеза такова: существование в нашем обществе постоянно враждующих лагерей сторонников и противников реформ есть следствие исторически сложившегося социокультурного раскола, к которому мы привыкли как к должному состоянию и традиционно пытаемся решать новые задачи старым способом: уничтожать противников, наивно полагая, что хорошее и справедливое общество сразу наступит, как только убьем последнего дракона. То, что такое состояние ментальности неизбежно приводит к печальным катастрофам, многократно отмечалось в работах российских ученых (А. Янова, И. Клямкина [1], И. Яковенко, И. Кондакова, В. Межуева, И. Ионова, В. Федотовой и того же А.П. Давыдова). При этом решение возникающих в обществе острых проблем-оппозиций, начиная со времён борьбы западников и славянофилов, уважаемые авторы как не связывали, так и не связывают с изменениями способов функционирования властно-управленческой вертикали. Возможно поэтому проблема перспектив формирования в России «срединной» культуры повисает в затяжных культурологических спорах и не выходит на эмпирическую стадию. В концептуальной схеме нашего исследования используется такая единица измерения, как группы респондентов, связанных различными отношениями к одному и тому же предмету – к действиям конкретного властно-управленческого органа, призванного одновременно учитывать содержание задачи как проблемы управления и как проблемы согласования своих действий с противоречивыми интересами участников совместной жизни и деятельности. Мы назвали эту единицу «социоментальным триплексом» (от лат. triplex – тройственность, тройной). Под ментальностью (от лат. mentalis – умственный) понимается ком-

плекс образа мыслей, духовных установок, эмоциональных настроений, определяющий способ принятия решений в условиях альтернатив. Известно, что люди могут не отличаться друг от друга по многим социальным показателям (по полу, возрасту, образованию, социальному положению), но различия в ментальности очень часто разводят их по разные стороны баррикад. Социологи знают, что поведение в конкретных обстоятельствах определяется теоремой У. Томаса [22], которая, правда не учитывает, что социальная реальность эксплицируется нашим сознанием не непосредственно, а опосредованно, через согласие или несогласие с другими. Логика «либо–либо» формирует своего рода «диктатуру статичного мышления» (А.П. Давыдов [5]), консервирует наше мышление на одной из сторон противоположности, а логика развития идёт через формирование (открытие) новых смыслов, через творческий поиск альтернативной позиции в условной середине. Наш исследовательский проект позволяет перевести эту очень важную и интересную полемику в русло социологических измерений и технологий социально-прогнозного проектирования. Это пусть и небольшой, но всё же шаг вперёд не только в социологии управления, но и в целом в социально-гуманитарном знании и познании.

Если говорить о конкретной задаче проекта, то на первый план выдвигается диагностика степени функциональности властно-управленческой вертикали в конкретно-исторических условиях и прогноз управляемости процесса выхода из кризиса на основе экспликации структуры и содержания оценок деятельности руководящих органов со стороны различных групп населения и экспертов. Диагностика здесь понимается в буквальном смысле слова как процедура выявления степени поддержки населением и экспертами способности

властно-управленческой вертикали успешно осуществлять свои функции. Отсюда её название — «гражданская» или, что одно и то же, социальная. Различные группы населения понимаются не только в ранжированном электоральном смысле (пол, возраст, образование и т.д.), но и с позиций места и роли социальных групп на шкале социокультурной модернизации [11].

В рамках поставленной задачи решается ряд подзадач:

1. Концептуально-методологическая — опробовать диагностические возможности оценки населением властно-управленческой вертикали на основе использования полной диспозиционной шкалы: сторонники — «срединный слой» — противники.

2. Аналитическая — определить, каким социально-смысловым содержанием наполняются отношения между органами власти и управления, с одной стороны, и населением — с другой, в зависимости от характера решаемых в стране и регионах социальных и политических проблем.

3. Исследовательская — выяснить степень социальной сензитивности (чувствительности) различных слоёв населения к решению органами власти и управления внешних и внутренних угроз выживанию и развитию страны и регионов. Это становится возможным по результатам проведения социологических замеров, полученным на предыдущей, допроектной стадии нашей работы.

4. Экспертная — на основе социальной диагностики плюсов и минусов функционирования властно-управленческой вертикали планируется сделать экспертное заключение начиная с уровня “развитости” отдельных систем управления и заканчивая перспективами радикального реформирования этой сферы с учётом социокультурной специфики регионов.

5. Методическая — использование познавательных возможностей (для мониторинга властно-управленческой вертикали) статистической модели баланса обмена воспроизводства населения (А.В. Жаворонков), нового измерителя уровня и качества сензитивности населения в отношении работы органов власти и управления («триплекс-анализ» А.В. Тихонова), а также методики сочетания полевого и дистанционного способов сбора первичной информации (В.С. Богданов).

В данной статье речь пойдет о реализации четвертого уровня подзадач общего исследования — об экспертном получении знаний.

О методологии общего исследования и онлайн-экспертизе как составной её части

Центр социологии управления и социальных технологий ИС РАН, разрабатывая и широко используя методологию дистанционных исследований проблем управления, обрабатывает тем самым познавательно-ориентированные процедуры, позволяющие на бесконтактной (сетевой) основе получать предварительную (фоновую) информацию о деятельности субъектов управления всех уровней функционирования властно-управленческой вертикали. Сегодня эта работа продолжается в рамках научно-исследовательского гранта РНФ № 15-18-30077. В текущем исследовании нами задействован целый методологический арсенал гибридной методологии:

- опрос населения,
- экспертный онлайн-опрос,
- контент-анализ онлайн-СМИ,
- анализ социальных сетей,
- анализ текстов и документов,
- метод электронного респондента (модернизированный метод контент-анализа, изучение сайтов и электронных документов).

Мы ожидаем, что комплекс этих методов и методик позволит получить требуемые результаты в соответствии с намеченными целями и задачами исследовательского проекта, выявить и проанализировать отношение различных групп населения и экспертов к текущему состоянию и перспективам развития отечественной системы управления на различных ее уровнях и оценить, тем самым, потенциал реформирования властно-управленческой вертикали в ответ на внешние и внутренние вызовы и угрозы.

Целью проведения экспертного онлайн-опроса, о результатах которого мы рассказываем в данной публикации, является получение дополнительных к официальным источникам и к материалам репрезентативного полевого опроса данных о сложившихся в регионах социальных и экономических условиях, а также о степени и характере развития в них систем управления, об их способности обеспечить обустройство и модернизацию территорий.

Что касается *задач* онлайн-экспертизы, то их несколько:

– *научная*, которая подразумевает теоретико-методологическое обоснование получения и применения экспертного знания в рамках комплексного диагностического исследования актуальных проблем функционирования властно-управленческой вертикали, в том числе и на региональном, местном уровнях управления;

– *методическая*: обоснование, разработка и опробование методик онлайн-сбора, обработки и анализа экспертной информации, пригодной для объяснения сложившихся и необходимо достаточных социокультурных условий оптимальной организации систем управления на местах;

– *практическая*: получение недостающих данных о состоянии и перспективах

модернизационного (индустриального и информационного) развития регионов, использования их для последующей разработки и корректировки стратегий управления, разработки адекватных коммуникативных технологий.

Метод сбора первичной информации

Для получения экспертных оценок по проблемам динамично протекающих в регионах социокультурных процессов управления был выбран метод онлайн экспертного опроса, который представляет собой синтез формы экспертного опроса должностных лиц и представителей профессиональных групп с возможностями интерактивных сервисов сбора и обработки первичной информации.

Электронная анкета онлайн экспертного опроса разрабатывалась на основе проекта рабочей анкеты, консолидированной по референтам с другими инструментариями (массовый опрос, анализ СМИ, анализ социальных сетей) сбора зондажной информации в рамках общего исследования, и состояла из следующих смысловых структурных блоков:

1. Обращение исследовательской группы (анонс исследования: цели, задачи, ожидаемые результаты, мотивация экспертов).
2. Инструкция по заполнению онлайн-анкеты.
3. Ознакомление с информационной карточкой конкретного региона, составленной на основании официальных данных Росстата и порталов региональных правительств.
4. Несколько общих вопросов о положении дел в регионе.
5. Положение дел в городе (поселении), где вы живёте.
6. Оценки системы управления в регионе.
7. Некоторые сведения о себе.

Web-архитектура экспертной анкеты была разработана при помощи специализированного онлайн-сервиса – конструктора разработки и сопровождения дистанционных исследований SURVEYMONKEY.NET, в котором главные исполнители исследования могли отслеживать в реальном времени процесс заполнения и поступления экспертных анкет в общую базу данных, принимать конкретные меры по контролю за привлечением необходимых экспертов определенных групп и регионов.

До запуска электронного анонса онлайн-опроса проведено пилотажное исследование, в котором приняли участие 10 человек из разных регионов (выборка «снежного кома» – эксперты были отобраны на основе личных контактов координаторов исследования), имеющих навыки работы в инфокоммуникационной среде Интернет и представление о сущности феномена управления.

Респонденты оценивали форму и содержание письма-обращения, определяли динамичность функционирования электронной анкеты: доступ и визуальное восприятие, интерфейс, содержание и структуру.

В результате дистанционного пилотного опроса были проведены корректирующие работы по оптимизации и рационализации дизайна, структуры, формы и информативности анкеты. Таким образом, процесс разработки и апробации web-анкеты состоял из конкретных технических и методико-инструментальных процедур, в ходе которых отрабатывались промежуточные версии электронной анкеты: макет онлайн экспертного опроса; модель данных, рассмотрение взаимосвязи между сущностями; подготовка удобных интерфейсов электронной анкеты

с точки зрения эффективности заполнения и получения наиболее валидных данных.

Предварительные результаты и оценка валидности инструмента

В результате применения метода онлайн экспертного опроса в сочетании с мерами эффективного контроля по телефонной связи за формированием базы данных и степени включенности экспертов в процесс заполнения электронной анкеты собран валидный массив данных в количестве 206 экспертных анкет при 240 просмотрах онлайн-версии опросного листа. Достигнут показатель не менее 50 экспертов из каждого региона. В целом была собрана и проработана база данных по 325 экспертам, из которых 63,5% (206) приняли участие и дали качественные развернутые ответы на открытые вопросы.

Валидность полученных данных подтверждается профессионально-управленческими характеристиками компетентности экспертов.

95% экспертов указали на то, что имеют ежедневную практику обращения к Интернету. В свою очередь, это устраняет какие-либо сомнения по поводу технических сложностей и барьеров, которые могли бы возникнуть у экспертов при заполнении опросного листа и негативно повлиять на качество заполнения анкеты.

Отбор пилотных регионов

На первом этапе исследования работа велась с 4-мя пилотными территориями из 12-ти, отобранных по версии рейтинга социокультурной модернизации регионов Н.И. Лапина [10] (табл. 1).

В этих регионах были собраны 200 экспертных анкет в соответствии с 10 квотными группами с достижением общего суммарного показателя – 50 интервью в одном субъекте РФ.

Таблица 1. Субъекты федерации (регионы), в которых проводится исследование (в баллах)

№ п/п	Регион	Статус субъекта РФ	Федеральный округ	Экономический район	Географическая зона	Уровень социокультурной модернизации (в баллах)*
1.	Московская область	Область	Центральный	Центральный	Средняя полоса	6
2.	Республика Башкортостан	Республика	Приволжский	Уральский	Средняя полоса	3
3.	Белгородская область	Область	Центральный	Центрально-Чернозёмный	Средняя полоса	2
4.	Республика Калмыкия	Республика	Южный	Поволжский	Юг	1

* Более подробно с системой оценки социокультурной модернизации регионов можно ознакомиться в работе: Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – Москва: ИФ РАН, 2010. – 111 с.

В качестве квотных групп выделены следующие:

1. Директора и заместители директоров консалтингового агентства, агентств стратегического развития, независимых институтов развития регионов, муниципальных образований и подобных консультативно-управленческих организаций.

2. Представители общественных организаций.

3. Директора и заместители директоров научно-исследовательских организаций.

4. Руководство вузов и других учебно-образовательных заведений.

5. Руководство промышленных организаций (крупные предприятия и заводы).

6. Представители бизнеса и строительной отрасли (директор, зам. директора).

7. Представители торговли (владельцы магазинов, салонов и т.п.).

8. Общественно-политические деятели (депутаты, политики).

9. Представители экологического сообщества (эксперты, руководители экологических направлений и организаций).

10. Представители и сотрудники региональных и местных администраций (заместители глав, руководители департаментов, начальники отделов).

В сентябре – ноябре 2015 г. была проведена работа по формированию и валидации уникальной базы данных (БД) региональных экспертов-управленцев (собрано 325 контактов). Основаниями для ее разработки стали:

– *географическая принадлежность экспертов* в соответствии с отбором 4-х пилотных регионов: Республика Башкортостан, Республика Калмыкия, Белгородская и Московская области;

– *направление деятельности экспертов* в конкретных сферах и областях производственной и непроизводственной деятельности;

– *статусная характеристика экспертов*, подразумевающая либо занятие руководящей должности в организации/предприятии, либо занятость в качестве эксперта/специалиста в определенной сфере деятельности (экологи, политики, депутаты, управленческие консультанты).

Рекрутинг производился региональными координаторами посредством личных связей с конкретными персонами, а также путем организации поиска и установления связи через контакты из открытых источников (официальные сайты компаний и организаций, справочные телефонные книги).

В итоге было собрано 207 анкет, данные которых верифицированы по выделенным основаниям отбора экспертов (географическая принадлежность, направление деятельности и статусные характеристики экспертов) и высокому уровню информативности ответов, зафиксированных в открытых вопросах.

Далее мы рассмотрим обобщенные результаты онлайн экспертного опроса, а сейчас обратимся к описанию социально-статусного портрета наших экспертов и процедуры верификации некоторых оценок через сопоставление их с социально-экономическими и социально-политическими рейтингами регионов.

Социально-статусный портрет эксперта

Вначале о валидности полученных данных. Она подтверждается зафиксированными профессионально-управленческими характеристиками компетентности экспертов. Так, большинство участников опроса имеют опыт управленческой деятельности – 84%, из которых 44% лично включены или выступали в качестве управленцев на предприятии, в организации, компании. 21% респондентов заявля-

ют об опыте занятости в структуре региональных, городских органов управления. 26% – занимают или занимали руководящие должности в органах государственной власти и местного самоуправления, а 48% – исполняли обязанности на уровне среднего и низшего звена управления на производстве.

Большая часть экспертов относятся к 71% тех, кто является на сегодняшний день руководителями высшего, среднего и низшего звена (28 и 43%), причем почти 70% из них оценивают свой управленческий опыт в целом как успешный (табл. 2 и 3).

В целом значительное число экспертов имеют высшее образование и ученую степень: 77,1% – высшее образование, 18,9% – степень кандидата наук, а 5,8% – степень доктора наук. Эти показатели, безусловно, обеспечивают получение взвешенных экспертных оценок в соответствии с уровнем их квалификации.

Если говорить об отраслевой принадлежности, то на наш призыв принять участие в исследовании охотнее откликнулись представители региональной науки, образования и культуры (39%). Практически

Таблица 2. Уровень должностной ответственности экспертов, %

Уровень должностной ответственности	Количество
Руководитель высшего звена	28
Руководитель среднего и низшего звена	43
Специалисты-практики	28
Всего	100

Таблица 3. Оценка экспертами личного опыта руководящей работы в соответствии с уровнем должностной ответственности, %

Уровень должностной ответственности	Эксперт оценивает свой опыт руководящей работы, %					
	Как успешный	Скорее, успешный, чем нет	Скорее, неуспешный, чем успешный	Неуспешный	Не имею опыта	Затрудняюсь ответить
Руководитель высшего звена	33	67	-	-	-	-
Руководитель среднего и низшего звена	22	65	-	-	-	12
Специалисты-практики	7	28	2	2	55	6
Всего от 100%	21	56	1	1	15	6

в равных долях ответили руководители и специалисты производственных и непромышленных организаций (26%), а также сотрудники учреждений и компаний, отвечающих за поддержание и развитие региональной инфраструктуры (25%). Аппарат органов власти, управления и правопорядка представлен в меньшей степени – 14%.

Интересно отметить, что по гендерному признаку экспертные группы практически близки – 54% мужчин и 46% женщин. У тех и других достаточно высокий уровень социальной активности (59,4%) – занятости общественной работой (политической, благотворительной, конфессиональной и т.п.). Плюс ко всему 72% имеют, что сказать региональным властям, и готовы внести конкретные предложения по улучшению работы системы управления регионом или её коренному изменению.

Подавляющее большинство экспертов (95%) отметили свой высокий уровень включенности в процессы информатизации, в том числе имеют ежедневную практику обращения к Интернету. В свою очередь, это устраняет какие-либо сомнения по поводу технических сложностей и барьеров, которые могли бы возникнуть у экспертов при заполнении опросного листа и негативно повлиять на качество заполнения анкеты.

Обобщенные научно-методологические результаты онлайн экспертизы развития региональных систем управления

Мы показали базисные социально-демографические и статусно-управленческие характеристики наших экспертов, и теперь надеемся, что можем говорить о достаточной валидности полученных данных. На этой основе сделаем содержательные выводы относительно работы органов власти и управления в контексте социокультурной модернизации регионов, в частности в отношении стиля, характера и уровня раз-

вития региональных систем управления и их способности решать проблемы модернизации территорий в контексте задач социокультурного развития.

С учетом оценки стилей управления (рассматривались коллегиальный, авторитарный, клановый и либеральный) подтверждается жесткость выстраивания властно-управленческой вертикали – зависимость региональных систем управления от центра, что называется подчинением по «букве закона» от федерального уровня. На подчинение крупному капиталу откликаются в большей степени Белгородская область (68%), а также республика Башкортостан (37%) и Московская область (31%). В республике Калмыкии подобная связь не установлена по причине очень низкой активности бизнеса в регионе: порядка 50% экспертов отмечает, что руководство региона не опирается на крупный капитал, 11% затруднились с ответом.

Что касается вовлечения населения в процессы управления регионом, то только в Белгородской области почти треть экспертов отмечают обращение властей к мнению городского (28%) и сельского (40%) населения. В других регионах такая практика либо не наблюдается, либо очень незначительна.

Далее, экспертам было предложено оценить работу аппарата управления в своих регионах по сравнению с уровнем докризисного 2013 года. В итоге мы выявили, что в практике управления регионами ничего особенно не поменялось, власть как доминировала над управлением, такой и осталась, а реальное управление находится на периферии внимания. Наши данные (табл. 4 и 5), полученные на основе оценок экспертами выполнения традиционных функций управления, подтверждают низкий уровень развития систем управления

Таблица 4. Распределение оценок выполнения в регионах традиционных функций управления
(в средних баллах от средней в 95% интервале; $n_{\text{опрошенных}} = 207$,
где 1 – «плохо», 2 – «удовлетворительно», 3 – «хорошо»)

Позиция	N	Среднее
Отчётность о результатах перед вышестоящим уровнем	177	2,3842
Контроль исполнения сверху	179	2,2905
Организация принятия решений	181	2,1215
Планирование работы во всех звеньях управления	178	2,1067
Дисциплина выполнения решений	183	2,0820
Проведение исследований для изучения проблемных ситуаций силами специалистов	174	2,0057
Составление предварительных прогнозов для уменьшения неопределённости	171	1,9181
Отчёт о результатах перед населением	193	1,8342

Таблица 5. Распределение оценок качества работы системы управления в регионах
(в средних баллах от средней в 95% интервале; $n_{\text{опрошенных}} = 207$,
где 1 – «плохо», 2 – «удовлетворительно», 3 – «хорошо»)

Позиция	N	Среднее
Умение хорошо отчитываться перед вышестоящей организацией	178	2,6629
Компетентность руководства	189	2,2646
Стратегическое мышление руководства	186	2,2419
Гибкость, способность перестраиваться при изменении обстановки	183	2,1749
Способность убеждать и мобилизовывать людей на решение общих задач	187	2,0267
Способность находить нестандартные решения в кризисных ситуациях	177	1,8249
В любых ситуациях сохранять приоритет нужд и запросов простых людей	189	1,7407

в целом. Их деятельность направлена скорее не на выстраивание реальных функций управления по решению социально значимых проблем и составлению предварительных прогнозов для уменьшения неопределённости в ходе таких решений, а на отчетность о результатах перед вышестоящим уровнем во властной вертикали, а также на планирование и контроль за деятельностью своего аппарата. Исходя из этого, следует отметить, что плохо обстоят дела и с качеством работы региональных систем управления, хотя бы принимая во внимание то, что эксперты ставят на последнее место учет нужд и запросов простых людей в деятельности локальных органов власти

и управления. Более объективное сравнение регионов по выделенным критериям функциональности и качеству работы систем управления регионов будет сделано позднее на массиве 12 регионов, отобранных в рамках общего исследования.

Степень развития региональных систем управления с точки зрения решения социально значимых проблем в регионах мы попытались зафиксировать через возможности властей решать основные локальные проблемы.

При рассмотрении интегральных оценок проблем мы можем проследить связь наиболее негативных показателей и бесперспективность их решения властями.

Таблица 6. Интегральные оценки экспертов в отношении проблем и деятельности власти в 4-х пилотных регионах (в средних баллах от средней в 95% доверительном интервале; $n_{\text{опрошенных}} = 207$, где 1 – «критично», 2 – «удовлетворительно», 3 – «хорошо»)

Регион	Проблема труда и занятости	Материальные условия населения	Проблема здоровья населения	Проблема социализации населения	Инфраструктурная организация в регионе	Горизонтальные социальные отношения между различными группами населения	Вертикальные социальные отношения	Проблема перспективности развития территории
Республика Башкортостан	1,7400	1,9400	1,5714	1,8600	1,9592	2,0208	1,9600	1,9574
Республика Калмыкия	1,9818	2,0370	1,6364	2,0364	1,7347	2,2037	2,1091	1,7647
Белгородская область	2,0200	2,0000	1,8000	2,0600	2,1556	1,8936	2,1400	2,0851
Московская область	2,0385	2,2115	1,6731	1,9615	2,1111	1,9388	1,9615	2,1136
Итого	1,9469	2,0485	1,6667	1,9807	1,9840	2,0202	2,0435	1,9735

Так, хуже всего дела обстоят с решением наиболее важных вопросов жизнеобеспечения и функционирования жителей регионов. Это здоровье и медицинское обслуживание, проблема труда и занятости (табл. 6). Они же усугубляются на фоне отсутствия рациональной, системной организации и перспективного развития территорий. Эксперты наиболее негативно оценивают состояние решения этих проблем по сравнению с прочими.

При более детальной дифференциации проблем в соотношении их состояния с региональной принадлежностью, наш вывод о том, что Башкортостан и Калмыкия являются отстающими регионами из анализируемых пилотных территорий, подтверждаются. Наиболее критично вопросы здоровья населения стоят в Башкортостане и Калмыкии, о чем свидетельствуют мнения экспертов этих республик. Они же ставят наименьший балл властям за состояние региональной системы здравоохранения. Та же ситуация прослеживается с организацией рынка труда и стабильной занятостью населения. Наиболее удовлетворительные оценки властям за состояние проблем эксперты поставили в Московской и Бел-

городской области. По сути, эти данные говорят о перспективности развития сегодняшних систем управления в изучаемых регионах, где более или менее развивается региональный бизнес и каким-то образом власть удовлетворительно выстраивает каналы взаимодействия с населением.

В сложившихся условиях, недостаточно благоприятных для модернизационного прорыва как оптимальной организации социокультурного процесса развития территорий, мы предложили экспертам оценить их потенциальный уровень технико-технологической (индустриальной и информационной) модернизации, опираясь на шкалу социокультурной модернизации Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой. Мы понимаем, что интегральная оценка модернизационного уровня – это собирательный показатель множества оценочных факторов для составления социокультурного портрета конкретного региона, который, в свою очередь, зиждется на 10 основных проблемных блоках. 1. Регион как социокультурное сообщество. 2. Население и поселения. 3. Социальное самочувствие населения. 4. Культурный потенциал и капитал населения. 5. Трудовая мотивация и эко-

номическая активность. 6. Уровень жизни, проблемы ее качества 7. Социальная стратификация и мобильность. 8. Реалии инновационной деятельности. 9. Правопорядок и правонарушения. 10. Государственное и муниципальное управление) и *состоянии качества 4 компонент модернизации (технико-технологическая* – переход к новому технологическому укладу/укладам; *социоэкономическая* – изменения пропорций основных секторов экономики как «погруженной в социум» и адаптирующейся к его правилам и функциям, не утрачивая своей специфики; *социокультурная* – включает совокупность социальных и культурных изменений; *институционально-регулятивная* – изменения совокупности регулирующих институтов, т.е. формальных и неформальных правил действий индивидов и организаций в экономической, политической, общественной жизни) [12, с. 5]. Но наш исследовательский взгляд всё же остановился на первой компоненте. Её уже длительное время в интегральном понимании и измерении модернизационных процессов наблюдает китайский ученый

Хэ Чуаньци, предложивший общую теорию модернизации как цивилизационного процесса [20], а также разработавший вместе с Китайским исследовательским центром уникальный инструментарий для изучения индексов двух стадий модернизации – индустриальной и информационной (в том числе и интегрированный индекс обеих стадий на основе данных международной статистики). Т.к. Н.И. Лапин адаптировал эту шкалу под изучение условий российской социетальности, то мы попробовали сопоставить общий ранговый индекс социокультурной модернизации регионов с нашими экспертными оценками.

В итоге мы получили интересную связь. Регионы, которые по шкале Н.И. Лапина находятся в диапазоне 2–6 баллов, имеют более устойчивые и эффективно организованные системы управления. Эксперты из этих субъектов более редуцируют позицию своих регионов к высокому уровню индустриальной и началу информационной модернизации (табл. 7). Регион с критической оценкой – 1 балл – имеет наиболее деформированную систему управления; экспертные оценки

Таблица 7. Уровень технико-технологической (индустриальной и информационной) модернизации региона по данным экспертного опроса. Уровень модернизационного развития региона по интегральным показателям исследования социокультурных особенностей регионов

Уровень модернизационного развития региона по интегральным показателям исследования социокультурных особенностей регионов (Н.И. Лапин)	Уровень технико-технологической (индустриальной и информационной) модернизации региона по данным экспертного опроса (в средних баллах от средней в 95% доверительном интервале; $n_{\text{опрошенных}} = 207$, от первого до 6-го уровня)					
	1. Мы в самом начале индустриальной модернизации	2. Мы где-то в середине индустриальной модернизации	3. Мы находимся на этапе индустриальной зрелости	4. Мы, плюс к индустриальной, находимся на начальном этапе информационной модернизации	5. Мы где-то в середине информационной модернизации	6. Мы на этапе развитой информационной модернизации
Московская область (6 баллов)			3,0698			
Башкортостан (3 балла)			3,1633			
Белгородская область (2 балла)			3,5217			
Калмыкия (1 балл)		2,5435				

указывают на низкий уровень индустриализации и информатизации — о какой-либо модернизации говорить не приходится.

Но мы пошли еще дальше и уточнили, каких изменений ожидают эксперты в плане реструктурирования систем управления, улучшения функциональных качеств всех звеньев властно-управленческой вертикали. Ведь от состояния ее функциональности или от дисфункциональности в большей степени будет зависеть, как будут настраиваться модернизационные процессы. Однако, как оказалось, региональные власти не задумываются о структурных и содержательных изменениях ни в краткосрочной, ни в долгосрочной перспективе. Эта мысль подкрепляется собственными оценками: так, 60% руководителей федеральных, региональных и местных органов власти и управления считают, что положение в системе управления регионами в ближайшие 5 лет, с учетом предстоящих выборов, не изменится. Как говорится, надеются на лучшее, а готовятся к худшему.

Но не лучше бы было заранее задумать над тем, что нужно предпринять для снижения назревающих проявлений социальной напряженности и потенциальной конфликтности? Что нужно уже сегодня поменять в отношениях власти и управления, чтобы достигнуть хотя бы начальной стадии социокультурной и социально-управленческой модернизации в своих регионах? Но пока эти вопросы относятся к категории риторических.

Методическая верификация экспертных мнений в рамках сопоставления с данными социально-экономических и социально-политических рейтингов

Ради «чистоты эксперимента» и определения степени надежности полученных нами данных была реализована процедура верификации некоторых агрегированных экспертных оценок через сопоставление

их с данными открытых источников — социально-экономических рейтингов регионов, что даст нам возможность говорить о схожести или различии экспертных оценок с другими показателями социокультурной и экономической деятельности регионов. Всего отобрано семь рейтингов официальных и различных аналитических компаний, которые, на наш взгляд, в совокупности отражают социально-экономическую и социально-управленческую ситуацию в регионах: рейтинг Министерства экономического развития относительно социально-экономического развития субъектов РФ, рейтинг губернаторов (ФРГО), рейтинг индекса человеческого развития (ИЧР) ООН, рейтинг бюджетной обеспеченности территорий (РИА рейтинг, Минфин РФ), рейтинг качества жизни (РИА рейтинг) и рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2015 году по версии Агентства политических и экономических коммуникаций (АПЭК).

Первым рейтингом, к которому мы обратились, стал официальный мониторинг оценки эффективности деятельности регионов по версии Минэкономразвития РФ. Интересно отметить, что Московская область по итогам 2014–2015 находится в числе регионов-«лидеров» сбалансированного развития, а вот Республика Башкортостан в 2015 году оставила свое место лидера и перешла в «ближний круг», имея за плечами отдельные рассогласования достаточно высоких значений индексируемых показателей в целом [14, с. 67], что, по сути, перекликается с нашими экспертными оценками деятельности властей Башкирии по решению социально важных проблем региона. Республика Калмыкия оказалась в «кругу аутсайдеров». В целом наши показатели развитости региональных систем управления перекликаются с

официальным рейтингом Минэкономразвития РФ, однако из официальных данных не удалось установить место Белгородской области. У нас она занимает лидирующие позиции с точки зрения развитости системы управления.

Далее мы взяли рейтинг губернаторов по версии Фонда развития гражданского общества, который, как заявляют его разработчики, имеет достаточно высокую композитную структуру, основываясь на данных исследования «Георейтинга» фонда «Общественное мнение», на характеристиках экономического положения в регионе по материалам Федеральной службы государственной статистики России, на индексах медиа-эффективности, рассчитанного Национальной службой мониторинга, а также на экспертных оценках и показателях социального самочувствия регионов России¹.

Что касается местоположения губернаторов в рейтинге, то позиции трех регионов на 2015 год *очень высокие* (по градации разработчиков рейтинга): это Белгородская область (3 место), Московская область (19–20), Башкортостан (21–23). Как ни странно, но рейтинг губернатора Калмыкии считается *высоким* в противопоставлении с низким рейтингом уровня модернизации регионов (1 балл – низший показатель, Н.И. Лапин), хотя как раз высказывание эксперта достаточно внятно объясняет сложившуюся в регионе ситуацию: «Нынешний губернатор пытается преодолеть кризисное положение экономики республики, созданное предыдущим губернатором. Сумел наладить диалог со всеми оппозиционными силами, кроме принадлежащих предыдущему губернатору.

Это способствует росту рейтинга. Однако экономика региона слабая и получаемых от нее средств недостаточно для рывка. Продолжает сохраняться недоверие к команде губернатора, большую часть которой составляют старые кадры. Силы предыдущего губернатора активно поливают грязью и черным пиаром нынешнюю власть, в том числе за собственные ошибки. Наконец, традиционные подозрения в коррупции, которые преодолеть в нашем обществе практически невозможно. Поэтому динамика роста очень медленная». В этой оценке мы видим целый набор социокультурных, экономических и социально-политических факторов, которые мешают как губернатору, так и региону выстроить адекватную систему управления, сделать в итоге модернизационный скачок (прорыв).

В целом за рейтингом губернаторов следят почти 2/3 экспертов (72%) и дают идентичные, соответствующие показателям оценки. Это соотношение сохраняется и при рассмотрении распределения по субъектам: 92% в Белгородской области, 85% в Калмыкии, 78% в Московской области, 74% в Башкортостане. Интересно отметить, что 96% интересующихся рейтингом дали свои комментарии по поводу сложившихся позиций и их динамики, причем не простым односложным ответом типа «хороший человек, руководитель» или «плохо работает губернатор», а содержательными развернутыми мнениями, оценивая положение дел в рамках социально-экономической и социально-политической ситуации в регионе, а также в контексте реализации управленческих качеств губернатора и деятельности его команды. Приведем в качестве примера высказывания из Белгородской области: «Губернатор области является гарантом социальной стабильности в массовом созна-

¹ Рейтинг эффективности губернаторов. Итоговый за 2015 год. – Вып. 12 // Официальный сайт Фонда развития гражданского общества. – URL: <http://civilfund.ru/mat/95> (дата обращения: 28.08.2016).

нии белгородцев. Социально-экономическое развитие региона за последние 10–15 лет население неразрывно ассоциирует с эффективностью губернатора. Е. Савченко обладает высоким авторитетом как внутри региона, так и за его пределами, что вызывает ощущение гордости и формирует высокий уровень территориальной идентичности у белгородцев». И еще приведем высказывание из Башкортостана: «Рейтинг поднялся в связи с проведением работ по улучшению информационной открытости главы региона, а также проведением выборов на должном уровне. Также было завоёвано право проведения саммитов ШОС и БРИКС, а также некоторых спортивных и культурных мероприятий международного масштаба. Есть некоторые продвижения в экономике, однако они больше носят точечный характер. Войти в десятку глав регионов главе республики мешает ухудшающееся положение в экономике. Особенно большие проблемы в связи со спадом в деятельности предприятий машиностроения и химии».

Как видно, подобные высказывания требуют специального декодирования, чтобы можно было более детально проникнуть в проблемную структуру организации региональных систем управления и в дальнейшем учитывать их при разработке интегральных показателей мониторинговых исследований.

Для верификации экспертных оценок мы использовали и компаративные данные рейтинга индекса человеческого развития, который с 1990 года публикуется в рамках Программы развития ООН в ежегодных отчётах о развитии человеческого потенциала. Базовыми критериями расчета ИЧР конкретной исследуемой территории являются сравнения и измерения уровня жизни, образованности и долголетия. По данным Аналитического центра при Пра-

вительстве РФ, представленным в Докладе о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год [4], лидирующие позиции по интегральным показателям занимает Белгородская область (0,939; 11 место), далее следует Башкортостан (0,902; 20 место), за ними – Московская область (0,892; 29 место) и на последнем месте – Калмыкия (0,760; 75 место). В нашем опросе мы задали экспертам коррелирующий вопрос, который не только отражает проблемное состояние человеческих ресурсов в регионе, но и характеризует возможную перспективу его развития на основе имеющегося потенциала отдельно взятого человека: *«Обладает ли регион, на Ваш взгляд, достаточными ресурсами, в первую очередь человеческим потенциалом, для ускоренного развития?»* В итоге мы получили схожие данные с показателями рейтинга. Так, наиболее достаточным региональный потенциал оценивают в Белгородской области (60%). Далее, как и в рейтинге, на втором месте Башкортостан (56%), а на третьем и четвертом – соответственно Московская область (54%) и Калмыкия (всего лишь 25%). Здесь мы не можем не прибегнуть к выводу, сделанному по факту изучения социокультурных ситуаций в регионах Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой, о том, что в регионах необходим запуск движения от прежнего, тотального подчинения индивида социокультурной средой, в особенности государством, к современному, относительно свободному, либеральному взаимодействию индивида с этой средой. Для этого потребуются длительная эволюция структуры базовых ценностей населения «от доминирования традиционных к повышению влияния либеральных ценностей (*от авторов статьи: в контексте феноменологии сознания и поведения человека в системе отношений власть-общество мы бы скорее говорили о необходимости до-*

Таблица 8. РИА Рейтинг субъектов РФ по уровню долговой нагрузки (на основе данных Минфина РФ) – итоги 2014 года*. Данные экспертного опроса

Рейтинг субъектов РФ по уровню долговой нагрузки – итоги 2014 года					
Место в рейтинге 85 регионов/ Субъект РФ	Отношение госдолга субъекта РФ на 1 января 2015 года к налоговым и неналоговым доходам бюджета субъекта РФ в 2014 году, %	Отношение госдолга субъекта РФ на 1 января 2014 года к налоговым и неналоговым доходам бюджета субъекта РФ в 2013 году, %	Изменение госдолга в 2014 году, %	Доля налоговых и неналоговых доходов в суммарном объеме доходов бюджета субъекта РФ в 2014 году, %	Экспертные оценки госдолга (1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий) (среднее от n=207), баллов)
Республика Башкортостан	24,7	21,1	24	75,2	2,4324
Московская область	33,4	31,2	23	84,6	2,1667
Республика Калмыкия	64,3	51,1	36	36,2	1,7209
Белгородская область	106,1	110,3	-2	63,5	1,9429

* Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2015 // Официальный сайт «Агентства РИА Рейтинг» – URL: http://www.riarating.ru/regions_rankings/20160225/630011011.htm (дата обращения: 20.08.2016)

минанты умеренно-консервативных ценностей), а на уровне поведенческих ориентаций – эволюция от патернализма к активизму личности при решении жизненно важных проблем» [9, с. 13].

Что касается рейтинга доноров и реципиентов по бюджетной обеспеченности субъектов РФ, то и здесь наши оценки наиболее сопоставимы и схожи. Однако на основе полученных данных мы можем говорить, что эксперты пока еще не уловили ту стремительную тенденцию с проседанием госдолга регионов, т.к. региональные бюджеты вроде бы и растут на фоне импортозамещения, а вот инфляция съедает все доходы. По данным Минфина РФ, суммарный объем государственного долга всех субъектов РФ (бюджетные и коммерческие кредиты) увеличился на 11% и на 1 января 2016 года составил 2,318 триллиона рублей², что на 229 миллиардов рублей больше, чем годом ранее. Для сравнения: в 2014 году госдолг вырос на 20%,

² Регионы все больше живут в долг: аналитическая записка РИА Рейтинг // Официальный сайт «Агентства РИА Рейтинг» – URL: http://www.riarating.ru/regions_rankings/20160225/630011011.htm (дата обращения: 12.08.2016)

в 2013-м – на 28,6%, в 2012-м – на 15%³. Среди анализируемых регионов «лидером» по госдолгу является Белгородская область (106%), на втором месте Калмыкия (64%), на третьем – Московская область (33%), а на первом, с минимальным долгом, – Башкортостан (24%) (табл. 8). Если обратиться к оценкам экспертов, то они, в общем, совпадают с тенденциями, зафиксированными РИА рейтингом. В большей степени долг отмечают в Калмыкии, т.к. и наполняемость бюджета в ней минимальна (36,2%). В Белгородской области оценки чуть выше, поскольку в регионе ведется работа по улучшению экономических показателей, а наполняемость бюджета в 2 раза выше, несмотря на то что оба региона являются дотационными с точки зрения поддержки сельскохозяйственной отрасли. В меньшей мере экспертами оценивается задолженность по Московской области и Башкортостану. Нельзя не отметить, что, хотя долг перед бюджетом у Башкортоста-

³ Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2015 // Официальный сайт «Агентства РИА Рейтинг» – URL: http://www.riarating.ru/regions_rankings/20160225/630011011.htm (дата обращения: 20.08.2016)

на в процентном отношении ниже, чем у других, а вот в абсолютном выражении (в рублях) он гораздо выше (24631 млн.), чем у Калмыкии, — в 11 раз (2057 млн.), в результате чего многие аналитики переводят Башкортостан из разряда доноров в статус реципиента.

Обратившись к РИА рейтингу качества жизни населения, мы поняли, что пока не можем провести сравнение, т.к. в интегральный индекс нашего исследования, состоящего из 30 проблем, не закладывалась шкала демографического показателя, что сделало агентство РИА новостей. Хотя более детально проблему демографического прироста и его динамику мы рассмотрели в массовом опросе, т.к. этот вопрос наиболее сензитивен и требует скорее масштабных количественных данных от населения, которое изнутри ощущает всю остроту условий, влияющих на демографические константы.

С удовлетворением скажем и о том, что нам удалось сопоставить данные нашего опроса с еще одним важным, на наш взгляд, рейтингом, который мы приняли во внимание и который напрямую связан с центральным дискурсом нашего исследования, а именно с проблемами эффективности управления в субъектах Российской Федерации. АПЭК, которое разработало систему индексов, выделило политико-управленческий блок как одну из составляющих интегрального показателя. Наряду с ним рассматривались социальный и финансово-экономический блоки, а также работа региональной бюрократии. На основе математических методов анализа был произведен расчет оценок эффективности (где единица как положительный максимум). В итоге оценки эффективности по направлениям политико-управленческого блока показывают, что наиболее благо-

приятный политико-управленческий климат удерживается в Белгородской (0,79; 5 место) и Московской (0,703; 10 место) области. Ниже, со средним показателем, находится Башкортостан (0,649; 17 место), а Калмыкия, с минимальным баллом, — на последнем месте (0,542; 66 место).

В нашем случае для получения объективной картины работы аппарата управления регионом мы предложили экспертам оценить деятельность власти по решению 30 наиболее важных, на наш взгляд, социальных проблем. Причем сравнение происходило в сопоставлении с 2013 годом (указывалось в формулировке вопроса), т.е. с учетом кризисных явлений, произошедших за этот период.

Отметим, что нам повезло, ведь мы имели возможность провести экспертизу именно на фоне кризисных состояний и получить наиболее достоверные результаты, так сказать, без всяких «напылений», о функционировании региональных звеньев властно-управленческой вертикали. При общем рассмотрении полученных данных можно констатировать, что оценки, которые ставят эксперты областям, достаточно схожи с итоговыми позициями рейтинга АПЭК. Так, по Московской (1,88) и Белгородской (1,87) области деятельность аппарата управления регионом оценивается скорее как положительная (либо без изменений) по сравнению с 2013 годом, а в республиках Калмыкия и Башкортостан дела с управлением меняются явно в худшую сторону (*табл. 9*). Если обратиться к интегральным данным о деятельности властей по решению 30 наиболее значимых в жизни региона социальных проблем, то эффективность в этом отношении в двух республиках будет также наиболее низкой (*табл. 10*), а в Белгородской и Московской области, соответственно, более высокой. В

Таблица 9. Оценка работы аппарата управления регионом в 2015 г. по сравнению с 2013 г. (в средних баллах от средней в 95% доверительном интервале; $n_{\text{опрошенных}} = 207$; 1 – улучшилось, 2 – осталось без изменений, 3 – ухудшилось)

Регион	Среднее	N
Московская область	1,8837	43
Белгородская область	1,8723	47
Республика Калмыкия	2,0769	52
Республика Башкортостан	2,0238	42
Итого	1,9674	184

Таблица 10. Интегральные показатели деятельности властей в 4 пилотных регионах в 2015 году (в средних баллах от средней в 95% доверительном интервале; $n_{\text{опрошенных}} = 207$; (1 – хуже, 2 – удовлетворительно, 3 – лучше по сравнению с 2013 г.)

Регион	Среднее	N
Московская область	1,8679	53
Белгородская область	1,9796	49
Республика Калмыкия	1,9111	45
Республика Башкортостан	2,2326	43
Итого	1,9895	190

целом по всем выделенным регионам можно сделать вывод, что решение этих вопросов на региональном уровне властно-управленческой вертикали не происходит надлежащим образом, во всяком случае, положение дел не меняется к лучшему, а остается на прежнем уровне. Это вызывает вопросы о качестве работы локальных систем управления.

При более детальной дифференциации решения проблем властями в соотношении с региональной принадлежностью наш вывод о том, что Башкортостан и Калмыкия являются наиболее критичными регионами с точки зрения организации и функционирования локальных систем управления, подтверждается. В них, да и в большей степени в остальных анализируемых регионах, прослеживается крайне негативная ситуация с решением таких социально значимых проблем, как здоровье населения, организация рынка труда, стабильность занятости. По сути, задержка с их решением уже деформировала ресурсный базис социокультурной и социально-экономической модернизации регионов и

теперь ведет к дальнейшему дистанцированию власти от населения и, как результат, к эскалации социальной напряженности.

О перспективах использования данных онлайн-экспертизы для повышения уровня развития систем управления в регионах

Как уже было показано, мы сравнили различные методы получения знания о проблемах организации управления в регионах, о характере и уровне развития систем управления, чтобы при помощи этих данных можно было наиболее полно и оперативно оценить уровень развития региональных систем управления в условиях общих и локальных проблем модернизационного развития территорий. В этом контексте наиболее эффективным, на наш взгляд, каналом получения недостающих данных, а также информации о состоянии и перспективах модернизационного (индустриального и информационного) развития регионов выступает именно канал онлайн-экспертизы, который, конечно же, необходимо ещё совершенствовать путем уточнения критериев отбора экспертов, через механизмы учета и внедрения экс-

пертных мнений в управленческие решения на различных уровнях функционирования властно-управленческой вертикали.

Со своей стороны мы проявляем готовность переходить к практическим действиям: к пилотным испытаниям новых методов сбора и обработки; к технологиям совершенствования структур управления в субъектах РФ; к началу совместного движения с экспертными структурами в сто-

рону научно обоснованного управления с учетом влияния социокультурных факторов и учёта особенностей развития каждого в отдельности региона; к разработке технологий обратной связи и формированию социально-активной субъектности (групп социального действия), а также к разработке новых социальных технологий управления, основанных на логико-познавательных исследовательских программах.

Литература

1. Ахиезер, А. История России: конец или новое начало? / А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко. – М.: Новое издательство, 2005. – 708 с.
2. Бессонова, О.Э. Общая теория институциональных трансформаций: парадигмальное переосмысление цивилизационного развития России / О.Э. Бессонова // Социологические исследования. – 2008. – № 1. – С. 13-23.
3. Валлерстайн, И. Россия и капиталистическая мир-экономика / И. Валлерстайн // Свободная мысль. – 1996. – № 5. – С. 30=42.
4. Григорьева, Л.М. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / Л.М. Григорьева, С.Н. Бобылева; Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – М., 2015. – 260 с.
5. Давыдов, А.П. Социокультурный анализ социальной динамики России (предмет и основы методологии) / А. П. Давыдов // Теория, методология и история социологии: прил. к журн. «Философ. науки»: спец. выпуск. – М.: Гуманитарий, 2012. – 48 с.
6. Ильин, В.А. Социология региона: опыт прикладных измерений / В.А. Ильин // Российское общество: трансформации в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений): монография / колл. авт.; под науч. рук. акад. РАН, д.ф.н. М.К. Горшкова, д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – С. 45-74.
7. Кордонский, С.Г. Сословная структура постсоветской России / С.Г. Кордонский. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.
8. Лайн, Д. Евразийская региональная интеграции как ответ неолиберальному проекту глобализации / Д. Лайн // Мир России. – 2015. – № 2. – С. 6-27
9. Лапин, Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н.И.Лапин, Л.А. Беляева. – М. : ИФ РАН, 2010. – 111 с.
10. Лапин, Н.И. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте) / Н.И.Лапин, Л.А. Беляева. – М.: Academia, 2009. – 806 с.
11. Лапин, Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы её стратегии / Н.И. Лапин // Социологические исследования. – 2012. – № 9. – С. 4-24.
12. Лапин, Н.И. Кризис цивилизации и гуманистическая модернизация. Экспертная деятельность [Электронный ресурс] / Н.И. Лапин. – Режим доступа: http://iph.ras.ru/uplfile/scult/Lapin_2015.pdf
13. Липкин, А.И. Россия между несовременными «приказными» институтами и современной демократической культурой / А.И. Липкин // Мир России. – 2012. – № 4. – С. 40-62.
14. Маркин, В.В. Региональная структура российского общества: проблемы социального воспроизводства. Часть 1. Основные подходы к анализу социального воспроизводства региональной структуры российского общества: проблема комплексного измерения / В.В. Маркин // Вестник ВЭГУ. – 2016. – № 3 (83). – С. 59-73.
15. Пивоваров, Ю.С. «Русская Система» как попытка понимания русской истории / Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсяев // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 4. – С. 37-48.

16. Радаев, В.В. Власть и собственность / В.В. Радаев, О.И. Шкаратан // Социологические исследования. – 1991. – № 1. – С. 50-61.
17. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
18. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2004. – 588 с.
19. Черныш, М.Ф. Социальные институты, мобильность и социальная справедливость: опыт одного исследования / М.Ф. Черныш // Мир России. – 2015. – № 4. – С. 7-28.
20. He Chuangui. Modernization Science. The Principles and Methods of National Advancement [Text] / He Chuangui. – Springer. – 2012. – P. 346.
21. Kirdina, S. Economic policy for real sector and R&D financing: basic institutional models / S. Kirdina // Montenegrin Journal of Economics. – Vol. 9, № 4, 2013. – P. 39-52.
22. Merton, R.K. The Thomas Theorem and the Matthew Effect / R.K. Merton // Social Forces. - Vol. 74, № 2, 1995. – P. 379-424.

Сведения об авторах

Александр Васильевич Тихонов – доктор социологических наук, профессор, руководитель, Центр социологии управления и социальных технологий ИС РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, alvast39@mail.ru)

Владимир Сергеевич Богданов – кандидат социологических наук, Центр социологии управления и социальных технологий ИС РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, valarf@mail.ru)

Ксения Эльдаровна Гусейнова – магистр, Центр социологии управления и социальных технологий ИС РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, liksedar@mail.ru)

Tikhonov A.V., Bogdanov V.S., Guseinova K.E.

Civil Online Examination of the Work of Regional Management Systems in the Context of Socio-Cultural Modernization Processes in the Region

Abstract. The study is part of a hybrid methodology that combines field and remote methods for collecting primary sociological data. The goal of the study is to verify and show the capabilities of expert online survey in studying the issues of reforming the power and management hierarchy in conjunction with the data from official sources, representative field survey, content analysis of the regional media and online studying of network communities in regions with different levels of socio-cultural modernization, which are used as a whole in the study under a Russian Science Foundation grant. The paper presents summarized results of the initial stage (in four out of twelve regions of the Russian Federation) of this study aimed to obtain representative data on the work of government and management authorities in the context of socio-cultural modernization in individual regions, to identify relations that affect the functionality of regional administration systems, which determine the nature and level of their development, and the ability of regional power and management vertical to effectively solve socio-economic problems. The authors pay attention to the question of methodological verification of expert opinions in the framework of comparing the data of socio-economic and socio-political ratings; the question is raised concerning the necessity of development and introduction of technology of communicative feedback between government and management authorities and the public. The main source of empirical data used in the article is the expert online survey conducted with the participation of the authors in 2015, one more source is the data on socio-economic and socio-political ratings of development of Russian regions in this period. The work,

as part of a general research under the RSF grant, taking into account the published preliminary data, continued in the remaining eight regions in 2016–2017. The generalized scientific results are planned to be presented at the final international conference in October 2017.

Key words: regional government systems, socio-cultural modernization in regions expert online survey.

References

1. Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. *Istoriya Rossii: konets ili novoe nachalo?* [History of Russia: the end or a new beginning?]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005. 708 p. (In Russian).
2. Bessonova O.E. *Obshchaya teoriya institutsional'nykh transformatsii: paradigmal'noe pereosmyslenie tsivilizatsionnogo razvitiya Rossii* [General theory of institutional transformation: rethinking the paradigm of civilizational development of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies] 2008, no. 1, pp. 13–23. (In Russian).
3. Wallerstein I. *Rossiya i kapitalisticheskaya mir-ekonomika* [Russia and the capitalist world-economy]. *Svobodnaya mysl'* [Free thought], 1996, no. 5, pp. 30–42. (In Russian).
4. Grigor'eva L.M., Bobyleva S.N. *Doklad o chelovecheskom razvitiy v Rossiiskoi Federatsii za 2015 god* [Human development report 2015 for the Russian Federation]. Moscow, 2015. 260 p. (In Russian).
5. Davydov A.P. *Sotsiokul'turnyi analiz sotsial'noi dinamiki Rossii (predmet i osnovy metodologii)* [Socio-cultural analysis of the social dynamics of Russia (the subject and basics of the methodology)]. *Teoriya, metodologiya i istoriya sotsiologii: pril. k zhurn. "Filosof. nauki": spets. vypusk* [Theory, methodology and history of sociology: Supplement to the journal "Philosophical sciences: special edition"]. Moscow: Gumanitarii, 2012. 48 p. (In Russian).
6. Ilyin V.A. *Sotsiologiya regiona: opyt prikladnykh izmerenii* [Sociology of the region: the experience of applied measurements]. *Rossiiskoe obshchestvo: transformatsii v regional'nom diskurse (itogi 20-letnikh izmerenii): monografiya* [Russian society: transformation in the regional discourse (the results of 20 years of measurements): monograph]. Team of authors; under the scientific supervision of RAS Academician Doctor of Philosophy M.K. Gorshkov and Doctor of Economics Professor V.A. Ilyin. Vologda: ISERT RAN, 2015. Pp. 45–74. (In Russian).
7. Kordonskii S.G. *Soslovnaya struktura postsovetskoi Rossii* [Social class structure of the post-Soviet Russia]. Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie", 2008. 216 p. (In Russian).
8. Lane D. *Evraziiskaya regional'naya integratsiya kak otvet neoliberal'nomu proektu globalizatsii* [Eurasian integration as a response to neo-liberal globalisation]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2015, no. 2, pp. 6–27. (In Russian).
9. Lapin N.I., Belyaeva L.A. *Programma i tipovoi instrumentarii "Sotsiokul'turnyi portret regiona Rossii" (Modifikatsiya – 2010)* [Program and standard tools "Socio-cultural portrait of the region" (Modification – 2010)]. Moscow: IF RAN, 2010. 111 p.
10. Lapin N.I., Belyaeva L.A. *Regiony v Rossii: sotsiokul'turnye portrety regionov v obshcherossiiskom kontekste* [Regions in Russia: sociocultural portraits of regions in the all-Russian context]. Moscow: Academia, 2009. 806 p. (In Russian).
11. Lapin N.I. *Izmerenie modernizatsii rossiiskikh regionov i sotsiokul'turnye faktory ee strategii* [Measurement of modernization in the Russian regions and socio-cultural factors in its strategy]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2012, no. 9, pp. 4–24. (In Russian).
12. Lapin N.I. *Krizis tsivilizatsii i gumanisticheskaya modernizatsiya. Ekspertnaya deyatel'nost'* [The crisis of civilization and the humanistic modernization. Expert activities]. Available at: http://iph.ras.ru/uplfile/scult/Lapin_2015.pdf. (In Russian).
13. Lipkin A.I. *Rossiya mezhdru nesovremennymi "prikaznymi" institutami i sovremennoi demokraticheskoi kul'turoi* [Russia between non-modern "departmental" institutions and modern democratic culture]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2012, no. 4, pp. 40–62. (In Russian).
14. Markin V.V. *Regional'naya struktura rossiiskogo obshchestva: problemy sotsial'nogo vosproizvodstva. Chast' 1. Osnovnye podkhody k analizu sotsial'nogo vosproizvodstva regional'noi struktury rossiiskogo obshchestva: problema kompleksnogo izmereniya* [Regional structure of Russian society: problems of social reproduction. Part 1. The main approaches to the analysis of social reproduction of the regional structure of Russian society: the problem of integrated measurement]. *Vestnik VEGU* [VEGU Herald], 2016, no. 3 (83), pp. 59–73. (In Russian).

15. Pivovarov Yu.S., Fursov A.I. "Russkaya Sistema" kak popytka ponimaniya russkoi istorii [The "Russian System" as an attempt to understand Russian history]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 2001, no. 4, pp. 37-48. (In Russian).
16. Radaev V.V., Shkaratan O.I. Vlast' i sobstvennost' [Power and property]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 1991, no. 1, pp. 50-61. (In Russian).
17. Sorokin P.A. *Chelovek. Tsvilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat, 1992. 543 p. (In Russian).
18. Fukuyama F. *Konets istorii i poslednii chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow: AST, 2004. 588 p. (In Russian).
19. Chernysh M.F. Sotsial'nye instituty, mobil'nost' i sotsial'naya spravedlivost': opyt odnogo issledovaniya [Social institutions, mobility and social justice: the experience of one study]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2015, no. 4, pp. 7-28. (In Russian).
20. He Chuangui. *Modernization Science. The Principles and Methods of National Advancement*. Springer, 2012. P. 346.
21. Kirdina S. Economic policy for real sector and R&D financing: basic institutional models. *Montenegrin Journal of Economics*, 2013, vol. 9, no. 4, pp. 39-52.
22. Merton R.K. The Thomas Theorem and the Matthew Effect. *Social Forces*, 1995, vol. 74, no. 2, pp. 379-424.

Information about the Authors

Aleksandr Vasil'evich Tikhonov – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Center for Management Sociology and Social Technology, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (24/35, Krzhizhanovsky Street, building 5, Moscow, 117218, Russian Federation, alvast39@mail.ru)

Vladimir Sergeevich Bogdanov – Ph.D. in Sociology, Center for Management Sociology and Social Technology, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (24/35, Krzhizhanovsky Street, building 5, Moscow, 117218, Russian Federation, valarf@mail.ru)

Kseniya El'darovna Guseinova – Master, Center for Management Sociology and Social Technology, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (24/35, Krzhizhanovsky Street, building 5, Moscow, 117218, Russian Federation, likседar@mail.ru)

Статья поступила 16.11.2016.

DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.7

УДК 331.5, ББК 65.244(2Рос)

© Шабунова А.А., Попов А.В., Соловьева Т.С.

Потенциал женщин на рынке труда региона*

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

доктор экономических наук

Институт социально-экономического развития территорий РАН

160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

aas@vscc.ac.ru

**Андрей Васильевич
ПОПОВ**

Институт социально-экономического развития территорий РАН

160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

ai.popov@yahoo.com

**Татьяна Сергеевна
СОЛОВЬЕВА**

Институт социально-экономического развития территорий РАН

160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

solo_86@list.ru

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества (2016–2018 гг.)».

Для цитирования: Шабунова, А.А. Потенциал женщин на рынке труда региона / А.А. Шабунова, А.В. Попов, Т.С. Соловьева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 124-144. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.7

For citation: Shabunova A.A., Popov A.V., Solov'eva T.S. The potential of women in the labor market of the region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol.10, no.1, pp. 124-144. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.7

Аннотация. Участие в трудовой деятельности и положение на рынке труда являются одними из наиболее важных аспектов изучения расширения прав и возможностей женщин, которое существенно влияет на реализацию трудового потенциала, а в результате и на общее экономическое развитие территории. Однако, как показывает мировая и российская практика, женщины на рынке труда представляют более уязвимую категорию, чем мужчины, и зачастую подвергаются дискриминации в отношении заработной платы, карьерного положения, устройства на работу и т.д. Авторы научных трудов, как правило, признают, что женское население обладает более высоким уровнем человеческого капитала, но не углубляются в анализ его качественных характеристик. В этой связи нами выполнено исследование трудового потенциала женщин в рамках регионального рынка труда (на основе данных мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области). Как показал проведенный нами анализ, значения большинства базовых компонентов качества трудового потенциала женщин выше, чем у мужчин (за исключением индекса здоровья). Кроме того, уровень реализации накопленного потенциала у женщин также превосходит аналогичный показатель у мужчин. Мы обосновываем данный феномен гендерными различиями в отношении к труду. По сравнению с мужчинами женщинам свойственны более развитые терминальные ценности, что проявляется в большем стремлении реализовать себя в трудовой деятельности. В результате они чаще трудоустраиваются по специальности, нацелены на получение стабильной работы, которая позволяла бы им более полно использовать свои знания, умения и навыки. Несмотря на все это, женский труд менее оплачиваемый, нежели мужской. Одной из причин подобной дифференциации является гендерная дискриминация в скрытой форме, обусловленная сложившимися стереотипами положения и поведения женщин в обществе. В заключение нами предложен ряд направлений по преодолению гендерного неравенства на рынке труда.

Ключевые слова: трудовой потенциал, рынок труда, гендер, регион, неравенство, сегрегация, дискриминация, женщины.

Положение женщин на российском рынке труда имеет существенные отличия от статуса мужчин. Во многом это связано с репродуктивной функцией женщин, а также необходимостью совмещать трудовую деятельность и семейные обязанности (по оценкам экспертов, они тратят на домашний труд в 2,16 раза больше времени, чем мужчины, в то время как на оплачиваемую работу — лишь на 30% меньше [5, с. 57]), что приводит к формированию определенной специфики их занятости и возникновению гендерной асимметрии в сфере социально-трудовых отношений.

В различные периоды истории России роль женщин в хозяйствующих процессах характеризовалась своей спецификой. Если в древнеславянском обществе они

оказывали влияние на жизнь племен и принимали активное участие в жизнедеятельности сообщества, то в христианской культуре господствовало представление о подчиненном положении женщин по отношению к мужчинам. Их деятельность ограничивалась рамками семьи — воспитанием детей и поддержанием быта. Закрепление функций женщин по управлению домашним хозяйством нашло отражение в «Домострое». Патриархально-консервативная концепция доминировала в России вплоть до середины XIX века, когда в обществе стали подниматься вопросы, связанные с ролью и правами женщин. Так, в 1862 г. в Санкт-Петербурге была создана первая женская трудовая ассоциация «Общество женского труда». В дальней-

шем процессы эмансипации только усиливались, достигнув своего пика с приходом советской власти. Права мужчин и женщин были уравнены, хотя полоролевые стереотипы продолжали существовать.

После Великой Отечественной войны в советской России под влиянием коммунистической идеологии всеобщего равенства, развития трудового законодательства, принятия государством части обязательств по воспитанию детей и ряда других факторов наблюдался необычайно высокий уровень экономической активности женского населения. В 1960 г. значение показателя в СССР составило 77% (38% в США, 48% в Японии, 45% во Франции), а к 1980 г. достигло 88% [39, с. 47]. В период рыночных реформ уровень участия российских женщин в рабочей силе сократился (1992 – 61%; 1998 – 48%) и к настоящему времени стал сопоставим с уровнем развитых европейских стран (60% в 2014 г. против 61% в Норвегии, 60% в Швейцарии, 55% в Нидерландах и т.п. [1]). С одной стороны, это могло быть обусловлено осознанным выбором в пользу ведения домашнего хозяйства [17, с. 18]. Однако данное явление не носило массового характера в силу того, что в большинстве семей один работающий супруг не мог обеспечить необходимый уровень потребления и благосостояния [25, с. 9]. С другой стороны, меньшей по сравнению с мужчинами привлекательностью женщин для работодателей, в условиях конкурентной борьбы за вакантные места, в связи с существующими стереотипами положения (в общественном сознании) и поведения (в сознании самих женщин).

В современном мире конкуренция на рынке труда предъявляет одинаково высокие требования как к мужчинам, так и к женщинам. Неслучайно в отечественной и зарубежной научной литературе, при всем отличии социокультурного контек-

ста гендерных исследований [11, с. 181], особое внимание уделяется схожему спектру проблем. Одним из основных вопросов выступает дискриминация женщин на рынке труда. У истоков изучения данного направления стоял Г. Беккер. По его мнению, природа дискриминации заключается в индивидуальных предпочтениях экономических агентов, которые по тем или иным причинам не хотят вступать в контакты с представителями женского пола [34]. Эти идеи, получившие развитие в работах М. Спенса и К. Эрроу, составили ядро теории «статистической дискриминации», в основе которой лежит информационная асимметрия на рынке труда [33, 42]. Среди отечественных исследователей данной проблемы – М.Г. Ермакова, И.Е. Калабахина, А.Л. Мазин, Е.А. Мосакова, Л.С. Ржаницына, которые большое внимание уделяют вопросам скрытой дискриминации. Так, Е.А. Мосакова, исходя из данных анализа объявлений работодателей, выделяет дискриминацию женщин, связанную с их половой, возрастной принадлежностью и местом проживания, причем на всем протяжении трудовой жизни [20]. Стоит отметить, что вследствие этого женщины становятся одной из социально уязвимых категорий населения, поскольку принимаются на работу на низкооплачиваемые должности и получают значительно меньшую заработную плату, чем мужчины. Существующая в обществе скрытая дискриминация, по мнению М.Г. Ермаковой, обуславливает возникновение горизонтальной и вертикальной сегрегации на рынке труда [9, с. 46].

Проблеме сегрегации как одной из основных форм дискриминации посвящены работы Р. Анкера, Б. Бергман, Ф. Блау и др. В соответствии с моделью Б. Бергман, в результате профессиональной сегрегации возникает разрыв в заработной плате между мужчинами и женщинами. Он

имеет место, когда предложение превышает спрос на рабочую силу в отраслях традиционной женской занятости [35]. По словам Ф. Блау, если женщина получает профессиональную подготовку, не учитывая специфику фирмы, и, соответственно, принимается на низкооплачиваемую должность, то, скорее всего, она уйдет с такой работы. Однако если работодатель будет вкладываться в ее обучение, то появляется шанс, что женщина продолжит свою трудовую деятельность [36]. В работах российских исследователей показано, что женщины, по различным причинам, гораздо реже становятся предпринимателями [5]. Кроме того, разрыв в уровне бедности мужчин и женщин дает основание говорить о феминизации бедности [3].

Большой пласт исследований посвящен изучению гендерных стереотипов. Так, феномен «женской работы» и формирование стереотипного видения положения женщины на рынке труда нашел отражение в работах Т. Адлера, Дж. Якобса, Дж. Парсонса, Е.Р. Ярской-Смирновой, Е.А. Здравомысловой, Н.М. Римашевской и др. В частности, государство путем проведения необоснованной политики само создает стереотипы в отношении низкооплачиваемого женского труда [32]. Как отмечает С.Ю. Рошин, стереотипы положения возникают, когда работодатель относится к женщине как к менее полезной рабочей силе, но при этом срабатывает механизм замещения: женщине предлагается менее оплачиваемое рабочее место [23, 25]. Судя по данным исследований, в современной русской семье сохраняется традиционное разделение обязанностей. В то же время, хотя женщины характеризуются высоким уровнем образования и занятости, они являются экономически зависимыми от мужчин, имеющих более высокий доход [4, с. 52].

Различные аспекты влияния социально-демографических факторов на занятость женщин рассматривались в работах К. Брюстера, Д. Рибара, Е.М. Воробьева, Т.С. Карабчук, М.А. Нагерняк и др. При этом основное внимание уделялось такому вопросу, как совмещение статусов матери, домохозяйки и работника. Авторами установлено, что наличие у женщины ребенка в возрасте до трех лет существенно снижает возможности ее занятости, которые увеличиваются по мере взросления детей [15, с. 43]. Причем весомое значение имеет мнение мужа о целесообразности выхода супруги на рынок труда [38].

Еще одним направлением гендерных исследований выступает изучение различий между мужчинами и женщинами в отдаче от инвестиций в человеческий капитал. В этой связи необходимо отметить труды Г. Беккера, С. Полачека, Е.В. Базуевой, С.В. Гриненко, Р.И. Капелюшниковой, А.Л. Лукьяновой, С.Ю. Рошина и др. Надо сказать, исследователи приходили к прямо противоположным выводам. Так, Р.И. Капелюшниковым и А.Л. Лукьяновой выявлено, что нормы отдачи от образования женщин были в полтора раза выше, чем у мужчин (7,5% против 5% соответственно) [14, с. 74-75]. С.Ю. Рошин и Е.В. Базуева, напротив, получили результаты, свидетельствующие о более низкой отдаче от человеческого капитала у женщин [2, 24].

Вместе с тем важным видится углубленное изучение качественных характеристик женского населения и его субъективного представления о профессиональных перспективах в целях преодоления барьеров, препятствующих наиболее полной реализации имеющихся знаний, навыков и умений в трудовой деятельности, поскольку данные аспекты оказывают непосредственное влияние на использование трудового потенциала.

Одной из наиболее авторитетных оценок человеческого потенциала в гендерном разрезе является индекс человеческого развития (ИЧР), публикуемый в ежегодных отчетах в рамках Программы развития ООН. Как зафиксировано в докладе за 2015 г., во всех макрорегионах мира ИЧР женщин был ниже, чем ИЧР мужчин. Наибольший разрыв в значениях показателей наблюдался в Южной Азии и арабских государствах: индекс гендерного развития (отношение ИЧР женщин к ИЧР мужчин) составил 0,801 и 0,849 соответственно. В Европе выделяется ряд стран (14), в которых уровень рассматриваемого индекса женщин превышает таковой у мужчин. Россия (индекс гендерного развития равен 1,019 [8, с. 220]) входит в этот список (наряду с Эстонией, Польшей, Литвой, Республикой Беларусь и др.).

Относительно высокие значения ИЧР российских женщин по сравнению с ИЧР мужчин обусловлены, в первую очередь, различиями в уровне здоровья. Согласно данным официальной статистики, по состоянию на 2015 г. разрыв в ожидаемой продолжительности жизни достигал в среднем 10,8 года (76,7 года у женщин против 65,9 года у мужчин) [29]. Важную роль сыграла и образовательная составляющая. В 2014 г. ожидаемая продолжительность обучения женщин была на 0,8 года выше, чем мужчин (15,1 года против 14,3 года) [8, с. 220]. Неслучайно россиянки, вовлеченные в экономическую жизнь, обладают более высоким уровнем образования в целом. С одной стороны, среди женщин охват высшим и неоконченным высшим профессиональным образованием составлял 37% против 28% у мужчин. Хотя, справедливости ради, отметим, что популярность обучения в вузе характерна для представителей обеих гендерных групп. С другой стороны, женщины чаще мужчин

получают дипломы о профессиональном образовании (81% против 74% в 2015 г.) [29]. Однако, несмотря на то что женщины обладают более высоким уровнем здоровья и образования, проблема реализации накопленного потенциала в трудовой деятельности для них стоит более остро.

Поскольку эффективность использования трудового потенциала во многом зависит от территориальной специфики, вопросы его изучения в рамках регионального рынка труда особенно актуальны. В связи с этим в настоящей статье представлен анализ трудового потенциала женщин на региональном рынке труда на примере Вологодской области. Выбор нами категории «трудовой потенциал», под которой понимается «обобщающая характеристика меры и качества совокупности способностей к общественно полезной деятельности, которыми определяются возможности отдельного человека, групп людей, всего трудоспособного населения по их участию в труде» [18, с. 14], обусловлен многолетней сложившейся методологией исследования, основанной на измерении качественных характеристик населения посредством мониторинга качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области, проводимого Институтом социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН)¹.

¹ Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области проводится Институтом социально-экономического развития территорий РАН с 1997 г. Объектом исследования является население Вологодской области трудоспособного возраста. Опросы проходят один раз в два года (до 2009 года – ежегодно) в августе–сентябре в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Объем выборки составляет 1500 человек, ошибка выборки не превышает 3%.

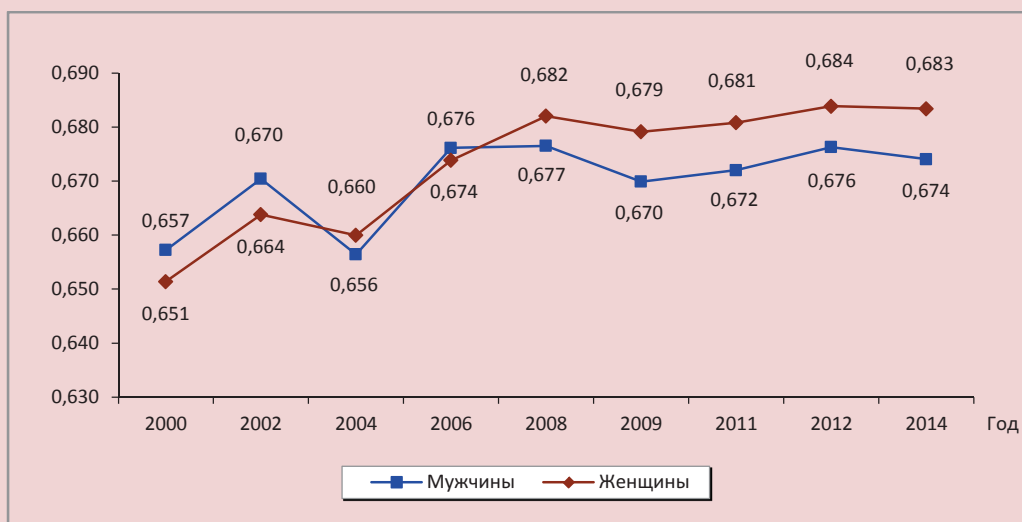
В соответствии с используемым подходом, интегральным показателем качества трудового потенциала выступает индекс социальной дееспособности, который представляет собой многоуровневую систему. В основе «дерева» свойств находятся восемь базовых элементов, подлежащих непосредственному измерению: физическое и психическое здоровье, когнитивный и творческий потенциал, коммуникабельность, культурный и нравственный уровень, потребность в достижениях [12]. В результате обработки первичной информации каждый из перечисленных компонентов получает численную оценку в виде индексов от нуля до единицы.

Как показывают данные мониторинга, динамика качества трудового потенциала женщин Вологодской области с 2000 по 2014 г. демонстрировала устойчивую тенденцию к росту (рис. 1). Индекс социальной дееспособности за рассматриваемый период возрос с 0,651 до 0,683. И если в 2000 г. значения показателя у женской

части населения были заметно ниже, чем у мужской (0,651 против 0,657), то уже с 2007 года наблюдается обратная ситуация. Подобные изменения могут быть связаны с ростом уровня образования, улучшением здоровья, повышением творческой активности и т.д.

Среди базовых характеристик качества трудового потенциала женщин в 2014 г. наиболее развитыми являлись такие компоненты, как: нравственный уровень (0,796), коммуникабельность (0,756), психическое здоровье (0,754), а наименее развитыми – творческий (0,569) и когнитивный (0,638) потенциал, а также потребность в достижениях (0,659; табл. 1). Это во многом совпадает с распределением, полученным у мужчин. Однако если сравнивать абсолютные значения показателей у тех и других, то становится очевидным, что женщинам свойственны более развитый интеллектуальный потенциал, культурный и нравственный уровень и более сильная потребность в достижениях.

Рисунок 1. Динамика индекса социальной дееспособности в гендерном разрезе

Источник: данные мониторинга качественного состояния трудового потенциала Вологодской области, ИСЭРТ РАН, 2000–2014 гг.

Таблица 1. Динамика качества трудового потенциала населения Вологодской области в гендерном разрезе

Качество трудового потенциала	2000 г.		Разрыв	2014 г.		Разрыв
	Мужчины	Женщины		Мужчины	Женщины	
Физическое здоровье	0,700	0,659	0,041	0,766	0,743	0,023
Психическое здоровье	0,731	0,659	0,072	0,790	0,754	0,036
Когнитивный потенциал	0,629	0,643	0,014	0,610	0,638	0,028
Творческий потенциал	0,581	0,586	0,005	0,560	0,569	0,009
Коммуникабельность	0,730	0,728	0,002	0,761	0,756	0,005
Культурный уровень	0,623	0,621	0,002	0,669	0,688	0,019
Нравственный уровень	0,750	0,790	0,040	0,767	0,796	0,029
Потребность в достижении	0,618	0,623	0,005	0,638	0,659	0,021
Социальная дееспособность	0,657	0,651	0,006	0,674	0,683	0,009

Источник: данные мониторинга качественного состояния трудового потенциала Вологодской области, ИСЭРТ РАН, 2000 – 2014 гг.

С начала 2000-х гг. гендерный разрыв в интеллектуальной составляющей трудового потенциала продолжает увеличиваться, и это говорит о большей приспособленности женской части общества к вызовам инновационной экономики.

Что касается мужчин, то свое здоровье они оценивают выше, чем женщины (навыки коммуникабельности развиты примерно в равной степени). Отчасти это объясняется тем, что последним в большей мере свойственно витальное (самосохранительное) поведение [6, с. 20]: они внимательнее относятся к своему здоровью – чаще и быстрее реагируют на болезненное состояние и обращаются за советом к специалисту, нередко преувеличивая количество и серьезность своих проблем.

В период 2000–2014 гг. был отмечен рост значений большинства базовых индексов качества трудового потенциала женщин. Как и у мужчин, исключение составили когнитивная и творческая составляющие. Вероятно, данная тенденция свидетельствует о снижении востребованности интеллектуального потенциала в экономике региона и, как следствие, о деградации соответствующих характеристик населения. Так, за это время заметно уве-

личилась доля молодых людей (от 16 до 24 лет), которые не занимаются творческой деятельностью (табл. 2).

Если в 2000 г. среди вологжан 16–17 и 18–24 лет таковых было всего 38 и 31% соответственно, то в 2014 г. значения показателя возросли до 47% в обеих группах. Поскольку молодые люди в этом возрасте обычно продолжают обучение (в т.ч. по программам высшего профессионального образования), можно предположить, что действующие образовательные программы оказывают негативное влияние на их интеллектуальный потенциал. Похожим образом обстоят дела и в остальных возрастных группах (30–54 года), что подтверждает ранее сделанный вывод.

Определенные особенности в гендерном разрезе имеет также использование населением своих качественных характеристик в трудовой деятельности². Как видно из рисунка 2, женщины, выкладываясь на работе сильнее, чем мужчины, наиболее

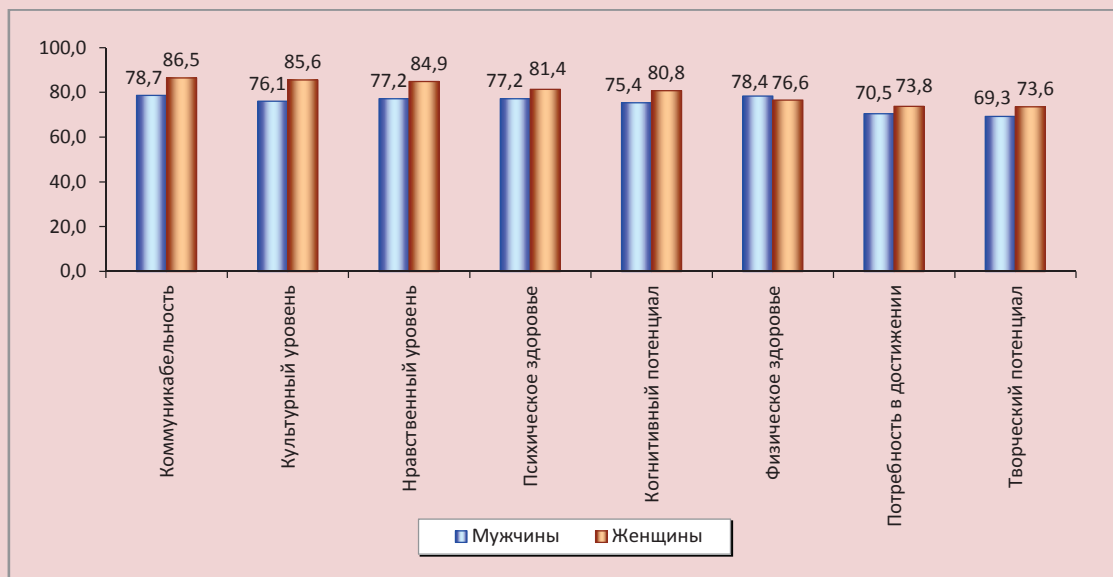
² Показатель «реализация трудового потенциала» отражает уровень использования работающим населением своих качеств и умений в конкретной трудовой деятельности. Методика, разработанная в ИСЭРТ РАН, основана на блоке вопросов вида «Насколько сильно Вы «выкладываетесь» на работе? В какой мере используете свои качества и умения?» [30].

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «В какой мере для Вас в настоящее время характерно занятие творческой (рационализаторской, изобретательской и т.д.) деятельностью?» в разрезе возрастных групп, %

Вариант ответа	Возраст, лет									
	16-17	18-24	25-29	30-49	50-54	16-17	18-24	25-29	30-49	50-54
	2000 г.					2014 г.				
Постоянно что-нибудь изобретаю, пишу, сочиняю и т.д. – это стиль моей жизни	15,2	9,4	4,8	5,5	7,6	5,2	9,6	8,2	5,7	3,4
Придумываю, изобретаю и т.д., когда передо мной возникает практическая необходимость что-нибудь сделать, а как – неизвестно, нет готовых решений	15,2	24,9	20,8	25,1	22,7	24,1	19,7	21,9	17,4	14,8
Придумываю, изобретаю, сочиняю и т.д., когда получаю соответствующее задание от начальства	31,5	35,1	28,8	18,5	15,9	24,1	23,2	23,7	21,7	17,9
Никогда ничего не предпринимаю, делаю то, чему меня научили раньше, или что подсказывают другие, о чем могу прочитать в книгах, справочниках и т.д.	38,0	30,6	45,6	50,9	53,8	46,6	47,4	46,1	55,2	63,9

Источник: данные мониторинга качественного состояния трудового потенциала Вологодской области, ИСЭРТ РАН, 2000–2014 гг.

Рисунок 2. Уровень реализации трудового потенциала населения Вологодской области в гендерном разрезе, 2014 г., %

Источник: данные мониторинга качественного состояния трудового потенциала Вологодской области, ИСЭРТ РАН, 2014 г.

полно используют коммуникабельность (87%), культурный (86%) и нравственный (85%) уровень, а наименее полно – творческие способности (74%) и потребность в достижении (74%). По сравнению с мужчинами женщины в меньшей степени реализуют возможности физического здоровья.

Сложившуюся иерархию в отношении гендерных особенностей использования личных качественных характеристик в трудовой деятельности можно объяснить отраслевой спецификой занятости. По данным Вологдастата, в 2014 г. больше всего женщин работало в оптовой и розничной торговле (21%), образовании (16%), обрабатывающих производствах (13%), а также здравоохранении и сфере предоставления социальных услуг (12%) [28], т.е. в тех отраслях экономики, в которых преобладают профессии типа «человек-человек», требующие общения и взаимодействия с другими людьми.

Вместе с тем в 2014 г. по сравнению с 2002-м структура занятости женщин по видам экономической деятельности существенно изменилась в сторону увеличения их представительства в таких сферах, как: «финансовая деятельность» (в 4,8 раза); «операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг» (в 2,4 раза); «государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование» (на 67%); «гостиницы и рестораны» (на 60%); а в сторону уменьшения – в таких сферах, как: «предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг» (на 56%); «обрабатывающие производства; добыча полезных ископаемых» (на 38%); «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство» (на 34%) [28].

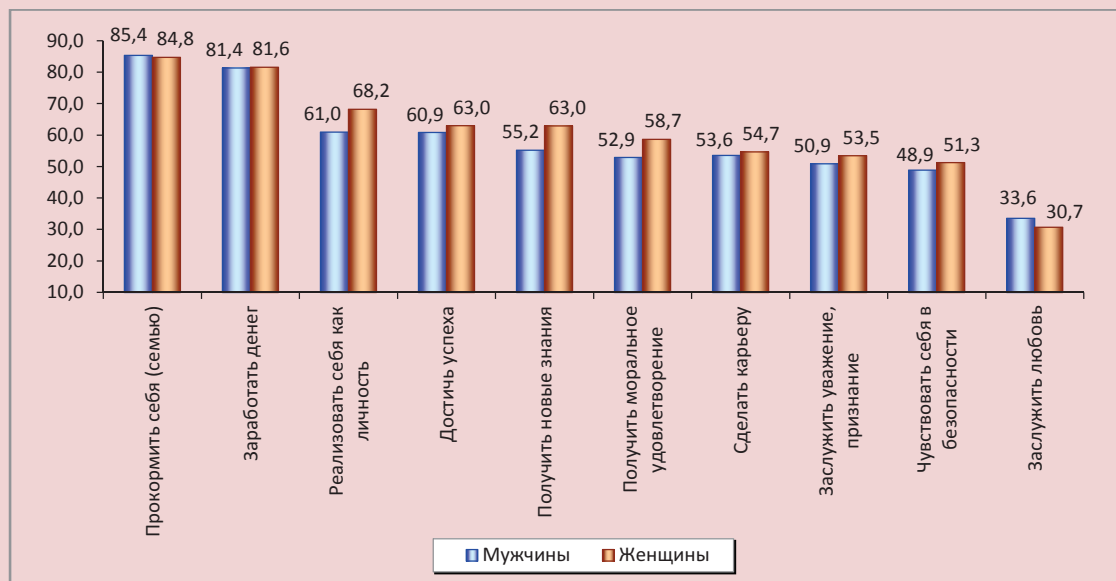
Подобные сдвиги позитивно сказались на положении женщин в обществе: по данным опросов, проведенных ИСЭРТ РАН³, за последние десять лет более 20% вологжанок отметили повышение своего социального статуса.

Достаточно высокий уровень реализации женщинами трудового потенциала детерминирован гендерными различиями в отношении к труду (рис. 3). Хотя подавляющее большинство населения, вне зависимости от пола, воспринимает работу прежде всего как источник средств к существованию, женщины, в отличие от мужчин, в большей степени заинтересованы в том, чтобы посредством трудовой деятельности реализовать себя как личность (68% против 61%), получить новые знания (63% против 55%), моральное удовлетворение (59% против 53%) и т.д. Данная особенность, отмечаемая многими исследователями, объясняется тем, что мужчинам всегда предоставляется возможность доказать свою состоятельность, вследствие чего они не испытывают сильной потребности в самоактуализации, стремясь выполнять свои традиционные функции (обеспечение семьи материальным достатком) [13, с. 103].

Развитые у женщин терминальные ценности (выражаются в самозначимости труда как важнейшей ценности в жизни людей [16, с. 39]) наложили отпечаток на их социальные установки (табл. 3).

³ Опрос общественного мнения «Социокультурный портрет Вологодской области» был проведен ИСЭРТ РАН в 2015 г. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые, средние и крупные города); половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос: «Ваша работа для Вас – это прежде всего способ...» (вариант ответа «согласен» и «совершенно согласен»), 2014 г., %

Источник: данные мониторинга качественного состояния трудового потенциала Вологодской области, ИСЭРТ РАН, 2014 г.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы готовы..?» (вариант ответа «готов в полной мере»), %

Вариант ответа	2014 г.		Среднее значение
	Мужчины	Женщины	
Выстраивать партнерские отношения в сфере труда	17,6	18,1	17,8
Развивать свой личностный потенциал	14,7	19,3	17,1
Духовно расти и самосовершенствоваться	12,9	18,9	16,0
Приносить своим трудом пользу людям	13,2	18,5	15,9
Осваивать новые знания и навыки на протяжении всей своей жизни	12,8	18,2	15,5
Трудиться на благо страны	12,0	15,5	13,8
Изучить при необходимости иностранный язык	8,8	16,3	12,6
Организовать собственное дело, семейный бизнес	10,3	11,1	10,7
Повышать свою профессиональную квалификацию за счет собственных средств	8,4	8,4	8,4
Переехать в другой населенный пункт страны с более привлекательными условиями труда	7,4	9,8	8,6

Источник: данные мониторинга качественного состояния трудового потенциала Вологодской области, ИСЭРТ РАН, 2014 г.

Женщины в большей степени, нежели мужчины, готовы духовно расти и самосовершенствоваться (19% против 13%), приносить своим трудом пользу людям (18 и 13%), осваивать новые знания и навыки

(18 и 12%), изучать при необходимости иностранный язык (16 и 9%) и т.д. Подобные особенности эксперты связывают с изменением жизненных ориентиров женщин в новых экономических условиях [31].

По данным мониторинга ИСЭРТ РАН, при выборе места работы женщины в большей степени ориентированы на получение невысоких, но гарантированных, стабильных доходов на государственном предприятии (39% против 27% у мужчин). Отсутствие уверенности в будущем служит фактором сдерживания от трудоустройства в коммерческие организации и от ведения собственного дела (24 и 6% у женщин против 32 и 8% у мужчин).

Несмотря на высокие показатели качества трудового потенциала и его реализации, уровень оплаты труда женщин значительно ниже, чем у мужчин (табл. 4). По состоянию на 2015 г. отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин в Вологодской области составило 58%. Такой результат соответствует 83 позиции среди 85 субъектов РФ.

Исследования показывают, что гендерный разрыв в оплате труда преимущественно обусловлен вертикальной (должностной) и горизонтальной (отраслевой и

профессиональной) сегрегацией на рынке труда [22, с. 243; 26]. Присутствие в научной литературе работ, свидетельствующих как о более высокой производительности труда мужчин в различных отраслях [37], так и их относительном паритете [41], не позволяет сделать однозначный вывод о превосходстве того или иного пола над другим в данном аспекте. Вклад дискриминационных практик в общую дифференциацию заработной платы мужчин и женщин (когда за одну и ту же работу они получают вознаграждение разного уровня) достигает в России по разным оценкам 18% и выше [10, с. 282; 21, с. 38; 25, с. 10].

Российское законодательство (в т.ч. благодаря ратификации ряда международных договоров) запрещает дискриминацию по полу практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Однако отсутствие эффективного механизма защиты женщин на рынке труда приводит к ее широкому распространению в скрытой форме [7, с. 58]. По данным опроса общественного мнения, проведенного ИСЭРТ

Таблица 4. Средняя начисленная заработная плата работников списочного состава, 2015 г.

Субъект РФ	Зарплата, руб.			Отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин	
	Все население	Мужчины	Женщины	%	Ранг
Российская Федерация	35397	42573	29235	68,7	-
5 лучших субъектов по соотношению заработных плат					
Республика Ингушетия	18305	17941	18497	103,1	1
Республика Крым	22610	22768	22491	98,8	2
Чеченская Республика	17879	18519	17540	94,7	3
Республика Алтай	19142	19841	18725	94,4	4
г. Севастополь	21559	22540	20749	92,1	5
5 худших субъектов по соотношению заработных плат					
Архангельская область	38892	48867	28941	59,2	81
Сахалинская область	64462	82012	47939	58,5	82
Вологодская область	29567	38385	22401	58,4	83
Астраханская область	25334	33274	19207	57,7	84
Республика Тыва	30779	44677	23200	51,9	85

Источник: сведения о заработной плате работников организаций по категориям персонала и профессиональным группам работников / Росстат, 2015.

РАН в 2013 году⁴, у 11% женщин создается впечатление, что их права ущемляются при трудоустройстве, а у 5% – при увольнении с работы (затруднились ответить 30 и 39% респондентов соответственно). Более того, каждой пятой (20%) известно, что аналогичные случаи происходили с другими женщинами, в то время как знакомые мужчины с подобными ситуациями не сталкивались вообще.

Как показывают выполненные в Вологодской области исследования, в 2014 г. более половины женщин (53%) были уверены, что будут востребованы в профессии, 47% – что повысят квалификацию, а 42% рассчитывали реализовать себя в трудовой деятельности, и это сопоставимо с результатами, полученными в группе мужчин (рис. 4). Вместе с тем доля женщин, отмечающих возможность достойной оплаты

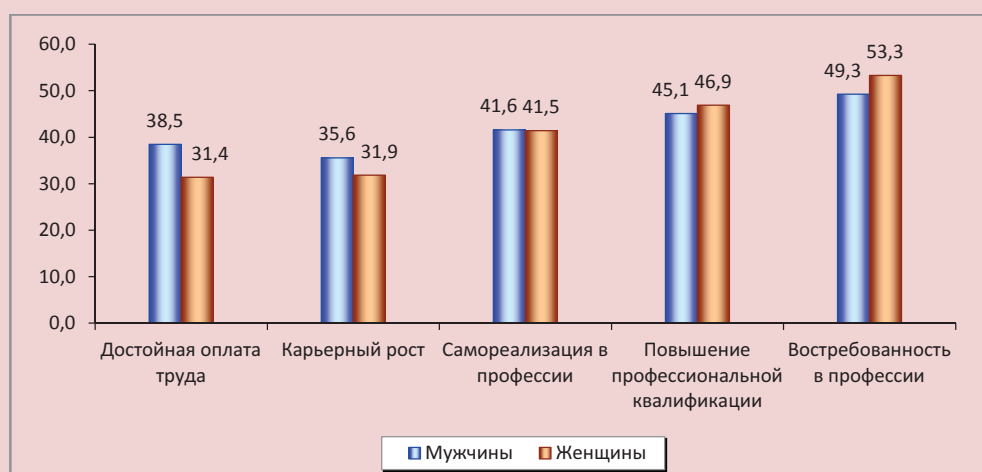
⁴ Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением пропорций между жителями населенных пунктов различных типов; половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

труда и карьерного роста, составляет только треть, что несколько ниже, чем доля мужчин (32 и 31% против 36 и 39% соответственно).

Женщины чаще мужчин трудоустраиваются по специальности, полученной в организации профессионального образования (57% в 2004 г. против 53% в 2014 г. соответственно; рис. 5). Среди основных причин работы не по специальности вологжанки отмечают: изменение профессиональных интересов (27%); отсутствие спроса на рынке труда (25%); неудовлетворенность условиями труда, предложенными работодателем (17%).

Судя по данным о перспективах трудовой занятости в ближайшие 5 лет, полученным в рамках мониторинга, большинство женщин видят себя работающими преимущественно в Вологодской области (92%). По их самооценке, через 15 лет число женщин данной категории сократится до 83% (мужчин – с 93 до 86%) за счет трудоустройства в других населенных пунктах области и страны в целом. Этот

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете свои профессиональные перспективы?», %

Источник: данные мониторинга качественного состояния трудового потенциала Вологодской области, ИСЭРТ РАН, 2014 г.

Рисунок 5. Динамика трудоустройства населения Вологодской области по специальности, полученной в образовательной организации профессионального образования, %

Источник: данные мониторинга качественного состояния трудового потенциала Вологодской области, ИСЭРТ РАН, 2004–2014 г.

результат позволяет сделать осторожный вывод о большей готовности женщин к мобильности. Тем не менее данные статистики показывают, что в период 2010–2015 гг. миграционная убыль женского населения в трудоспособном возрасте в 10 раз превысила мужскую (-5747 чел. против -574 чел.) [28].

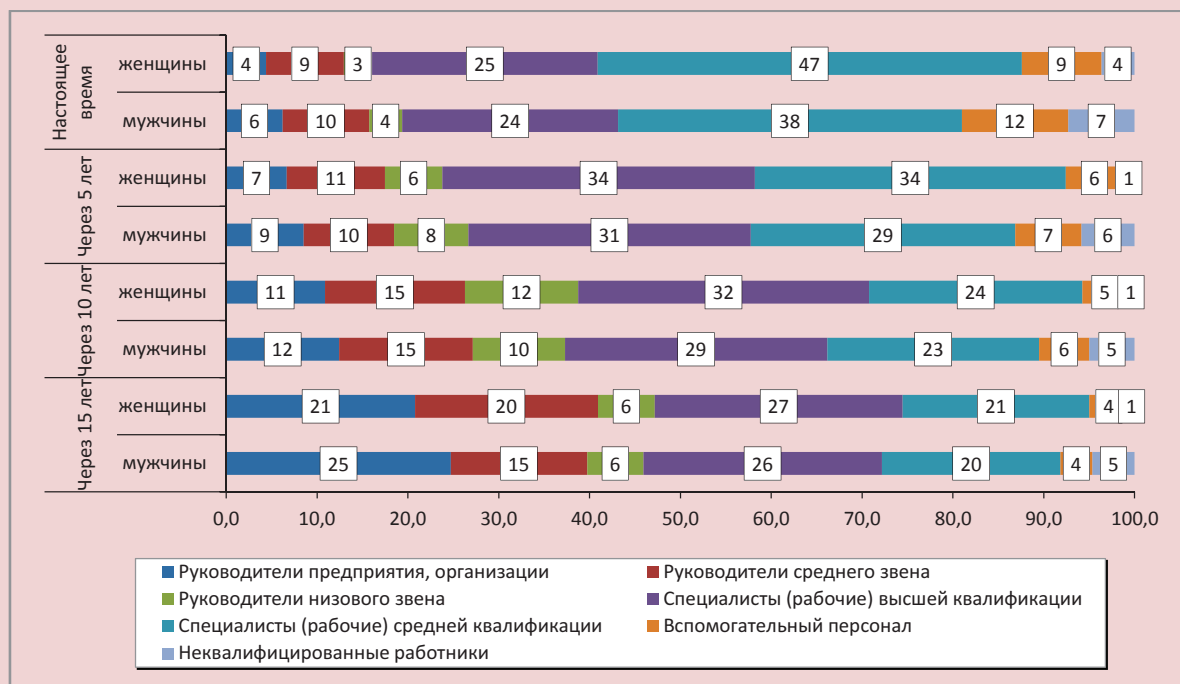
Что касается распределения занятых в экономике по группам занятий на основной работе, то в настоящее время женщины-руководители организаций/предприятий и их структурных подразделений по-прежнему составляют небольшую часть (4%), а примерно половина являются специалистами (рабочими) средней квалификации (рис. 6). Однако в долгосрочной перспективе доля женщин, представляющих себя на руководящей должности, по самооценкам населения, существенно возрастет, хотя и не превзойдет уровень мужчин (21% против 25%). Впрочем, мужские карьерные амбиции традиционно превосходят женские как в России, так и за рубежом [40].

Таким образом, проведенный нами анализ показал, что качество трудового потенциала женщин Вологодской области не только достигло уровня мужчин, но и превзошло его. Они характеризуются более высокими значениями культурного, нравственного, когнитивного и творческого компонентов качества трудового потенциала, а также большей потребностью в достижениях. Причем разрыв в интеллектуальной составляющей за рассматриваемый период значительно возрос, что позволило сделать вывод о большей готовности женщин к вызовам инновационной экономики. Вместе с тем тенденция снижения индексов знания и творчества была отмечена среди представителей обоих полов, и это свидетельствует о неостребованности данных компонентов в экономике региона.

Развитые у женщин терминальные ценности дают им возможность более полно реализовать свой трудовой потенциал, что также позитивно сказывается на их социальных установках. Несмотря на

Рисунок 6. Распределение ответов на вопрос: «На какой должности Вы работаете в настоящее время и видите себя через 5/10/15 лет?», 2014 г., %

Источник: данные мониторинга качественного состояния трудового потенциала Вологодской области, ИСЭРТ РАН, 2014 г.

это, величина их заработной платы значительно ниже, чем у мужчин. Гендерный разрыв в оплате труда возникает не только вследствие сегрегации на рынке труда, но и в связи с распространенностью дискриминационных практик в сфере труда и занятости. И если в отношении перспективы карьерного роста женщины настроены более оптимистично, то возможность получения достойного заработка представляется им менее реальной. В свете этого, с целью достижения гендерного равенства на рынке труда, необходимо прежде всего создать условия для положительной восходящей мобильности и достойной оплаты труда женщин. Согласно исследованию Глобального института McKinsey, борьба с глобальным гендерным неравен-

ством может привести к дополнительно увеличению мирового ВВП к 2025 г. на 11–26% [43].

По нашему мнению, преодолеть существующие барьеры можно за счет реализации следующих направлений:

1. Учет результатов социологических исследований при формировании комплексной оценки положения женщин на рынке труда, в частности, при разработке соответствующих мер в системе государственного управления, в силу того что данные методы позволяют получить важные сведения о качественных аспектах трудового потенциала и его реализации.
2. Разработка комплекса мер (подготовка стратегического документа или плана мероприятий) по созданию условий для

повышения эффективности восходящей мобильности женщин с учетом гендерной специфики, сложившейся на региональном рынке труда.

3. Проведение мероприятий по формированию позитивного образа женщины на рынке труда, по информированию женщин о их правах и возможностях и об использовании этих знаний при нарушении прав.

4. Обеспечение формирования открытого информационного пространства в отношении социально-экономического положения женщин, в т.ч. в разрезе социально-демографических групп.

В заключение хотелось бы отметить, что женщины представляют достаточно неоднородную социально-демографическую группу на рынке труда. В её составе присутствует большое количество категорий, для которых проблемы занятости стоят наиболее остро. Так, статистика Департамента труда и занятости населения Вологодской области показывает, что трудоустройство женщин в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет является крайне сложной задачей. За 2012–2013 гг. из 78 женщин, обратившихся в государственные учреждения службы занятости региона за содействием в поиске подходящей работы, нашла работу только одна. Данное обстоятельство необходимо учитывать в дальнейшей работе по изучению потенциала женщин на рынке труда для разработки адресных мер по преодолению барьеров, препятствующих наиболее полной реализации имеющихся знаний, навыков и умений в трудовой деятельности. В частности, следует обратить внимание на успешные практики реализации социальных инноваций. Так, с 2012 г. в г. Москве функционирует проект «Мама работает», который реализует широкий комплекс мероприятий,

помогающих мамам стать успешными специалистами, востребованными на рынке труда. Среди таких мероприятий:

- психологическая поддержка;
- образовательные программы и тренинги;
- дополнительное образование;
- поиск работы;
- помощь при открытии бизнеса;
- создание собственных рабочих мест и т.д.

Реализация проекта оказывает позитивный эффект на материальное благополучие семей. Более 1000 мам, получивших возможность работать и иметь доход (средняя заработная плата составляет 10–15 тыс. рублей), без ущерба для воспитания детей, не нуждаются теперь в пособиях для временно безработных. Проект сотрудничает с вузами и центрами дополнительного образования, предоставляющими льготные места для молодых мам. В августе 2014 года был получен Президентский грант от Института проблем гражданского общества для развития собственного образовательного проекта в течение 11 месяцев. Бизнес-проект мастерской «Мама Сами» стал победителем конкурса «Социальный предприниматель – 2014», что позволило получить беспроцентный займ от фонда регионального развития «Наше Будущее» на открытие швейного производства [27].

Решение вышеобозначенных проблем возможно только при активном участии всех заинтересованных сторон: власти, бизнеса и общества. На уровне государства преодоление гендерного неравенства будет способствовать увеличению темпов экономического роста и развитию инноваций. На уровне бизнес-сообщества борьба с дискриминационными практиками и внедрение инновационных форм занятости позволят заметно повысить произ-

водительность труда за счет более полного использования имеющегося трудового потенциала. И, наконец, на уровне общества изменение существующих стерео-

типов, препятствующих самореализации женщин, приведет к повышению уровня жизни в домохозяйствах и снижению социальной напряженности.

Литература

1. База данных Всемирного банка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://data.worldbank.org/>.
2. Базуева, Е.В. Институциональные роли экономических агентов в системе использования человеческого капитала на российском рынке труда [Текст] / Е.В. Базуева // Вестник АГТУ. Серия экономика. – 2015. – № 2. – С. 22-32.
3. Баскакова, М.Е. Гендерное преломление Целей развития тысячелетия для России [Текст] / М.Е. Баскакова, Е.Б. Мезенцева // Народонаселение. – 2006. – № 1 (31). – С. 43-58.
4. Гендерные представления и домашнее насилие в молодых семьях Карелии [Текст] / Н.М. Римашевская, М.М. Малышева, Т.В. Морозова, М.П. Пискалова-Паркер // Народонаселение. – 2016. – № 2(72). – С. 50-60.
5. Гендерные противоречия на рынке труда [Текст] / Е.Б. Мезенцева, З.А. Хоткина, М.М. Малышева, М.Е. Баскакова, Х. Хаджалова, И.Б. Назарова // Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования. – М.: Наука, 2009. – С. 83-186.
6. Гендерные стереотипы в современной России [Текст] / сост., общ. ред.: И.Б. Назарова, Е.В. Лобза; Гос. ун-т–Высшая школа экономики. – М. : МАКС Пресс, 2007. – 306 с.
7. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2010 год [Текст] / под общ. ред. С.Н. Бобылева. – М. : ООО «Дизайн-проект «Самолет», 2010. – 152 с.
8. Доклад о человеческом развитии – 2015. Труд во имя человеческого развития [Текст] : пер. с англ. / Программа развития ООН. – М. : Весь Мир, 2016. – 284 с.
9. Ермакова, М.Г. Дискриминация женщин на рынке труда: гендерные особенности субъектов хозяйствования как фактор развития рынка труда [Текст] / М.Г. Ермакова // Российское предпринимательство. – 2010. – № 10(1). – С. 42-46.
10. Заработная плата в России: эволюция и дифференциация [Текст] / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников. – М. : Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2008. – 576 с.
11. Здравомыслова, Е.А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России [Текст] / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6. – С. 177-185.
12. Ильин, В.А. Качество трудового потенциала населения Вологодской области [Текст] / В.А. Ильин, Н.А. Смирнова, Я.Б. Тимофеева. – Вологда : ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1998. – 72 с.
13. Исакова, Е.В. Размышления о проблеме самореализации женщин и мужчин в сфере труда современного российского общества [Текст] / И.В. Исакова // Вестник КемГУ. – 2009. – № 3. – С. 99-105.
14. Капелюшников, Р.И. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения») [Текст] / Р.И. Капелюшников, А.Л. Лукьянова. – М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010. – 196 с.
15. Карабчук, Т. Детерминанты занятости для матерей в России [Текст] / Т. Карабчук, М. Нагерняк // Журнал исследований социальной политики. – 2013. – № 1. – Т. 11. – С. 25-48.
16. Леонидова, Г.В. Заработная плата и эффективность труда: взгляд социолога [Текст] : препринт / Г.В. Леонидова, А.В. Попов. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – 50 с.
17. Мальцева, И.О. Гендерная сегрегация и мобильность на российском рынке труда [Текст] / И.О. Мальцева, С.Ю. Рошин ; Гос. ун-т–Высшая школа экономики. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – 295 с.
18. Маслова, И.С. Трудовой потенциал советского общества: вопросы теории и методологии исследования [Текст] / И.С. Маслова. – М., 1987. – 32 с.
19. Мезенцева, Е.Б. Мужчины и женщины в сфере домашнего труда: логика экономической рациональности против логики гендерной идентичности? [Текст] / Е.Б. Мезенцева // Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. – М.: МОТ, 2003. – С. 50-71.

20. Мосакова, Е.А. Дискриминация женщин при найме на работу (социологический анализ) [Текст] / Е.А. Мосакова // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2012. – № 1. – С. 388-395.
21. Ощепков, А.Ю. Гендерные различия в оплате труда в России [Текст] : препринт WP3/2006/08/ А.Ю. Ощепков. – М. : ГУ ВШЭ, 2006. – 52 с.
22. Панов, А.М. Гендерный анализ российского рынка труда [Текст] / А.М. Панов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3. – С. 235-247.
23. Римашевская, Н.М. Гендер и макроэкономика: теоретические аспекты [Текст] / Н.М. Римашевская // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / отв. ред. Е.Б. Мезенцева. – М. : ИСЭПН РАН–МЦГИ ; Русская панорама, 2002. – 352 с.
24. Рошин, С.Ю. Отдача от инвестиций в человеческий капитал у женщин ниже [Электронный ресурс] / С.Ю. Рошин // Демоскоп Weekly. – 2005. – № 221-222. – Режим доступа : <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/tema02.php>
25. Рошин, С.Ю. Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте целей развития тысячелетия [Текст] / С.Ю. Рошин, Н.В. Зубаревич. – М., 2003. – 73 с.
26. Рошин, С.Ю. Гендерные различия в заработной плате: микроэкономический анализ факторов и тенденций [Текст] / С.Ю. Рошин, О.А. Горелкина // Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С. 130-146.
27. Сайт проекта «Мама работает». – Режим доступа : <http://mamaw.ru/>
28. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vologdastat.gks.ru/>
29. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gks.ru/>
30. Чекмарева, Е.А. Повышение уровня реализации трудового потенциала: роль заработной платы [Текст] / Е.А. Чекмарева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 2. – С. 165-172.
31. Шатрова, Л.А. Гендерные стереотипы на рынке труда Республики Татарстан [Текст] / Л.А. Шатрова // Социологические исследования. – 2003. – № 3. – С. 124-126.
32. Ярская, В.Н. «Не мужское это дело...» Гендерный анализ занятости в социальной сфере [Текст] / В.Н. Ярская, Е.Р. Ярская-Смирнова // Социологические исследования. – 2002. – № 11. – С. 74-82.
33. Arrow, K. Models of job discrimination [Text] / K. Arrow. – In A.H. Pascal (ed.) Racial Discrimination in Economic Life. Lexington, Mass.: D.C. Heath and Co., 1972. – Pp. 83-102.
34. Becker, G. The Economics of Discrimination [Text] / G. Becker. – Chicago: Chicago University Press, 1957. – 178 p.
35. Bergman, B.R. Occupational Segregation, Wages and Profits When Employers Discriminate by Race or Sex [Text] / B.R. Bergman // Eastern Economic Journal. – 1974. – №1(2). – Pp. 103-110.
36. Blau, F.D. Differences in Occupations and Earnings: The Role of Labor Market Discrimination [Text] / F.D. Blau, M.A. Ferber; A.E. Winkler. – In The Economics of Women, Men, and Work (6th international ed.). Harlow: Pearson Education, 2010. – 456 p.
37. Borgès Da Silva, R. Qualité et productivité dans les groupes de médecine de famille : qui sont les meilleurs ? Les hommes ou les femmes ? [Электронный ресурс] / R. Borgès Da Silva, V. Martel, R. Blais. – Режим доступа : <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S039876201300343X>
38. Brewster, K. Fertility and Women's Employment in Industrialized Nations [Text] / K. Brewster, R. Rindfuss // Annual Review of Sociology. – 2000. – Vol. 26. – Pp. 271-296.
39. Gunderson, M. Male-Female Wage Differentials and Policy Responses [Text] / M. Gunderson // Journal of Economic Literature. – 1989. – Vol. 27. – No. 1. – Pp. 46-72.
40. Hays Global Gender Diversity Report 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gender-diversity.haysplc.com/>
41. Petersen, T. Are Female Workers Less Productive Than Male Workers? [Электронный ресурс]: Research in Social Stratification and Mobility / T. Petersen, V. Snartland, E.M. Meyersson Milgrom. – Режим доступа : <http://www.irl.berkeley.edu/workingpapers/139-06.pdf>

42. Spence, M. Job market signaling [Text] / M. Spence // Quarterly Journal of Economics. – 1973. – Vol. 87. – № 3. – PP. 355-374.
43. The power of parity: how advancing women's equality can add \$12 trillion to global growth [Электронный ресурс] / McKinsey Global Institute. – Режим доступа : <http://www.mckinsey.com/global-themes/employment-and-growth/how-advancing-womens-equality-can-add-12-trillion-to-global-growth>

Сведения об авторах

Александра Анатольевна Шабунова – доктор экономических наук, доцент, временно исполняющий обязанности директора, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д.56а, aas@vscc.ac.ru)

Андрей Васильевич Попов – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ai.popov@yahoo.com)

Татьяна Сергеевна Соловьева – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, solo_86@list.ru)

Shabunova A.A., Popov A.V., Solov'eva T.S.

The Potential of Women in the Labor Market of the Region

Abstract. Participating in labor activity and the situation on the labor market are among the most important aspects of research into the empowerment of women; this research has a significant impact on the implementation of labor potential, and, consequently, on the overall economic development of the territory. However, as global and Russian practice shows, women in the labor market represent a more vulnerable category than men and often face discrimination in relation to wages, career position, employment, etc. Authors of scientific papers usually acknowledge that female population has higher levels of human capital, but they do not go deep into the analysis of its qualitative characteristics. In this context, we performed a study of the labor potential of women in the regional labor market (on the basis of the monitoring data on the quality status of the labor potential in the Vologda Oblast). Our analysis has shown that the values of the majority of basic components of labor potential quality in women are higher than those in men (with the exception of the health index). In addition, the level of implementation of the accumulated potential in women is also higher than the same indicator in men. We substantiate this phenomenon by the existence of gender differences in the attitude toward labor. Compared to men, women tend to have terminal values that are more developed, this is manifested in women's greater desire to realize themselves in the labor market. As a result, they find employment within their specialty more often, they are focused on getting a stable job that would allow them to utilize their knowledge, abilities and skills to the fullest extent. Despite all this, labor remuneration for women is lower than that for men. One reason for such differentiation lies in gender discrimination in a latent form, which is due to the stereotypes of the position and behavior of women in society. In conclusion, we propose a number of areas to address gender inequality in the labor market.

Key words: labor potential, labor market, gender, region, inequality, segregation, discrimination, women.

References

1. *Baza dannykh Vsemirnogo banka* [World Bank database]. Available at: <http://data.worldbank.org/>.
2. Bazueva E.V. Institutsional'nye roli ekonomicheskikh agentov v sisteme ispol'zovaniya chelovecheskogo kapitala na rossiiskom rynke truda [Institutional role of economic agents in the use of human capital in the Russian labor market]. *Vestnik AGTU. Seriya ekonomika* [Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series Economics], 2015, no. 2, pp. 22-32. (In Russian).
3. Baskakova M.E., Mezentseva E.B. Gendernoe prelomlenie Tselei razvitiya tysyacheletiya dlya Rossii [Gender refraction of the Millennium development goals for Russia]. *Narodonaselenie* [Population], 2006, no. 1 (31), pp. 43-58. (In Russian).
4. Rimashevskaya N.M., Malysheva M.M., Morozova T.V., Pisklakova-Parker M.P. Gendernye predstavleniya i domashnee nasilie v molodykh sem'yakh Karelii [Gender-related ideas and domestic violence in young families in Karelia Republic]. *Narodonaselenie* [Population], 2016, no. 2(72), pp. 50-60. (In Russian).
5. Mezentseva E.B., Khotkina Z.A., Malysheva M.M., Baskakova M.E., Khadzhalova Kh., Nazarova I.B. Gendernye protivorechiya na rynke truda [Gender contradictions in the labor market]. *Gendernye stereotipy v menyayushchemsya obshchestve: opyt kompleksnogo sotsial'nogo issledovaniya* [Gender stereotypes in the changing society: experience of a comprehensive social research]. Moscow: Nauka, 2009. Pp. 83-186. (In Russian).
6. *Gendernye stereotipy v sovremennoi Rossii* [Gender stereotypes in modern Russia]. Compiled and ed. by I.B. Nazarov, E.V. Lobz. Moscow: MAKS Press, 2007. 306 p. (In Russian).
7. *Doklad o razvitiy chelovecheskogo potentsiala v Rossiiskoi Federatsii za 2010 god* [National Human Development Report 2010 for the Russian Federation]. Under the general editorship of S.N. Bobylev. Moscow: OOO "Dizain-proekt "Samolet", 2010. 152 p. (In Russian).
8. *Doklad o chelovecheskom razvitiy – 2015. Trud vo imya chelovecheskogo razvitiya* [Human Development Report 2015: Work for Human Development]. Translated from English. Moscow: Ves' Mir, 2016. 284 p. (In Russian).
9. Ermakova M.G. Diskriminatsiya zhenshchin na rynke truda: gendernye osobennosti sub"ektov khozyaistvovaniya kak faktor razvitiya rynka truda [Discrimination against women in the labor market: gender features of business entities as a factor in the development of the labor market]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian entrepreneurship], 2010, no.10(1), pp. 42-46. (In Russian).
10. *Zarabotnaya plata v Rossii: evolyutsiya i differentsiatsiya* [Labor remuneration in Russia: evolution and differentiation]. Ed. by V.E. Gimpel'son, R.I. Kapelyushnikov. Moscow: Izdatel'skii dom GU-VShE, 2008. 576 p. (In Russian).
11. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. Issledovaniya zhenshchin i gendernye issledovaniya na Zapade i v Rossii [Studies of women and gender studies in the West and in Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1999, no. 6, pp. 177-185. (In Russian).
12. Ilyin V.A., Smirnova N.A., Timofeeva Ya.B. *Kachestvo trudovogo potentsiala naseleniya Vologodskoi oblasti* [Quality of labor potential of population in the Vologda Oblast]. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 1998. 72 p. (In Russian).
13. Isakova E.V. Razmyshleniya o probleme samorealizatsii zhenshchin i muzhchin v sfere truda sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Reflections on the problem of self-realization of women and men in the labor sphere of modern Russian society]. *Vestnik KemGU* [Bulletin of Kemerovo State University], 2009, no. 3, pp. 99-105. (In Russian).
14. Kapelyushnikov R.I., Luk'yanova A.L. *Transformatsiya chelovecheskogo kapitala v rossiiskom obshchestve (na baze "Rossiiskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya")* [Transformation of human capital in Russian society (on the basis of the Russian monitoring of economic situation and population health)]. Moscow: Fond "Liberal'naya missiya", 2010. 196 p. (In Russian).
15. Karabchuk T., Nagernyuk M. Determinanty zanyatosti dlya materei v Rossii [Employment determinants for mothers in Russia]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [Journal of social policy studies], 2013, no. 1, vol. 11, pp. 25-48. (In Russian).
16. Leonidova G.V., Popov A.V. *Zarabotnaya plata i effektivnost' truda: vzglyad sotsiologa: preprint* [Wages and labor productivity: a sociologist's view]. Vologda: ISERT RAN, 2015. 50 p. (In Russian).

17. Mal'tseva I.O., Roshchin S.Yu. *Gendernaya segregatsiya i mobil'nost' na rossiiskom rynke truda* [Gender segregation and mobility on the Russian labor market]. Moscow: Izd. dom GU VShE, 2006. 295 p. (In Russian).
18. Maslova I.S. *Trudovoi potentsial sovetskogo obshchestva: voprosy teorii i metodologii issledovaniya* [Labor potential of the Soviet society: issues of theory and research methodology]. Moscow, 1987. 32 p. (In Russian).
19. Mezentseva E.B. Muzhchiny i zhenshchiny v sfere domashnego truda: logika ekonomicheskoi ratsional'nosti protiv logiki gendernoï identichnosti? [Men and women in the sphere of household chores: economic rationality logic against gender identity logic?]. *Gendernoe ravenstvo: poiski resheniya starykh problem* [Gender equality: looking for a solution to old problems]. Moscow: MOT, 2003. Pp. 50-71. (In Russian).
20. Mosakova E.A. Diskriminatsiya zhenshchin pri naime na rabotu (sotsiologicheskii analiz) [Women's discrimination at hiring (sociological analysis)]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava* [Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law], 2012, no. 1, pp. 388-395. (In Russian).
21. Oshchepkov A.Yu. Gendernye razlichiya v oplate truda v Rossii: preprint WP3/2006/08 [Gender differences in labor remuneration in Russia: preprint WP3/2006/08]. Moscow: GU VShE, 2006. 52 p. (In Russian).
22. Panov A.M. Gendernyi analiz rossiiskogo rynka truda [Gender analysis of the Russian labor market]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 3, pp. 235-247. (In Russian).
23. Rimashevskaya N.M. Gender i makroekonomika: teoreticheskie aspekty [Gender and macroeconomics: theoretical aspects]. *Gender i ekonomika: mirovoi opyt i ekspertiza rossiiskoi praktiki* [Gender and economics: international experience and assessment of Russian practice]. Moscow: ISEPN RAN–MTsGI ; Russkaya panorama, 2002. 352 p. (In Russian).
24. Roshchin S.Yu. Otdacha ot investitsii v chelovecheskii kapital u zhenshchin nizhe [The return on investment in human capital is lower in women]. *Demoskop Weekly* [Demoscope weekly], 2005, no. 221-222. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/tema02.php>. (In Russian).
25. Roshchin S.Yu., Zubarevich N.V. *Gendernoe ravenstvo i rasshirenie prav i vozmozhnostei zhenshchin v Rossii v kontekste tselei razvitiya tsysyacheletiya* [Gender equality and the empowerment of women in Russia in the context of the Millennium development goals]. Moscow, 2003. 73 p. (In Russian).
26. Roshchin S.Yu., Gorelkina O.A. Gendernye razlichiya v zarabotnoi plate: mikroekonomicheskii analiz faktorov i tendentsii [Gender differences in wages: a microeconomic analysis of factors and trends]. *Gendernoe neravenstvo v sovremennoi Rossii skvoz' prizmu statistiki* [Gender inequality in modern Russia through the prism of statistics]. Moscow: Editorial URSS, 2004. Pp. 130-146. (In Russian).
27. *Sait proekta "Mama rabotaet"* [Website of the project "Mama works"]. Available at: <http://mamaw.ru/>. (In Russian).
28. *Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Vologodskoi oblasti* [Territorial agency of the Federal State Statistics Service in the Vologda Oblast]. Available at: <http://vologdastat.gks.ru/>. (In Russian).
29. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki Rossiiskoi Federatsii* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at: <http://www.gks.ru/>. (In Russian).
30. Chekmareva E.A. Povyshenie urovnya realizatsii trudovogo potentsiala: rol' zarabotnoi platy [Rising in labor potential: the role of wages]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2011, no. 2, pp. 165-172. (In Russian).
31. Shatrova L.A. Gendernye stereotipy na rynke truda Respubliki Tatarstan [Gender stereotypes in the labor market of the Republic of Tatarstan]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2003, no. 3, pp. 124-126. (In Russian).
32. Yarskaya V.N., Yarskaya-Smirnova E.R. "Ne muzhskoe eto delo..." Gendernyi analiz zanyatosti v sotsial'noi sfere ["It is not an occupation for men..."] *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2002, no. 11, pp. 74-82. (In Russian).
33. Arrow K. Models of job discrimination. In: A.H. Pascal (ed.) *Racial Discrimination in Economic Life*. Lexington, Mass.: D.C. Heath and Co., 1972. Pp. 83-102.
34. Becker G. *The Economics of Discrimination*. Chicago: Chicago University Press, 1957. 178 p.
35. Bergman B.R. Occupational segregation, wages and profits when employers discriminate by race or sex. *Eastern Economic Journal*, 1974, no. 1(2), pp. 103-110.

36. Blau F.D., Ferber M.A. Winkler A.E. Differences in occupations and earnings: the role of labor market discrimination. In: *The Economics of Women, Men, and Work* (6th international ed.). Harlow: Pearson Education, 2010. 456 p.
37. Borgès Da Silva R., Martel V., Blais R. *Qualité et productivité dans les groupes de médecine de famille : qui sont les meilleurs ? Les hommes ou les femmes?* Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S039876201300343X>
38. Brewster K., Rindfuss R. Fertility and women's employment in industrialized nations. *Annual Review of Sociology*, 2000, vol. 26, pp. 271-296.
39. Gunderson M. Male-female wage differentials and policy responses. *Journal of Economic Literature*, 1989, vol. 27, no. 1, pp. 46-72.
40. *Hays Global Gender Diversity Report 2016*. Available at: <http://gender-diversity.haysplc.com/>
41. Petersen T., Snartland V., Meyersson Milgrom E.M. *Are female workers less productive than male workers?: research in social stratification and mobility*. Available at: <http://www.irl.berkeley.edu/workingpapers/139-06.pdf>
42. Spence M. Job market signaling. *Quarterly Journal of Economics*, 1973, vol. 87, no. 3, pp. 355-374.
43. *The power of parity: how advancing women's equality can add \$12 trillion to global growth*. McKinsey Global Institute. Available at: <http://www.mckinsey.com/global-themes/employment-and-growth/how-advancing-womens-equality-can-add-12-trillion-to-global-growth>

Information about the Authors

Aleksandra Anatol'evna Shabunova – Doctor of Economics, Associate Professor, Interim Director, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, aas@vscc.ac.ru)

Andrey Vasil'evich Popov – Junior Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, ai.popov@yahoo.com)

Tatyana Sergeevna Solov'eva – Junior Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, solo_86@list.ru)

Статья поступила 28.09.2016.

Муниципально-частное партнерство в образовании: инфраструктурный аспект

**Елена Викторовна
ФРОЛОВА**

доктор социологических наук
Российский государственный социальный университет
129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4
efrolova06@mail.ru

**Ольга Владимировна
РОГАЧ**

кандидат социологических наук
Российский государственный социальный университет
129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4
rogach16@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению специфики реализации проектов муниципально-частного партнерства в системе образования РФ. Методы исследования: анализ документов, экспертный опрос (руководителей местных органов власти, предпринимателей Московской области). Целью данной статьи является исследование специфики муниципально-частного партнерства в сфере образования, сравнительный анализ оценок руководителей местных органов власти и бизнес-сообщества по данным вопросам, определение условий их эффективного взаимодействия и его лимитирующих факторов. Привлечение частных инвестиций в развитие образовательного комплекса ограничено узкопрагматической ориентацией власти на использование

Для цитирования: Фролова, Е.В. Муниципально-частное партнерство в образовании: инфраструктурный аспект / Е.В. Фролова, О.В. Рогач // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 145-160. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.8

For citation: Frolova E.V., Rogach O.V. Municipal-private partnership in education: infrastructural aspect. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 145-160. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.8

финансовых ресурсов бизнеса в практике муниципального управления. Судя по результатам исследований, руководители местных органов власти понимают социальное партнерство бизнеса и власти как безвозмездную помощь от социально ответственных предприятий, которые готовы вкладывать финансовые средства в развитие муниципального образования. Результаты опроса экспертов выявили определенные противоречия между ориентацией руководителей местных органов власти на реализацию проектов муниципально-частного партнерства и редкой практикой их осуществления. В статье представлен анализ перспективных моделей организации муниципально-частного партнерства в образовании. Определены лимитирующие факторы эффективного взаимодействия бизнеса и власти в вопросах развития образовательного комплекса: финансовая недостаточность местных бюджетов; несовершенство законодательной базы; низкий уровень информационной поддержки проектов муниципально-частного партнерства; недоверие представителей бизнеса к действиям властей; недостаточная проработка механизмов мотивации и стимулирования привлечения частных инвестиций. В статье обоснована необходимость формирования концептуально новой и последовательной муниципальной политики перехода от административного принуждения бизнеса к благотворительности и безвозмездной передаче средств на развитие инфраструктуры образовательного комплекса, к фокусированным инвестициям, взаимовыгодному сотрудничеству. Предложены направления поддержки механизмов муниципально-частного партнерства в образовании.

Ключевые слова: муниципально-частное партнерство, социальная инфраструктура, местное самоуправление, система образования, муниципальные образования.

Введение. Актуальные тренды и вызовы современной реальности, выраженные в смене концептуальных представлений о роли, целях и содержании образования в современном мире, обусловили значительные трансформации основ управления образовательной отраслью в России. Сегодня на первый план выходят те тенденции и закономерности развития образования, которые несут в себе потенциал социальной солидарности и консолидации, что предполагает расширение общественного участия в управлении образованием. В качестве ведущего механизма, который обеспечивает необходимую трансформацию социальных отношений, сложившихся в системе российского образования, выступает механизм социального партнерства, который в новых условиях призван обеспечить конструктивное согласование интересов агентов образовательного пространства.

В современной научной литературе по вопросам организации в системе образования партнерских отношений «власть—общество» центральное внимание уделено государственно-общественному управлению образованием и, как следствие, государственно-частному партнерству. Анализ теоретико-прикладных аспектов применения государственно-частного партнерства в различных сферах общественного развития позволяет интерпретировать данное понятие как организованное на договорной основе взаимодействие органов государственной власти и представителей бизнес-структур в целях обеспечения роста качественных характеристик услуг, предоставляемых населению. Простое переложение данного понятия на современную практику государственного управления образовательной отраслью не представляется целесообразным, т.к. специфика общественного управления предполагает

включение в качестве активного субъекта партнерских отношений различных групп общественности (родительской, педагогической и пр.), а не только бизнес-структур. Особенно ярко данное положение проявляется во фрагментарных попытках разработки социального заказа на образование.

Вместе с тем, оставляя за рамками научных изысканий такой важный аспект, как муниципально-частное партнерство в образовании, научное сообщество не может дать целостное представление о взаимосвязи механизма социального партнерства и качества современного образования. Это объясняется тем, что принципы демократизации и учета общественного мнения, на которых строится современное управление образованием, ставят российское общество перед необходимостью внедрения социальных инноваций, призванных интегрировать практики управления социальными процессами с технологиями самоуправления. Кроме того, значимую роль в устойчиво-позитивном развитии образовательной отрасли в России играет качество управленческого воздействия муниципального уровня власти, определяющего организационную эффективность деятельности субъектов образовательного пространства [11].

Именно поэтому муниципально-частное партнерство в образовании должно стать объектом отдельных прикладных исследований. Актуальность разработки данной проблематики подтверждается наличием существенных отличий муниципальной и государственной практики построения партнерских отношений, что не позволяет рассматривать государственно-частное и муниципально-частное партнерство как идентичные по содержанию понятия. Речь здесь идет не столько об отличиях в масштабах и формах реализации, сколько о необходимости выстраивания

муниципальными органами власти партнерских отношений сразу по нескольким направлениям: с бизнес-сообществом по привлечению инвестиций, с органами государственной власти (регионального и федерального уровня), с общественностью (целевыми группами и с общественными организациями). При этом использование в практике муниципального управления образованием механизма муниципально-частного партнерства наталкивается на существенное ограничение финансовых, материальных и иных ресурсов муниципального уровня власти, в том числе ресурсов полномочий.

Кроме того, на наш взгляд, муниципально-частное партнерство представляет по отношению к социальному партнерству более узкую категорию. Это связано с тем, что в социальном партнерстве субъектами конструктивного взаимодействия, основанного на объединении потенциалов, могут выступать все активные агенты образовательного пространства: помимо традиционных участников, в их число входят и научное сообщество, общественные организации, общественные движения, в случае необходимости даже средства массовой информации. Однако в современной практике управления образованием приложение усилий данных агентов носит размытый и неоднозначный характер, что, прежде всего, касается форм, в которых общественность принимает участие в управлении (советы родительской общности, попечительские и управленческие советы, различные формальные и неформальные общественные объединения, призванные помочь образовательному учреждению выполнять свои прямые обязанности). В ситуации муниципально-частного партнерства сложившееся положение имеет противоположный вектор направленности, а именно сужение коли-

чества агентов-партнеров (как правило, это власть и бизнес) и, как следствие, узкоцелевые вопросы, по которым проходит взаимодействие. При этом муниципально-частное партнерство обладает ярким экономическим эффектом своего приложения, и финансово-материальным значением для развития муниципального образовательного комплекса. Обратим особое внимание, что данные отличия не являются формально закрепленными признаками данных категорий, однако для раскрытия задач, поставленных в данной статье, видится целесообразным разведение понятий муниципально-частного и социального партнерства.

Таким образом, конкретизируя указанные выше положения, мы выдвигаем следующие заключения:

- ведущими сторонами муниципально-частного партнерства выступают власть (в лице муниципальных органов власти) и частный сектор (в лице бизнес-структур);
- для реализации перспективных проектов развития муниципального образовательного комплекса муниципально-частное партнерство видится наиболее экономически эффективной формой взаимодействия субъектов, не имеющей в современной практике управления равнозначных альтернатив;
- бенефициарием в муниципально-частном партнерстве выступают и муниципальные органы власти, для которых прибыль и другие выгоды, согласно договору, имеют отложенный характер, нашедший отражение в социально-экономическом развитии территории муниципального образования, а также наращивании человеческого, интеллектуально и образовательного потенциала территории (в последнее десятилетие данный показатель неуклонно увеличивает свою значимость); и бизнес-структуры, которые могут полу-

чать доход от муниципального имущества, переданного им властями в доверительное управление, косвенные выгоды от снижения налоговой нагрузки и пр.

Опираясь на сказанное выше, мы предлагаем рассматривать муниципально-частное партнерство в образовании с позиции организации конструктивного взаимодействия органов муниципального управления и бизнес-сообщества посредством консолидации на долговременной и взаимовыгодной основе социально-экономических ресурсов в целях решения задач развития муниципального образовательного комплекса. В контексте данного понимания сути муниципально-частного партнерства государственное или частное управление не являются полноценной альтернативой, так как в значительной степени нивелируют социальный и экономический эффект, который может быть достигнут в ходе интеграции усилий и потенциалов власти и общества.

Методология и методика. Анализ управления развитием социальной инфраструктуры муниципальных образований в современной России проведен в работах А.Ю. Бочкарева [1], О.О. Скрябина [12], Ю.Е. Перевозкиной [9], С.П. Федулова [13].

Роль государственно-частного партнерства как способа организации взаимодействия государства и частного бизнеса, используемого в целях развития социальной инфраструктуры, раскрыта в работе А.А. Грабар [5], В.Г. Варнавского, А.В. Клименко [2]. Необходимость внедрения механизма муниципально-частного партнерства в работу органов местного самоуправления обоснована А.Е. Лапиным и И.Ф. Алиулловым [7]. Особое внимание вопросам организации консолидированных усилий общества и власти по решению проблем образовательной отрасли уделено

в работах Е.В. Пискуновой [10] и Т.П. Грибоедовой [4]. Действие механизма государственно-частного партнерства в сфере образования, его сущность и общие тенденции развития освещены В.А. Малыгиным, А.В. Скоробогатовым, Т.В. Краминым [3], И. Данько [6] и др.

Проблемные аспекты использования механизма муниципально-частного партнерства в решении проблем функционирования и развития муниципальных образовательных комплексов раскрыты в работе Н.В. Медведевой [8]. Практика реализации проектов общественно-частного партнерства в зарубежном опыте рассмотрена в работах М. Симонса [17], Н. Папанстасиу [18], В.Д. Робертсон [19]; роль общественно-частного партнерства в совершенствовании образовательных программ для учителей обозначена в работе У.Ф. Тейт и Э. Маланчарувил-Беркеш [20].

Однако в научной литературе недостаточно проработаны вопросы, раскрывающие специфику факторов развития муниципально-частного партнерства. Значимость данных процессов для социально-экономического развития российского общества в целом и сферы образования в частности требует как более детального исследования ограничений, лимитирующих факторов развития муниципально-частного партнерства, так и разработки рекомендаций в целях повышения эффективности, оптимизации взаимодействий бизнеса и власти. Целью данной статьи является исследование специфики муниципально-частного партнерства в социальной сфере, сравнительный анализ оценок руководителей местных органов власти и бизнес-сообщества по вопросам муниципально-частного партнерства в образовании, определение лимитирующих факторов и условий их эффективного взаимодействия при реализации проектов инфраструктурного профиля.

Информационная база включает в себя результаты социологических исследований, проведенных Всероссийским Советом местного самоуправления (при нашем участии) посредством рассылки анкет по Интернету. Первое исследование было проведено в 2013 году, выборка включала в себя экспертов (руководителей местных органов власти муниципальных образований Российской Федерации). Тема исследования – «Инвестиционный потенциал муниципального образования» (N=718). Одной из задач исследования был анализ проблем развития социальной инфраструктуры в различных типах муниципальных образований РФ, определение лимитирующих факторов и потенциала модернизации социальной инфраструктуры. В марте–апреле 2016 года проведено исследование «Кадровые ресурсы местного самоуправления» (N=582) в рамках которого изучены не только состояние кадрового потенциала муниципальных образований, но и ряд вопросов, характеризующих социально-экономические факторы развития местного самоуправления.

Кроме того, в 2015 году был проведен экспертный опрос предпринимателей Московской области (N=64) с целью выявления специфики реализации проектов муниципально-частного партнерства, оценок его целесообразности и ограничений.

Проводя оценку современного состояния муниципального управления образованием, можно выдвинуть предположение о том, что существенным недостатком управленческого воздействия муниципальных структур власти выступает несогласование в позициях органов управления и общественности (в особенности бизнес-структур) касательно сущности и специфики муниципально-частного партнерства в образовании. В своем исследовании мы исходили из того, что наиболее

перспективной сферой исполнения практики муниципально-частного партнерства в образовании видится инфраструктурный профиль муниципального образовательного комплекса. Кроме того, неоспоримым является тот факт, что степень и качество обеспечения территорий соответствующей инфраструктурой создает благоприятные условия для социально-экономического развития муниципальных образований. Прежде чем перейти к изложению результатов исследовательской работы, обозначим исследовательскую позицию по поводу соотношения понятий «образование» и «социальная инфраструктура»: в частности, в контексте данной статьи инфраструктура образовательной сети и социальная инфраструктура могут быть рассмотрены в качестве равнозначных понятий, т.к. предполагается рассмотрение социального профиля инфраструктурного развития территории с акцентом на образовательном потенциале муниципальных территорий.

Результаты исследований. Судя по оценкам экспертов, на сегодняшний день уровень инфраструктурного обеспечения подавляющей части муниципалитетов является недостаточно высоким, что принято связывать со слабостью финансово-экономической базы муниципальных образований. Финансовые ресурсы местного самоуправления позволяют достаточно условно только поддерживать существующий уровень функционирования социальной инфраструктуры, не обеспечивая процессы ее развития. В сложившейся ситуации муниципальные образования не в состоянии в полном объеме профинансировать выполнение всех социальных обязательств государства, что приводит к нарушению конституционного права равной доступности жителей тех и или иных территорий к социальным благам и услугам.

Анализ бюджетной системы РФ не позволяет выделить четких принципов разграничения налоговых поступлений между бюджетами разных уровней. Состав федеральных налогов определялся преимущественно фактором доходности, поскольку к ним отнесены в большинстве своем такие налоговые платежи, которые обеспечивают наибольшие суммы финансовых поступлений. Анализ норм бюджетного законодательства, а также статистических данных позволяет сделать вывод об искусственной дотационности как субъектов РФ, так и муниципальных образований. Изъятие подавляющей части налоговых поступлений в вышестоящие бюджеты, а затем их возврат в виде межбюджетных трансфертов поддерживает высокий уровень централизации власти, зависимость местного самоуправления от региональных и федеральных властей [14, с. 163].

По результатам проведенных исследований, 74,9% руководителей местных органов власти, оценивая бюджетную обеспеченность исполнения собственных полномочий в 2015 году, отметили, что потребность муниципального образования в финансах превышала ассигнования, предусмотренные бюджетом. Результаты исследований иллюстрируют ухудшение финансово-экономической ситуации в местном самоуправлении. Более половины экспертов (58,4%) считают, что доходы муниципального образования в 2015 году уменьшились по сравнению с 2014.

Данное обстоятельство по-новому ставит вопрос о необходимости поиска дополнительных ресурсов развития муниципального образования, в частности, посредством привлечения агентов образовательного пространства к расширению и развитию инфраструктурного профиля муниципального образовательного комплекса. В данном разрезе рассмотрения

проблем функционирования муниципального уровня власти использование механизма муниципально-частного партнерства в образовании становится не только действенным инструментом развития инфраструктуры муниципальных образовательных комплексов, но и средством преодоления кризисных явлений в экономике муниципальных образований, обеспечивая тем самым позитивно-устойчивое развитие всей территории.

Анализ проблем реализации механизма муниципально-частного партнерства в образовании свидетельствует, что уровень фактической обеспеченности муниципальных районов и городских округов Московской области объектами социальной инфраструктуры по ряду показателей существенно ниже нормативной потребности (таблица). Особые трудности наблюдаются в обеспечении муниципальных образований дошкольными образовательными учреждениями (70% муниципальных образований). Согласно результатам исследований, наиболее тяжелая ситуация характерна для сельских поселений.

Результаты опросов населения свидетельствуют, что к наиболее значимым проблемам среднего образования относятся высокий уровень цен и недоступность платных услуг, плохое материально-техническое и методическое обеспечение образовательных учреждений. Что касается дошкольного образования, то здесь оцен-

ки несколько ниже как у экспертов, так и населения. Наиболее острой проблемой является нехватка мест в детских садах. По данным Федеральной службы государственной статистики, численность детей, стоящих на учете для определения в дошкольные образовательные организации, составляет 2849,9 тысячи. При этом статистические данные свидетельствуют об отрицательной динамике уровня обеспеченности детскими дошкольными образовательными учреждениями, что оказывает дестимулирующее воздействие на качество жизни населения, формируя негативное восприятие и низкие оценки уровня развития социальной инфраструктуры. Так, в 2014 году насчитывалась 51 тыс. организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам дошкольного образования, в 2015-м – 50,1 тыс. [16]

Муниципально-частное партнерство в оценках руководителей местных органов власти. В целях нивелирования проблем обеспечения муниципальных образований объектами образовательной инфраструктуры наиболее эффективным представляется механизм привлечения к решению данного вопроса частных партнеров, ориентированных на конструктивное сотрудничество с муниципальными властными структурами. Потребность в частных инвестициях ощущается особенно остро именно на муниципальном уровне. Большинство опрошенных экспертов отметили, что

Оценка образовательной инфраструктуры Московской области РФ*

Оценка	Муниципальный район	Городской округ	Городское поселение	Сельское поселение
«1»	0	0	0	1,8
«2»	0,7	0	0	1,8
«3»	7,4	4,4	21,4	17,1
«4»	69,1	64,8	52,4	62,7
«5»	22,8	30,8	26,2	16,6
	100	100	100	100

* Составлено по результатам опроса руководителей местных органов власти.

в современных условиях бюджетной недостаточности основные усилия должны быть направлены на установление взаимовыгодного сотрудничества с бизнес-обществом в целях развития социальной инфраструктуры территории, повышения уровня и качества жизни населения. Однако, как показали результаты исследований, руководители местных органов власти понимают социальное партнерство бизнеса и власти как безвозмездную помощь от социально ответственных предприятий, которые готовы вкладывать финансовые средства в развитие муниципального образования [15, с. 56]. Отвечая на вопрос «Активно ли привлекается бизнес к развитию социальной инфраструктуры в Вашем муниципальном образовании?», только 4,2% опрошенных выбрали вариант ответа «Да, в рамках общественно-частного партнерства» (рисунк). Ответы остальных экспертов иллюстрировали реализацию традиционных форм взаимодействия с предпринимательским сообществом.

Интересно, что подавляющее большинство экспертов (80,6%) считают наиболее эффективным инструментом решения проблем социальной инфраструктуры муниципально-частное партнерство, однако используют данную практику крайне редко (4,2%). Активно тиражируемая идея социальной ответственности бизнеса определяет формирование устойчивой системы партнеров поведения во взаимодействиях власти и предпринимательского сообщества, сущность которых преимущественно заключается в безвозмездных финансовых вложениях со стороны последних в развитие социальной инфраструктуры муниципального образования.

Рассмотрим экспертную оценку факторов, лимитирующих эффективное взаимодействие бизнеса и власти, осуществляемое в целях развития социальной инфраструктуры российских территорий. К наиболее значимым ограничениям руководители местных органов власти отнесли дефицит муниципальных бюджетов (76,2%

Распределение ответов на вопрос: «Активно ли привлекается бизнес к развитию социальной инфраструктуры в Вашем муниципальном образовании?», %

отметили данный фактор как очень значимый), не позволяющий власти выступать в качестве эффективного партнера при реализации совместных инфраструктурных проектов. К числу финансово-экономических и нормативно-правовых ограничений относится также отсутствие у муниципальной власти возможностей обеспечения мотивации для частных инвестиций (70,1% экспертов оценили данный фактор как очень значимый). Снижение налоговой нагрузки, освобождение инвестиций от налога на прибыль, по оценке экспертов, могли бы являться достаточно действенными стимулами для привлечения бизнеса к решению социальных проблем территории. К наиболее значимым факторам (64,8 и 64,1% соответственно) отнесены также несовершенство законодательной базы, длительность и сложность процедур согласования.

Судя по результатам исследований, ограничения второго уровня являются организационные и информационные факторы. Так, 54,3% экспертов считают, что целевая ориентация проектов на крупный бизнес существенно ограничивает эффективность их реализации. По мнению 37,7% руководителей местных органов власти, ограниченный доступ инвесторов к информации достаточно сильно влияет на реализацию практики муниципально-частного партнерства. Среднюю значимость данного фактора выделили 45,1% опрошенных экспертов. При этом 43,9% руководителей местных органов власти считают, что сложившиеся стереотипы убыточности проектов общественно-частного партнерства существенно ограничивают практику их реализации.

Муниципально-частное партнерство в оценках предпринимателей. Для выявления возможных проблемных зон реализации муниципально-частного партнерства в об-

разовании (инфраструктурный профиль) в 2015 году нами был проведен мониторинг мнения предпринимателей Московской области (N=64) касательно целесообразности и сложности реализации муниципальных проектов.

Проведенное исследование показало, что 42% респондентов оценивают состояние учреждений образования как «удовлетворительное», тогда как 39% опрошенных характеризуют его как «плохое». При этом 66% предпринимателей считают, что количество учреждений образования, выступающих объектами городской инфраструктуры Московской области, явно недостаточно для надлежащего обеспечения качества жизни горожан. Примечательно, что по вопросу об изменении количества объектов инфраструктуры (пропускная способность, площадь, общее количество и пр.) мнения респондентов разошлись: «скорее возросло» – так считает 31% опрошенных; «скорее снизилось» – 28%; 9% респондентов затруднились с ответом. Аналогичная ситуация и с оценкой респондентами общего состояния учреждений образования и их материально-технического обеспечения: по мнению 44% опрошенных, оно улучшилось, тогда как 47% предпринимателей говорят о его ухудшении; 9% респондентов тоже затруднились с ответом.

Интересно, что в рейтинге факторов, которые, по мнению предпринимателей, способствовали бы количественному росту и оптимизации качественного состояния объектов инфраструктуры в Московской области, первые позиции занимают «использование механизма социального партнерства» – 23% и «энтузиазм местных властей» – 19%. При этом в рейтинге факторов, которые определяют ухудшение состояния объектов социальной инфраструктуры, «низкое качество работы

местных властей» стоит на последнем месте (15%), тогда как на первом — «коррупционные нарушения» (32%).

Определяя личное отношение предпринимателей к использованию партнерских отношений в целях развития объектов инфраструктуры, мы установили, что предприниматели недостаточно хорошо знакомы с особенностями проектов муниципально-частного партнерства в образовании. Данное положение достаточно четко прослеживается в ответе респондентов на вопрос о возможных механизмах совместного участия местных властей и бизнеса (затруднились ответить 78%). При этом в ответах респондентов преобладают скорее негативные оценки: по мнению 60% опрошенных, в Московской области частный бизнес не привлекается к развитию объектов инфраструктуры; проекты, предлагаемые местными властями, убыточны и бесперспективны (39%); местные власти видят роль бизнеса только в финансовых вливаниях (40%). И хотя в сложившейся ситуации 26% опрошенных не могут определиться с целесообразностью развития муниципально-частного партнерства в образовании, о необходимости приложения совместных усилий местных властей и бизнеса в развитии объектов инфраструктуры говорят 43% предпринимателей. Более того, 58% опрошенных готовы даже в сложившихся социально-экономических условиях активно включаться в проекты муниципально-частного партнерства по развитию социальной инфраструктуры, так как видят его наиболее эффективным инструментом решения образовательных проблем муниципального образования (31%).

При этом, отвечая на вопрос о формах стимулирования участия частного бизнеса в создании и поддержании хорошего состояния инфраструктурных объектов сферы образования, в качестве наиболее

желательной меры (27%) респонденты выделили «льготы по местным налогам».

Обсуждение. Сотрудничество органов власти и бизнес-сообщества характеризуется широким спектром практик взаимодействия: от привлечения финансовых средств организаций на безвозмездной основе до реализации проектов общественно-частного партнерства. Между данными полюсами присутствуют такие формы взаимодействия, как краткосрочные контракты на выполнение определенного вида работ, оказание общественных услуг, сервисные соглашения по ремонту и эксплуатации объектов социальной инфраструктуры, совместные предприятия (доля частного капитала как акционера в государственном предприятии). Однако, как показывает мировая практика, масштабные проекты общественно-частного партнерства являются наиболее эффективной формой сотрудничества, обеспечивающей реализацию стратегических целей модернизации социальной инфраструктуры.

Проводя анализ современной практики организации муниципально-частного партнерства в образовании, можно выделить три наиболее распространенные модели.

Во-первых, это заключение между муниципальными органами управления и бизнесом инвестиционных договоров, которые регламентируют инвестиционные риски и ответственности партнеров, определяют форму и долевое соотношение их участия в инвестиционной деятельности. В этом случае муниципальные органы власти заключают соглашение в форме муниципальных контрактов, предполагающих определенные обязательства со стороны муниципалитета в отношении предпринимателей, а со стороны бизнес-структур — софинансирование проектов, нацеленных на удовлетворение нужд муниципального образовательного комплекса.

Во-вторых, сдача объекта муниципальной собственности в аренду предпринимателям в целях решения бизнесом общественно значимых задач социально-экономического развития муниципального образования. Данная форма муниципально-частного партнерства в образовании чаще всего вызывает общественное недовольство, что связано с незнанием общественностью специфики реализации данной модели и, как правило, негативным освещением в СМИ примеров «отчуждения» образовательных учреждений «в собственность» частных лиц.

Третья модель, формируемая на основе концессионных соглашений, проектов муниципально-частного партнерства, наиболее эффективна в решении социальных задач развития муниципалитета. Примером может служить совместный проект Администрации города Перми с инвестором по реконструкции неэксплуатирующихся зданий в целях размещения в них частных дошкольных организаций. По итогам реализации концессионного соглашения, заключенного на 25 лет, планируется создать дополнительные учреждения дошкольного образования с предоставлением по муниципальному заказу определенного количества мест. Окупаемость инвестиций обеспечивается за счет предоставления образовательным учреждением населению комплекса образовательных и развивающих услуг [8].

Отдельного внимания заслуживают следующие практики:

1. Строительство инфраструктурных объектов с поддержкой муниципалитета в плане легитимизации их образовательной деятельности, что отчасти отражает специфику второй модели, однако не вызывает «общественного недовольства»).

2. Помощь муниципалитета по выстраиванию отношений между образователь-

ной организацией и бизнесом на принципах «шефства».

Результаты исследований иллюстрируют определенные противоречия в современных практиках взаимодействия бизнеса и власти. С одной стороны, представители предпринимательского сообщества высказывают высокий уровень готовности к участию в реализации проектов муниципально-частного партнерства, а, с другой стороны, руководители местных органов власти отмечают недостаточность частных инвестиций, редкую практику реализации данных проектов. При этом как представители бизнеса, так и властных структур считают, что только совместные усилия могут способствовать развитию территориальной социальной инфраструктуры, определяя муниципально-частное партнерство как наиболее эффективный инструмент решения образовательных проблем муниципального образования.

Результаты исследований свидетельствуют, что к основным причинам данного противоречия относится реализация традиционных практик использования финансовых ресурсов хозяйствующих субъектов, безвозмездные перечисления средств социально ответственных предприятий на нужды муниципального образования. Потребительское отношение к бизнесу со стороны власти, узкопрагматическая ориентация на использование его ресурсов в развитии социальной инфраструктуры становятся несколько несостоятельными в условиях рыночной экономики. Необходимо не только стараться сделать бизнес социально ответственным, но и стремиться к расширению форм и границ взаимовыгодного сотрудничества власти и частного капитала. Только в этом случае активное участие последнего способно дать положительный результат.

Нами выносятся на обсуждение следующие положения:

- муниципально-частное партнерство в образовании должно рассматриваться с позиции организации конструктивного взаимодействия органов муниципально-управления и общественности посредством консолидации на долговременной и взаимовыгодной основе ресурсов общества и власти в целях решения задач развития муниципального образовательного комплекса;

- в рамках реализации механизма муниципально-частного партнерства в образовании не проработаны формы участия широкой общественности и способы её привлечения к решению вопросов развития муниципальных образовательных комплексов, что в значительной степени ограничивает потенциал социального капитала территорий муниципальных образований;

- к основным направлениям поддержки механизмов муниципально-частного партнерства в образовании относятся следующие: обеспечение широкого доступа потенциальных инвесторов к информации; преодоление стереотипов убыточности проектов муниципально-частного партнерства; консалтинговая поддержка частных инвесторов; повышение квалификации соответствующей категории муниципальных служащих (формирование компетенций подготовки, сопровождения, регулирования проектов муниципально-частного партнерства).

Выводы. Результаты опроса экспертов выявили определенные противоречия между ориентацией руководителей местных органов власти на реализацию проектов муниципально-частного партнерства и редкой практикой их осуществления. Подавляющее большинство руководителей считают подобные проекты наиболее эффективной формой сотрудничества

власти и бизнеса в целях модернизации социальной инфраструктуры; при этом только 4,2% обозначили, что в муниципальном образовании существует практика их реализации. Наиболее удобной формой взаимодействия остается эксплуатация концепта о социальной ответственности бизнеса, почти в каждом пятом муниципальном образовании организации регулярно, на безвозмездной основе, перечисляют средства на развитие социальной инфраструктуры

Результаты исследований позволяют сформулировать следующие выводы, касающиеся специфики реализации проектов муниципально-частного партнерства в современных российских условиях:

1. Современная практика использования механизма муниципально-частного партнерства в образовании по своим масштабам и объемам не соответствует потребностям развития инфраструктурного профиля муниципальных образовательных комплексов большинства муниципальных образований Российской Федерации.

2. Ведущими барьерами на пути использования данного механизма в практике муниципального управления выступают финансовая недостаточность местных бюджетов, несовершенство законодательной базы, низкая осведомленность целевых групп общественности об особенностях проектов муниципально-частного партнерства в образовании; недоверие представителей бизнеса к действиям властей; несогласие потенциальных партнеров с той ролью, которая, по их мнению, отведена им муниципальными властями.

3. Несмотря на сложившуюся ситуацию, предприниматели выражают готовность участвовать в муниципально-частном партнерстве в случае изменения существующих форм стимулирования.

Литература

1. Бочкарев, А.Ю. Перспективные направления развития социальной инфраструктуры муниципальных образований в рыночных условиях: монография / А.Ю. Бочкарев. – М.: ПИАР-агентство «М-ОСТ», 2012.
2. Варнавский, В.Г. Государственно-частное партнерство: теория и практика / В.Г. Варнавский, А.В. Клименко, В.А. Королев. – М.: Гос. ун-т Высшей школы экономики, 2010. – 287 с.
3. Государственно-частное партнерство в образовании: сущность, тенденции, социальная ответственность / В.А. Малыгин, А.В. Скоробогатов, Т.В. Крамин и др.; под ред. Т.Г. Тимирясова. – Казань: Познание, 2013. – 232 с.
4. Грибоедова, Т.П. Содержание понятия и особенности реализации социального партнерства в современном образовании / Т.П. Грибоедова. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – Вып. 68. – С. 51-60.
5. Грабар, А.А. Роль частно-государственного партнерства в развитии социальной инфраструктуры региона / А.А. Грабар // Российское предпринимательство. – 2009. – № 12-2 (149). – С. 20-24.
6. Данько, К. Государственно-частное партнерство в сфере здравоохранения и образования в условиях финансового кризиса / К. Данько, И. Громько // Государственно-частное партнерство: приложение к журналу «Корпоративный юрист». – 2009. – № 5. – С. 29-31.
7. Лапин, А.Е. К вопросу о формировании муниципально-частного партнерства в РФ / А.Е. Лапин, И.Ф. Алиуллов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2011. – № 4. – С. 38-44.
8. Медведева, Н.В. Муниципально-частное партнерство: вопросы теории и практики / Н.В. Медведева // Материалы Ивановских чтений. – 2015. – № 5. – С. 85-89.
9. Перевозкина, Ю.Е. Инновационное развитие социальной инфраструктуры современного города [Электронный ресурс] / Ю.Е. Перевозкина // Современные научные исследования и инновации. – 2013. – № 10. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/10/26733> (дата обращения: 18.08.2016).
10. Пискунова, Е.В. Социальное партнерство: гражданская ответственность и возможность развития / Е.В. Пискунова // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2011. – № 2. – С. 30-34.
11. Рогач, О.В. Управление развитием инновационного потенциала общего образования на муниципальном уровне в условиях социально-экономической модернизации / О.В. Рогач // Материалы Ивановских чтений. – 2011. – Т. 1. – № 1. – С. 216-220.
12. Скрыбин, О.О. Особенности развития инфраструктуры муниципального образования / О.О. Скрыбин // Молодой ученый. – 2014. – № 19. – С. 360-363.
13. Федулов, С.П. Социальная инфраструктура современного российского города / С.П. Федулов // Социологические исследования. – 2000. – № 4. – С. 122-125.
14. Фролова, Е.В. Развитие туристической привлекательности российских территорий: современные тенденции и управленческие практики / Е.В. Фролова, Е.Е. Кабанова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 1 (43). – С. 153-169.
15. Фролова, Е.В. Социальная инфраструктура современных российских муниципальных образований: состояние и ресурсы модернизации / Е.В. Фролова // Социологические исследования. – 2014. – № 12 (368). – С. 51-58
16. Россия в цифрах – 2016 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_11/Main.htm
17. Heather-Jane Robertson. Toward a Theory of Negativity: Teacher Education and Information and Communications Technology. – Journal of Teacher Education September 2003 54: 280-296, doi:10.1177/0022487103255499
18. Maarten Simons, Lisbeth Lundahl, and Roberto Serpieri. The Governing of Education in Europe: Commercial Actors, Partnerships and Strategies. – European Educational Research Journal December 2013 12: 416-424, doi:10.2304/eej.2013.12.4.416

19. Natalie Papanastasiou. Commercial Actors and the Governing of Education: The Case of Academy School Sponsors in England. – European Educational Research Journal December 2013 12: 447-462, doi:10.2304/eej.2013.12.4.447
20. William F. Tate and Elizabeth Malancharuvil-Berkes. A Contract for Excellence in Scientific Education: May I Have Your Signature Please? – Journal of Teacher Education May/June 2006 57: 278-285, doi:10.1177/0022487105285965

Сведения об авторах

Елена Викторовна Фролова – доктор социологических наук, доцент, Российский государственный социальный университет (129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, efrolova06@mail.ru)

Ольга Владимировна Рогач – кандидат социологических наук, Российский государственный социальный университет (129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, rogach16@mail.ru)

Frolova E.V., Rogach O.V.

Municipal-Private Partnership in Education: Infrastructural Aspect

Abstract. The article considers the specifics of implementation of municipal-private partnership projects in the education system of the Russian Federation. The authors use the following research methods: document analysis, expert interviews (heads of local authorities, entrepreneurs from the Moscow Oblast). The goal of this article is to study specific features of public-private partnership in education, to carry out comparative analysis of the estimates that the heads of local authorities and the business community have with regard to these issues, to define the conditions for their effective interaction and its limiting factors. Attracting private investment in the development of the education system is limited by a narrow pragmatic focus of the government on the use of financial resources of business in municipal administration practice. Judging by the results of studies, the heads of local authorities understand the social partnership of business and government as gratuitous help from socially responsible companies who are willing to invest funds in the development of a municipality. The results of the survey of experts show contradictions between the orientation of the heads of local authorities on the implementation of municipal-private partnership projects and the rare practice of their implementation. The article presents an analysis of perspective organizational models for municipal-private partnership in education. The authors identify factors that constrain effective interaction between the business and government in the development of educational system: lack of local budget finances, imperfection of the legislative base, low level of information support provided to municipal-private partnership projects, lack of trust on the part of business representatives in the actions of the authorities, insufficient elaboration of mechanisms for motivating and promoting private investment. The article substantiates the necessity of forming a conceptually new and consistent municipal policy for transition from administrative enforcement of the business to make charitable contributions and gratuitous donation of funds for the infrastructure development of the educational complex to the targeted investment and mutually beneficial cooperation. The authors propose several directions for support of municipal-private partnership mechanisms in education.

Key words: municipal-private partnership, social infrastructure, local government, education system, municipal entities.

References

1. Bochkarev A.Yu. *Perspektivnye napravleniya razvitiya sotsial'noi infrastruktury munitsipal'nykh obrazovaniy v rynochnykh usloviyakh: monografiya* [Prospective directions of development of the social infrastructure of municipalities in market conditions: monograph]. Moscow: PIAR-agentstvo "M-OST", 2012. (In Russian).
2. Varnavskii V.G., Klimentko A.B., Korolev V.A. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: teoriya i praktika* [Public-private partnership: theory and practice]. Moscow: Gos. un-t Vysshei shkoly ekonomiki, 2010. 287 p. (In Russian).
3. Malygin V.A., Skorobogatov A.V., Kramin T.V. et al. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v obrazovanii: sushchnost', tendentsii, sotsial'naya otvetstvennost'* [Public-private partnership in education: essence, trends, social responsibility]. Ed. by T.G. Timiryasov. Kazan': Poznanie, 2013. 232 p. (In Russian).
4. Griboedova T.P. Soderzhanie ponyatiya i osobennosti realizatsii sotsial'nogo partnerstva v sovremennom obrazovanii [The content of the concept and the specifics of implementation of social partnership in modern education]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science], 2008, no. 68, pp. 51-60. (In Russian).
5. Grabar A.A. Rol' chastno-gosudarstvennogo partnerstva v razvitii sotsial'noi infrastruktury regiona [Role of public-private partnership in the development of social infrastructure of the region]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian entrepreneurship], 2009, no. 12-2 (149), pp. 20-24. (In Russian).
6. Dan'ko K., Gromyko I. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v sfere zdavookhraneniya i obrazovaniya v usloviyakh finansovogo krizisa [Public-private partnership in the field of health and education in the conditions of financial crisis]. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: prilozhenie k zhurnalu "Korporativnyi yurist"* [Public-private partnership: Supplement to the journal Corporate lawyer"], 2009, no. 5, pp. 29-31. (In Russian).
7. Lapin A.E., Aliullov I.F. K voprosu o formirovani munitsipal'no-chastnogo partnerstva v RF [Revisiting the formation of municipal-private partnership in the Russian Federation]. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem analysis and public administration projection], 2011, no. 4, pp. 38-44. (In Russian).
8. Medvedeva N.V. Munitsipal'no-chastnoe partnerstvo: voprosy teorii i praktiki [Municipal-private partnership: theory and practice]. *Materialy Ivanovskikh chtenii* [Proceedings of Ivanov Readings], 2015, no. 5, pp. 85-89. (In Russian).
9. Perevozkina Yu.E. Innovatsionnoe razvitie sotsial'noi infrastruktury sovremennogo goroda [Innovative development of social infrastructure in the modern city]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* [Modern scientific researches and innovations], 2013, no. 10. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2013/10/26733> (accessed 18.08.2016). (In Russian).
10. Piskunova E.V. Sotsial'noe partnerstvo: grazhdanskaya otvetstvennost' i vozmozhnost' razvitiya [Social partnership: civil liability and the possibility of development]. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta* [Universum: vestnik of Herzen University], 2011, no. 2, pp. 30-34. (In Russian).
11. Rogach O.V. Upravlenie razvitiem innovatsionnogo potentsiala obshchego obrazovaniya na munitsipal'nom urovne v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskoi modernizatsii [Management of innovative potential development in general education at the municipal level in the conditions of socio-economic modernization]. *Materialy ivanovskikh chtenii* [Proceedings of Ivanov Readings], 2011, vol. 1, no. 1, pp. 216-220. (In Russian).
12. Skryabin O.O. Osobennosti razvitiya infrastruktury munitsipal'nogo obrazovaniya [Specifics of development of infrastructure in a municipal entity]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2014, no. 19, pp. 360-363. (In Russian).
13. Fedulov S.P. Sotsial'naya infrastruktura sovremennogo rossiiskogo goroda [Social infrastructure of a modern Russian city]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2000, no. 4, pp. 122-125. (In Russian).
14. Frolova E.V., Kabanova E.E. Razvitie turisticheckoi privlekatel'nosti rossiiskikh territorii: sovremennye tendentsii i upravlencheskie praktiki [The development of tourist attractiveness of Russian territories: modern trends and management practices]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 1 (43), pp. 153-169. (In Russian).
15. Frolova E.V. Sotsial'naya infrastruktura sovremennykh rossiiskikh munitsipal'nykh obrazovaniy: sostoyanie i resursy modernizatsii [Social infrastructure of contemporary Russian municipal entities: the status and resources for modernization]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2014, no. 12 (368), pp. 51-58. (In Russian).

16. Rossiya v tsifrakh – 2016 g. [Russia in figures – 2016]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_11/Main.htm. (In Russian).
17. Robertson H.-J. Toward a theory of negativity: teacher education and information and communications technology. *Journal of Teacher Education*, 2003, September, no. 54, pp. 280-296. DOI:10.1177/0022487103255499
18. Simons M., Lundahl L., Serpieri R. The governing of education in Europe: commercial actors, partnerships and strategies. *European Educational Research Journal*, 2013, December, no. 12, pp. 416-424. DOI:10.2304/eej.2013.12.4.416
19. Papanastasiou N. Commercial actors and the governing of education: the case of academy school sponsors in England. *European Educational Research Journal*, 2013, December, no. 12, pp. 447-462. DOI:10.2304/eej.2013.12.4.447
20. Tate W.F., Malanchruvil-Berkes E. A contract for excellence in scientific education: may I have your signature please? *Journal of Teacher Education*, 2006, May/June, no. 57, pp. 278-285. DOI: 10.1177/0022487105285965

Information about the Authors

Elena Viktorovna Frolova – Doctor of Sociology, Associate Professor, Russian State Social University (4, Wilhelm Pieck Street, Moscow, 129226, Russian Federation, efrolova06@mail.ru)

Ol'ga Vladimirovna Rogach – Ph.D. in Sociology, Russian State Social University (4, Wilhelm Pieck Street, Moscow, 129226, Russian Federation)

Статья поступила 24.08.2016.

DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.9

УДК 314.38, ББК 60.723.4

© Шишкина М.А., Попова Л.А.

Влияние современной просемейной демографической политики на интенсивность рождаемости в северных регионах России*

**Мария Александровна
ШИШКИНА**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения РАН
167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
maria-koroleva0018@rambler.ru

**Лариса Алексеевна
ПОПОВА**

доктор экономических наук
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения РАН
167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
la_popova@lenta.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, целью которого является оценка эффективности государственных мероприятий по стимулированию рождаемости в России и ее северных регионах, их влияния на повышение интенсивности рождаемости в 2007–2015 гг. Актуальность такой территориальной локализации исследования определяется высокой миграционной убылью населения репродуктивных возрастов в большинстве регионов Севера, усу-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-02-00355 «Влияние федеральных и региональных мер демографической политики на репродуктивные установки населения и перспективы рождаемости») и в рамках выполнения НИР «Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России» (№ ГР АААА-А16-116021210329-2).

Для цитирования: Шишкина, М.А. Влияние современной просемейной демографической политики на интенсивность рождаемости в северных регионах России / М.А. Шишкина, Л.А. Попова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 161-177. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.9

For citation: Shishkina M.A., Popova L.A. Impact of structural and behavioral factors on the birth rate in the northern regions of Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 161-177. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.9

губляющей нарастающее неблагоприятное воздействие на рождаемость изменений возрастной структуры, обусловленных демографической историей страны. Научная новизна состоит в определении суммарного демографического эффекта действующих мер просемейной политики, оценке результатов усиления ее мероприятий, а также в дополнении научных исследований о выявлении вклада поведенческой компоненты рождаемости в формирование итогового числа детей в семье в условиях ее государственного стимулирования. Для достижения поставленной цели был использован метод стандартизации по возрастным коэффициентам рождаемости 2006 г. Выявлено, что во всех рассматриваемых территориях интенсивность рождаемости наиболее значительно увеличилась среди женщин средних и особенно старших репродуктивных возрастов, но в характере трансформации возрастной модели рождаемости есть региональные особенности и различия. Запланированное к началу второго этапа действия «Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 года» повышение суммарного коэффициента рождаемости в 1,3 раза, как и в целом по стране, в большинстве северных регионов достигло целевых значений ранее установленного срока. В условиях реализации демографической политики число родившихся в северных субъектах Федерации оказалось на 195,6 тыс. человек, или на 18,8%, больше, чем оно было бы при сохранении интенсивности рождаемости на уровне 2006 г. Сделана попытка обоснования различий в повышении интенсивности рождаемости в разрезе северных регионов России. В период 2010–2015 гг., когда происходило нарастание негативного воздействия фактора возрастной структуры, с одной стороны, и усиление мер демографической политики – с другой, наблюдается увеличение вклада поведенческой компоненты в формирование итогового уровня рождаемости. Рост интенсивности рождаемости связан с высокой потребностью семей с детьми в улучшении условий жизни, субъективная оценка которых в качестве неудовлетворительных является фактором ограничения рождаемости в обществах с малодетным типом репродуктивного поведения.

Ключевые слова: интенсивность рождаемости, демографическая политика, факторы рождаемости, возрастная структура, репродуктивное поведение, северные регионы России.

Рассмотренные в статье северные регионы России, включающие субъекты Федерации, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к ним¹, поскольку по субъектам есть возможность получить достоверную статистическую информацию для межрегиональных сравнений, значительно различаются по харак-

¹ На Европейском Севере это пять регионов: Мурманская область, республики Карелия и Коми, Архангельская область, в составе которой Ненецкий автономный округ учитывается отдельно. К Азиатскому Северу целиком относятся восемь субъектов Федерации: республики Тыва и Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа.

теру протекания процессов естественного воспроизводства населения. В ряде территорий: в республиках Карелия и Коми, Архангельской и Мурманской областях, Камчатском крае, Магаданской и Сахалинской областях, как и в целом по стране, с начала 1990-х годов развернулась депопуляция населения. В результате характерных для 2000-х годов встречных благоприятных тенденций рождаемости и смертности в Камчатском крае естественная убыль сменилась положительным естественным приростом еще в 2007 г., в Республике Коми и Мурманской области – в 2011 г., в Магаданской области, как и в России, в 2013 г., в Сахалинской области – в 2014 г.

В Республике Карелия и Архангельской области депопуляция сохраняется до сих пор: в Карелии как ввиду более высокого, чем в среднем по России, уровня смертности, так и низкой рождаемости, в Архангельской области — преимущественно из-за низкой рождаемости.

В республиках Тыва и Саха (Якутия), Ненецком, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Чукотском автономных округах в период общероссийской депопуляции и по настоящее время наблюдается положительный естественный прирост, которому способствует более молодая возрастная структура населения, обуславливающая пониженный уровень общего коэффициента смертности и повышенный коэффициент рождаемости, формируемый, кроме того, за счет особенностей репродуктивного поведения коренных этносов данных регионов. В целом на Азиатском Севере усредненный общий коэффициент рождаемости выше, чем на Европейском Севере [11, с. 133].

В теории демографии структура факторов, детерминирующих итоговую рождаемость в конкретный период, включает: те или иные изменения в возрастной структуре репродуктивных контингентов; изменения календаря (тайминга) рождений (откладывание, реализация отсроченных рождений, уплотнение календаря рождений); изменения репродуктивных установок населения [8, с. 73]. От первого фактора — численности и возрастного состава женщин фертильного возраста — в значительной степени зависит абсолютное число рождений. Эти показатели в России сильно и быстро меняются во времени из-за характерных для нее «демографических волн», т.е. перемежающихся, сменяющих друг друга разных по численности поколений. Размах «демографических волн»

последнего полувека российской истории был таким: в 1960 г. родилось 2,8 млн. детей, в 1969 г. — 1,8 млн., в 1987 г. — 2,5, в 1999 г. — 1,2, в 2005 г. — 1,5 [6, с. 61-62], в 2015 г. — 1,9 млн. детей.

Другие два фактора рождаемости детерминированы особенностями репродуктивного поведения населения — действиями людей и отношениями между ними, возникающими в связи с рождением ребенка или отказом от рождения². Репродуктивное поведение определяет итоговое число детей у каждой конкретной семьи (индивида) и зависит от способности к зачатию, потребности в детях и субъективной оценки условий жизни, препятствующих либо сопутствующих ее реализации [1, с. 254-255; 4, с. 67-68]. Существенное влияние на рождаемость оказывают национальные традиции и репродуктивные установки населения, которые в конечном счете отражает статистический показатель — суммарный коэффициент рождаемости в расчете на одну женщину [9, с. 93].

Несмотря на неоднородность протекания процессов естественного воспроизводства в северных регионах, можно выделить ряд обстоятельств, которые актуализируют исследование результативности мероприятий по стимулированию рождаемости на Севере России.

В их основе, прежде всего, лежит ухудшение демографической структуры. *Во-первых*, негативным образом на структуру населения воздействует миграционная убыль жителей практически из всех северных субъектов. Исключение составляют Карелия, Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, где за 2000–2015 гг. прибыло больше населения, чем выехало за их пределы. Причем структура

² Медков В.М. Демография. — Ростов н/Д: Феникс, 2002.

Таблица 1. Динамика численности населения северных регионов России в 2000–2015 гг., человек

Регион	2000 г.	2007 г.	2015 г.	Изменение численности населения за 2000–2015 гг., %
Республика Карелия	735 462	665 032	632 533	-14,0
Республика Коми	1 057 873	944 816	864 424	-18,3
Архангельская область	1 390 334	1 266 667	1 183 323	-14,9
Ненецкий АО	41 174	41 854	43 373	5,3
Мурманская область	941 062	823 978	766 281	-18,6
Ханты-Мансийский АО	1 359 646	1 475 188	1 612 076	18,6
Ямало-Ненецкий АО	496 292	521 621	539 985	8,8
Республика Тыва	306 152	302 357	313 777	2,5
Республика Саха (Якутия)	962 507	956 099	956 896	-0,6
Камчатский край	372 308	330 810	317 269	-14,8
Магаданская область	201 974	166 902	148 071	-26,7
Сахалинская область	569 234	513 452	488 391	-14,2
Чукотский АО	61 613	52 913	50 540	-18,0

миграционной убыли от 82 до 95%³ состоит из населения моложе трудоспособного и в трудоспособном возрасте, что постоянно и значительно ухудшает репродуктивный потенциал северных территорий.

В результате высокой миграции, наблюдаемой в большинстве северных субъектов, и длительной естественной убыли населения, характерной для семи регионов, численность постоянного населения ряда северных территорий за период 2000–2015 гг. заметно сократилась. Особенно сильным было сокращение в Магаданской (26,7%), Мурманской (18,6%) областях и в Республике Коми (18,3%) – вследствие обеих причин, в Чукотском автономном округе (18,0%) – ввиду значительной миграции. Только в Ханты-Мансийском и Ненецком автономных округах численность населения имела в рассматриваемый период положительную динамику (увеличилась на 18,6 и 5,3%, соответственно) за счет миграционного притока и естественного прироста,

а также в Ямало-Ненецком автономном округе (8,8%) и Республике Тыва (2,5%) – исключительно за счет естественного прироста. В условиях существенно сократившихся масштабов миграционной убыли и сохранения положительного естественного прироста за 2000–2015 гг. почти не изменилась численность населения в Республике Саха (Якутия) (табл. 1).

Вторым фактором, объединяющим в изучении тенденций рождаемости северные регионы России, является нарастающее ухудшение структуры населения детородных возрастов. Если в первом десятилетии 2000-х годов повышение рождаемости обуславливалось сразу двумя факторами – благоприятной возрастной структурой и активизацией демографической политики, то во втором десятилетии главный вклад в рождаемость стали вносить малочисленные поколения, рожденные в период демографического кризиса. В результате оттока населения с Севера и действия эффекта демографической волны к 2015 г., с момента Всероссийской переписи 2002 г., существенно сократилась численность женщин репродуктивных возрастов, особенно от 15 до 29 лет.

³ Рассчитано по: Социально-демографическая характеристика мигрантов [Эл. рес.] // Центральная база статистических данных. – Реж. дост.: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/#1>

В целом по России численность последних уменьшилась на 18,3%. По северным регионам минимальное сокращение данной возрастной группы произошло в Республике Саха (Якутия) (11,3%), в Ханты-Мансийском (15,2%), Ненецком (18,1%) и Ямало-Ненецком (18,1%) автономных округах. Максимальной, значительно превышающей среднероссийский уровень, убылью молодых фертильных контингентов характеризуются Магаданская область (41,6%), Республика Коми (41,5%), Мурманская (39,2%), Архангельская (38,2%), Сахалинская (37,4%) области, Республика Карелия (36,6%) и Камчатский край (35,1%).

Северные регионы России являются важнейшими стратегическими, ресурсными территориями страны. Роль их в последние годы вновь увеличивается. Особенно это проявилось после введения антироссийских экономических санкций. При этом значительная часть северных регионов (республики Карелия и Коми, Архангельская и Мурманская области, Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области) отнесены к субъектам Российской Федерации, в которых демографическая ситуация требует незамедлительного реагирования. Эти факторы также повышают значимость оценки эффективности мер демографической политики с позиции решения задачи сохранения и возобновления человеческих ресурсов Российского Севера.

Актуальность демографических проблем, понимание негативных последствий снижения или стагнации рождаемости на критически низком уровне (нехватка рабочей силы, постарение демографической структуры, риск размывания национального состава населения территории из-за значительного уровня наплыва мигрантов из стран с высокой рождаемостью и пр.)

привели к тому, что с 2003 г. все больше государств объявляют о реализации у себя политики, направленной на повышение рождаемости [14, с. 47].

В России ее активизация началась в 2006 г. в связи с ежегодным Посланием Президента Федеральному Собранию и последовавшим за этим изданием ряда законодательных актов и внесением редакций в законодательство в области поддержки семьи с детьми. К главным мероприятиям демографической политики в сфере рождаемости относятся: введение в 2006 г. родовых сертификатов в рамках национального проекта «Здоровье»; увеличение размера и изменение способа начисления пособий по уходу за ребенком до 1,5 года; повышение оплаты отпусков в связи с рождением и воспитанием детей – 100% от заработной платы выплачивается 70 дней до и 70 дней после родов. Особенно важной и крупнозатратной мерой стимулирования рождений (усыновлений) второй и последующей очередности стало введение с 1 января 2007 г. федерального материнского (семейного) капитала. Десятилетний опыт действия уже сделал его широко известной мерой демографической политики, поэтому ограничимся лишь информацией о том, что его размер в 2015–2016 гг. составляет 453 025 руб.

В научных исследованиях можно найти обоснование рациональности демографической политики, направленной прежде всего на стимулирование рождений второй очередности, поскольку при принятии решения о рождении второго ребенка «родители оценивают, как оно повлияет на их собственное благополучие, а также на уже рожденного ребенка. В условиях, когда семья находит множество достоинств оставаться однодетной, она зачастую принимает такое решение» [16, с. 669]. Другие ученые также подтверждают, что «выбор

семьи иметь как минимум одного ребенка является нормативным и, как правило, не зависит от экономических факторов. В то же время, при субъективной неудовлетворенности материальными условиями жизни, люди снижают предполагаемый размер семьи, особенно в случае, если у них уже есть один ребенок» [21, с. 716].

Во втором десятилетии 2000-х годов произошло усиление и расширение многообразия мероприятий демографической политики. С 2011 г. в регионах стал выплачиваться региональный материнский (семейный) капитал семьям с целью стимулирования рождения (усыновления) детей третьей или последующей очередности. 14 июня 2011 г. были внесены поправки в Земельный кодекс РФ, согласно которым граждане, имеющие троих и более детей, получили право на бесплатное приобретение земельных участков; с 2013 г. осуществляется предоставление права на профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование женщинам в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет; в рамках ФЦП «Жилище» (2015–2020 гг.) реализуется подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей».

С 1 января 2013 г. для регионов, характеризующихся уровнем рождаемости ниже среднего по стране, на федеральном уровне была установлена поддержка нуждающимся семьям после рождения третьего и последующего ребенка до достижения им трех лет в размере регионального прожиточного минимума на детей. Из средств федерального бюджета данная выплата производится в регионах с низкой рождаемостью с целью ее стимулирования и поддержки семей с тремя и более детьми. В число этих регионов входят и семь северных: республики Карелия и Коми, Архангельская, Мурманская, Магаданская, Сахалинская области и Камчатский край.

В Ненецком, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах данное пособие выплачивается на тех же основаниях, что и федеральное, но из средств региональных бюджетов. В республиках Тыва и Саха (Якутия) и Чукотском АО пособие на третьего ребенка в малоимущих семьях не выплачивается⁴.

Подробнее остановимся на описании особенностей выплаты регионального материнского (семейного) капитала, размер которого существенно различается по регионам (табл. 2).

В основном право на получение регионального материнского (семейного) сертификата имеют семьи после рождения (усыновления) третьего либо последующего ребенка. Но есть и исключения. Так, в Коми усыновители получают другой вид пособия, региональный капитал им не полагается. В Республике Тыва, из-за высокой рождаемости, выплата производится лишь после рождения (усыновления) пятого либо последующего ребенка. В целях стимулирования рождаемости и предотвращения откладывания рождений первенцев с 1 января 2015 г. в двух северных регионах региональный материнский капитал в размере 100 тыс. руб. назначается на первого ребенка: в Камчатском крае — женщинам, родившим в возрасте 19–24 лет первенца, и в Магаданской области женщинам до 25 лет, родившим либо усыновившим первого ребенка.

Выплата регионального материнского (семейного) капитала в Архангельской области и Чукотском АО не носит целевого характера, поскольку его можно расходовать на любые нужды получателя. В Ямало-Ненецком округе эти средства можно направить на улучшение жилищных усло-

⁴ Сведения о ежемесячном пособии на третьего ребенка до трех лет [Эл. рес.]. — Реж. дост.: http://www.assessor.ru/notebook/posobija/ejemesyachnoe_posobie_na_tretego_rebenka_do_3_let/

Таблица 2. Размер регионального материнского (семейного) капитала в северных регионах России

Регион	Размер регионального материнского (семейного) капитала
Республика Карелия	105 тыс. 500 руб., не индексируется
Республика Коми	150 тыс. руб., не индексируется
Архангельская область	50 тыс. руб., не индексируется
Ненецкий АО	300 тыс. руб., ежегодно индексируется.
Мурманская область	108 тыс. 680 руб., ежегодно индексируется
Ханты-Мансийский АО	100 тыс. руб., ежегодно индексируется
Ямало-Ненецкий АО	350 тыс. руб., не индексируется
Республика Тыва	50 тыс. руб., не индексируется
Республика Саха (Якутия)	100 тыс. руб., ежегодно индексируется
Камчатский край	На третьего ребенка – в размере 119 тыс. руб., четвертого – 179 тыс., пятого – 238 тыс.; шестого и последующего ребенка – 298 тыс. руб., ежегодно индексируется
Магаданская область	100 тыс. руб., ежегодно индексируется
Сахалинская область	150 тыс. руб., ежегодно индексируется
Чукотский АО	100 тыс. руб., ежегодно индексируется

вий, получение медицинской помощи членами семьи (родителями и/или детьми) в медицинских организациях, расположенных на территории Российской Федерации и за ее пределами, и на получение разовой денежной выплаты в размере 25 тыс. руб. при рождении (усыновлении) третьего (последующего) ребенка.

Все остальные северные субъекты объединяет то, что региональный материнский капитал семьи могут расходовать на улучшение жилищных условий и получение образования ребенком (детьми), а также на другие направления, предусмотренные региональным законодательством. Наиболее широкие возможности для его расходования (пять и более направлений) предоставлены семьям в Ненецком АО, Мурманской области и Якутии.

Применение метода стандартизации по возрастным коэффициентам рождаемости 2006 г. позволило оценить эффективность демографической политики, проводившейся в 2007–2015 гг. в России и ее северных регионах. Метод заключается в расчете гипотетического числа родившихся при реальной возрастной структуре, но при возрастных коэффициентах, принятых за стандарт [7, с. 15]. В представлен-

ном исследовании – это коэффициенты 2006 года, предшествовавшего началу активизации демографической политики по стимулированию рождаемости. Разница между реальным и гипотетическим числами родившихся показывает, насколько изменилась интенсивность рождаемости по сравнению с уровнем 2006 г.

Использование методики позволило выявить, что мероприятия демографической политики 2007–2015 гг. оказали влияние на рост интенсивности рождаемости как в целом по России, так и в ее северных регионах, но в разной степени (табл. 3).

Согласно расчетам, максимальный суммарный демографический эффект за счет повышения интенсивности рождаемости в условиях мер демографической политики наблюдается в Республике Тыва (увеличение в период 2007–2015 гг. числа рождений на 30,2%), Республике Коми (на 20,2%), Ненецком (на 20,2%), Ханты-Мансийском (на 19,7%) и Ямало-Ненецком (на 18,9%) автономных округах. Повышение интенсивности рождаемости в северных регионах Дальневосточного федерального округа оказалось ниже, а в Чукотском АО – значительно ниже, чем в других северных субъектах.

Таблица 3. Стандартизация коэффициентов рождаемости населения России и северных регионов РФ по возрастным коэффициентам рождаемости 2006 г., 2007–2015 гг.

Регион	Гипотетическое число родившихся (ГЧР), чел.	Реальное число родившихся (РЧР), чел.	РЧР – ГЧР, чел.	$\frac{РЧР - ГЧР}{РЧР} \times 100$ (%)
Российская Федерация	13 114 218	16 352 501	3 238 283	19,8
Республика Карелия	56 637	69 519	12 882	18,5
Республика Коми	85 681	107 412	21 731	20,2
Архангельская область	113 222	136 672	23 450	17,2
Ненецкий АО	5 042	6 316	1 274	20,2
Мурманская область	67 745	81 961	14 216	17,3
Ханты-Мансийский АО	184 366	229 528	45 162	19,7
Ямало-Ненецкий АО	61 964	76 407	14 443	18,9
Республика Тыва	50 370	72 214	21 844	30,2
Республика Саха (Якутия)	122 482	146 169	23 687	16,2
Камчатский край	31 520	36 601	5 081	13,9
Магаданская область	14 388	16 580	2 192	13,2
Сахалинская область	47 074	56 504	9 430	16,7
Чукотский АО	6 252	6 429	177	2,8
Северные регионы в целом	846 743	1 042 312	195 569	18,8

В большинстве северных регионов увеличение интенсивности рождаемости существеннее в сельской местности, «где возможность использовать средства материнского капитала на улучшение жилищных условий более реальна» [5, с. 102], а выплата пособия на третьего ребенка в размере детского прожиточного минимума малообеспеченным семьям является существенным подспорьем в условиях низкого уровня жизни и высокой безработицы. В Чукотском, Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, Мурманской и Сахалинской областях, как и в целом по России, увеличение интенсивности рождаемости в городских и сельских территориях было почти одинаковым.

Самый незначительный суммарный эффект от демографических мер по стимулированию рождаемости наблюдается в Чукотском АО, что, с одной стороны, можно объяснить негативным контекстом социально-экономического развития округа. В рейтинге социально-экономического положения регионов Российской Феде-

рации Чукотский АО занимает стабильно низкие позиции: 2010 г. – 72 место из 83-х, 2011 г. – 68-е, 2012 г. – 75-е, 2013 г. – 76-е, 2014 г. – 77-е, 2015 г. – 67 место⁵. Хотя по уровню среднедушевых денежных доходов Чукотский АО имеет рейтинговые позиции выше средних по стране, покупательная способность доходов в 2012 г. по сравнению с 1990 г. в округе существенно сократилась, тогда как в целом по России возросла [10, с. 61]. По уровню ожидаемой продолжительности жизни, уровню зарегистрированной безработицы, финансовому положению, возможностям развития малого и среднего бизнеса, по степени удаленности от центральной части России, сложности транспортной связи с ней, а также из-за суровых климатических условий Чукотский АО также занимает низкие рейтинговые позиции. Ввиду масштабного миграционного оттока, временного характера проживания населения в регионе, не-

⁵ Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ в 2011–2015 гг. [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions

ликвидности жилищного фонда, особенно в периферийных районах, спрос на жилье в автономном округе понизился, его доступность возросла, что не обеспечивает такой востребованности главного направления расходования средств федерального и регионального материнского капитала, как в других регионах, где проблема с жильем обстоит более остро.

А с другой стороны, слабый эффект демографических мер в сфере повышения рождаемости, очевидно, обуславливается происходящим у коренного населения Чукотского АО переходом к малодетности, в результате которого репродуктивные установки снижаются, а роль субъективных притязаний в оценке условий жизни в качестве препятствующих или сопутствующих реализации репродуктивных намерений значительно возрастает. На наш взгляд, этим же можно объяснить и менее существенный уровень повышения интенсивности рождаемости в остальных дальневосточных северных регионах.

Еще более худшими, чем Чукотский АО, позициями в рейтинге социально-экономического положения регионов РФ отличается Республика Тыва, которая традиционно занимает одно из последних мест в оценках социально-экономического развития. Однако при этом для Тывы характерны как высокий уровень рождаемости, так и самые успешные результаты в увеличении ее интенсивности в период активизации демографической политики (30,2% дополнительных рождений). В этом регионе суммарный коэффициент рождаемости снижался до режима суженного воспроизводства лишь в период 1997–2001 гг. Т.е. в сравнении с другими северными субъектами рождаемость в республике была низкой в течение самого короткого промежутка времени: переход к малодетности у коренного населения Тывы не был уско-

рен даже многолетним неблагоприятным социально-экономическим контекстом. А с начала 2000-х годов в республике, как и в целом по стране, наблюдается повышение уровня рождаемости. С 2007 г., даже в городской местности, рождаемость соответствует простому, а в некоторые годы — расширенному режиму воспроизводства. На селе с 2002 г. преобладает расширенное воспроизводство, а во втором десятилетии 2000-х годов, с введением региональных мер демографической политики, поддерживающих только рождения очень высокого порядка, интенсивность рождаемости достигла в регионе максимальных значений.

В период 2011–2015 гг., при нарастающем ухудшении структуры фертильных контингентов, рост интенсивности рождаемости в России и ее северных субъектах оказался значительно выше в сравнении с периодом 2007–2010 гг. (табл. 4). Очевидно, усиление демографической политики сыграло заметную нивелирующую роль, компенсируя потери от структурного фактора.

В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что среди населения северных регионов Дальнего Востока в 2007–2010 гг., в период действия лишь федеральных мер демографической политики, увеличение интенсивности рождаемости было гораздо менее значительным, чем в других северных территориях страны, а в Чукотском АО интенсивность рождаемости оказалась даже ниже, чем до введения стимулирующих мероприятий. Усиление демографической политики региональными мерами способствовало дальнейшему росту интенсивности рождаемости. Наиболее существенно по сравнению с уровнем 2007–2010 гг. интенсивность рождаемости в 2011–2015 гг. повысилась в тех субъектах, где с 2013 г. помимо федерального и регио-

Таблица 4. Стандартизация коэффициентов рождаемости населения России и северных регионов РФ по возрастным коэффициентам рождаемости 2006, 2007–2010 и 2011–2015 гг.

Регион	2007–2010 гг.		2011–2015 гг.	
	РЧР – ГЧР, чел.	$\frac{РЧР - ГЧР}{РЧР} \times 100$ (%)	РЧР – ГЧР, чел.	$\frac{РЧР - ГЧР}{РЧР} \times 100$ (%)
Российская Федерация	922 047	13,4	2 316 236	24,4
Республика Карелия	3 736	12,2	9 146	23,6
Республика Коми	5 093	10,9	16 638	27,4
Архангельская область	6 829	11,1	16 622	22,1
Ненецкий АО	406	14,8	868	24,3
Мурманская область	3 653	10,1	10 563	23,1
Ханты-Мансийский АО	10 689	11,4	34 473	25,4
Ямало-Ненецкий АО	3 193	10,0	11 250	25,4
Республика Тыва	8 124	25,4	13 720	34,1
Республика Саха (Якутия)	7 135	11,4	16 552	19,8
Камчатский край	941	5,9	4 140	20,0
Магаданская область	421	5,7	1 771	19,2
Сахалинская область	2 020	8,2	7 410	23,3
Чукотский АО	-57	-1,9	234	6,8
Северные регионы в целом	52 183	11,6	143 387	24,2

нального материнского капитала малоимущим семьям было установлено пособие на третьего ребенка до достижения им трех лет. За исключением Ненецкого АО, где и в 2007–2010 гг. прирост рождаемости за счет ее интенсивности был достаточно значительным и, соответственно, дальнейшее увеличение оказалось не столь заметным.

Полученные результаты подтверждают выводы аналогичных исследований, проведенных в целом по России и на примере других её регионов. Так, расчеты О.В. Кучмаевой, произведенные с помощью стандартизации специального коэффициента рождаемости косвенным способом при принятии за стандарт возрастных коэффициентов рождаемости за 2006 г., показали, что за счет роста интенсивности рождаемости в 2007 г. специальный коэффициент рождаемости увеличился на 8%, в 2008 г. – на 15,1% [5, с. 101]. А.А. Шабунова и О.Н. Калачикова в ходе оценки факторов рождаемости индексным методом выявили, что зафиксированный в Вологодской области в период с 2006 по 2011 г.

рост рождаемости большей частью (на 74%) обусловлен увеличением интенсивности рождений [13, с. 378]. В то же время в нашем исследовании оказалась возможной оценка результатов наращивания мероприятий демографической политики.

Несмотря на постоянно звучащие в научных и общественных дискуссиях сомнения в отношении эффективности и необходимости реализации экономических мер демографической политики в странах с низкой рождаемостью, П. Макдональд приводит весомые аргументы в пользу того, что опыт проведения демографической политики, как правило, имеет положительный эффект в решении задачи по удержанию рождаемости на определенном уровне или ее повышению с очень низких уровней даже в пределах суженного режима воспроизводства [18]. Судя по результатам комплексного исследования, проведенного Rand Corporation в странах Европы, «сворачивание политики поддержки семей в ряде европейских стран (Польше, Восточной Германии и Испании)

способствовало снижению рождаемости в этих странах, тогда как во Франции реализация семейной политики была одной из приоритетных целей страны с момента принятия Семейного кодекса (в 1939 г.), что привело к относительно высоким показателям рождаемости» [15].

Г. Нейер, основываясь на итогах исследования реализации семейной политики в различных странах, заключает: «Страны, которые считают свою семейную политику частью политики в области рынка труда, политики социального обеспечения, добиваются больших успехов в поддержании уровней рождаемости выше крайне низких отметок» [20]. В. Лутц и К. Миллиган также приходят к выводу, что «прямое финансовое поощрение может быть эффективным способом повышения рождаемости» [17; 19].

В результате введения дополнительных экономических мер демографической политики рождаемость повысилась и в городских, и в сельских территориях. Но, за исключением Республики Тыва, в городской местности северных регионов величина суммарной рождаемости по-прежнему соответствует суженному режиму воспроизводства.

В сельских территориях Карелии, Коми и Архангельской области рождаемость перешла к режиму расширенного воспроизводства еще до наращивания мероприятий демографической политики. С 2011 г. расширенное воспроизводство сельского населения характерно для Республики Саха (Якутия), с 2012 г. — для Ханты-Мансийского и Чукотского автономных округов, Сахалинской и Магаданской областей. В Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах и Республике Тыва интенсивность рождаемости среди сельского населения даже в период демографического кризиса

1990-х годов была высокой, значительно превосходявшей показатели других северных субъектов. Однако, как и в вышеперечисленных регионах, за период действия дополнительных мер демографической политики суммарный коэффициент рождаемости в них существенно превысил ранее наблюдавшиеся уровни.

В Камчатском крае в 2013 г. за счет повышения интенсивности рождаемости в сельских территориях удалось достичь перехода от суженного к простому воспроизводству. А в Мурманской области малочисленное сельское население репродуктивных возрастов, несмотря на повышение рождаемости, так и не вышло за пределы суженного воспроизводства. Наиболее существенно с момента усиления государственной демографической политики дифференциация в разрезе «село-город» стала проявляться в северных регионах Северо-Западного федерального округа и в Республике Тыва.

В «Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года» была поставлена задача повысить по сравнению с 2006 г. суммарный коэффициент рождаемости к началу третьего этапа ее действия — в 1,3 раза к 2016 г. В целом по России и в ее северных регионах, за исключением Чукотского автономного округа, эта задача выполнена раньше намеченных сроков (табл. 5).

В Республике Тыва сразу после начала действия федерального материнского (семейного) капитала произошло повышение суммарного коэффициента рождаемости на 27%. В целом по России к 2012 г. он увеличился по сравнению с 2006 г. на 29%, т.е. практически в 1,3 раза. В остальных северных регионах целевые показатели были достигнуты также в 2012 г., а в Камчатском крае и Сахалинской области — в 2013 г.

Таблица 5. Суммарный коэффициент рождаемости населения в России и северных регионах РФ, детей

Регион	2006 г.	2007 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Рост за 2006-2015 гг., раз
Российская Федерация	1,31	1,42	1,69	1,71	1,75	1,78	1,4
Республика Карелия	1,32	1,41	1,71	1,65	1,74	1,77	1,3
Республика Коми	1,38	1,50	1,88	1,97	2,02	2,00	1,4
Архангельская область	1,37	1,50	1,76	1,80	1,84	1,85	1,4
Ненецкий АО	1,71	1,88	2,35	2,31	2,42	2,58	1,5
Мурманская область	1,26	1,32	1,57	1,62	1,65	1,71	1,4
Ханты-Мансийский АО	1,52	1,61	2,02	2,05	2,09	2,07	1,4
Ямало-Ненецкий АО	1,50	1,61	2,05	2,09	2,19	2,19	1,5
Республика Тыва	2,12	2,69	3,35	3,42	3,49	3,39	1,6
Республика Саха (Якутия)	1,72	1,91	2,17	2,17	2,25	2,19	1,3
Камчатский край	1,42	1,47	1,73	1,77	1,85	1,89	1,3
Магаданская область	1,32	1,35	1,65	1,69	1,66	1,66	1,3
Сахалинская область	1,40	1,48	1,71	1,81	1,96	2,02	1,4
Чукотский АО	1,78	1,83	1,97	1,91	2,04	2,10	1,2

В период действия мероприятий современной российской демографической политики в республиках Карелия и Коми, Архангельской, Мурманской, Магаданской и Сахалинской областях, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах рождаемость увеличивалась почти во всех возрастных группах. Лишь в группе женщин 15–19 лет она сокращалась, а в группе 20–24 лет характеризовалась разнонаправленным трендом. Причем максимума прирост возрастных коэффициентов рождаемости достигает у женщин средних (30–39 лет) и старших (40–44 лет) репродуктивных возрастов, что свидетельствует о реализации рождений, которые без дополнительного стимулирования могли бы не состояться. Для женщин старших фертильных возрастов материнство – спланированный этап в жизни, на реализацию которого вполне могут повлиять (и уже повлияли) меры демографической политики [3, с. 613].

В Ненецком АО прирост возрастных коэффициентов рождаемости был более равномерным и достигал максимума среди женщин 35–39 лет. В Республике Тыва

во всех возрастных группах прирост показателей рождаемости был практически одинаковым. В этих двух субъектах рост уровня рождаемости наблюдался и в самой младшей группе фертильного возраста (15–19 лет); более значительно, чем в других регионах, повысилась рождаемость в группе женщин 20–24 лет. В Республике Саха (Якутия) увеличение рождаемости также было достаточно равномерным по всем возрастам, кроме группы 15–19 лет, в которой она в течение 2006–2015 гг. держалась практически на одном уровне.

В Чукотском автономном округе зарегистрированы самые низкие темпы прироста возрастных коэффициентов рождаемости. В группе женщин 15–19 лет он был отрицательным. В возрасте 20–24 лет он чаще сокращался, чем увеличивался. В остальных возрастных группах в динамике рождаемости также не было сформировано устойчивого положительного тренда: в некоторые годы наблюдался незначительный рост, в другие – снижение. Отчасти это можно объяснить малочисленностью населения Чукотского автономного округа, при которой любое случайное де-

мографическое событие влияет на уровень показателя. Однако в Ненецком АО при таких же условиях наблюдается равномерный рост. Очевидно, неблагоприятная социально-экономическая ситуация в Чукотском АО, низкий спрос на жилье в условиях масштабного миграционного оттока и ускорение перехода коренного населения к малодетности сводят к нулю эффективность демографической политики, главным направлением которой является улучшение жилищных условий.

Максимальные темпы прироста суммарного коэффициента рождаемости у абсолютного большинства северных регионов наблюдались сразу после начала реализации мероприятий демографической политики, что свидетельствует о мгновенной реакции населения [12, с. 134]. Стагнацию и сокращение динамики рассматриваемого показателя предотвратило развитие с 2011 г. нового этапа демографической политики. Однако в те или иные годы в большинстве северных регионов уже проявились отрицательные темпы прироста суммарной рождаемости: в 2011 г. – в Архангельской области, в 2011 и 2013 гг. – в Ненецком и Чукотском автономных округах, в 2013 г. – в Республике Карелия, в 2014 г. – в Магаданской области, в 2015 г. – в Республике Коми, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, республиках Тыва и Саха (Якутия). Из-за неблагоприятных изменений возрастной структуры в последние годы в целом по России и в ее северных субъектах, за исключением Ненецкого АО и Сахалинской области, наблюдается стагнация или сокращение общего коэффициента рождаемости.

Репродуктивное поведение населения чувствительно к крупнозатратным мерам стимулирования рождаемости, поскольку низкий уровень жизни семей с детьми

остается ее ограничивающим фактором [2, с. 73]. Для того чтобы предотвратить устойчивость отрицательной динамики и усиление глубины сокращения рождаемости, важно сохранять выбранный курс демографической политики.

Таким образом, действие мероприятий современной демографической политики привело к увеличению вклада поведенческой компоненты в рождаемость населения северных регионов России вследствие роста ее интенсивности. В результате расчета гипотетического числа родившихся при реальной возрастной структуре и возрастных коэффициентах 2006 г., принятых за стандарт, удалось выявить, что в северных субъектах Федерации благодаря изменениям в репродуктивном поведении населения в период 2007–2015 гг. родилось на 195,6 тыс., или на 18,8%, больше детей, чем родилось бы при сохранении интенсивности рождаемости на уровне 2006 г. В период 2011–2015 гг., в условиях ухудшения структуры фертильных контингентов и усиления мер демографической политики, значение поведенческих факторов в формировании уровня рождаемости возросло. Если в 2007–2010 гг. за счет повышения интенсивности рождаемости было реализовано 11,6% дополнительных рождений, то в 2011–2015 гг. изменения в репродуктивном поведении населения существенно скомпенсировали устранение благоприятного воздействия на рождаемость структурного фактора, увеличив свою роль в формировании итоговой рождаемости до 24,2% дополнительных рождений.

Вследствие сохраняющейся в северных регионах России высокой актуальности улучшения условий жизни семей с детьми, интенсивность рождаемости еще длительное время будет реагировать на стимулирующие мероприятия, а ее всплеск будет наблюдаться сразу после введения новых

(особенно экономически значимых) мер поддержки семьи. Несмотря на сложность этой цели, необходимо выработать парадигму демографической политики государства, одновременно отвечающей сразу двум важным задачам: осуществлению социальной поддержки семей с детьми и

формированию равномерной интенсивности рождаемости в долгосрочной перспективе для максимального сглаживания ее волновых колебаний. Для этого демографическая политика должна, прежде всего, иметь длительный, устойчивый, преемственный характер.

Литература

1. Архангельский, В.Н. Факторы рождаемости в России [Текст] / В.Н. Архангельский // Демографические перспективы России / под ред. акад. Г.В. Осипова и проф. С.В. Рязанцева. — М.: Экон-Информ, 2008. — С. 253-265.
2. Зверева, Н.В. Предварительные итоги и перспективы современной политики в области рождаемости / Н.В. Зверева, В.Н. Архангельский // Федерализм. — 2010. — № 2 (58). — С. 69-84.
3. Иванова, Е.И. Рождаемость в современной России: ожидаемый подъем или конъюнктурный сдвиг? / Е.И. Иванова // Научные труды / Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — 2010. — № 8. — С. 610-626.
4. Калачикова, О.Н. Возможности и резервы повышения рождаемости в России / О.Н. Калачикова, А.А. Шабунова // Проблемы развития территории. — 2013. — № 6 (68). — С. 66-72.
5. Кучмаева, О.В. Возможности статистики в оценке эффективности социальных проектов / О.В. Кучмаева // Статистика и экономика. — 2010. — № 5. — С. 96-103.
6. Переведенцев, В.И. Демографические перспективы России / В.И. Переведенцев // Социологические исследования. — 2007. — № 12. — С. 58-69.
7. Попова, Л.А. Демографическое развитие семьи в Республике Коми / Л.А. Попова. — Сыктывкар, 1998. — 26 с.
8. Попова, Л.А. Современные стандарты репродуктивного поведения населения и задачи просемейной демографической политики / Л.А. Попова, Н.А. Бутрим // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2011. — № 2 (14). — С. 72-85.
9. Человеческий потенциал российских регионов. Демографическая составляющая человеческого потенциала / Н.М. Римашевская, В.К. Бочкарева, Л.А. Мигранова, Е.В. Молчанова, М.С. Токсанбаева // Народонаселение. — 2013. — № 3. — С. 82-141.
10. Фавстрицкая, О.С. Формирование инвестиционного механизма жилищных рынков в условиях депрессивных северных регионов (на примере Магаданской области): дис. ... канд. экон. наук / О.С. Фавстрицкая; ФГУ «ФИЦ «Информатика и управление» РАН». — М., 2017. — 167 с.
11. Фаузер, В.В. Демографические проблемы северных регионов России: сокращение численности населения и снижение рождаемости / В.В. Фаузер // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ. — 2015. — № 1. — С. 129-144.
12. Фрейка, Т. Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений / Т. Фрейка, С.В. Захаров // Демографическое обозрение. — 2014. — № 1. — Том 1. — С. 106-143.
13. Шабунова, А.А. К оценке эффективности стимулирования рождаемости (на материалах Вологодской области) / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова // Демографические процессы на постсоветском пространстве: материалы VI Уральского демографического форума с международным участием / отв. ред. А.И. Татаркин, А.И. Кузьмин. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. — С. 377-384.
14. D'Addio, A. Trends and determinants of fertility rates in OECD countries: the role of policies [Text] / A. D'Addio, M. D'Ercole // OECD Social, Employment and Migration Working Papers. — № 27. — Paris: OECD. — P. 47.
15. Grant, J. Low fertility and population ageing: causes, consequences and policy options [Text] / J. Grant, et. al. — Santa Monica: RAND, XV. — 2004.
16. Kravdal, O. Demographer's interest in fertility trends and determinants in developed countries: Is it warranted? [E-resource] / O. Kravdal // Demographic Research. — Vol. 22. — Art. 22. — Published 20 April, 2010. — P. 663-690. — Available at: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol22/22/>

17. Lutz, W. Will Europe be short of children? [Text] / W. Lutz // Family Observer, European Observatory on Family Matters, European Commission. – 1999. – P. 8-16.
18. McDonald, P. Low fertility and state: efficiency of policies [Text] / P. McDonald // Population and development review. – №. 32 (3). – September, 2006. – P. 485-510.
19. Milligan, K. Quebec's baby bonus: can public policy raise fertility? [Text] / K. Milligan // Background. C.D. Howe Institute. – January, 2002.
20. Neyer, G. Family policies and low fertility in Western Europe [Text] / G. Neyer // MPIDR Working Paper, Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research. – July, 2003.
21. Testa, M.R. Certainty of meeting fertility intentions declines in Europe during the «Great Recession» / M.R. Testa, S. Basten // Demographic Research. – Volume 31. – Art. 23. – Published 18 September, 2014. – P. 687-734. – URL: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol31/23/>

Сведения об авторах

Мария Александровна Шишкина – Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, maria-koroleva0018@rambler.ru)

Лариса Алексеевна Попова – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, la_popova@lenta.ru)

Shishkina M.A., Popova L.A.

Impact of Modern Pro-Family Demographic Policy on Birth Rate Intensity in the Northern Regions of Russia

Abstract. The paper presents findings of a research, the goal of which was to evaluate the effectiveness of state measures aimed to promote the birth rate in Russia and its northern regions, their impact on the increase of birth rate intensity in 2007–2015. The relevance of choosing these territories for the study is determined by the high migration outflow of the population of reproductive age in most regions of the North, aggravating the growing adverse effects that the changes in the age structure have on fertility, the changes are due to the country's demographic history. Scientific novelty of the study consists in the fact that it determines the total demographic effect of current measures of pro-family policy, evaluates the results of enhancing its activities and makes a contribution to scientific studies on identifying the impact of the behavioral component of fertility on the formation of the final number of children in the family in terms of government incentives provided to families. This goal was achieved with the use of the method of standardization by age-specific birth rates for 2006. The authors have found out that in all of the territories the intensity of the birth rate increased most significantly in the women of middle and older reproductive age, but there exist regional specifics and differences in the nature of the transformation of the age-specific birth rate pattern. A 1.3-fold increase in the total fertility rate that was planned to coincide with the second phase of action of the Demographic Policy Concept of the Russian Federation until 2025 has reached the target indicators before the deadline nationwide and in the majority of Russia's northern regions. In the conditions of implementation of the demographic policy the number of births in Russia's northern regions was bigger by 195.6 thousand people or 18.8% compared to the number that would have

been observed if the intensity of birth rate remained at the level of 2006. The article makes an attempt to substantiate the differences in the increase in the birth rate intensity in the context of Russia's northern regions. In the period from 2010 to 2015, when there was a growing negative impact of the age structure factor on the one hand, and the intensification of demographic policy measures on the other, an increase could be observed in the contribution of a behavioral component to the formation of the resulting birth rate. The increase in birth rate intensity is associated with the fact that families with children are in need of improving their living conditions, the subjective assessment of these conditions as poor is the factor constraining the number of births in societies where small families prevail.

Key words: birth rate intensity, demographic policy, factors promoting birth rate, age structure, reproductive behavior, northern regions of Russia.

References

1. Arkhangel'skii, V.N. Faktory rozhdaemosti v Rossii [Drivers of birth rate in Russia]. *Demograficheskie perspektivy Rossii* [Demographic prospects of Russia]. Ed. by G.V. Osipov and S.V. Ryazantsev. Moscow: Ekon-Inform, 2008. Pp. 253-265. (In Russian).
2. Zvereva N.V., Arkhangel'skii V.N. Predvaritel'nye itogi i perspektivy sovremennoi politiki v oblasti rozhdaemosti [Modern fertility policy in Russia: preliminary results and outlook]. *Federalizm* [Federalism], 2010, no. 2 (58), pp. 69-84. (In Russian).
3. Ivanova E.I. Rozhdaemost' v sovremennoi Rossii: ozhidaemyi pod'em ili kon'yunktturnyi sdvig? [Fertility in modern Russia: an expected rise or a market shift?]. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific papers: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences], 2010, no. 8, pp. 610-626.
4. Kalachikova O.N., Shabunova A.A. Vozmozhnosti i rezervy povysheniya rozhdaemosti v Rossii [Opportunities for and potential of the birth rate increase in Russia]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2013, no. 6 (68), pp. 66-72. (In Russian).
5. Kuchmaeva O.V. Vozmozhnosti statistiki v otsenke effektivnosti sotsial'nykh proektov [Opportunities of statistics in the evaluation of the effectiveness of social projects]. *Statistika i ekonomika* [Statistics and economics], 2010, no. 5, pp. 96-103. (In Russian).
6. Perevedentsev V.I. Demograficheskie perspektivy Rossii [Demographic prospects of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2007, no. 12, pp. 58-69. (In Russian).
7. Popova L.A. *Demograficheskoe razvitiye sem'i v Respublike Komi* [Demographic development of family in the Komi Republic]. Syktyvkar, 1998. 26 p. (In Russian).
8. Popova L.A., Butrim N.A. Sovremennyye standarty reproduktivnogo povedeniya naseleniya i zadachi prosemeinoi demograficheskoi politiki [Modern standards of reproductive behavior of the population and the objectives of pro-family population policy]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2011, no. 2 (14), pp. 72-85. (In Russian).
9. Rimashevskaya N.M., Bochkareva V.K., Migranova L.A., Molchanova E.V., Toksanbaeva M.S. Chelovecheskii potentsial rossiiskikh regionov. Demograficheskaya sostavlyayushchaya chelovecheskogo potentsiala [Human potential of the Russian regions. The demographic component of human potential]. *Narodonaselenie* [Population], 2013, no. 3, pp. 82-141. (In Russian).
10. Favstritskaya O.S. *Formirovaniye investitsionnogo mekhanizma zhilishchnykh rynkov v usloviyakh depressivnykh severnykh regionov (na primere Magadanskoi oblasti): dis. ... kand. ekon. nauk* [Formation of the investment mechanism of housing markets in the conditions of depressed northern regions (on the example of the Magadan Oblast: Ph.D. in Economics dissertation)]. Moscow, 2017. 167 p. (In Russian).
11. Fauzer V.V. Demograficheskie problemy severnykh regionov Rossii: sokrashchenie chislennosti naseleniya i snizhenie rozhdaemosti [Demographic problems of Russian northern regions: decline in the population and decline in fertility]. *Korporativnoye upravlenie i innovatsionnoye razvitiye ekonomiki Severa: Vestnik NITs KPUVI SyktGU* [Corporate governance and innovative economic development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University], 2015, no. 1, pp. 129-144. (In Russian).

12. Freika T., Zakharov S.V. Evolyutsiya rozhdaemosti v Rossii za polveka: optika uslovykh i real'nykh pokolenii [Evolution of fertility in Russia for half a century: the optics of conditional and real generations]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review], 2014, no. 1, vol. 1, pp. 106-143. (In Russian).
13. Shabunova A.A., Kalachikova O.N. K otsenke effektivnosti stimulirovaniya rozhdaemosti (na materialakh Vologodskoi oblasti) [Revisiting the evaluation of effectiveness of stimulation of birth rate (on the materials of the Vologda Oblast)]. *Demograficheskie protsessy na postsovetskom prostranstve: materialy VI Ural'skogo demograficheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem* [Demographic processes in the former Soviet Union: proceedings of the 6th Ural demographic forum with international participation]. Executive editors A.I. Tatarkin and A.I. Kuz'min. Yekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2015. Pp. 377-384. (In Russian).
14. D'Addio A., D'Ercole M. Trends and determinants of fertility rates in OECD countries: the role of policies. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. No. 27. Paris: OECD. P. 47.
15. Grant J. et al. *Low fertility and population ageing: causes, consequences and policy options*. Santa Monica: RAND, XV, 2004.
16. Kravdal O. Demographer's interest in fertility trends and determinants in developed countries: Is it warranted? *Demographic Research*, 2010, vol. 22, art. 22, pp. 663-690. Available at: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol22/22/>
17. Lutz W. Will Europe be short of children? *Family Observer, European Observatory on Family Matters, European Commission*. 1999. Pp. 8-16.
18. McDonald P. Low fertility and state: efficiency of policies. *Population and Development Review*, 2006, September, no. 32 (3), pp. 485-510.
19. Milligan K. Quebec's baby bonus: can public policy raise fertility? *Backgrounder*, C.D. Howe Institute, January, 2002.
20. Neyer G. *Family policies and low fertility in Western Europe. MPIDR Working Paper*. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research. July, 2003.
21. Testa M.R., Basten S. Certainty of meeting fertility intentions declines in Europe during the "Great Recession". *Demographic Research*, 2014, vol. 31, art. 23, pp. 687-734. Available at: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol31/23/>

Information about the Authors

Mariya Aleksandrovna Shishkina – Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russia, maria-koroleva0018@rambler.ru)

Larisa Alekseevna Popova – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Science, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russia, la_popova@lenta.ru)

Статья поступила 09.01.2017.

Состояние и особенности развития малого бизнеса в России

**Светлана Викторовна
ТЕРЕБОВА**

кандидат экономических наук

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
svetlana-ter@mail.ru

Аннотация. Становление сектора малого предпринимательства выступает одним из наиболее перспективных направлений социально-экономического развития страны. Ввиду этого оценка динамики формирования, определение проблем и направлений развития сектора приобретают особую актуальность. Цель проведенного исследования – анализ состояния и выявление особенностей развития малого бизнеса в России. Для достижения поставленной цели в работе применялись следующие методы статистического исследования: сводка и группировка данных, расчет обобщающих показателей (абсолютные, относительные величины), построение рядов динамики. Кроме того, использовались такие общенаучные методы, как обобщение, индукция, анализ и синтез и др. На основе статистических данных с применением указанных методов проведен анализ тенденций развития предприятий малого бизнеса в разрезе показателей, характеризующих динамику числа малых предприятий и их территориальное распределение, отраслевую структуру, занятость в секторе малого бизнеса, финансово-экономическую деятельность предприятий, их кредитование и др. Исследование позволяет заключить, что наблюдается количественное увеличение ряда показателей данного сектора экономики, но нет его качественного становления. Потенциал института малого бизнеса не используется в полной мере для развития территорий. Показано, что деструктивные процессы в сфере малого бизнеса во многом связаны с условиями, в которых функционируют предприятия, а также влияющими на них внешними

Для цитирования: Теребова, С.В. Состояние и особенности развития малого бизнеса в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 178-199. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.10

For citation: Terebova S.V. The current state and specifics of small business development in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 178-199. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.10

факторами. С опорой на результаты различных международных и отечественных мониторингов предпринимательства и данные экспертных организаций выделены ключевые факторы, негативно сказывающиеся на его развитии. Определены направления снижения их воздействия. Обоснована необходимость обеспечения стабильности законодательства (в первую очередь, в налоговой сфере), макроэкономической стабильности. Результаты исследования могут быть использованы при формировании сбалансированной государственной региональной политики, а также при разработке программных документов, планировании стратегических и оперативных мероприятий, направленных на развитие малого бизнеса в субъектах Российской Федерации. Перспективы дальнейшей научно-исследовательской работы в указанной области заключаются в проведении оценки инновационного потенциала малого бизнеса.

Ключевые слова: малый бизнес, развитие предпринимательства, территория.

Малый и средний бизнес (МСБ) – неотъемлемый элемент современной системы хозяйствования, без которого экономика и общество не могут нормально существовать и развиваться¹. История становления малого предпринимательства в России (в рамках новейшей истории) по сравнению с США, государствами ЕС и некоторыми другими странами не является продолжительной [26]. Зарождение данного сектора экономики относят к концу 1980-х гг., что связано с появлением кооперативов, совместных предприятий. Проводимые в России реформы, становление основ рыночных отношений стали условием развития малого и среднего бизнеса, повышения его роли в экономике. В начале 90-х годов были привати-

зированы государственные предприятия, этот процесс не обошел стороной и малый бизнес. Перераспределение государственной собственности способствовало еще большему распространению предпринимательства, в то же время именно указанный период дал толчок развитию теневой экономики в этой сфере. Большие налоговые сборы побудили предпринимателей к использованию «серых» схем, «черной» кассы, двойной бухгалтерии и т. д. Экономический развал и политическая неразбериха (1991–1993 гг.) привели к тому, что значительная часть малого бизнеса была переориентирована на коммерческую деятельность (торговлю). После 1993 г. происходит определенный подъем в развитии малого бизнеса, частного сектора экономики, впервые создается правовая основа предпринимательской деятельности: принимаются Гражданский кодекс, закон «О некоммерческих организациях» и др. В период 1998–2001 гг. появляется новое законодательство, ужесточаются требования к предприятиям малого бизнеса, что обуславливает усиление бюрократических процедур, усложнение процесса регистрации предприятий. В последующем государственная политика была направлена на расширение мер по поддержке малого предпринимательства.

¹ Критериями отнесения предприятий к малым выступают объем оборота (прибыли, дохода), величина активов, размер уставного капитала, средняя численность персонала и др. По данным Всемирного банка, общее число показателей, по которым предприятия признаются субъектами малого предпринимательства, превышает 50. Основным критерием, на основе которого предприятия (организации) различных организационно-правовых форм относятся к субъектам малого предпринимательства, является средняя численность работников, занятых за отчетный период на предприятии (в организации). Так, в России к микропредприятиям относятся предприятия с численностью занятых до 15 чел., к малым – до 100 чел., к средним – до 2050 чел.; в ЕС, соответственно, – до 10; 50 и 250 чел.; в США – до 20, 100 и 500 чел. В Китае малые и микропредприятия – до 1000 чел., средние – до 3000 чел.

С 2005 г. Минэкономразвития России осуществляет реализацию государственной финансовой программы поддержки малого и среднего предпринимательства². За 2005–2016 гг. в рамках указанной программы из федерального бюджета в регионы страны было направлено порядка 160 млрд. руб., число субъектов РФ, участвовавших в программе увеличилось с 55 до 85. Согласно итогам ежегодно проводившегося аудита программы [18], прирост ВВП на 1 вложенный рубль составлял 39 руб. и оценивался в 607 млрд. руб. в год [4].

Несмотря на значительное усиление государственной поддержки рассматриваемого сектора, нестабильная налоговая политика по-прежнему существенно затрудняет его развитие. Его вклад в общие экономические показатели в России существенно ниже, чем в странах Европейского союза, США и некоторых развивающихся странах (табл. 1).

Основу сектора МСБ по количеству хозяйствующих субъектов, суммарно занимая 94,3%, составляют индивидуальные предприниматели (53,3%) и микропредприятия (41%). На эти же субъекты приходится 55% численности занятых в ис-

следуемом сегменте [16]. При этом 52% оборота (выручки) субъектов предпринимательства от реализации товаров (работ и услуг) приходится на малые (40%) и средние (12%) предприятия. В целом по экономике доля малых и средних предприятий в обороте предприятий, по данным Федеральной службы государственной статистики, поступательно снижается. В 2014 г. показатель равнялся 20,2%, что на 6,2 п.п. меньше, чем в 2005 г. [16]. На МСБ приходится только 5–6% общего объема основных средств и 5% объема инвестиций в основной капитал в целом по стране [36].

Доля численности работников³, занятых в секторе МСБ, увеличилась с 2005 г. на 10,7 п.п. и в 2014 г. составила 23,6% [36]. В то же время производительность труда здесь, по оценке Министерства экономического развития РФ, отстает от уровня развитых стран (США, Япония, страны ЕС) в 2–3 раза.

Территориальное распределение малых и средних предприятий

Благодаря целенаправленной поддержке государства за последние 15 лет число малых предприятий в стране возросло более чем в два раза (рис. 1). Однако, как необходимо отметить, прирост был

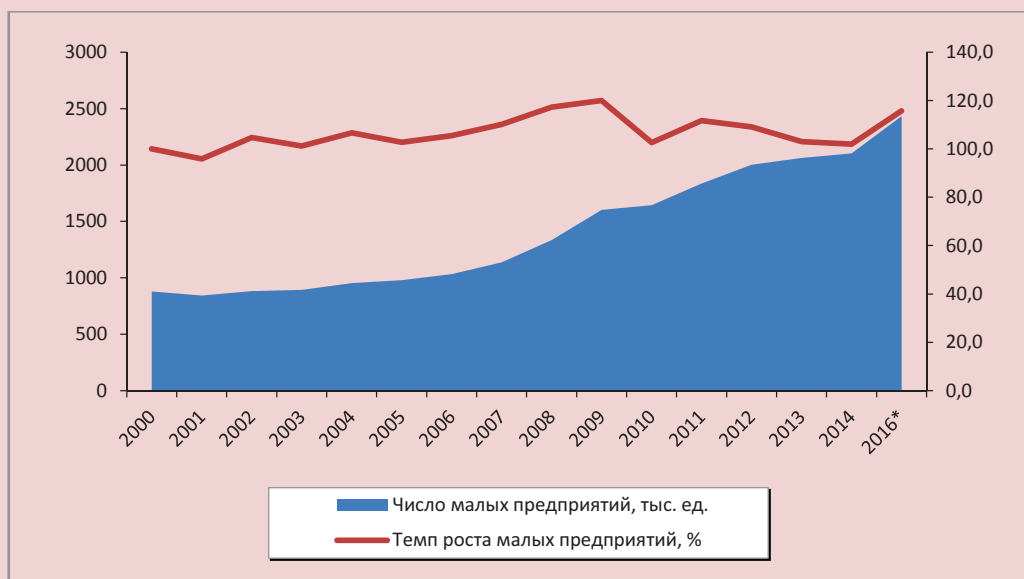
Таблица 1. Масштабы развития предприятий малого бизнеса в зарубежных странах и в РФ [36]

Страна	Количество малых предприятий (включая микро), млн. ед.	Число МП на 1000 жителей	Количество экономически активного населения, млн. чел.	Доля занятых в малом бизнесе, в %
США	27	86	158,9	61
Великобритания	5,2	81	32,8	50
Германия	2,1	26	41,9	42
Франция	2,4	38	30,2	47
Китай	15	11	793,3	69,7
Россия	2,1	14	77	21,4

² Порядок предоставления средств федерального бюджета на конкурсной основе в виде субсидии бюджетам субъектов Российской Федерации утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 27 февраля 2009 г. № 178 «О распределении и предоставлении субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства».

³ Без внешних совместителей.

Рисунок 1. Динамика числа малых предприятий (включая микропредприятия) [8, 36]

* По состоянию на 10.09.2016 г.

Источник: составлено по данным Федеральной службы государственной статистики, Федеральной налоговой службы.

обеспечен главным образом сегментом микропредприятий⁴ (их начали выделять в статистическом учете с 2008 г.), тогда как число малых компаний за период с 2008 по 2016 г., наоборот, снизилось (на 16,7%).

В 2008 г. из числа малых предприятий были выделены средние, однако их доля в числе субъектов МСБ незначительна — 0,3%. Следуя логике, дополним, что предприятия среднего бизнеса образуются из малых, т. к. переход от малого к крупному бизнесу целесообразно рассматривать как процесс эволюционный. Однако у ма-

лых предприятий нет стимулов становиться средними. С переходом на новый уровень малые предприятия лишаются права на применение различных льгот (по налогообложению, административные льготы, возможность получения государственной поддержки и т. п.), в связи с чем таким предприятиям легче искусственно поделиться на несколько новых, чем перейти в категорию средних.

На динамику количества малых предприятий, отражаемого в статистике, влияют и особенности статистического учета. Так, например, даже если фирма превысила лимит по численности или выручке, она все равно в течение трех лет считается малой⁵.

⁴ Согласно Федеральному закону «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», с 2008 г. из состава малых предприятий (с численностью работников от 16 до 100 человек) были выделены микропредприятия (до 15 человек), также к данному сектору были отнесены средние предприятия (до 250 человек). (Источник: О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации [Эл. рес.] : федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ // КонсультантПлюс.)

⁵ То есть если предприятие в 2014 г. превысило лимит, то статус малого предприятия оно утратит лишь 1 января 2017-го. Ранее этот срок составлял два года. Поправка внесена Федеральным законом от 29.06.15 г. №156-ФЗ.

Существенным недостатком развития малых форм предпринимательства в России является его высокая территориальная концентрация. На 10 субъектов Федерации (12% всех регионов) приходится 52% всех малых предприятий, а тенденция к их концентрации в небольшом числе федеральных округов и регионов страны продолжает сохраняться и в некоторых регионах даже усиливается (табл. 2).

В разрезе федеральных округов (ФО) ситуация выглядит следующим образом. Лидирует Центральный округ, где на начало августа 2016 г. было зарегистрировано 36,6% от общего числа малых предприятий России; в Поволжском ФО – 18,5%;

в Северо-Западном – 13,3%; в Сибирском – 10,6%; в Уральском – 8,2%; в Южном ФО – 6,7%. Дальневосточный округ занимает долю 3,7%, Северо-Кавказский – 1,7%, Крымский округ – 0,7%. Необходимо учитывать, что на размерную структуру хозяйствующих субъектов влияет отраслевая специализация экономик регионов и округов⁶.

В рамках федеральных округов предприятия также распределены неравномерно. «Локомотивами» ЦФО являются г. Москва и Московская область, где сосредоточено около четверти всех малых предприятий России (24,6%), что составляет 70% малых предприятий этого округа.

Таблица 2. Топ 10-ти субъектов РФ по основным показателям, характеризующим развитие сектора малого* бизнеса, за 2014 год**

По доле среднесписочной численности работников (без внешних совместителей), занятых на малых предприятиях, %		По доле количества малых предприятий, %	
г. Москва	13,3	г. Москва	19,7
г. Санкт-Петербург	5,8	г. Санкт-Петербург	8,3
Московская обл.	4,4	Московская обл.	4,9
Свердловская обл.	3,5	Свердловская обл.	3,4
Краснодарский край	3,1	Краснодарский край	2,8
Респ. Татарстан	3,1	Республика Татарстан	2,7
Респ. Башкортостан	2,8	Нижегородская обл.	2,6
Новосибирская обл.	2,7	Самарская обл.	2,5
Ростовская обл.	2,4	Новосибирская обл.	2,5
Нижегородская обл.	3,2	Челябинская обл.	2,3
По доле в обороте в секторе малого бизнеса, %		По доле в инвестициях в основной капитал в секторе малого бизнеса, %	
г. Москва	20,5	Краснодарский край	5,6
г. Санкт-Петербург	5,7	Нижегородская обл.	4,9
Московская обл.	4,9	Московская обл.	4,7
Краснодарский край	3,8	Воронежская обл.	4,7
Свердловская обл.	3,7	Респ. Башкортостан	3,9
Нижегородская обл.	3,2	Ростовская обл.	3,6
Тюменская обл.	2,8	Алтайский край	3,5
Респ. Татарстан	2,8	Пензенская обл.	3,4
Ростовская обл.	2,7	Новосибирская обл.	3,2
Новосибирская обл.	2,6	Кемеровская обл.	2,7
* Включая микропредприятия.			
** Рассчитано на основе статистических данных Федеральной службы государственной статистики [36].			

⁶ Например, невысокий процент концентрации малого бизнеса в Уральском ФО является следствием отраслевой структуры экономики округа, где сосредоточено порядка 20% общероссийского производства (производство алюминия, металлургия, нефтегазовая промышленность и т. п.). Данные производства являются капиталоемкими, предполагающими получение эффекта от масштаба.

В Поволжском ФО распределение малых предприятий более равномерное, хотя заметно сосредоточение более 50% всех малых предприятий округа лишь в четырех субъектах: Татарстане, Башкортостане, Нижегородской и Самарской областях. В Северо-Западном ФО отмечается высокая концентрация малых предприятий в Санкт-Петербурге (более 60% общего числа малых предприятий округа) и т. д.

Следовательно, анализ показывает неравномерность распределения малых предприятий по территории России. Причем на уровне субъектов Федерации эта неравномерность усиливается. Так, в начале 2016 года количество малых предприятий в расчете на 100 тыс. жителей варьировалось от 374,6 ед. (г. Санкт-Петербург) до 7,6 ед. (Чеченская Республика) [6].

В результате территориальной концентрации на десять субъектов Федерации приходится 44,3% занятых в малом бизнесе страны, 52,7% оборота и 40,2% инвестиций в основной капитал сектора. Таким образом, динамика сектора малого бизнеса в стране фактически зависит от его состояния в регионах-лидерах.

Отраслевая структура малого бизнеса

Сложившаяся в стране отраслевая структура малого бизнеса вызывает серьезную озабоченность. На начало 2015 г. предприятия в отраслевом разрезе распределились следующим образом:

- промышленность — 10,5% (для сравнения: в 2000 г. — 15,3% [17]);

- строительство — 11,9% (14,4%);
- сельское хозяйство — 2,7% (1,6%);
- транспорт и связь — 2,1% (2,6%);
- остальные 68,1% приходятся на отрасли, либо не связанные, либо опосредованно связанные с материальным производством (65,5%).

Таким образом, существенных изменений в распределении малых предприятий по видам деятельности за последние 15 лет не произошло: по-прежнему лидируют торговля и операции с недвижимым имуществом — суммарно они составляют более 50%. Привлекательность данной сферы деятельности объясняется прежде всего низкими затратами и высокой оборачиваемостью капитала. В отличие от производства и строительства, которые трудно перевести в область теневой экономики, доминирующие у нас отрасли малого бизнеса довольно легко могут уйти «в тень»⁷. Необходима целенаправленная работа органов власти и управления, чтобы малый бизнес «вернулся» в официальную экономику и стал опорой государства. По оценкам экспертов, только за счет создания условий для выхода из тени малых предприятий, т. е. улучшения предпринимательской среды⁸, можно увеличить долю малого бизнеса в ВВП с 19 до 40–50% [14], что соответствует параметрам передовых государств.

Необходимо также отметить, что налоговое администрирование НДС не стимулирует уменьшения структурных диспропорций в экономике. Основную нагрузку

⁷ В среднем размер нашей теневой экономики оценивается в 30–40% ВВП. Для сравнения: доля теневой экономики в США и Швейцарии составляет около 9%, в Китае — 13,5%, в Индии — 24%. (Источник: Карпова Н. Обречен ли малый бизнес в России // Статистика малого бизнеса 2011. — Режим доступа: <http://b2bzona.org/2012/02/24/small-business-russia-statistics-2011>).

⁸ Предприниматели функционируют в определенных условиях, составляющих предпринимательскую среду — интегрированную совокупность различных факторов, которые воздействуют на функционирование фирмы и требуют принятия управленческих решений, направленных на их устранение либо на приспособление к ним. Среду любой организации принято рассматривать как состоящую из двух сфер: внутренней (структура фирмы, включающая ее подразделения) и внешней (характер и состояние рыночных отношений, спрос, регулирование предпринимательской деятельности, экономическая политика и т. д.).

по НДС несут конкурентоспособные производства. Так, для обрабатывающей промышленности⁹ в среднем налоговая нагрузка по НДС за 2010–2014 гг. составляла 4%, для предприятий добывающей промышленности – 2,2%, для финансовой деятельности – 0,3%. При этом доходность в обрабатывающей промышленности ниже, чем в добывающей, в 1,4 раза, чем в финансовом секторе – в 3,1 раза [10].

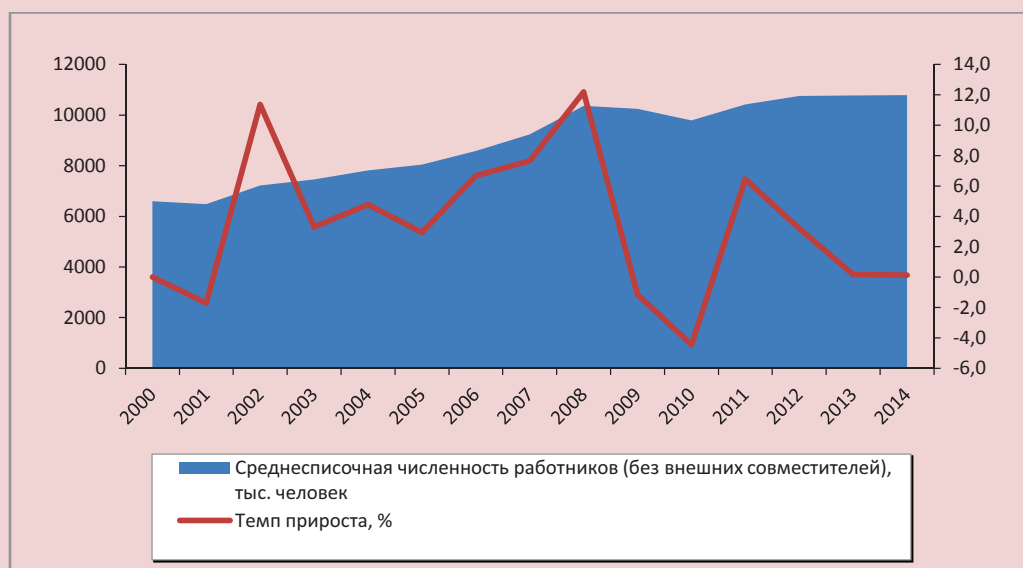
Рассматривая отраслевую структуру сектора МСБ, следует отметить, что по мере увеличения компании ее специализация меняется в сторону более сложных видов деятельности. Так, в общем числе средних доля предприятий, осуществляющих деятельность в промышленном секторе, значительно выше, чем в целом по сектору (28,5% средних предприятий против 10,5%) [16].

Занятость в секторе МСБ

За период с 2000 по 2014 г. численность занятых¹⁰ на малых предприятиях возросла практически на 4,2 млн. чел., в то время как общая численность занятых в экономике – на 6,5 млн. чел. [29] (рис. 2). Следовательно, общий прирост занятости более чем наполовину обеспечен ростом числа рабочих мест на малых предприятиях.

В 2000–2008 гг. численность работников малых предприятий увеличивалась. Однако с 2008 по 2010 г. она сократилась на 6%, то есть более чем на 576 тыс. человек. Одной из причин ее сокращения является финансово-экономический кризис, который начался в сентябре 2008 г. и в результате которого возросли тарифы при одновременном снижении спроса на продукцию/услуги предприятий. При этом политика налоговых органов в отношении

Рисунок 2. Динамика численности занятых (без внешних совместителей) на малых предприятиях (включая микропредприятия)*

* Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики [36].

⁹ Производство машин, электронного, оптического оборудования, летательных, космических аппаратов, судов, транспортных средств, строительных материалов.

¹⁰ Без внешних совместителей.

субъектов малого предпринимательства не изменилась [26]. В 2010 г., после нивелирования последствий кризиса, численность занятых в секторе МСБ стала расти, однако более медленными темпами, чем в докризисный период. В 2011 г. она вышла на уровень 2008 г.

Распределение по отраслям занятых в МСБ соответствует структуре сектора: наибольшее количество работников малых и микропредприятий сосредоточено в сфере торговли (29,1 и 36,5% соответственно), операций с недвижимым имуществом и услугами (по 20,8%) (рис. 3). Наибольшее число занятых на средних предприятиях приходится на промышленное производство (34%).

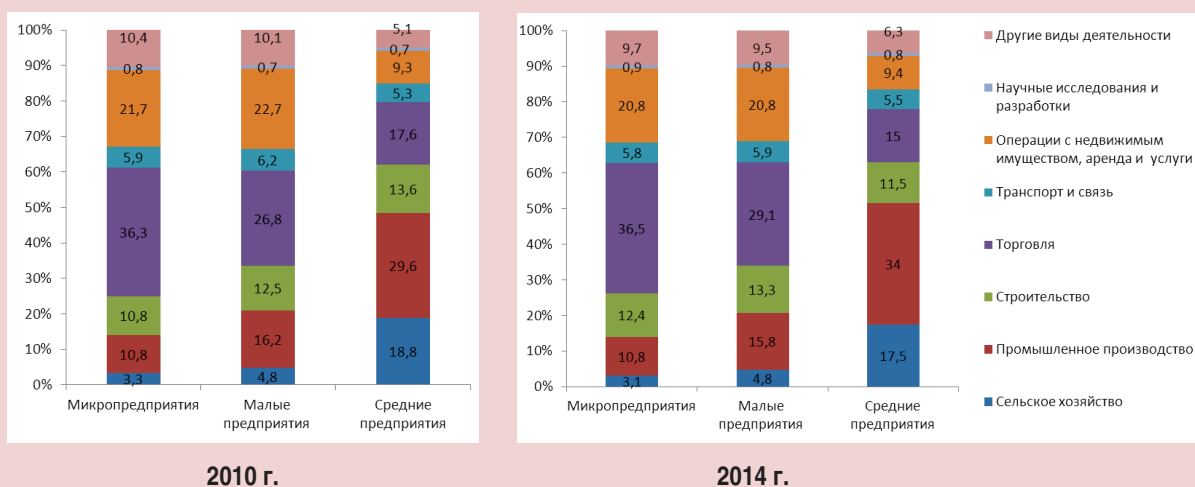
Среднемесячная начисленная заработная плата работников в 2014 г. составила: 15,7 тыс. руб. на микропредприятиях, 19,2 тыс. руб. и 26,1 тыс. руб. соответственно — на малых и средних предприятиях. В то же время значение этого показателя по полному кругу организаций в целом по экономике РФ равнялось 32 495 руб. [33].

Таким образом, средняя зарплата работника малого предприятия составляла лишь 60% от средней по стране. На наш взгляд, это может объясняться выдачей зарплат «в конвертах», а также небольшим оборотом МСБ по сравнению с крупным бизнесом.

Финансово-экономическая деятельность предприятий

В целом следует отметить, что постепенное замедление темпов роста экономики и, в частности, потребительского спроса, имевшее место уже в 2012–2013 гг. и заметно обострившееся в 2014 г. на фоне введенных рядом стран санкций, отразилось и на финансово-экономической деятельности сектора МСБ. Наиболее серьезным для него потрясением стал декабрьский кризис на валютном рынке, заставивший ЦБ РФ резко увеличить ключевую ставку (до 17%), что сразу же повлекло удорожание банковских кредитов. Результатом стало снижение объема портфеля кредитов МСБ на 0,9% уже в 2014 году, в первом квартале 2015 г. падение продолжилось и достигло 5,4% за три месяца.

Рисунок 3. Распределение среднесписочной численности занятых в разных категориях субъектов МСБ в 2010 и 2014 гг.*

* Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики [16].

Это отразилось на обороте МСБ, который в 2014 г. относительно 2013 г. снизился на 4,6%¹¹, а в 2015 г. относительно 2014 г. — на 8,5% [6]. В отраслевом разрезе основной оборот субъектов МСБ приходится на торговый сектор: 46,4% средних предприятий, 58,3% малых и 60,5% микропредприятий [16].

Объем инвестиций в основной капитал на малых предприятиях в целом по РФ с учетом ИПЦ в 2014 г. вырос по сравнению с 2013 г. на 8,4%, однако в 2015 г. снизился относительно 2014 г. на 15,6% [6]. Распределение инвестиций в основной капитал разных категорий субъектов МСБ по видам экономической деятельности заметно отличается от распределения численности разных категорий субъектов МСБ, количества занятых в них и оборота по видам экономической деятельности. Так, наибольший объем инвестиций в 2014 г. направляли микропредприятия и малые предприятия строительной отрасли — 31,7 и 30,6% от общего объема инвестиций по категории бизнеса [16], операций с недвижимым имуществом 30,3 и 24%, сельского хозяйства — 26,7 и 17,6%. Четверть инвестиций средних предприятий приходится на сферу операций с недвижимым имуществом (25,6%), 22,6% — на сельское хозяйство, 20,1% — на обрабатывающие производства, в то время как на торговый сектор, создающий основную часть оборота и обеспечивающий занятость, приходится 8,8, 10,4 и 5,9% инвестиций соответственно.

Анализ инвестиционной активности малых промышленных предприятий свидетельствует о том, что ключевой целью инвестирования в основной капитал является замена изношенной техники и оборудования, увеличение производственных

мощностей, а также автоматизация и механизация производственного процесса. Инвестирование во внедрение новых производственных технологий осуществляли лишь 5% предприятий¹².

Фактором, ограничивающим инвестиционную деятельность малых предприятий, выступает низкая рентабельность их бизнеса. Так, в 2014 г. рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) равнялась 5,4%¹³, что на 2 п.п. больше, чем в 2010 г. (табл. 3). Для повышения рентабельности реализуемой продукции можно уменьшить ее себестоимость и наращивать объемы продаж. Однако вложения, направленные на снижение себестоимости, осуществляли лишь 8% предприятий [16].

Наибольший показатель рентабельности продаж в России в 2014 г. характерен для малых предприятий, функционирующих в сфере рыбоводства и рыболовства (26,9%), образования (15,8%) и операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг (12,9%).

Вместе с тем рентабельность активов малых предприятий составляла 1,8%, что соответствует уровню 2010 г. и на 0,7 п.п. меньше, чем в 2012 г. Значительное превышение процентной ставки за долгосрочные кредиты над величиной рентабельности активов свидетельствует о неудовлетворительном состоянии предприятий малого бизнеса.

За анализируемый период максимальная доля убыточных бизнесов фиксируется в 2010 г. — 20,7%, в 2011–2012 гг. наблюдается ее снижение до 17,7%, но к 2014 г. под

¹² Без микропредприятий.

¹³ Для сравнения: средняя рентабельность крупного бизнеса США составляет около 15%, а в ЕС этот показатель находится на уровне 7–8%, при этом рентабельность малого бизнеса в США и в Европе равняется 25 и 16% соответственно (источник: Какой самый доходный бизнес в России? [Эл. рес.]. — Реж. дост.: <http://iproopen.ru/biznes-idei/samyj-pribylnyj-biznes-v-rossii.html>).

¹¹ С учетом индекса потребительских цен (ИПЦ).

Таблица 3. Показатели финансового состояния предприятий
малого бизнеса, работающих на территории Российской Федерации

Показатель	Год					Изм. (6) к (2), %
	2010	2011	2012	2013	2014	
1	2	3	4	5	6	
Число прибыльных предприятий малого бизнеса, тыс. ед.	416,8	402,6	496	1082,1	1220	В 3 р.
Доля прибыльных предприятий в общем числе предприятий, %	79,3	81,3	82,3	80,5	79,7	0,4
Общая сумма прибыли, полученная малыми предприятиями, млрд. руб.	868,4	776,8	1256,2	2093,2	2548,6	В 3 р.
Число убыточных предприятий малого бизнеса, тыс. ед.	108,6	92,8	106,7	262,8	310,3	В 2,9 р.
Доля убыточных предприятий в общем числе предприятий, %	20,7	18,7	17,7	19,5	20,3	-0,4
Общая сумма убытка, полученная малыми предприятиями, млрд. руб.	332,4	302,6	306	656,2	1337,7	В 4 р.
Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг), %	3,4	3,7	3,7	5,3	5,4	2
Рентабельность активов, %	1,8	1,5	2,5	1,1	1,8	0
Коэффициент текущей ликвидности	109,4	130,4	111,9	295,8	173,3	63,9
Коэффициент автономии	50,5	49,0	46,4	14,9	28,5	-22
Источник: составлено по данным Федеральной службы государственной статистики [16].						

влиянием неблагоприятной макроэкономической конъюнктуры показатель вернулся на уровень 20,3%.

Общая сумма убытка малых предприятий за пять лет (2010–2014) составила 2934,8 млрд. рублей – показатель увеличился в четыре раза¹⁴. В 2010–2011 гг. общая прибыль превышала общий убыток в 2,5 раза, в 2012 г. – в 4,1, а в 2014 г. – в 1,9 раза. В числе причин, вызвавших увеличение убытков, можно назвать и стремление предприятий к минимизации налогов в сложных экономических условиях. Кроме того, финансовый убыток, даже на протяжении нескольких лет, может быть связан с развитием производства, но в этом случае должны расти и показатели капитальных вложений и вложений в долгосрочные активы, и расходы будущих периодов [37].

Значение коэффициента автономии имеет за последние пять лет отрицательную тенденцию. Наблюдавшиеся в 2012–

2014 гг. изменения показателя свидетельствуют об ослаблении финансовой прочности малых предприятий, их нестабильности и зависимости от внешних кредиторов, о снижении гарантии погашения обязательств и об ограничении доступа к кредитным ресурсам.

Анализ динамики коэффициента текущей ликвидности позволяет сделать вывод, что в 2014 г. он был больше единицы не по всем отраслям¹⁵. Его среднее общероссийское значение по субъектам малого предпринимательства, равное 173,3%, выше уровня 2010 г. на 63,9 п.п., но ниже, чем в 2013 г., на 122,5 п.п. Причем в 2013 г. показатель составлял 295,8%, что соответствовало международным нормативам.

¹⁵ Высокий финансовый риск непокрытия текущих обязательств отмечается в сфере добычи полезных ископаемых (90,3%), производства и распределения электроэнергии, газа и воды (89,1%), строительства (99,3%). Коэффициент чуть больше единицы был по следующим видам деятельности: предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (102,9%), транспорт и связь (102,3%).

¹⁴ Без учета ИПЦ.

При средней рентабельности продаж малых предприятий менее 6%, росте капитальных вложений в бизнес всего лишь на 8,4% и снижении коэффициента автономии на 22 п.п. можно говорить об увеличении зависимости малых предприятий от краткосрочных кредитов и займов. В то же время проблема доступности заемных финансовых ресурсов актуальна на протяжении всего жизненного цикла субъектов предпринимательства. Ужесточение денежно-кредитной политики на фоне кризиса и усиления неопределенности в экономике еще больше ограничило доступ этих субъектов к заемным ресурсам. Статистика Банка России свидетельствует о замедлении кредитования института малого предпринимательства (табл. 4).

Стоимость кредитов МСБ снижалась вслед за снижением ключевой ставки (рис. 4). Так, после постепенного снижения на протяжении 2015 г. ставки для субъектов МСБ в первом полугодии 2016 г. были стабильными и составляли 16,2–16,6% для краткосрочных и 15,9–16,4% для средне- и долгосрочных кредитов (рис. 5). Однако

уровень ставок для МСБ остается очень высоким, что объясняется и тем, что Центробанк кредитовал коммерческие банки под 12,5% (по состоянию на май 2015 г.; с 19 сентября 2016 г. ставка снижена до 10% [39]). Последние, добавляя еще свою маржу, кредитуют субъекты предпринимательства. Для сравнения: в США ключевая ставка находится на уровне 0,25%, в Великобритании – 0,5%, Японии – 0,1, Норвегии – 1,25, Австралии – 2,5% [20, 23].

Факторами, препятствующими расширению кредитования института МСБ, являются, в частности: отрицательная динамика рассмотренных ранее показателей, характеризующих финансово-экономическую деятельность малых предприятий; несоответствие рентабельности проектов размеру процентных ставок по кредитам; отсутствие ликвидных активов; ограниченные возможности залогового обеспечения и др., что обуславливает высокие кредитные риски. Нежелание кредитных организаций предоставлять кредиты субъектам МСБ объясняется и ростом задолженности по ранее выданным им кредитам [9]. Так,

Таблица 4. Объем кредитов, предоставленных юридическим лицам-резидентам и индивидуальным предпринимателям в 2009–2016 гг., рублей* (в текущих ценах)

Год	Объем предоставленных юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям кредитов (на 1 января следующего года), млн. руб.	В том числе объем кредитов, предоставленных СМСБ (без учета индивидуальных предпринимателей), на 1 января года, млн. руб.	Доля объема кредитов, предоставленных СМСБ (без учета индивидуальных предпринимателей) в общем объеме предоставленных юридическим лицам кредитов, %
2009	15759273	2622563	16,6
2010	17966469	4039836	22,5
2011	25436234	5301857	20,8
2012	27531130	6115976	22,2
2013	31582836	7073508	22,4
2014	33241362	6615201	19,9
2015	29995671	4773526	15,9
2016	16808251**	2584044**	15,4

* С учетом данных по государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)».
 ** Данные на 1 августа 2016 г.
 Источник: составлено по данным официального сайта ЦБ РФ [21, 22].

Рисунок 4. Динамика средневзвешенных процентных ставок по кредитам субъектов малого и среднего предпринимательства в рублях, указанной срочности (без учета ПАО «Сбербанк») в 2015–2016 гг., % [31]

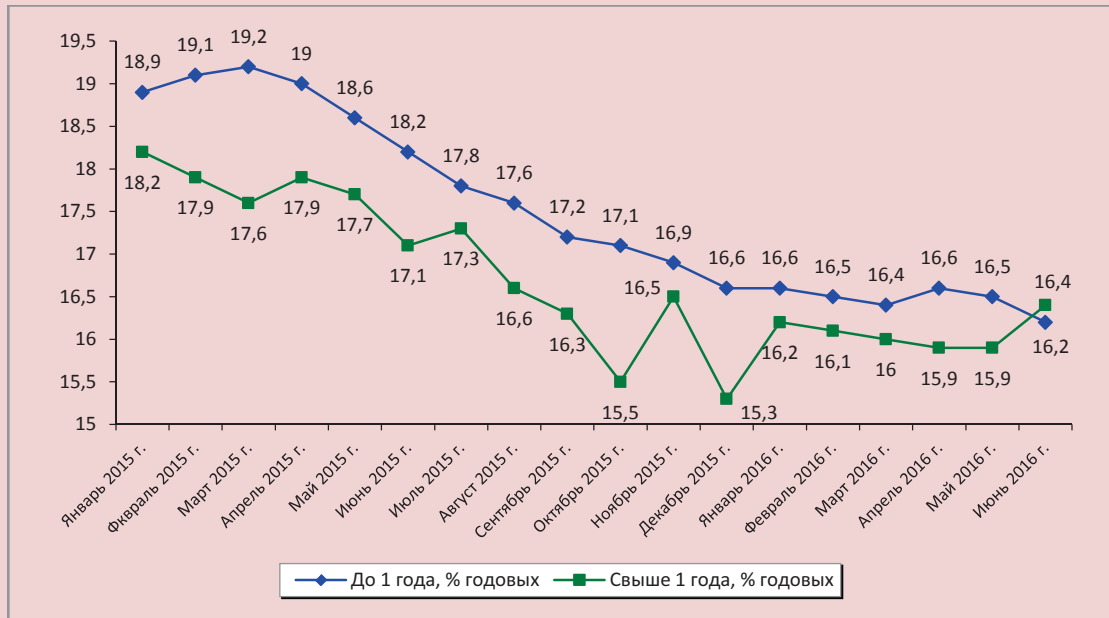
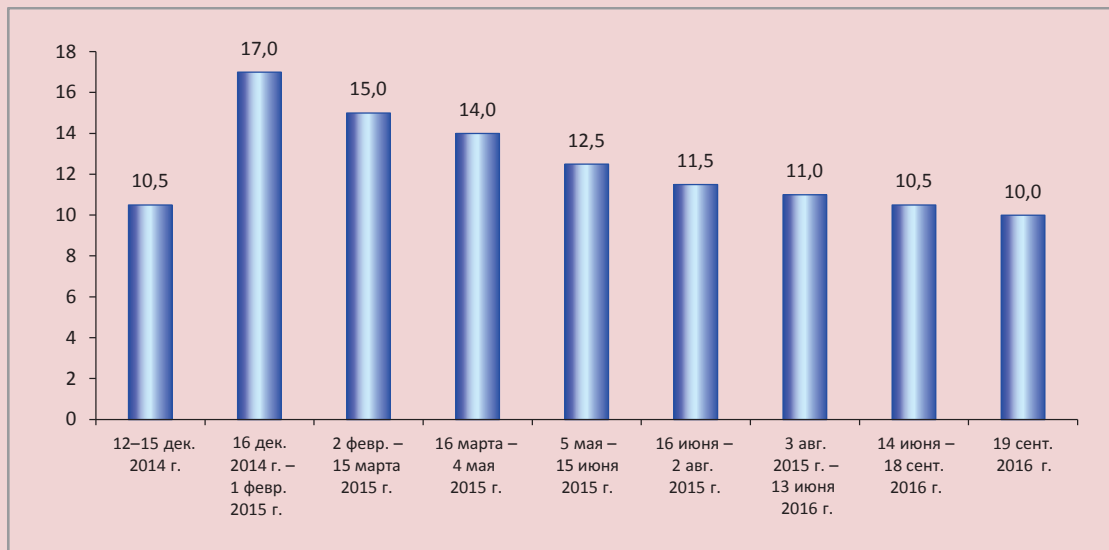

Рисунок 5. Динамика ключевой ставки ЦБ РФ [25]

Источник: составлено по данным МСБ Банк, ЦБ РФ.

с 2009 по 2013 г. наблюдалось ежегодное снижение просроченной задолженности, однако с 2014 г. началась обратная тенденция. Наибольший прирост просроченной задолженности образовался в 2015 г., когда ее объемы на конец года по сравнению с его началом выросли на 69%¹⁶.

Государственная финансовая поддержка и другие формы стимулирующего воздействия государства в условиях недостаточного доступа к кредитным и другим альтернативным финансовым ресурсам могут компенсировать их дефицит у рассматриваемого сегмента экономики. При этом государственная поддержка должна иметь своей целью обеспечение равных конкурентных условий. Для этого важно использовать имеющиеся механизмы, не создавая новых [2].

Исследование и обобщение тенденций развития сектора малого бизнеса за период 2000–2016 гг. позволяет сделать вывод о количественном увеличении ряда его показателей при отсутствии качественного развития. Причем рост оборота данного сектора экономики и числа занятых в нем вызван исключительно увеличением количества его субъектов и поэтому не имеет самостоятельного значения. Вместе с тем структура малого бизнеса характеризуется низким уровнем диверсификации: основную долю занимают торговля и услуги, доля обрабатывающих производств сократилась. Кроме того, на протяжении рассматриваемого периода остается невысоким уровень заработной платы работающих на малых предприятиях, недотягивающий до среднего по стране уровня. Подчеркнем, что потенциал института малого бизнеса не используется в полной мере для развития территорий.

¹⁶ Без учета инфляции.

Как необходимо отметить, сильное влияние на финансово-экономическое состояние сектора малого предпринимательства оказывают макроэкономические факторы, что выражается в ухудшении соответствующих показателей предприятий. Так, итоги их деятельности в 2015 г. в региональном разрезе можно рассматривать как негативные. В 37 регионах уменьшилось количество зарегистрированных малых предприятий¹⁷, в 61 регионе – среднесписочная численность занятых на малых предприятиях; объем оборота¹⁸ сократился в 76 регионах, объем инвестиций в основной капитал¹⁹ – в 60 регионах [6].

Таким образом, с одной стороны, малый бизнес является мобильным, быстро реагирующим на изменение условий функционирования, а с другой – зависимым от конъюнктуры рынка, динамики внешних социально-экономических и политических условий – факторов внешней среды.

Внешние факторы развития малых предприятий

Влияние внешних факторов на развитие малого бизнеса обосновывается и доказывается в работах отечественных и зарубежных ученых [1, 3, 5, 15, 30, 35, 38, 40, 41, 42, 44, 48]. Наши исследования [28] также подтверждают значительную зависимость развития малого бизнеса от факторов внешней среды.

Анализ внешней среды развития малого бизнеса можно провести с опорой на результаты различных международных мониторингов развития предпринимательства, индексов и мониторингов российских бизнес-ассоциаций, а также данные экспертных организаций: это Глобальный мониторинг предпринимательства [47]; Ведение

¹⁷ В расчете на 100 тыс. жителей.

¹⁸ С учетом ИПЦ.

¹⁹ С учетом ИПЦ.

бизнеса [45]; Состояние деловой среды и показатели деятельности предприятий [43]; Индекс «ОПОРЫ России» [11]; Индекс деловой среды РСПП [12]; Индекс качества условий для малого и среднего бизнеса ОАО «МСБ Банк» [13]; Опросы субъектов МСБ, проводимые АНО «Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства» [19] и др.

Хотя во всех этих исследованиях внимание акцентировалось на разных аспектах деятельности, отраслевых группах, регионах присутствия МСБ, обобщение их результатов свидетельствует о сохранении следующих ключевых факторов, негативно сказывающихся на развитии сектора.

Нестабильность законодательства в сфере налогообложения МСБ. С одной стороны, экспертами отмечается упрощение налогообложения для компаний, в частности: количество платежей в 2016 г. по сравнению с 2006 г. сократилось с 12 до 7; среднее затраченное время (часов в год) — с 448

до 168, а общая налоговая ставка в процентах от прибыли снизилась с 60 до 47,1% (табл. 5). С другой стороны, за последние годы были введены в действие нормативные правовые акты, ухудшившие финансовые условия развития сектора²⁰.

Многие предприниматели отмечают, что бизнес-планирование значительно осложняется с учетом невозможности прогнозирования изменения мер государственной фискальной политики даже на краткосрочную перспективу. В конечном счете данная ситуация приводит к увеличению занятости в неформальном секторе экономики. По оценке Росстата, с января по июнь 2013 г. (в период после принятия ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам обязательного пенсионного страхования») численность занятых в неформальном секторе увеличилась на 13%. Всего в 2013 г. в неформальном секторе было занято 14,7 млн. человек, или 19,4% от общей численности экономически активного населения.

Таблица 5. Изменения процедуры налогообложения в РФ в 2006, 2016 гг. [46]

Критерий	Россия			Европа и Центральная Азия	ОЭСР
	2006 г.	2016 г.	Δ 2016 г. к 2006 г.	2016 г.	
Платежи, количество в год	12	7	-5	19,2	11,1
Время, затраченное на подготовку, подачу отчетности и уплату (или удержание) налога, часов в год	448	168	-280	232,7	176,6
Общая налоговая ставка*, % прибыли	60	47,1	-12,9	34,8	41,2
Налоги на прибыль, % от прибыли	н/д	8,9	-	10,8	14,9
Зарплатные налоги и отчисления, % от прибыли	н/д	35,6	-	20,4	24,1
Другие налоги, % от прибыли	н/д	2,6	-	3,1	1,7

* Суммарная налоговая ставка показывает размер налогов и обязательных отчислений, которые должно уплачивать предприятие на второй год работы, и выражается как доля от ее коммерческой прибыли.

²⁰ ФЗ от 3 декабря 2012 г. №243-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам обязательного пенсионного страхования» с 1 января 2013 г. был увеличен фиксированный размер страхового взноса на обязательное пенсионное страхование в два раза (результатом данного решения стало значительное сокращение количества зарегистрированных индивидуальных предпринимателей в 2013 г.); ФЗ от 2 апреля 2014 г. №52-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса РФ и отдельные законодательные акты РФ» для организаций, перешедших на применение УСН и ЕНВД, вводится обязанность по уплате налога на имущество организаций в отношении объектов недвижимого имущества, налоговая база по которым определяется как их кадастровая стоимость (введение в действие повлечет за собой потенциальный рост налоговой нагрузки для 90% от числа микропредприятий в стране).

Еще одной ключевой проблемой МСБ остается сложность доступа к источникам финансирования деятельности. Несмотря на наличие целого ряда программ финансовой поддержки предприятий сектора МСБ, реализуемых Минэкономразвития России, институтами развития и другими структурами, ситуация с доступом к финансовым ресурсам остается для МСБ сложной.

Недостаток собственных финансовых средств предприятия выделяют в числе ключевого фактора, ограничивающего инвестиционную деятельность (52% опрошенных предприятий) [16]; отмечаются также высокая процентная ставка по коммерческому кредиту (29%) и сложность механизма получения кредитов для реализации инвестиционных проектов (16%). Следует отметить, что данная ситуация во многом является следствием общей ситуации на финансовых рынках.

Хотя в последние годы предпринимаются меры, в первую очередь в рамках Национальной предпринимательской инициативы [24], наблюдается сохранение высокого уровня административных барьеров, что подтверждается исследованиями «ОПОРЫ России», данными доклада

Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей [7].

Согласно данным опросов ИСЭРТ РАН, наибольшие трудности для предпринимателей в административном регулировании их деятельности представляют получение лицензий и разрешений; инспекторские проверки; получение разрешений на строительство; оформление прав на землю и вопросы, связанные с уплатой налогов (табл. 6).

Наиболее действенными мерами по устранению административных барьеров и улучшению ситуации, по мнению предпринимателей, являются: снижение предъявляемых требований, где это возможно (38% опрошенных²²); разработка четких и упорядоченных процедур и алгоритмов взаимодействия бизнеса с административными и контролирующими структурами (35%); переход от разрешительного порядка регистрации к уведомительному (21%); сокращение числа лицензируемых видов деятельности (20%).

К основным факторам, ограничивающим рост производства на малых предприятиях, также относятся: 1) проблемы нахождения рынков сбыта продукции, обусловленные невозможностью

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных направлений административного регулирования представляют наибольшие трудности?», в % от числа опрошенных (предприниматели могли выбрать несколько вариантов ответа)

Направления регулирования	%
1. Получение лицензий и разрешений	39
2. Инспекторские проверки	36
3. Получение разрешений на строительство	32
4. Вопросы, связанные с уплатой налогов	32
5. Оформление прав на недвижимость, землю и др.	33
6. Вопросы аренды земли, помещений, имущества и др.	31
7. Регистрация предприятия (индивидуального предпринимателя)	5
Источник: данные опросов ИСЭРТ РАН.	

²² Предприниматели могли выбрать несколько вариантов ответа.

конкуренции с крупными предприятиями; затруднением доступа субъектов естественных монополий к государственному заказу и к закупкам, сложностью выхода на внешние рынки; 2) неопределенность экономической ситуации; 3) недостаток собственных финансовых средств; 4) проблемы кадрового обеспечения (доступ к трудовым ресурсам требуемой квалификации); 5) проблемы доступности земли и недвижимости и др.

Исходя из выделенных нами проблем развития МСБ, к основным направлениям поддержки сектора можно отнести:

- совершенствование стратегических и тактических аспектов управления развитием малого и среднего бизнеса, включая проведение объективной оценки регулирующего воздействия при принятии актов в сфере налогообложения, при корректировке нормативных правовых актов, вводящих дополнительную финансовую нагрузку на субъекты МСБ, и введении механизмов, гарантирующих стабильные условия развития сектора и др.;

- разработку для малого и среднего бизнеса системы анализа уровня его развития и эффективности соответствующих применяемых мер;

- реализацию мероприятий по финансовой поддержке сектора МСБ, которые могут дать мультипликативный эффект;

при этом необходимо продолжать развивать такие механизмы, как микрофинансирование, факторинг, лизинг;

- сокращение неоправданных административных барьеров (необходимо развивать систему оценки фактического воздействия нормативных правовых актов на предпринимательскую деятельность);

- совершенствование механизмов обеспечения малых предприятий необходимыми ресурсами;

- развитие элементов инфраструктуры поддержки малого и среднего бизнеса;

- повышение эффективности системы государственных закупок и системы закупок субъектов естественных монополий и компаний с государственным участием;

- расширение мер поддержки экспортно ориентированных субъектов МСБ;

- стимулирование населения к занятости предпринимательством.

Реализация комплекса мероприятий в рамках данных направлений позволит достичь целевых показателей, намеченных в «Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 года» [32] и как результат максимально задействовать потенциал малого бизнеса для развития территорий повысив его вклад в ВВП с 20 до 40%, что будет соответствовать уровню развитых стран.

Литература

1. Басарева, В.Г. Институциональные особенности развития малого бизнеса в регионах России [Электронный ресурс] / В.Г. Басарева. – Режим доступа: http://www.eerc.ru/default/download/creator/working_papers/file/19374bce1732702a9ed47f3b01b5679475a571c4.pdf
2. Необходимые условия модернизации российской обрабатывающей промышленности на примере тяжелого машиностроения [Текст] / В.Н. Борисов, И.А. Буданов, А.К. Моисеев, В.С. Панфилов // Проблемы прогнозирования. – 2012. – №1. – С. 20-38.
3. Герчигова, И.Н. Менеджмент [Текст]: учебник / И.Н. Герчигова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ, 2003. – 501 с.
4. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в 2016 г. [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития РФ. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru>.

5. Гулин, К.А. Проблемы и перспективы развития малого предпринимательства [Текст] / К.А. Гулин, Е.А. Хамидулина. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2005. – 76 с.
6. Динамика развития малого предпринимательства в регионах России в 2015 г. [Текст]: ежеквартальный информационно-аналитический доклад. – М.: Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства, 2016. – 32 с.
7. Доклад Президенту РФ Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/>
8. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html>
9. Задолженность, в том числе просроченная, по кредитам, предоставленным субъектам малого и среднего предпринимательства в рублях, иностранной валюте и драгоценных металлах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?TbIID=302-19&pid=sors&sid=ITM_3703
10. Ильин, В.А. Экономическая политика Правительства РФ в условиях внутреннего системного кризиса [Текст] / В.А. Ильин // Материалы заседания Ученого совета ИСЭРТ РАН. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – 38 с.
11. Индекс «ОПОРЫ» RSBI [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://opora.ru/projects/index>
12. Индекс деловой среды [Электронный ресурс] / Российский союз промышленников и предпринимателей. – Режим доступа: <http://рспп.рф/library/section/5>
13. Индекс качества условий для малого и среднего бизнеса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mspsbank.ru>
14. Итоги деятельности Министерства экономического развития РФ в 2012 г. и задачи на 2013 г.: выступление Министра А.Р. Белоусова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://economy.gov.ru/mines/press/news/doc20130429_04
15. Кувалин, Д.Б. Российские предприятия весной 2015 г.: реакция на валютный шок и деятельность в условиях экономического спада [Текст] / Д.Б. Кувалин, А.К. Моисеев // Проблемы прогнозирования. – 2015. – № 6. – С. 146-161.
16. Малое и среднее предпринимательство в России. 2015 [Текст]: стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 96 с.
17. Малое предпринимательство в России. 2003 [Текст]: стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2003. – 109 с.
18. Минэкономразвития завершило конкурсный отбор субъектов РФ для предоставления субсидий в рамках поддержки МСБ [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития РФ. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/mines/about/structure/depMB/20160513>
19. Мониторинги [Электронный ресурс] / Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства. – Режим доступа: <http://nisse.ru/analytics/monitoring/>
20. Новости глобальной экономики. 15–21 августа 2016 г. [Электронный ресурс] / Сбербанк. – Режим доступа: sberbank.ru.
21. Объем кредитов, предоставленных юридическим лицам-резидентам и индивидуальным предпринимателям в рублях, по видам экономической деятельности и отдельным направлениям использования средств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?TbIID=302-01&pid=sors&sid=ITM_27910.
22. Объем кредитов, предоставленных субъектам малого и среднего предпринимательства в рублях, иностранной валюте и драгоценных металлах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?TbIID=302-17&pid=sors&sid=ITM_33769
23. Официальный сайт информационного агентства «МФД-ИнфоЦентр». – Режим доступа: <http://mfd.ru>.
24. Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. Национальная предпринимательская инициатива «Улучшение инвестиционного климата в Российской Федерации». – Режим доступа: <http://asi.ru>
25. Официальный сайт ЦБ РФ. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru>.
26. Предпринимательство в регионе: состояние, перспективы [Текст]: монография / С.В. Теребова, О.В. Подолякин, В.С. Усков, С.Ю. Егорихина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. – 160 с.
27. Ключевая ставка и ставка рефинансирования ЦБ РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10180094/#friends>

28. Построение многофакторной модели развития малого и среднего предпринимательства в регионе [Текст]: заключительный отчет о НИР / исполн. В.А. Ильин, С.В. Теребова, В.С. Усков. – Вологда, 2013. – 112 с. – Инв. № 02201357922.
29. Российский статистический ежегодник. 2015 [Текст]: стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 728 с.
30. Региональные особенности развития малого предпринимательства [Текст]: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. экон. наук: 08.00.05 / М.В. Солодков. – Иркутск, 1998. – 19 с.
31. Статистика кредитования малого и среднего бизнеса в России: бюллетень Аналитического центра. Август 2016 [Электронный ресурс] / МСБ Банк. – Режим доступа: https://www.mspbank.ru/analiticheskiy_tsentr/issledovaniya_i_analitika.
32. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] : утверждена распоряжением Правительства РФ от 2 июня 2016 г. №1083-р. – Режим доступа: <http://government.ru/media/files/jFDd9wbAbApxgEiHNaxHvEytq7hfPO96.pdf>
33. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике Российской Федерации в 1991 - 2016 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru
34. Теребова, С.В. Малый бизнес как фактор повышения уровня занятости и доходов населения региона [Текст] / С.В. Теребова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 5. – С. 112–122.
35. Тумилевич, Е.Н. Факторы и формы развития малого предпринимательства в регионе [Электронный ресурс] / Е.Н. Тумилевич. – Режим доступа: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/---ep12-01/343>
36. Федеральная служба государственной статистики: официальная статистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru
37. Федеральная налоговая служба: официальная статистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nalog.ru/rn77/news/archive/3776431/>
38. Хоскинг, А. Курс предпринимательства / А. Хоскинг; пер. с англ. – М.: Междунар. отношения, 1993. – 350 с.
39. Центробанк. Условия кредитования коммерческих банков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru/>
40. Bartik, T.J. Small business start-ups in the United States; Estimates of the effects of characteristics of states // Southern Economic Journal, 1989. – P. 1004-1018.
41. Blanchflower, D.G., Oswald A J. What makes an entrepreneur? // Journal of Labor Economics, 1998. – 16. – P. 26-60.
42. Baumol, W.J. Entrepreneurship: productive, unproductive, and destructive // Journal of Political Economy, 1990. – P. 216-234.
43. Business Environment and Enterprise Performance Survey [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ebrd-beeps.com>
44. Coase, R.H. The Nature of the Firm. *Economica*, New Series, Vol. 4, №16. (Nov., 1937), P. 386-405.
45. Doing Business. World Bank Group [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.doingbusiness.org/>
46. Doing Business in Russian Federation - World Bank Group [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.doingbusiness.org/data/exploreeconomies/russia/>
47. Global Entrepreneurship Monitor [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gemconsortium.org/>
48. Moyes, A., Westhead, P. Environments for new firm formation in Great Britain, *Regional Studies*, 1990. – P. 123-126.

Сведения об авторах

Светлана Викторовна Теребова – кандидат экономических наук, доцент, зав. Центром трансфера и коммерциализации технологий, Институт социально-экономического развития территорий РАН (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, svetlana-ter@mail.ru)

The Current State and Specifics of Small Business Development in Russia

Abstract. The formation of the small business sector is one of the most promising areas of the country's socio-economic development. In this regard, assessing formation dynamics and determining the problems and areas of development of the sector is of particular relevance. The purpose for the research is to analyze the current state and identify the peculiarities of small business development in Russia. To achieve this purpose the following statistical research methods have been used: data summary and grouping, calculation of integrative indicators (absolute, relative values), construction of dynamics series. The author also used general scientific methods such as generalization, induction, analysis and synthesis, etc. Based on statistical data with the use of these methods, the author analyzed tendencies of small businesses development in the context of indicators characterizing the dynamics of a number of small enterprises and their territorial distribution, sectoral structure, employment in the small business sector, enterprise financial and economic activity, their lending, etc. The research has helped conclude that there is a quantitative increase in a number of indicators for this economic sector, but the qualitative development is still not observed. The potential of small business institution is not being fully implemented for the development of territories. The research demonstrates that destructive processes in small business are largely associated with conditions in which companies operate, as well as external factors influencing them. Based on the results of various international and domestic monitoring studies of business and expert organizations, the key factors affecting its development have been distinguished. The study has identified its impact reduction areas, justified the necessity of stabilizing legislation (primarily in the tax area) and macro-economic balance. The research results may be used in the development of balanced state regional policy, as well as in drafting policy documents, planning strategic and operational activities aimed at developing small business in constituent entities of the Russian Federation. The prospects for further research work in this area are in assessing small business innovative potential.

Key words: small business, entrepreneurship development, territory.

References

1. Basareva V.G. *Institutsional'nye osobennosti razvitiya malogo biznesa v regionakh Rossii* [Institutional peculiarities of small business development in Russian regions]. Available at: http://www.eerc.ru/default/download/creator/working_papers/file/19374bce1732702a9ed47f3b01b5679475a571c4.pdf. (In Russian).
2. Borisov V.N., Budanov I.A., Moiseev A.K., Panfilov V.S. Neobkhodimye usloviya modernizatsii rossiiskoi obrabatyvayushchei promyshlennosti na primere tyazhelogo mashinostroeniya [The necessary conditions for modernizing Russian processing industry using the example of heavy machine building]. *Problemy prognozirovaniya* [Issues of forecasting], 2012, no. 1, pp. 20-38. (In Russian).
3. Gerchikova I.N. *Menedzhment: uchebnik* [Management: textbook]. 3rd edition, revised and updated. Moscow: YuNITI, 2003. 501 p. (In Russian).
4. Gosudarstvennaya podderzhka malogo i srednego predprinimatel'stva v 2016 g. [State support for small and medium business in 2016]. *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya RF* [Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: <http://economy.gov.ru>. (In Russian).
5. Gulin K.A., Khamidulina E.A. *Problemy i perspektivy razvitiya malogo predprinimatel'stva* [Issues and prospects of small business development]. Volodga: VNKTs TsEMI RAN, 2005. 76 p. (In Russian).
6. *Dinamika razvitiya malogo predprinimatel'stva v regionakh Rossii v 2015 g.: ezhekvartal'nyi informatsionno-analiticheskii doklad* [Small business development dynamics in Russian regions in 2015: quarterly information

- and analysis report]. Moscow: Natsional'nyi institut sistemnykh issledovaniy problem predprinimatel'stva, 2016. 32 p. (In Russian).
7. *Doklad Prezidentu RF Upolnomochennogo pri Prezidente RF po zashchite prav predprinimatelei* [Report to the RF President of Business Rights Commissioner of the RF President]. Available at: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/>. (In Russian).
  8. *Edinyi reestr sub"ektov malogo i srednego predprinimatel'stva* [Unified register of small and medium business units]. Available at: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html>. (In Russian).
  9. *Zadolzhennost', v tom chisle prosrochennaya, po kreditam, predostavlennym sub"ektam malogo i srednego predprinimatel'stva v rublyakh, inostrannoi valyute i dragotsennykh metallakh* [Indebtedness, including arrears, under credits granted to small and medium businesses in rubles, foreign currency and precious metals]. Available at: http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?TbIID=302-19&pid=sors&sid=ITM_3703. (In Russian).
  10. Piyin V.A. Ekonomicheskaya politika Pravitel'stva RF v usloviyakh vnutrennego sistemnogo krizisa [Economic policy of the Russian Government amid internal systemic crisis]. *Materialy zasedaniya Uchenogo soveta ISERT RAN* [Proceedings of the ISED RAS Academic Board meeting]. Vologda: ISERT RAN, 2016. 38 p. (In Russian).
  11. *Indeks «OPORY» RSBI* ["Support" RSBI index]. Available at: <http://opora.ru/projects/index>
  12. *Indeks delovoi sredy. Rossiiskii soyuz promyshlennikov i predprinimatelei* [Business environment index. Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs]. Available at: <http://rspp.rf/library/section/5>. (In Russian).
  13. *Indeks kachestva uslovii dlya malogo i srednego biznesa* [Small and medium business environment quality index]. Available at: <https://www.mspbank.ru>. (In Russian).
  14. *Itogi deyatelnosti Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya RF v 2012 g. i zadachi na 2013 g. Vystuplenie Ministra A.R. Belousova* [Results of activities of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation in 2012, objectives for 2013. Speech of Minister A.R. Belousov]. Available at: http://economy.gov.ru/minrec/press/news/doc20130429_04. (In Russian).
  15. Kovalin D.B., Moiseev A.K. Rossiiskie predpriyatiya vesnoi 2015 g.: reaktsiya na valyutnyi shok i deyatelnost' v usloviyakh ekonomicheskogo spada [Russian enterprises in spring 2015: reaction to exchange rate shock and activities amid economic regression]. *Problemy prognozirovaniya* [Issues of forecasting], 2015. no. 6, pp. 146–161. (In Russian).
  16. *Maloe i srednee predprinimatel'stvo v Rossii. 2015: stat. sb.* [Small and medium business in Russia: statistical book]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service]. Moscow, 2015. 96 p. (In Russian).
  17. *Maloe predprinimatel'stvo v Rossii. 2003: stat. sb.* [Small business in Russia 2003: statistical book]. *Goskomstat Rossii* [Central Statistical Administration]. Moscow, 2003. 109 p. (In Russian).
  18. Minekonomrazvitiya zavershilo konkursnyi otbor sub"ektov RF dlya predostavleniya subsidii v ramkakh podderzhki MSB. [Ministry of Economic Development has finished competitive selection of the RF constituent entities for granting a subsidy in the framework of small and medium business support]. *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya RF* [Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: <http://economy.gov.ru/minrec/about/structure/depMB/20160513>. (In Russian).
  19. *Monitoringi* [Monitoring studies]. *Natsional'nyi institut sistemnykh issledovaniy problem predprinimatel'stva* [National Institute for System Study of Entrepreneurship]. Available at: <http://nisse.ru/analytics/monitoring/>. (In Russian).
  20. *Novosti global'noi ekonomiki. 15 – 21 avgusta 2016 g. Sberbank* [News of global economics. 15–21 August, 2016. Sberbank]. Available at: sberbank.ru. (In Russian).
  21. *Ob"em kreditov, predostavlennykh yuridicheskim litsam-rezidentam i individual'nym predprinimatel'nyam v rublyakh, po vidam ekonomicheskoi deyatelnosti i ot del'nym napravleniyam ispol'zovaniya sredstv* [Amount of loans granted to resident entities and sole proprietors in rubles by type of economic activity and separate areas of resource use]. Available at: http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?TbIID=302-01&pid=sors&sid=ITM_27910. (In Russian).
  22. *Ob"em kreditov, predostavlennykh sub"ektam malogo i srednego predprinimatel'stva v rublyakh, inostrannoi valyute i dragotsennykh metallakh* [Amount of loans granted to small and medium business entities in rubles, foreign currencies and precious metals]. Available at: http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?TbIID=302-17&pid=sors&sid=ITM_33769. (In Russian).

23. *Ofitsial'nyi sait informatsionnogo agentstva «MFD-InfoTsentr»* [Official website of MFD-InfoTsentr Information Centre]. Available at: <http://mfd.ru>. (In Russian).
24. *Ofitsial'nyi sait Agentstva strategicheskikh initsiativ. Natsional'naya predprinimatel'skaya initsiativa «Uluchshenie investitsionnogo klimata v Rossiiskoi Federatsii»* [Official website of Agency for Strategic Initiatives. National entrepreneurship initiative "Improving investment environment in the Russian Federation"]. Available at: <http://asi.ru>. (In Russian).
25. *Ofitsial'nyi sait TsB RF* [Official website of the Central Bank of the Russian Federation]. Available at: <http://www.cbr.ru>. (In Russian).
26. Terebova S.V., Podolyakin O.V., Uskov V.S., Egorikhina S.Yu. *Predprinimatel'stvo v regione: sostoyanie, perspektivy: monografiya* [Entrepreneurship in a region: state, prospects: monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2011. 160 p. (In Russian).
27. *Klyuchevaya stavka i stavka refinansirovaniya TsB RF* [Bank of Russia key rate and interest rate]. Available at: <http://base.garant.ru/10180094/#friends>. (In Russian).
28. Ilyin V.A., Terebova S.V., Uskov V.S. *Postroenie mnogofaktornoj modeli razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva v regione: zaklyuchitel'nyi otchet o NIR* [Building a multi-factor small and medium business development model in a region: final research report]. Vologda, 2013. 112 p. (In Russian).
29. Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. 2015: stat. sb. [Russian statistical yearbook. 2015: statistical book]. Rosstat [Federal State Statistics Service]. Moscow, 2015. 728 p. (In Russian).
30. Solodkov M.V. *Regional'nye osobennosti razvitiya malogo predprinimatel'stva: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kand. ekon. nauk: 08.00.05* [Regional peculiarities of small business development: Ph.D. in Economics dissertation abstract]. Irkutsk, 1998. 19 p. (In Russian).
31. Statistika kreditovaniya malogo i srednego biznesa v Rossii: byulleten' Analiticheskogo tsentra. Avgust 2016 [Small and medium business lending statistics in Russia: bulletin of Analytical Centre. August, 2016]. MSB Bank. Available at: https://www.mspbank.ru/analiticheskiy_tsentr/issledovaniya_i_analitika. (In Russian).
32. *Strategiya razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda: utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 2 iyunya 2016 g. №1083-r* [Small and medium business development strategy in the Russian Federation up to 2030: approved by the RF Government Executive Order no. 1083-r, dated June 2nd, 2016]. Available at: <http://government.ru/media/files/jFDd9wbAbApxgEiHNaXHveytq7hfPO96.pdf>. (In Russian).
33. *Srednemesyachnaya nominal'naya nachislennaya zarabotnaya plata rabotnikov po polnomu krugu organizatsii v tselom po ekonomike Rossiiskoi Federatsii v 1991–2016 gg.* [Average monthly nominal wage of employees employed in organization and in the Russian economy in general in 1991–2016]. Available at: www.gks.ru. (In Russian).
34. Terebova S.V. *Malyi biznes kak faktor povysheniya urovnya zanyatosti i dokhodov naseleniya regiona* [Small business as the factor increasing the employment rate and incomes of the population]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2013, no. 5, pp. 112-122. (In Russian).
35. Tumilevich E.N. *Faktory i formy razvitiya malogo predprinimatel'stva v regione* [Small business development factors and forms in a region]. Available at: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/---ep12-01/343>. (In Russian).
36. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki: ofitsial'naya statistika* [Federal State Statistics Service: official statistics]. Available at: www.gks.ru. (In Russian).
37. *Federal'naya nalogovaya sluzhba: ofitsial'naya statistika* [Federal Tax Service of Russia: official statistics]. Available at: <https://www.nalog.ru/rn77/news/archive/3776431/>. (In Russian).
38. Hosking A. *Kurs predprinimatel'stva: per. s angl* []. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 1993. 350 p.
39. Tsentrobank. *Usloviya kreditovaniya kommercheskikh bankov* []. Available at: <http://www.cbr.ru/>
40. Bartik T.J. Small business start-ups in the United States; Estimates of the effects of characteristics of states. *Southern Economic Journal*, 1989, pp. 1004-1018.
41. Blanchflower D.G., Oswald A.J. What makes an entrepreneur? *Journal of Labor Economics*, 1998, no. 16, pp. 26-60.

42. Baumol W.J. Entrepreneurship: productive, unproductive, and destructive. *Journal of Political Economy*, 1990, pp. 216-234.
43. *Business Environment and Enterprise Performance Survey*. Available at: <http://ebrd-beeps.com>
44. Coase, R.H. The Nature of the Firm. *Economica*, New Series, Vol. 4, №16. (Nov., 1937), P. 386-405.
45. *Doing Business. World Bank Group*. Available at: <http://www.doingbusiness.org/>
46. *Doing Business in Russian Federation – World Bank Group*. Available at: <http://www.doingbusiness.org/data/exploreeconomies/russia/>
47. *Global Entrepreneurship Monitor*. Available at: <http://www.gemconsortium.org/>
48. Moyes A., Westhead P. Environments for new firm formation in Great Britain. *Regional Studies*, 1990, pp. 123-126.

Information about the Author

Svetlana Viktorovna Terebova – Ph.D. in Economics, Head of the Center for Technology Transfer and Commercialization, Institute of SocioEconomic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, svetlana-ter@mail.ru).

Статья поступила 14.11.2016.

DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.11

УДК 334.71, ББК 65.29

© Балдина Ю.В., Петрук Г.В., Лебединская Ю.С.

Государственно-частное предпринимательство как инструмент динамичного функционирования туристского кластера в условиях территорий опережающего развития (на примере Приморского края РФ)

**Юлия Васильевна
БАЛДИНА**

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41
yuliya.bal@mail.ru

**Галина Владимировна
ПЕТРУК**

кандидат педагогических наук
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41
pigenko_galina_8@mail.ru

**Юлия Сергеевна
ЛЕБЕДИНСКАЯ**

кандидат экономических наук
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41
juliaolga@yandex.ru

Для цитирования: Балдина, Ю.В. Государственно-частное предпринимательство как инструмент динамичного функционирования туристского кластера в условиях территорий опережающего развития (на примере Приморского края РФ) / Ю.В. Балдина, Г.В. Петрук, Ю.С. Лебединская // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 200-217. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.11

For citation: Baldina Yu.V., Petruk G.V., Lebedinskaya Yu.S. Public and private sector entrepreneurship as a tool of dynamic functioning of tourism cluster at the territories of outstripping development (case study of Primorsky Krai). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 200-217. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.11

Аннотация. Территории опережающего развития могут выступать площадкой для развития предпринимательства в сфере туризма, создавая более конкурентоспособную среду для осуществления предпринимательской деятельности по отношению к аналогичным территориям, функционирующим в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ключевыми принципами данных территорий являются кардинальное дерегулирование и масштабное налоговое стимулирование. В процессе создания территорий опережающего развития важную роль играет координация всех участников альянса, который включает федеральные правительственные и предпринимательские структуры. Цель работы состоит в разработке механизма функционирования туристского кластера на территориях опережающего развития посредством государственно-частного предпринимательства. В рамках поставленной цели решаются следующие задачи: анализ законодательства территорий опережающего развития, оценка состояния туристской отрасли и инфраструктуры, разработка механизма функционирования туристского кластера на территориях опережающего развития посредством такой формы государственно-частного предпринимательства, как государственный франчайзинг. В процессе исследования использованы методы экономико-статистический, сравнительного анализа, графического описания. В отличие от других исследователей, авторами применен комплексный подход к реализации механизма взаимодействия государственных и предпринимательских структур. В основу данного исследования положены законодательная база по функционированию территорий опережающего развития, кластерный подход на примере туристской отрасли Приморского края. В результате проведенного исследования выявлены особенности кластерного подхода для эффективного функционирования туристской отрасли, проанализирован туристский потенциал Приморского края, определены особенности использования государственно-частного предпринимательства для развития территорий опережающего развития. Выявлены отличия государственно-частного предпринимательства от государственного франчайзинга и аутсорсинга государственных услуг, что, несомненно, представляет научный интерес для исследователей данной проблемы. Предложенный механизм взаимодействия государственных и предпринимательских структур с элементами туристского кластера в форме государственного франчайзинга на территориях опережающего развития позволит вывести на международный уровень внутренний туристский продукт Приморского края. В основу данного механизма положено партнерство между государственным (Франчайзер) и предпринимательским (Франчайзи) сектором внутри туристского кластера, что в условиях территорий опережающего развития обеспечит приток инвестиций в развитие как туристских объектов, так и инфраструктуры, а также позволит поддержать малый и средний бизнес. В конечном итоге это приведет к реализации стратегических целей по развитию дальневосточных территорий в рамках государственной программы.

Ключевые слова: территории опережающего развития, туристский кластер, государственно-частное предпринимательство, государственный франчайзинг.

Введение

В настоящее время Правительство Российской Федерации сконцентрировало свое внимание на проблемах развития Дальнего Востока, территории стратегически важной как в военно-политическом, так и в экономическом аспекте. На 36%

площади территории России, занимаемой Дальним Востоком, сосредоточено огромное и разнообразное количество запасов полезных ископаемых, однако это сочетается с нарастающей депопуляцией населения, ресурсно-сырьевой ориентацией хозяйства, неразвитой инфраструктурой

(как транспортной, так и социальной) [17]. Экономика Дальнего Востока находится в прямой зависимости от общей ситуации в стране, а также от ситуации на рынках Азиатско-Тихоокеанского региона.

Одним из стратегических приоритетов государственной политики относительно поддержки развития Дальневосточного региона выбран механизм внедрения современных разработок бизнес-моделей в виде территорий опережающего развития (ТОР) и целевых инвестиционных проектов. В соответствии с Федеральным законом «О территориях опережающего социально-экономического развития» [13] в Российской Федерации, по поручению Президента РФ, на Дальнем Востоке создаются ТОР, где ключевыми принципами являются кардинальное дерегулирование и масштабное налоговое стимулирование. Статус резидента ТОР дает целый ряд преимуществ, среди которых освобождение его от налога на прибыль, на имущество, на землю, на протяжении первых пяти лет освобождение от ввозных и вывозных таможенных пошлин и НДС. Вместо 30% страховых взносов инвестор оплачивает всего 7,6% первые 10 лет и имеет право на бесплатное получение земли и готовой инфраструктуры для своего бизнеса, ускоренный порядок возврата НДС экспортера. Без согласия Минвостокразвития невозможно провести проверку резидента ТОР, созданы «одно окно» для инвестора, свободная таможенная зона, упрощенный государственный контроль, ускоренные и облегченные административные процедуры, в том числе получение разрешения на строительство, прохождения таможни.

Таким образом, сокращается время резидента на административные процедуры, все согласования проходят в упрощенной форме, снизилось налоговое бремя и, как следствие, бизнес становится эффектив-

нее. Кроме налоговых льгот, государство берет на себя обязательство создать необходимую инфраструктуру. Предусматривается введение большого числа механизмов дерегулирования, начиная от ограничений по организации проверок резидентов ТОР и заканчивая передачей всех вопросов административного и хозяйственного характера одному органу – управляющей компании. Предполагается, что данная мера позволит предложить более выгодные условия иностранным партнёрам, создаст более конкурентоспособную среду для ведения предпринимательской деятельности по отношению к аналогичным территориям, функционирующим в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В настоящее время на Дальнем Востоке определено 14 площадок для ТОР и 18 приоритетных инвестпроектов. Предполагается, что специализация территорий опережающего развития может иметь разнородный характер, причем в ряде случаев отдельные из них могут стать многофункциональными. Тем не менее наиболее перспективные проекты связаны с промышленностью и инфраструктурой, что неудивительно и отражает реальные направления развития Дальнего Востока. Отчетливо видно и намерение инициаторов ТОР использовать эти площадки для привлечения туристов.

Одним из опорных регионов Дальнего Востока является Приморский край, отличающийся выгодным геополитическим положением и уникальными рекреационными ресурсами. Именно в этой части планеты генерируются туристские потоки Азиатско-Тихоокеанского региона. В часовой доступности от г. Владивостока находится 400 миллионов потенциальных туристов, что создает перспективные возможности для туризма. Однако слабая инфраструктура края – недостаточное коли-

чество современных гостиниц, разбитые дороги, отсутствие удобных таможенных условий, очень малое количество подготовленных причалов для речного круизного туризма, судов, на которых можно возить пассажиров и туристов, – препятствует развитию туристского бизнеса [8, 14, 16, 19]. Преодолеть данные проблемы, эффективно и быстро наладить развитие туристского бизнеса на территориях опережающего развития, на наш взгляд, позволяет кластерный подход к развитию туризма, в основе которого лежит взаимодействие предпринимательских и государственных структур.

Таким образом, актуальность данной темы исследования продиктована противоречием между высокой социально-экономической значимостью территорий опережающего развития для успешного функционирования туристского кластера и недостаточно проработанным механизмом взаимодействия государственного и предпринимательского секторов экономики.

Поляризованное развитие территорий посредством формирования кластеров обусловлено тем, что регионы, как правило, обладают набором отраслей и предприятий, имеющих конкурентоспособный потенциал роста [11]. Тем самым образуются «полюса и точки роста», стимулирующие рост других предприятий и отраслей. За счет лидирующих отраслей порождается эффект агломерации, основанный на объединении в рамках определенной территории дополняющих друг друга видов деятельности («зоны влияния»). Формируемые кластеры имеют наилучшие условия для формирования и развития «полюсов роста». Территории опережающего развития в данном случае могут выступать комфортной площадкой для развития предпринимательства в сфере туризма.

Необходимо отметить, что в процессе создания ТОР важную роль играет координация всех участников альянса, включающего федеральные правительственные структуры и финансово-промышленные группы. Это подтверждает необходимость развития теоретической и методологической базы, а также разработки научно обоснованного механизма функционирования туристского кластера на территориях опережающего развития посредством государственно-частного предпринимательства, что и является целью данной работы.

Теоретическая и методологическая база исследования. Территории опережающего развития относятся к объектам с особым режимом функционирования предпринимательства, специфические особенности которых рассмотрены Н.В. Смородинской, А.Ф. Авдокушиным, С.А. Шаратовым и др. Теоретические и методологические вопросы функционирования туристского кластера исследовались в работах О.Д. Коль, Е.Г. Кропинова, А.Е. Бойко, А.А. Кизим, А.В. Митрофанова, О.В. Лысикова и др.

Преимущества кластера как симбиоза кооперации и конкуренции показаны в кратком обзоре работ: А.Г. Гусейнова, Е.В. Маркушиной, Ю.Б. Миндлина, С.А. Помитова, Е.Б. Ленчук, Г.А. Власкина.

В научной литературе исследованиям форм государственно-частного предпринимательства посвящено достаточно большое количество публикаций как зарубежных, так и российских исследователей, таких как В.Г. Варнавский, М.В. Вилисов, М.А. Дерябин, Дж. Бэйли, Л. Шарингер, С. Линдер и др.

Однако, в силу того что проблема взаимодействия государственного и предпринимательского секторов экономики является комплексной и многомерной, до сих

пор существует множество вопросов, требующих дальнейшей разработки. Так недостаточно раскрыты вопросы государственно-частного предпринимательства для успешного функционирования и развития туристского кластера, проблемы организационно-экономического взаимодействия государственных и предпринимательских структур в форме государственного франчайзинга. Всё это и актуализирует значимость исследований в данном направлении. Кроме того, не проработан на практике механизм функционирования ТОР, несмотря на принятие закона о них [13].

Исходя из вышеизложенного, довольно актуальную задачу в современных условиях представляет разработка механизма организационно-экономического взаимодействия государственных и предпринимательских хозяйствующих субъектов для эффективного функционирования туристского кластера на территориях опережающего развития.

Методология и инструментарий исследования базируются на анализе туристской отрасли Приморского края. К основным методам исследования можно отнести экономико-статистический, сравнительного анализа, графического описания. Выделение преимуществ кластерного подхода, их особенностей, свойств явлений, анализ и систематизация научного знания, форм взаимодействия государственного и предпринимательского секторов экономики основывается на применении теоретического анализа.

Преимущества применения кластерного подхода к развитию секторов экономики региона

Контент-анализ ряда научных теоретико-методологических исследований М. Портера, П. Сраффа, А. Томпсона, Й. Шумпетера, Г.Д. Боуш и др. позволяет

выделить следующие преимущества кластерного подхода:

1. Концентрация производства, наличие на ограниченной территории предприятий, выпускающих однотипную продукцию и конкурирующих между собой.

2. Концентрация инфраструктуры. Совместное использование производственной, инновационной и социальной инфраструктуры региона. Предприятия совместно развивают рынок труда, используют специализированные услуги (образование, здравоохранение, информационные, консалтинговые, транспортно-логистические и др.), получая совместные преимущества от близости и развитости инфраструктуры.

3. Экспортная ориентация. Кластер всегда ориентирован на выпуск конечного продукта, рассчитанного на вывоз, а не на удовлетворение потребностей самого региона. Нередко предприятия кластера действуют на внешних рынках совместно, что также усиливает их возможности и конкурентоспособность.

4. Конкуренция внутри кластера, которая является не просто обязательным признаком, а движущей силой его развития. М. Портер выводит простую зависимость: чем выше конкуренция в кластере, тем выше производительность труда, а следовательно, и конкурентоспособность кластера в целом [18].

Сбалансированное воздействие на развитие этих аспектов приводит к развитию не только самого кластера, но и региона в целом.

Кластеры обладают также большой способностью к нововведениям в силу следующих причин:

— благодаря концентрации в одном регионе участники кластера способны более адекватно и быстро реагировать на потребности покупателей;

- в рамках кластера облегчен доступ к новым технологиям;
- в инновационный процесс вовлечены и поставщики, и производители, и потребители, то есть все звенья технологической цепочки;
- снижаются издержки на НИР в результате межфирменной кооперации;
- восприятие инноваций ускоряется конкурентным давлением внутри самого кластера.

Не случайно в странах, лидирующих в инновационном развитии, политика в отношении инновационных кластеров служит предметом отдельного рассмотрения в процессе формирования экономической политики региона или страны. Успешное развитие инноваций в кластерах обусловлено тем, что соответствие специфическим отраслевым требованиям (усиление инновационной составляющей кластера) достигается за счет гибкой настройки самой кластерной инфраструктуры, способностью ее гибко реагировать на потребности рынка конечного продукта [3].

Ключевое преимущество кластера, основанное на территориальной концентрации как конечных производителей, так и необходимой инфраструктуры, позволяет гибко реагировать на потребности рынка и тем самым обеспечивать высокую конкурентоспособность конечного продукта. Активизация коммуникаций в кластере приведет к максимально быстрой адаптации инфраструктуры и всех его элементов к его потребностям.

Кластер, как сложная сетевая организация, способен к более быстрой и точной адаптации к условиям конкретных рынков и конкретной территории, на которой он осуществляет свою деятельность.

В силу указанных выше причин одним из наиболее востребованных в современной экономике методов, позволяющих

рассматривать регион в комплексе и взаимосвязях, становится кластерный подход, который дает следующие возможности:

- кластер позволяет рассматривать производство во всем комплексе его взаимосвязей (инфраструктура производства, потребления, сбыт);
- кластер позволяет сравнивать регионы между собой в глобальном масштабе и определять их конкурентоспособность, а также оценивать эффективность кластеров и регионов.

Анализ состояния ресурсного потенциала туристской отрасли Приморья

Приморский регион является одним из перспективных для развития внутреннего и въездного туризма (*табл. 1*). Геополитическое положение края определяет его ориентацию на страны АТР, которые уверенно увеличивают свою долю в туристских потоках мира.

Приморье ежегодно принимает туристов более чем из 50 стран мира, например из КНР, Республики Корея, США, Японии, КНДР и других. Причем в среднем свыше 80% въезжающих приходится на граждан КНР.

Туристский сектор экономики Приморья отличается мощным ресурсным потенциалом. Здесь имеется более двух тысяч археологических и исторических памятников. Их них 875 относятся к эпохе первобытнообщинного строя и Средневековья. По сосредоточению культурно-исторических объектов Приморский край занимает лидирующую позицию в Дальневосточном федеральном округе [12].

Территория Приморья уникальна, что, несомненно, привлекает любителей путешествий. Так, в крае располагаются 10 горных вершин и объектов альпинизма и скалолазания; 160 известных карстовых полостей (подземные лазы, ниши, гроты, пещеры), из которых порядка 40 являются

Таблица 1. Туристский поток Приморского края за 2008–2015 гг., человек

Показатели	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Прогноз 2015 г.
Иностранные туристы	67179	52952	67771	82414	95440	138900	191000	211152
Абсолютные изменения, +/-		-14227	14819	14643	13026	43460	52100	20152
Темпы роста, %		78,82	127,99	121,61	115,81	145,54	137,51	110,55
Внутренние туристы	529900	614900	786040	882200	755531	1390000	1639000	1950410
Абсолютные изменения, +/-		85000	171140	96160	-126669	634469	249000	311410
Темпы роста, %		116,04	127,83	112,23	85,64	183,98	117,91	119,00
Итого турпоток	597079	667852	853811	964614	850971	1528900	1830000	2161562
Абсолютные изменения, +/-		70773	185959	110803	-113643	677929	301100	331562
Темпы роста, %		111,85	127,84	112,98	88,22	179,67	119,69	118,12

Составлено по: Лебединская Ю.С. О политике Приморского края в сфере развития туристского кластера // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. – 2013. – № 3 (67). – С. 43–47.

объектами спелеотуризма. Объекты водного сплава – это 15 рек бассейна Японского моря с суммарной «сплавной» длиной около 500 км и 7 рек бассейна реки Усури с суммарной «сплавной» длиной около 400 км [4, с. 7]. Краеоведам и туристам известно более 30 водопадов и более 3000 озер. Кроме того, на территории региона учреждены национальные парки «Зов тигра» (Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2007 г. № 708-р) и «Удэгейская легенда» (Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2007 г. № 745-р); тринадцать государственных природных заповедников; шесть государственных природных заповедников, включая акваторию моря и озера Ханка, в которых сочетание тургайской и полтавской флоры создают неповторимость природы. Представляют несомненный интерес для отдыхающих ботанический сад ДВО РАН и Дендрарий горнотаежной станции им. академика В.Л. Комарова; санатории: «Садгород», «Амурский залив», «Приморье», «Океанский», «Лазурный», «Сокол», «Экспресс»; детский центр отдыха «Океан» и многие другие санаторно-курортные организации и турбазы региона.

В нем насчитывается 184 единицы государственных и общественных музеев, картинных галерей, галерей искусств; свыше 2000 единиц памятников истории и культуры (градостроительства, архитектуры, монументально-изобразительного искусства, археологии); 9 театров, 20 кинотеатров, 2 цирка, 1 океанариум; более 60 оркестров, концертных организаций, центров культуры; более 300 единиц досуговых учреждений, около 30 единиц крупных спортивных комплексов, 10 стадионов, 7 специализированных выставочных центров [4, с. 5]. В рамках общей концепции развития Приморского края расширяются возможности досугово-развлекательного сектора. Создание на территории острова Русский туристско-рекреационной особой экономической зоны (Распоряжение Правительства РФ от 31.03.2010 г. № 201) и на территории Артемовского городского округа игровой зоны «Приморье» (Распоряжение Правительства РФ от 20.08.2009 г. № 1213-р) дает новый импульс развитию развлекательной инфраструктуры.

Физическая инфраструктура края представлена сетью автомобильных и железных дорог, морских и речных путей. Регион является крупнейшим на Дальнем Востоке транспортным узлом с уникальным сочетанием практически всех видов транспорта.

Инфраструктура гостеприимства Приморья характеризуется активным развитием: приём туристов осуществляют около 450 предприятий.

Гостиничное хозяйство Приморского края в 2014 году насчитывало 242 предприятия [4]. Место региона в ДВФО по данному показателю и его динамика представлены в *таблице 2* [5].

Как видно из таблицы, по числу гостиниц он занимает в округе лидирующую позицию. В 2014 году оно увеличилось в 2,5 раза по сравнению с уровнем 2009 года. Общее число работников в сфере обслуживания коллективных средств размещения (КСР) края составляет около 6 тыс. чел. Инфраструктура оказываемых туристам услуг представлена сетью учреждений, среди которых более 200 баз отдыха, 151 гостиница, 23 санаторно-курортных учреждения, около 1100 предприятий питания, более 100 транспортных предприятий, осуществляющих пассажирские перевозки [6].

Однако необходимо отметить, что в районных центрах уровень предоставляемого гостиничного продукта не соответствует международным стандартам качества.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что туристско-рекреационные ресурсы и гостиничное хозяйство Приморья способствуют реализации его туристского потенциала, несмотря на существование ряда барьеров, препятствующих развитию туристической индустрии.

Так, транспортная инфраструктура слабо связана с туристской отраслью и предусматривает главным образом грузоперевозки. В большинстве федеральных документов, регулирующих развитие транспорта в Приморском крае, отсутствуют цели, отражающие содействие транспортных отраслей развитию региональной туристической сферы. В «Концепции развития транспорта РФ» предусмотрены международные транспортные коридоры (МТК), проходящие через территорию Приморского края (*табл. 3*) и ориентированные на грузопотоки, а не на пассажиропотоки, что значительно затрудняет въезд иностранных граждан морскими маршрутами. Большие трудности возникают с эксплуатацией портовых сооружений, особенно

Таблица 2. Число гостиниц и аналогичных средств размещения в ДВФО, ед.

Регин/область	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Республика Саха (Якутия)	104	98	109	121	129	137
Камчатский край	36	34	36	38	50	47
Приморский край	94	110	142	151	150	242
Хабаровский край	92	90	98	95	107	180
Амурская область	70	76	87	92	97	126
Магаданская область	15	14	12	17	18	22
Сахалинская область	59	56	56	58	54	55
Еврейская автономная область	9	9	8	7	8	9
Чукотский автономный округ	9	11	14	12	11	9

Составлено по: Индустрия гостеприимства в Приморском крае. 2013: стат. сб. / подг.: В.А. Агафонова, Н.Г. Баукова, М.И. Карпова, Л.Н. Кривобород, Е.А. Филонова. – М.: Приморскстат, 2014. – 40 с.

Таблица 3. Международные транспортные коридоры, проходящие через территорию Приморского края

Наименование	Маршрут	Специализация
Транссиб	Берлин – Варшава – Минск – Москва – Екатеринбург – Владивосток (Находка)	Международный транзит на направления Япония, Корея, Китай (Шанхай), Тайвань, страны Западной Европы, Ближний Восток, Афганистан
СМП (Северный морской путь)	Владивосток – Арктика – порты Европы	Сквозное движение судов для международного транзита
Приморье-1	Харбин – Суйфэньхэ – Пограничный – Владивосток (Находка/Восточный) – порты АТР	Обеспечение роста международной торговли с провинцией Хэйлунцзян, со странами АТР и морскими портами Южного Китая
	Суйфэньхэ – Пограничный – Уссурийск – Владивосток (Восточный/Находка)	
Приморье-2	Хуньчунь – Камышовая – Посыет (Зарубино) – порты АТР	Обеспечение внешнеторговых отношений с провинцией Цзилинь, со странами АТР и морскими портами Южного Китая
	Хуньчунь – Краскино – Посыет (Зарубино)	
Восток–Запад	Харбин – Пограничный – порт Восточный – порты западного побережья США	Обеспечение торговли северо-восточный провинций КНР и США
Транскорейская магистраль Транссиб	Пусан – Раджин – Хасан – Барановский – Транссиб	Обеспечение внешней торговли между Республикой Корея, КНДР и странами Западной и Восточной Европы

Составлено по: Паспорт Приморского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vladivostok.mid.ru/primorye.html>.

причалов. Преимущественно это изношенные железобетонные конструкции, не соответствующие современным техническим требованиям и зачастую небезопасные для пассажиров. Причалы в основном стоят на государственном балансе и не вовлечены в хозяйственный оборот, поэтому на их ремонт и реконструкцию не хватает финансирования из бюджетов. Данный факт тормозит развитие пассажирских и туристских перевозок. Визовый режим, действующий на территории края, также затрудняет приток иностранных туристов, поэтому для некоторых стан необходимо вести безвизовый режим или упростить визовый режим.

Немаловажное значение для развития туризма играет состояние транспортной системы региона.

Анализ показал, что состояние автомобильных дороги и иных транспортных артерий, предназначенных для туризма

внутри Приморского края, непригодно для комфортной перевозки пассажиров. Кроме того, отсутствует должное сервисное обслуживание туристов при перемещении вдоль туристского маршрута.

В целом наблюдается тяжелая ситуация с большей частью туристской инфраструктуры, имеющей тенденцию к сокращению. Так, за последние 10 лет количество культурно-досуговых учреждений снизилось на 125 единиц, а количество коллективов фольклорной, музыкальной, театральной и другой направленности – на 840 [7]. Устаревшая материально-техническая инфраструктура большинства санаторно-курортных учреждений, баз отдыха также характеризуется неудовлетворительным состоянием туристской инфраструктуры. Такое негативное положение, во-первых, связано с резким сокращением государственного финансирования на капиталъ-

ный ремонт, приобретение медицинского и бытового оборудования, во-вторых, с разрозненностью санаторно-курортной системы, не имеющей единой структуры и рассредоточенной между министерствами, ведомствами, общественными организациями и акционерными обществами, что определяет развитие санаторных учреждений с учетом интересов и возможностей собственника.

Таким образом, для функционирования туристского кластера на территориях опережающего развития необходим комплекс мер, реализация которого позволит создать развитую транспортную и культурно-досуговую инфраструктуру на основе партнерства государства и бизнеса.

Мы предлагаем использовать механизм взаимодействия государственного и предпринимательского секторов через государственный франчайзинг как форму государственно-частного предпринимательства.

Анализ форм взаимодействия государственного и предпринимательского секторов экономики

Требования рыночной среды заставляют сближать интересы государственного и предпринимательского секторов экономики. Это выражается в появлении различных форм взаимодействия (рис. 1).

Согласно данной схеме формы взаимодействия делятся на две группы: государственно-частное партнерство, к которому относятся концессионные соглашения, соглашения о разделе продукции и другие, и государственно-частное предпринимательство, которое включает государственный франчайзинг и аутсорсинг определенных управленческих функций государственных учреждений.

В таблице 4 представлены основные отличия государственно-частного партнерства от форм государственно-частного предпринимательства.

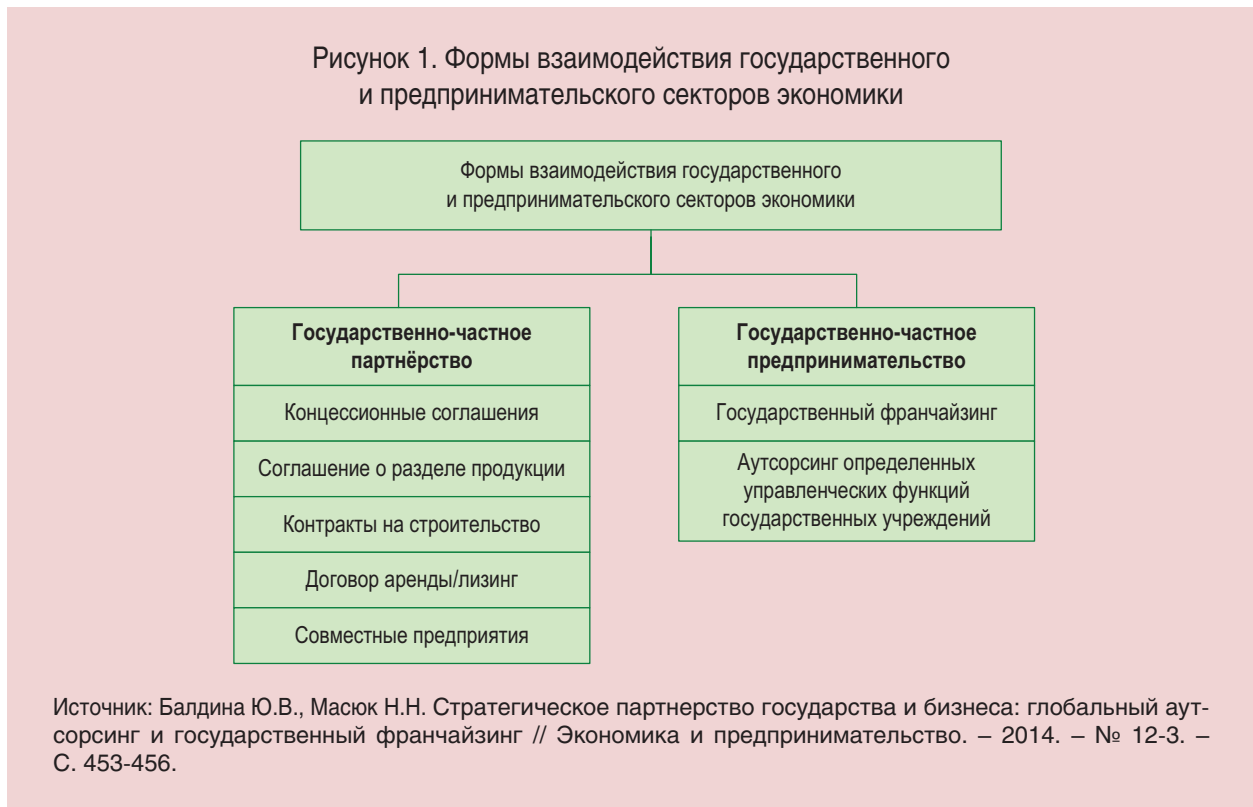

Таблица 4. Отличия проекта ГЧП от аутсорсинга государственных услуг и от государственного франчайзинга [9]

	ГЧП (концессия)	Государственный франчайзинг	Аутсорсинг государственных услуг
Партнеры государства	Крупный бизнес	Малые и средние частные компании	Малые и средние частные компании
Срок контракта	От 10 до 40-50 лет	3-10 лет (с правом продления)	1-3 года
Передача права госсобственности	На период действия контракта	На период действия контракта	Нет
Степень участия частных компаний	Управление готовыми проектами, а также строительство или капитальное преобразование	Управление готовыми инфраструктурными проектами	Управление готовыми инфраструктурными проектами
Управление рисками	Совместно государство и частные компании	Совместно государство и частные компании	Государство; частная компания управляет только рисками, потери прибыли

Из данной таблицы видно, что государственно-частное партнерство является формой партнерства с крупным бизнесом. Такие механизмы стратегического партнерства, как государственный франчайзинг и аутсорсинг государственных услуг, направлены на взаимодействие государственных структур с малым и средним предпринимательством [9].

Для привлечения малого и среднего предпринимательства в особо значимые в социально-экономическом смысле отрасли экономики и использования его потенциала в системе стратегического партнерства государства и бизнеса, в частности на территориях опережающего развития, целесообразно, на наш взгляд, применять государственно-частное предпринимательство как форму взаимодействия государственного и предпринимательского секторов экономики.

Данная форма основана: на инициативности и взаимовыгодности взаимодействия государственного и предпринимательского секторов экономики; направленности деятельности на значимые в социальном и экономическом смысле сектора экономики; патерналистском подхо-

де со стороны государства к предприятиям; снижению предпринимательских и инвестиционных рисков; ориентации деятельности предприятия на общественный спрос.

Таким образом, государственно-частное предпринимательство позволит предпринимательскому сектору (малым и средним предприятиям) снизить риски, получить поддержку государства, развить бизнес, а государственному сектору – увеличить долю малого и среднего предпринимательства в ВВП региона, решить вопрос занятости населения, повысить эффективность государственной политики в части поддержки и развития малого и среднего предпринимательства, обеспечить мотивацию предпринимательской активности в стратегически важных и социально значимых отраслях экономики.

К государственно-частному предпринимательству относится государственный франчайзинг, являющийся одной из форм взаимодействия государственных и предпринимательских структур для обеспечения динамичного функционирования туристского кластера на вновь созданной территории опережающего развития (см. рис. 1).

В число особенностей государственного франчайзинга входят: исключительное право на продукт у государственной структуры; особые характеристики продукта; установление льготных цен на продукцию и услуги предприятия-франчайзи; использование принципов и методов предпринимательского хозяйствования; поддержка и гарантии государственного сектора; привлечение малого и среднего предпринимательства в значимые в социальном и экономическом смысле отрасли.

Государственный франчайзинг как форма взаимодействия государственных и предпринимательских структур позволит им решить следующие задачи: государственному сектору и местной власти – обеспечить реализацию программы поддержки развития Дальневосточного региона через механизм создания территорий опережающего развития; создать условия роста в социально и экономически значимых отраслях за счет привлечения в качестве движущей силы малого и среднего предпринимательства с их ресурсами, в частности, для развития туристской отрасли Приморского края и Дальневосточного региона; создать новые рабочие места, что в условиях кризиса имеет огромное значение для региона; обеспечить поддержку малого и среднего предпринимательства; реализовать исполнительский ресурс в решении задач по импортозамещению; ускорить рост предпринимательской активности в туристской отрасли; малому и среднему предпринимательству – снизить риски и получить государственные гарантии при открытии нового бизнеса (покупка государственной франшизы); участвовать в социально и экономически значимых проектах; получить прибыль при минимальных затратах; использовать возможности свободного ведения бизнеса.

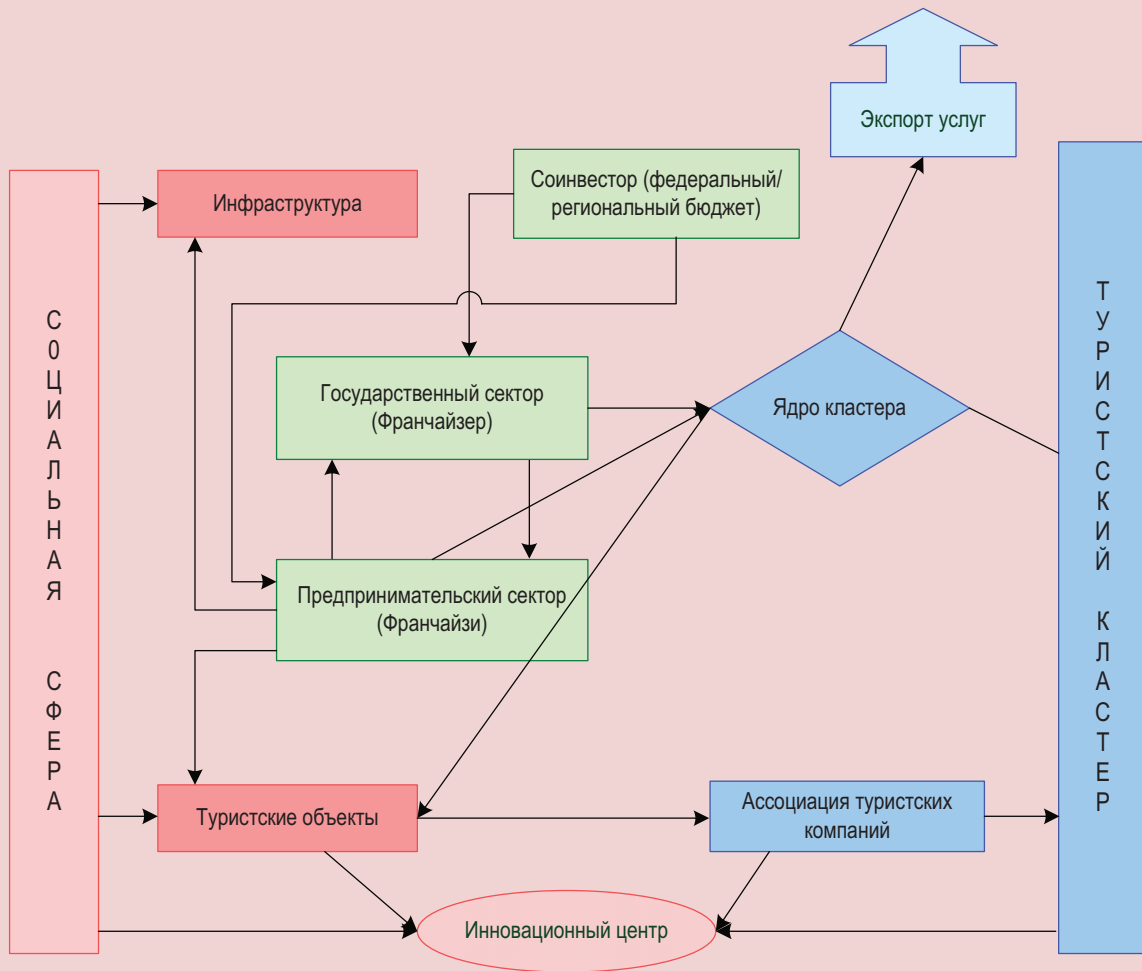
На *рисунке 2* представлен механизм организационно-экономического взаимодействия в сфере туризма государственных и предпринимательских структур на условиях государственного франчайзинга, что дает возможность туристскому кластеру эффективно функционировать на территориях опережающего развития в Приморском крае и в Дальневосточном регионе.

В основу данного механизма заложены взаимоотношения субъектов государственного сектора (франчайзер), которые обеспечивают субъектов предпринимательского сектора (франчайзи) торговой маркой, продуктом, маркетинговой поддержкой и т.п. профильных туроператоров Приморского края. Предпринимательский сектор, в свою очередь, сможет открыть новый или развивать имеющийся бизнес без риска и лишних вложений. Созданные в рамках ТОРов выгодные для инвесторов условия активизируют приток инвестиций в туристическую отрасль. Властные структуры (региональный, федеральный бюджет) выступают в качестве соинвестора и гарантирующего органа.

Связующим звеном и основным инструментом развития туристского кластера для соинвестора является социальная сфера, через управление которой реализуются мероприятия по управлению кластерным развитием [15].

Важным элементом предлагаемого механизма взаимодействия выступает инфраструктурное обеспечение, которое представляет собой систему управления предпринимательства и его жизнеобеспечения. Главным направлением совершенствования инфраструктурного обеспечения является защита интересов хозяйствующих субъектов в процессе подготовки и принятия решений государственными органами,

Рисунок 2. Механизм организационно-экономического взаимодействия государственных и предпринимательских структур на условиях государственного франчайзинга*

* Составлено авторами.

консультационными службами, оздоровление деятельности предпринимательских структур и прогнозирование вероятных последствий от внедрения предложений. Информационно-консультационная деятельность ориентирована на оказание помощи руководителю в различных вопросах, связанных с функционированием предпринимательской структуры.

Ассоциация и инновационный центр служат ключевыми элементами разработанного механизма взаимодействия социальной сферы с туристским кластером,

поскольку обеспечивают поиск наиболее оптимальных форм сотрудничества между государственным сектором (франчайзер) и предпринимательским сектором (франчайзи) внутри кластера.

Таким образом, предложенный механизм позволит увеличить вложения средств в развитие туристских объектов и инфраструктуры, что окажет благотворное влияние на туристский продукт Приморского края и даст возможность его внутреннему туризму выйти на международный уровень развития.

Кроме того, благодаря взаимодействию государственных и предпринимательских структур в форме государственного франчайзинга малое и среднее предпринимательство Приморского края будут вовлечены в туристский кластер, формируемый на территориях опережающего развития. В свою очередь, эти территории создадут особые условия для развития МСП, а разработанный нами механизм объединит возможности государственного и предпринимательского секторов в целях успешного развития туристского кластера как наиболее перспективной отрасли экономики края.

Заключение

Территории опережающего развития выступают комфортной площадкой для развития предпринимательства, в том числе и в сфере туризма. Статус резидента ТОП предполагает целый ряд преимуществ как для иностранных, так и для российских предпринимателей, что создает более конкурентоспособную среду для ведения бизнеса в регионе по отношению к аналогичным территориям Азиатско-Тихоокеанского региона.

Однако проблемы, обусловленные инфраструктурной слабостью Приморского края, препятствуют развитию туристского бизнеса. Преодолеть их, эффективно и бы-

стро наладив развитие туристского бизнеса на территориях опережающего развития, позволяет кластерный подход, в основе которого лежит взаимодействие предпринимательских и государственных структур. Поляризованное развитие территорий посредством формирования кластеров обусловлено тем, что регионы, как правило, обладают набором отраслей и предприятий, имеющих конкурентоспособный потенциал роста. Тем самым образуются «полюса и точки роста», стимулирующие рост других предприятий и отраслей. Формируемые кластеры имеют наилучшие условия для формирования и развития «полюсов роста». В процессе создания территорий опережающего развития важную роль играет координация всех участников альянса, который включает в себя государственные и предпринимательские структуры. Предложенный нами механизм взаимодействия государственных и предпринимательских структур с основными элементами туристского кластера на условиях государственного франчайзинга позволит комплексно подойти к реализации современной бизнес-модели территорий опережающего развития, эффективному развитию туристского кластера и поддержке малого и среднего предпринимательства в Дальневосточном регионе.

Литература

1. Балдина, Ю.В. Стратегическое партнерство государства и бизнеса: глобальный аутсорсинг и государственный франчайзинг / Ю.В. Балдина, Н.Н. Масюк // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 12-3. – С. 453-456.
2. Балдина, Ю.В. Формирование научного определения феномена «государственный франчайзинг» (на основе когнитивного метода двухуровневой триадической дешифровки) / Ю.В. Балдина // Научное обозрение. – 2015. – №13. – С. 279-282.
3. Боуш, Г.Д. Кластеры в экономике: научная теория, методология исследования, концепция управления / Г.Д. Боуш // Сер.: Научные труды кафедры международных экономических отношений Омского государственного университета. – Омск, 2013. – Вып. 7.

4. Государственная программа Приморского края «Развитие туризма в Приморском крае на 2013–2017 годы». – Владивосток, 2012. – С. 7.
5. Индустрия гостеприимства в Приморском крае. 2013: статистический сборник / подг. В.А. Агафонова, Н.Г. Байкова, М.И. Карпова, Л.Н. Кривооборот, Е.А. Филонова. – М.: Приморскстат, 2014. – 40 с.
6. Лебединская, Ю.С. Организационные механизмы использования возможностей социальной сферы для развития туристического кластера Приморья / Ю.С. Лебединская // Экономические науки. – 2014. – № 113. – С. 41-46.
7. Лебединская, Ю.С. О политике Приморского края в сфере развития туристского кластера / Ю.С. Лебединская // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. – 2013. – № 3 (67). – С. 43-47.
8. Лебединская, Ю.С. Организационная модель использования социальной сферы для развития туристического кластера Приморья / Ю.С. Лебединская // Успехи современного естествознания. – 2014. – № 5-2. – С. 141-144.
9. Мильшина, Ю.В. Механизмы управления проектами государственно-частного партнерства в условиях финансово-экономической нестабильности автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук/ Ю.В. Мильшина. – М.: ВШЭ, 2013.
10. Паспорт Приморского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vladivostok.mid.ru/primorye.html>.
11. Петрук, Г.В. Развитие понятийного аппарата знаниевого кластера / Г.В. Петрук // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2016. – № 1 (24) – С. 62-70.
12. Туристические ресурсы края ДВГИ ДВО РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fegi.ru/PRIMORYE/GEOGR/travel.ht>.
13. Федеральный закон от 29 декабря 2014 года №473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» // Российская газета. – 2014. – № 6571 (299). – 31 дек.
14. Шашло, Н.В. Формирование и оценка эффективности системы корпоративного управления в акционерных обществах Приморского края РФ / Н.В. Шашло // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2016. – № 1 (24). – С. 77-83.
15. Шашло, Н.В. Внешнеэкономическая политика России в условиях формирования многополярного мира / Н.В. Шашло, И.А. Крылова, А.А. Шингарева // Стратегии устойчивого развития национальной и мировой экономики: сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Челябинск, 10 ноября 2015 г.): в 2 ч. – Ч. 2. – Уфа: АЭТЕРНА, 2015. – С. 221-226.
16. Щур, В.В. Туризм. Перспективы развития на Юге Приморья / В.В. Щур // Материалы V Межрайонной конференции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.38samuraev.ru/index.php/turizm-v-primorskom-krae/73-perspektivy-razvitiya-turizma-v-primorskom-krae.html>.
17. Petruk G.V., Shestak O.I. and Vlasenko A.A. Contemporary State and Strategic Directions of Developing the Information Environment of the North-Eastern Regions in Russia (With the Kamchatka Region as an Example) // Journal of Internet Banking and Commerce. – 2015. – № S1. – С. 004.
18. Porter M.E. On competition. Boston: Harvard Business School Press, 1998. – 485 p.
19. Terenteva T. V. and Shumik E. G. Problems of Enterprise System Development in the Primorye Territory // Middle-East Journal of Scientific Research. 2013. – Т. 13. – № SPLISSUE. – С. 83-90.

Сведения об авторах

Юлия Васильевна Балдина – старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС) (690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41, yuliya.bal@mail.ru)

Галина Владимировна Петрук – кандидат педагогических наук, доцент, директор департамента научно-исследовательской деятельности, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС) (690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41, pigenko_galina_8@mail.ru)

Юлия Сергеевна Лебединская – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС) (690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41, juliaolga@yandex.ru)

Baldina Yu.V., Petruk G.V., Lebedinskaya Yu.S.

Public and Private Sector Entrepreneurship as a Tool of Dynamic Functioning of Tourism Cluster at the Territories of Outstripping Development (Case Study of Primorsky Krai, Russian Federation)

Abstract. Priority development areas (PDA) may serve as a basis for entrepreneurship development in tourism, creating a more competitive environment for entrepreneurial activities in relation to similar territories in the Pacific Rim. The key principles of these territories are radical deregulation and massive tax incentives. The process of creating priority development areas plays depends on the coordination of all members of the alliance which includes Federal government and business units. The purpose for the present study is to develop a mechanism of tourism cluster functioning in priority development areas through public and private sector entrepreneurship. In the framework of the set purpose the following objectives are fulfilled: the authors analyze the legislation of priority development areas; assess the current state of tourism and tourism infrastructure; develop a mechanism of tourism cluster functioning in priority development areas through one of the forms of public and private sector entrepreneurship – public franchising. During research the authors used methods of economic-statistical and comparative analysis, graphical description. Unlike other researchers, the authors applied an integrated approach to the implementation of the mechanism of state and business structures interaction. The research is based on the legislation on priority development areas functioning, the cluster approach on the example Primorsky Krai tourism. The research results revealed the peculiarities of the cluster approach application for efficient tourism functioning. The authors analyzed tourist potential of Primorsky Krai and identify the specifics of using public and private sector entrepreneurship for the development of priority development areas. The study reveals the differences between public and private sector entrepreneurship, public franchising and public service outsourcing, which is undoubtedly interesting for researchers of this issue. The proposed mechanism of interaction of state and business units with elements of the tourism cluster in the form of public franchising in priority development areas will bring the internal tourism product of Primorsky Krai to the international level. The mechanism is based on partnership of the state (the Franchisor) and business (the Franchisee) sector in the tourism cluster, which will ensure the inflow of investments in development of tourist attractions and infrastructure in priority development areas and support small and medium business. This will ultimately lead to the implementation of strategic goals for the development of the Far Eastern territories in the framework of the state program.

Key words: priority development areas, tourism cluster, public and private sector entrepreneurship, public franchising.

References

1. Baldina Yu.V., Masyuk N.N. Strategicheskoe partnerstvo gosudarstva i biznesa: global'nyi autorsing i gosudarstvennyi franchaizing [Strategic partnership of the state and business: global outsourcing and franchising of the state]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and entrepreneurship], 2014, no. 12(3), pp. 453-456. (In Russian).
2. Baldina Yu.V. Formirovanie nauchnogo opredeleniya fenomena "gosudarstvennyi franchaizing" (na osnove kognitivnogo metoda dvukhurovnevoi triadicheskoi deshifrovki) [Formation of a scientific definition of the phenomenon of "state franchising" (based on the cognitive method of two-level triadic decrypt)]. *Nauchnoe obozrenie* [Scientific review], 2015, no. 13, pp. 279-282. (In Russian).
3. Boush G.D. Klasteri v ekonomike: nauchnaya teoriya, metodologiya issledovaniya, kontseptsiya upravleniya [Clusters in the economy: scientific theory, research methodology, management concept]. *Ser.: Nauchnye trudy kafedry mezhdunarodnykh ekonomicheskikh otnoshenii Omskogo gosudarstvennogo universiteta* [Series: Scientific works of the Department of international economic relations, Omsk State University], 2013, no. 7. (In Russian).
4. *Gosudarstvennaya programma Primorskogo kraia "Razvitie turizma v Primorskom krae na 2013–2017 gody"* [State Program of Primorsky Krai "Development of tourism in Primorsky Krai" for 2013-2017]. Vladivostok, 2012. P. 7. (In Russian).
4. *Gosudarstvennaya programma Primorskogo kraia "Razvitie turizma v Primorskom krae" na 2013–2014 gody* [State Program of Primorsky Krai "Development of tourism in Primorsky Krai" for 2013-2014]. Available at: <http://www.pandia.ru/text/78/183/49599.php>. (In Russian).
5. Agafonova V.A., Baukova N.G., Karpova M.I., Krivoborod L.N., Filonova E.A. *Industriya gostepriimstva v Primorskom krae. 2013: statisticheskii sbornik* [The hospitality industry in Primorsky Krai. 2013: statistical collection]. Moscow: Primorskstat, 2014. 40 p. (In Russian).
6. Lebedinskaya Yu.C. Organizatsionnye mekhanizmy ispol'zovaniya vozmozhnostei sotsial'noi sfery dlya razvitiya turistskogo klastera Primor'ya [Institutional mechanisms for the use of the social sphere for the development of the tourism cluster in Primorsky Krai]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic sciences], 2014, no. 113, pp. 41-46. (In Russian).
7. Lebedinskaya Yu.S. O politike Primorskogo kraia v sfere razvitiya turistskogo klastera [About the policy of Primorsky Krai in the sphere of development of the tourism cluster]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Herald of Pacific State University of Economics], 2013, no. 3 (67), pp. 43-47. (In Russian).
8. Lebedinskaya Yu.S. Organizatsionnaya model' ispol'zovaniya sotsial'noi sfery dlya razvitiya turistskogo klastera Primor'ya [Organizational model for the use of the social sphere for the development of the tourism cluster]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* [Achievements of modern natural science], 2014, no. 5-2, pp. 141-144. (In Russian).
9. Mil'shina Yu.V. *Mekhanizmy upravleniya proektami gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v usloviyakh finansovo-ekonomicheskoi nestabil'nosti avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk* [Mechanisms for managing public-private partnership projects in terms of financial and economic instability: Ph.D. in Economics dissertation abstract]. Moscow: VShE, 2013. (In Russian).
10. *Pasport Primorskogo kraia* [Passport of Primorsky Krai]. Available at: <http://www.vladivostok.mid.ru/primorye.html>. (In Russian).
11. Petruk G.V. Razvitie ponyatiinogo apparata znanievogo klastera [Development of knowledge cluster definitions]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Science Vector of Togliatti State University. Series: Economics and Management], 2016, no. 1 (24), pp. 62-70. (In Russian).
12. *Turisticheskie resursy kraia DVGI DVO RAN* [Tourism resources of the krai, Far East Geological Institute, Far-Eastern Branch of RAS]. Available at: <http://www.fegi.ru/PRIMORYE/GEOGR/travel.ht>. (In Russian).
13. Federal'nyi zakon ot 29 dekabrya 2014 goda №473-FZ "O territoriyakh operezhayushchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v Rossiiskoi Federatsii" [Federal law dated December 29, 2014 No. 473-FZ "About the territories of advancing socio-economic development in the Russian Federation"]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 2014, no. 6571 (299), December 31. (In Russian).
14. Shashlo N.V. Formirovanie i otsenka effektivnosti sistemy korporativnogo upravleniya v aktsionernykh obshchestvakh Primorskogo kraia RF [Forming and assessment of the corporate management system effectiveness in the stock companies of Russian Federation Primorsky Krai]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo*

- gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Science Vector of Togliatti State University. Series: Economics and Management], 2016, no. 1 (24), pp. 77–83. (In Russian).
15. Shashlo N.V., Krylova I.A., Shingareva A.A. Vneshneekonomicheskaya politika Rossii v usloviyakh formirovaniya mnogopolyarnogo mira [Foreign economic policy of Russia in the conditions of formation of the multipolar world]. *Strategii ustoichivogo razvitiya natsional'noi i mirovoi ekonomiki: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Chelyabinsk, 10 noyabrya 2015 g.): v 2 ch. – Ch. 2* [Sustainable development strategies for the national and world economy: proceedings of the international scientific-practical conference (Chelyabinsk, November 10, 2015): in two parts. Part 2]. Ufa: AETERNA, 2015. Pp. 221–226. (In Russian).
  16. Shchur V.V. Turizm. Perspektivy razvitiya na Yuge Primor'ya [Tourism. Prospects for development in the South of Primorsk Krai]. *Materialy V Mezhraionnoi konferentsii* [Proceedings of the 5th interregional conference]. Available at: <http://www.38samuraev.ru/index.php/turizm-v-primorsk-krae/73-perspektivy-razvitija-turizma-v-primorsk-krae.html>. (In Russian).
  17. Petruk G.V., Shestak O.I. and Vlasenko A.A. Contemporary State and Strategic Directions of Developing the Information Environment of the North-Eastern Regions in Russia (With the Kamchatka Region as an Example). *Journal of Internet Banking and Commerce*, 2015, no. S1, p. 004. (In Russian).
  18. Porter M.E. *On competition*. Boston: Harvard Business School Press, 1998. 485 p.
  19. Terenteva T.V., Shumik E.G. Problems of Enterprise System Development in the Primorye Territory. *Middle-East Journal of Scientific Research*, 2013, vol. 13, no. SPLISSUE, pp. 83–90.

Information about the Authors

Yuliya Vasil'evna Baldina – Senior Lecturer at the Department for Management and Economics, Vladivostok State University of Economics and Service (41, Gogol Street, Vladivostok, 690014, Primorsky Krai, Russian Federation, yuliya.bal@mail.ru)

Galina Vladimirovna Petruk – Ph.D. in Education, Associate Professor, Director at the Department for Research, Vladivostok State University of Economics and Service (41, Gogol Street, Vladivostok, 690014, Primorsky Krai, Russian Federation, pigenko_galina_8@mail.ru)

Yuliya Sergeevna Lebedinskaya – Ph.D. in Economics, Senior Lecturer at the Department for Management and Economics, Vladivostok State University of Economics and Service (41, Gogol Street, Vladivostok, 690014, Primorsky Krai, Russian Federation, juliaolga@yandex.ru)

Статья поступила 11.07.2016.

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.12

УДК 332.14, ББК 65.9(2Рос)

© Татаркин Д.А., Сидорова Е.Н., Трынов А.В.

Моделирование структурных изменений экономики региона на основе матрицы финансовых потоков*

**Денис Александрович
ТАТАРКИН**

кандидат экономических наук
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
tatarkin@mail.ru

**Елена Николаевна
СИДОРОВА**

кандидат экономических наук
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
katelen@mail.ru

**Александр Валерьевич
ТРЫНОВ**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
trynovv@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 15-06-08932 и программы УрО РАН № 15-14-7-2.

Для цитирования: Татаркин, Д.А. Моделирование структурных изменений экономики региона на основе матрицы финансовых потоков / Д.А. Татаркин, Е.Н. Сидорова, А.В. Трынов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 218-234. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.12

For citation: Tatarkin D.A., Sidorova E.N., Trynov A.V. Simulation of structural changes in the region's economy based on the matrix of financial flows. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 218-234. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.12

Аннотация. Статья посвящена совершенствованию инструментария оценки влияния экзогенных факторов на структуру региональной экономики. В отличие от предыдущих работ, анализ проводится с учетом не только краткосрочных мультипликативных эффектов, но и изменений значений мультипликаторов, показывающих чувствительность/эластичность экономической системы региона к экзогенным воздействиям в долгосрочной перспективе. Структурные изменения анализируются на примере оценки влияния финансовых мер государственной политики импортозамещения в регионе. В статье представлена методика оценки мультипликативных эффектов, основанная на балансовом подходе и методологии системы национальных счетов, отличительной особенностью которых является отражение воспроизводственной структуры институциональных секторов региона во взаимосвязи с импортно-экспортными потоками. На примере Свердловской области продемонстрированы возможности использования методики при прогнозировании изменения ключевых экономических показателей региона (заработной платы, валовой прибыли, налоговых поступлений в консолидированный региональный бюджет, расходов на конечное потребление и др.). На основе обновленной матрицы финансовых потоков за 2014 год рассчитаны три сценария структурных изменений экономики региона, детерминирующих различные изменения мультипликаторов. С разработкой методики оценки мультипликативных эффектов на основе построения матрицы финансовых потоков региона появляется возможность, во-первых, оценивать не только прямые, но и косвенные экономические эффекты, возникающие в процессе реализации государственных мер по импортозамещению. Во-вторых, анализировать эффективность программ по импортозамещению с учетом особенностей воспроизводственной структуры территориальных образований и тем самым выявлять в каждом регионе те отрасли, которые могут обеспечить наибольший мультипликативный экономический эффект. В-третьих, повысить объективность сопоставления финансовых затрат и результатов, связанных с реализацией мер по импортозамещению, с потенциальными выгодами от инвестирования данных средств в альтернативные проекты. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях эффективности реализации государственной политики импортозамещения и модернизации экономики субъектов Федерации.

Ключевые слова: региональное развитие, модернизация, импортозамещение, мультипликативный эффект, матрица финансовых потоков, балансовая модель, сценарное моделирование.

Проводимые в России экономические преобразования зачастую слабо проработаны и не учитывают множество факторов, влияющих на динамику экономических процессов. Государственные управленческие решения нередко являются ответной реакцией на непредвиденное развитие экономической ситуации, носят вынужденный и неадекватный характер. Аналогичная ситуация повторилась и с программой по импортозамещению, которая была вынужденной мерой, призванной обеспечить выпуск продукции, импорт которой стал невозможен из-за осложнившейся

внешнеполитической обстановки и взаимного введения торговых и экономических ограничений со стороны России и ряда зарубежных государств. В разработанных и принятых в кратчайшие сроки программах были недостаточно проработаны вопросы оценки экономических эффектов. По нашему мнению, необходимо проведение сценарных расчётов последствий принимаемых органами власти решений, в первую очередь с использованием экономико-математических моделей, способных отвечать на вопрос «что будет, если..?»

Процесс импортозамещения порождает различные экономические эффекты, которые можно разделить на прямые и косвенные. Прямые эффекты выражаются в изменении стоимости товаров для российских потребителей. Если цена на товары отечественного производства окажется ниже (при допущении, что их качество будет идентично импортным аналогам), общество экономит часть ресурсов, которые можно направить на потребление других товаров или на инвестирование. И наоборот, если цена товара отечественного производства окажется выше, общество в целом понесёт убытки. Косвенные эффекты от импортозамещения выражаются в оживлении смежных отраслей экономики, создании дополнительных рабочих мест, росте конечного потребления и увеличении налоговых поступлений [11]. Наряду с данными эффектами, являющимися по сути краткосрочными, возникают более долгосрочные эффекты, характеризующие структурные изменения в социально-экономической системе. В качестве таких изменений можно выделить снижение ресурсоемкости экономики, рост производительности труда, снижение импортозависимости и повышение финансовой устойчивости.

Один из перспективных инструментов количественной оценки эффектов, возникающих от действий органов государственного управления, в настоящее время представляет класс экономико-математических моделей – вычислимых балансовых моделей общего равновесия, построенных на основе матрицы социальных счетов/матриц финансовых потоков (МФП). Данный класс моделей позволяет найти подходы к решению широкого круга задач, относящихся в основном к государственному регулированию экономики.

Следует отметить, что первые балансовые эмпирические модели появились еще в 20–30-х годах XX в. Среди научных исследований в этой области широкую известность приобрели работы нобелевских лауреатов по экономике В. Леонтьева [5], Л.В. Канторовича [4], Р. Стоуна [21] и ряда других выдающихся учёных. Авторы на основе межотраслевого баланса пытались объяснить уровень и динамику стоимости благ и факторов производства, зависимость структуры внешней торговли от уровня относительной обеспеченности экономики страны основными факторами производства, воздействие на структуру экономики и её развитие технического прогресса и др. В дальнейшем в зарубежной практике наибольшее распространение получила модифицированная модель межотраслевого баланса – Матрицы Социальных Счетов (Social Accounting Matrix – SAM) или, другими словами, матрицы финансовых потоков. В отличие от стандартной модели межотраслевого баланса в МФП, наряду с промежуточным и конечным потреблением, валовой добавленной стоимостью дополнительно рассматриваются трансфертные платежи между институциональными секторами (домашними хозяйствами, фирмами и правительством), а также распределение факторных платежей внутри каждого сектора [10, с. 65]. Основы использования МФП как эффективного инструмента в изучении структуры экономической системы, особенностей воспроизводственного процесса, формирования и распространения мультипликативных эффектов были заложены в работах Р. Стоуна [21], Г. Пьятта, Дж. Раунда [17, 18], Е. Торбэка, Дж. Дефорни [14] и др.

В настоящее время особую актуальность приобрели исследования, направленные на повышение точности и досто-

верности расчетов структурных элементов МФП. Для этих целей используются различные методы статистического анализа, методы математического моделирования и симулирования поведения экономических агентов. В данном направлении можно выделить работу Д. Го, посвящённую оценке параметров МФП с использованием Байесовой кросс-энтропии [15], и работу П.Л. Скандицо [20]. Кроме того, активно развивается направление по интеграции моделей общего экономического равновесия с моделями других типов. В частности, коллектив авторов под руководством академика Макарова дополнил методологию построения балансовых моделей с помощью теоретико-игровых и нейросетевых моделей поведения и взаимодействия экономических агентов [6]. В этом направлении можно выделить также работу М-К. Кима и Т. Харриса [16], в которой анализ на основе МФП дополнен классической моделью линейной оптимизации.

В последние годы в России появился ряд публикаций посвященных исследованию регионов РФ с помощью МФП. Были разработаны модели Калининградской [9], Новосибирской [7], Челябинской, Курганской областей, Хабаровского [2] и Краснодарского края и других субъектов Федерации. МФП регионов применялась для решения практических задач, в том числе для оценки финансовой устойчивости территорий [8], оценки влияния федеральной налогово-бюджетной политики на региональную экономику [10] и социально-экономическое положение домашних хозяйств с различным уровнем располагаемых ежемесячных доходов [1]. Необходимо отметить работу Е.А. Захарчук и А.Ф. Пасынкова [3], в которой исследованы теоретико-методологические возможности и предложен авторский подход

к построению балансовых моделей муниципальных образований. В зарубежной практике МФП также используется для решения широкого круга практических вопросов. Из работ последних лет можно отметить статью Саафи [19], где оценивается изменение уровня дохода разных социальных групп в зависимости от изменения мировых цен на нефть, статью А. Акмелика [12], в которой оценивается влияние роста внутренних цен на электроэнергию, а также уже упомянутую выше статью М-К. Кима [16], где с помощью МФП оцениваются экономические последствия лесных пожаров.

Несмотря на то, что теоретико-методологические и методические аспекты построения и использования МФП достаточно подробно описаны в научной литературе, особого внимания требует адаптация данной модели к существующей в России системе регионального статистического учета. В работах [10, 11] нами представлена методика формирования МФП на региональном уровне, составлена МФП Свердловской области.

В данной статье предложена методика оценки мультипликативных эффектов от реализации финансовых мер государственной программы по импортозамещению. В отличие от предыдущих работ, оценку реализации государственных мер мы предлагаем проводить с учетом не только краткосрочных мультипликативных эффектов, но и изменений значений мультипликаторов, имеющих более долгосрочные последствия.

Методика содержит четыре этапа.

Первый этап – анализ текущей экономической ситуации в регионе и построение балансовой экономико-математической модели, описывающей структуру, параметры и взаимодействие институцио-

нальных секторов. В качестве такой модели предлагается использование матрицы финансовых потоков. В МФП интегрируются статистические данные из различных открытых источников (Росстат, региональные органы статистики, федеральной налоговой системы, федерального казначейства и др.). Рассмотрение изменений показателей МФП в динамике позволяет говорить о реакции ключевых экономических субъектов на изменение внешних (экзогенных) условий.

На втором этапе проводятся сценарные расчёты изменения элементов МФП на основе изменений ее структуры, которые могут произойти в результате реализации конкретных государственных мер по импортозамещению. Экономическая система региона состоит из ряда взаимосвязанных секторов, каждый из которых характеризуется общим выпуском продукции и комбинацией затрат, необходимой для производства этой продукции, включая затраты на рабочую силу разного уровня квалификации. Предприятия и организации, относящиеся к различным секторам экономики, в процессе хозяйственной деятельности используют машины, инструменты и человеческий труд, с помощью которых производят из материальных ресурсов (промежуточного потребления) конечную продукцию. Модернизация зданий и оборудования в рамках реализации мер по программе импортозамещения влияет на процесс производства, изменяя как состав затрат на производимую продукцию, так и непосредственно сам ассортимент выпускаемых товаров. Данный процесс предполагает, что часть имеющихся зданий, сооружений и оборудования периодически замещается с целью потенциального увеличения выпуска продукции в будущем. При этом в растущей экономике новые

технологии обычно сначала воплощаются во вновь произведенном капитальном оборудовании, специально устанавливаемом для расширения существующих мощностей, и, конечно, в профессиональном составе рабочей силы, которая работает с физическим капиталом и другими вводимыми ресурсами. В результате модернизация производственного оборудования и внедрение новых технологий приводят к изменению технологической матрицы и доли промежуточного потребления в валовом выпуске продукции. Увеличение доли добавленной стоимости в выпуске дает возможность высвободить определенный объем производственных ресурсов (труда и капитала) и направить его на создание товаров конечного потребления или импортозамещение.

Таким образом, на втором этапе проводится оценка потенциальных изменений в структуре МФП – изменений соотношения добавленной стоимости и промежуточного потребления в валовом выпуске, доли импортных товаров и услуг в промежуточном и конечном потреблении. На основе представленного анализа формируется расчётная матрица средних склонностей.

Технически второй этап содержит следующие действия. При проведении сценарных расчётов изменяется один или несколько параметров матрицы средних склонностей МФП, что отражает структурные изменения в экономике региона, вызванные действиями государственных органов управления. Далее, в модель подставляется планируемый с учетом реализации программы по импортозамещению объём валового выпуска и запускается процесс пересчёта. Итерации производятся до момента совпадения суммы доходов и расходов каждого счёта МФП.

На третьем этапе полученные расчётные значения показателей МФП сравниваются с фактическими значениями (полученными на первом этапе), что позволяет оценить конечный результат от реализации мер по импортозамещению с учётом мультипликативных эффектов. В качестве конечного результата может рассматриваться любая из показателей (или комбинация показателей) МФП. Однако, по нашему мнению, при разработке государственной политики по импортозамещению необходимо ориентироваться на прирост валовой добавленной стоимости, налоговых поступлений в региональный бюджет, а также расходов на конечное потребление.

Четвертый этап – сравнительная оценка мультипликаторов фактической и расчётной матриц финансовых потоков. Структурные изменения МФП влияют на размер мультипликаторов. Поскольку мультипликатор показывает величину изменения эндогенного фактора при единичном изменении величины экзогенного, то повышение значений мультипликаторов свидетельствует о росте чувствительности/эластичности экономической системы региона и ее структурных элементов к экзогенным воздействиям, таким как изменение инвестиций, импорта/экспорта, объемов федерального финансирования в регионах государственной программы по импортозамещению.

Рассмотрим на условных примерах возможности использования методики оценки мультипликативных эффектов для прогнозирования изменения ключевых экономических показателей – валовой прибыли экономики, доходов домашних хозяйств, доходов сектора государственного управления – в результате влияния модернизации производства, влекущего за собой изменения долей промежуточного

потребления и валовой добавленной стоимости в валовом выпуске, а также мер по программе импортозамещения, влияющих на долю импорта в товарном балансе региона¹.

В табл. 1 представлена МФП Свердловской области в 2014 г., когда совокупный выпуск всех отраслей в Свердловской области в рыночных ценах составил 3574,1 млрд. руб. (ячейка 2.1). При этом объем импорта составил 515,3 млрд. руб. (ячейка 10.1). В соответствии с методологией системы национальных счетов, совокупный выпуск в рыночных ценах складывается из промежуточного потребления, налогов на продукты (НДС, таможенных пошлин, акцизов) и добавленной стоимости, которая, в свою очередь, состоит из заработной платы, прибыли, валовых смешанных доходов, а также налогов на производство (налог на имущество, налог на добычу полезных ископаемых и др.). В Свердловской области в 2014 г. промежуточное потребление (рассчитанное по всем видам экономической деятельности) составило 1836,4 млрд. руб. (ячейка 1.2), валовая прибыль и смешанные доходы – 839,2 млрд. руб. (ячейка 3.2), заработная плата – 796,5 млрд. руб. (ячейка 4.2), налоги на производство – 39,1 млрд. рублей (ячейка 6.2), налоги на продукты – 63,1 млрд. рублей (ячейка 7.2).

Необходимо отметить, что фактически в каждой отрасли при производстве продукции используется уникальный набор сырья и товаров (промежуточное потребление) и специфичный перечень капитальных (зданий, оборудования) и трудовых ресурсов (специалистов разной

¹ Использование в статье условного примера объясняется отсутствием информации о достаточной детализации по Свердловской области. В принятой государственной программе импортозамещения приводится общая сумма затрат, при этом структура затрат не раскрывается.

Таблица 1. Матрица финансовых потоков Свердловской области в 2014 г.*

	1										
	Товары и услуги	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Товары и услуги	Млн. р. Удельный вес, %	1836351 51,4			1249037 88,3	93969 58,4	4742 2,2	379364 100	320968 62,3	4089397
2	Отрасли	Млн. р. Удельный вес, %	3574143 87,4								3574143
3	Капитал	Млн. р. Удельный вес, %	839170 23,5								839170
4	Труд	Млн. р. Удельный вес, %	796466 22,3								796466
5	Домохозяйства	Млн. р. Удельный вес, %		592679 70,6	610965 76,7			210476 97,8			1414120
6	Региональный бюджет	Млн. р. Удельный вес, %		39107 1,1	58486 7,0	86842 6,2	22365 13,9			25848 5,0	232648
7	Федеральный бюджет	Млн. р. Удельный вес, %		63049 1,7	5531 0,7					92352 17,9	160932
8	Внебюджетные фонды	Млн. р. Удельный вес, %			185501 23,3		29716 18,5				215217
9	Сбережения	Млн. р. Удельный вес, %			182474 21,7	78240 5,5	14881 9,2			76087 14,8	379364
10	Остальной мир	Млн. р. Удельный вес, %	515254 12,6								515254
11	СУММА	Млн. р. Удельный вес, %	4089397 100	3574143 100	796466 100	1414119 100	160932 100	215218 100	379364 100	515255 100	

* Рассчитано авторами.

профессии и разного уровня квалификации). Получение необходимой информации требует проведения обширных исследований и наблюдений, которые, к сожалению, в настоящее время в России не проводятся. Тем не менее разработанная агрегированная МФП Свердловской области позволяет провести расчет потенциальных эффектов от внедрения новых технологий, влекущих повышение доли добавленной стоимости в валовом выпуске.

В данной статье используется модель с агрегированными счетами «Товары и услуги» и «Отрасли», что не предполагает анализа по отдельным видам экономической деятельности. Возможности использования МФП для анализа в отраслевом разрезе и расчетов соответствующих мультипликаторов приведены в нашей предыдущей работе [12].

Предположим, что в результате модернизации производства и внедрения новейших технологий доля промежуточного потребления (ПП) в валовом выпуске (ВВ) в Свердловской области снизится с 51,4 до 50,4%. Поскольку данный показатель является результатом соотношения двух показателей, его изменение может быть достигнуто либо за счет опережающего роста ВВ по сравнению с ПП, либо за счет опережающего сокращения ПП по отношению к ВВ.

Мы рассмотрим сценарий, в котором промежуточное потребление снижается, а валовой выпуск остается неизменным. Такое развитие экономики возможно в случае активного внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий. Снижение доли ПП означает равное увеличение объема добавленной стоимости. Результаты модельных расчетов изменений и трансформированной МФП представлены в табл. 2.

Снижение ПП на 1% (35,7 млрд. руб.) (ячейка 1.2) приводит к росту добавленной стоимости на эту же величину. Дополнительный объем добавленной стоимости распределяется между основными факторами производства, трудом и капиталом, а также налогами в пропорции, сложившейся в экономической системе Свердловской области. Таким образом, объем прибыли, заработной платы и налоговых поступлений увеличится на 17,9 млрд. руб. (ячейка 3.2), 10,7 млрд. руб. (ячейка 4.2), 7,1 млрд. руб. (сумма ячеек 6.2 и 7.2) соответственно. В дальнейшем данные суммы продолжат движение по цепочкам связи между институциональными секторами в пропорциях, установившихся в экономической системе. Т.е. дополнительная сумма оплаты труда, полученная в результате модернизации производства, будет разделена на сумму, поступающую в распоряжение домашних хозяйств, — 8,2 млрд. руб. (ячейка 5.4)², внебюджетных фондов — 2,5 млрд. руб. (ячейка 8.4). Аналогичный процесс произойдет и с дополнительной прибылью, одна часть которой поступит в распоряжение домохозяйств — 12,6 млрд. руб. (ячейка 5.3), другая — в распоряжение сектора государственного управления, в виде налога на прибыль — 1,3 млрд. руб. (сумма ячеек 6.3 и 7.3). В результате всех изменений общая сумма располагаемых доходов домашних хозяйств увеличится на 20,8 млрд. руб. (ячейка 5.11), а объем конечного потребления, финансируемого из средств домашних хозяйств, повысится на 18,4 млрд. руб. (ячейка 1.5). Доходы регионального бюджета увеличатся на 6,1 млрд. руб. (ячейка 6.11), что приведет к росту расходов на конечное потребление, финансируемое за счет средств регионального правительства

² Изменения рассчитываются как разница соответствующих ячеек таблиц 1 и 2.

Таблица 2. Расчетная МФП Свердловской области, сформированная в результате роста доли добавленной стоимости в валовом выпуске на 1%, млн. руб. *

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	Товары и услуги	Отрасли	Капитал	Труд	Домохозяйства	Региональный бюджет	Федеральный бюджет	Внебюджетные фонды	Инвестиции	Остальной мир	СУММА
1	Товары и услуги	Результат			1267450	210340	93969	4742	385129	320968	4083208
	Изменение				18413	5374	0	0	5765	0	-6189
2	Отрасли	Результат									3574143
	Изменение										0
3	Капитал	Результат									857041
	Изменение										17871
4	Труд	Результат									807189
	Изменение										10722
5	Домохозяйства	Результат									1434967
	Изменение										20847
6	Региональный бюджет	Результат									238748
	Изменение										6100
7	Федеральный бюджет	Результат									158434
	Изменение										-2497
8	Внебюджетные фонды	Результат									215217
	Изменение										0
9	Сбережения	Результат									385129
	Изменение										5765
10	Остальной мир	Результат									509065
	Изменение										-6189
11	СУММА	Результат									509065
	Изменение										-6189

* Рассчитано авторами.

на 5,4 млрд. руб. (ячейка 1.6). Одновременно вырастет объем инвестиций — на 5,7 млрд. рублей (ячейка 1.9).

В рассмотренном сценарии допущением является неизменность валового выпуска. Это означает, что снижение выпуска промежуточной продукции, вызванное техническим прогрессом, было заменено выпуском продукции конечного потребления, при этом весь рост конечного потребления был удовлетворен именно за счет местного производства.

Рассмотрим в качестве примера другой сценарий, при котором результатом политики по импортозамещению, связанной с технологическими изменениями, является не снижение, а рост доли промежуточного потребления в валовом выпуске.

Для сравнения: как и в предыдущем сценарии, предположим однопроцентный рост доли промежуточного потребления в валовом выпуске — с 51,4 до 52,4%. Результаты расчета изменений и трансформируемой матрицы представлены³ в *табл. 3*. Объем валовой прибыли снизится на 14,3 млрд. руб. (ячейка 3.2), суммарный объем заработной платы — на 14,3 млрд. руб. (ячейка 4.2). Данные изменения приводят к снижению общего объема располагаемых ресурсов домашних хозяйств на 21,1 млрд. руб. (ячейка 5.12), доходов регионального бюджета — на 5,5 млрд. руб. (ячейка 6.12), а также объема инвестиций — на 4,9 млрд. руб. (ячейка 1.9). Представленные изменения приведут к снижению общего объема конечного потребления на 23,5 млрд. руб. (сумма ячеек 1.5 и 1.6).

Данный сценарий, как и предыдущий, предполагал неизменность величины общего валового выпуска. Для сохранения общего объема ВДС на прежнем уровне при росте доли промежуточного потребле-

³ Изменения рассчитываются как разница соответствующих ячеек таблиц 1 и 3.

ния в валовом выпуске на 1% необходимо увеличить валовой выпуск на 63,7 млрд. рублей. *Поэтому если реализация политики по импортозамещению приводит к увеличению доли промежуточного потребления и при этом обеспечивает рост валового выпуска в объеме, достаточном для сохранения величины валовой добавленной стоимости в абсолютных цифрах на прежнем уровне, то ее можно считать экономически эффективной.*

Реализация политики по импортозамещению приводит не только к структурным изменениям, но и влияет на долю импорта в общем балансе товаров и услуг территории. В 2014 г. в Свердловской области доля импорта в общем объеме товаров и услуг составила 12,6% (ячейка 10.1 табл. 1). Для снижения этого показателя на 1 п.п. — до 11,6% — необходимо заместить 40,9 млрд. руб. импортной продукции продукцией предприятий-резидентов региона. Рассмотрим данный сценарий. Результаты структурных изменений и трансформируемая МФП представлены в *табл. 4*. Рост валового выпуска на 40,9 млрд. руб. приведет к созданию 19,8 млрд. руб. добавленной стоимости (сумма ячеек 3.2, 4.2, 6.2 и 7.2)⁴, в том числе 9,6 млрд. руб. прибыли и 9,1 млрд. руб. заработной платы, 1,1 млрд. руб. налогов. Изменение общего объема добавленной стоимости приводит к росту располагаемых доходов институциональных секторов. В частности, располагаемые доходы домашних хозяйств увеличатся на 13,8 млрд. руб. (ячейка 5.11), доходы регионального правительства — 2 млрд. руб. (ячейка 6.11), инвестиции — на 3,1 млрд. рублей (ячейка 9.11). Общий рост суммы конечного спроса в экономике области достигнет 13,9 млрд. руб. (сумма ячеек 1.5 и 1.6).

⁴ Изменения рассчитываются как разница соответствующих ячеек таблиц 1 и 4.

Таблица 3. МФП Свердловской области, сформированная в результате снижения доли добавленной стоимости в валовом выпуске на 1%, млн. руб.*

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	Товары и услуги	Отрасли	Капитал	Труд	Домохозяйства	Региональный бюджет	Федеральный бюджет	Внебюджетные фонды	Инвестиции	Остальной мир	СУММА
1	Результат	1872093			1230432	200115	93969	4742	374435	320968	
	Изменение	35741			-18605	-4851	0	0	-4929	0	7356
2	Результат	3574143									
	Изменение	0									0
3	Результат	824873									
	Изменение	-14297									-14297
4	Результат	782170									
	Изменение	-14297									-14297
5	Результат		582582	599999				210476			
	Изменение		-10097	-10967				0			-21064
6	Результат	35890	57490		85549		22365			25848	
	Изменение	-3217	-996		-1294		0			0	-5507
7	Результат	59117	5436							99707	
	Изменение	-3932	-94							7356	3330
8	Результат			182171			33046				
	Изменение			-3330			3330				0
9	Результат		179365		77075	27027	14881			76087	
	Изменение		-3109		-1165	-655	0			0	-4929
10	Результат	522609									
	Изменение	7356									7356
11	Результат	4096752	824873	782170	1393056	227141	164261	215217	374435	522610	
	Изменение	7356	-14297	-14297	-21064	-5507	3330	0	-4929	7356	

*Рассчитано авторами.

Таблица 4. МФП Свердловской области, сформированная в результате снижения доли импорта
в валовом выпуске на 1%, млн. руб.*

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	Товары и услуги	Отрасли	Капитал	Труд	Домохозяйства	Региональный бюджет	Федеральный бюджет	Внебюджетные фонды	Инвестиции	Остальной мир	СУММА
1	Товары и услуги	1857356			1261198	206695	93969	4742	382447	282991	4089397
	Изменение	21005			12161	1728	0	0	3083	-37977	0
2	Отрасли	3615026									3615026
	Изменение	40883									40883
3	Капитал	848769									848769
	Изменение	9599									9599
4	Труд	805579									805577
	Изменение	9110									9110
5	Домохозяйства			617954				210476			1427888
	Изменение			6988				0			13767
6	Региональный бюджет	39555			87688		22365			25848	234610
	Изменение	447			846		0			0	1962
7	Федеральный бюджет	63770								89444	158809
	Изменение	721								-2907	-2122
8	Внебюджетные фонды			187623				27594			215217
	Изменение			2122				-2122			0
9	Сбережения			184561	79002	27915	14881			76087	382447
	Изменение			2087	762	233	0			0	3083
10	Остальной мир	474370									474370
	Изменение	-40883									-40883
11	СУММА	3615026	848769	805577	1427888	234610	158809	215217	382447	474370	
	Изменение	0	9599	9110	13767	1962	-2122	0	3083	-43800	

* Рассчитано авторами.

Очевидно, что импортозамещение требует осуществления определенного объема капитальных вложений. Необходимо инвестировать в создание новых и расширение уже действующих предприятий, готовить новый персонал. Также потребует определенных вложений перевод российских предприятий с использования импортной на использование отечественной продукции. Для того чтобы судить о выгоде импортозамещения, необходимо верно оценивать объем ресурсов, требуемых для его осуществления, и суммы потенциальных выгод.

Изменение структуры матрицы финансовых потоков приводит к изменениям величины мультипликаторов МФП (табл. 5).

Снижение доли промежуточного потребления в валовом выпуске (столбец 2) приводит к снижению мультипликаторов валового выпуска и выпуска предприятий – резидентов региона (строки 1 и 2), однако приводит к росту мультипликаторов валовой добавленной стоимости в виде прибыли и заработной платы (строки 3 и 4). Обратная картина наблюдается при увеличении доли промежуточного потребления в валовом выпуске (столбец 3). Указанные изменения вызывают рост мультипликаторов совокупного спроса и выпуска предприятий – резидентов региона (строки 1 и 2), но негативно сказывается на муль-

типликаторах добавленной стоимости – прибыли и заработной платы (строки 3 и 4). Изменение соотношения добавленной стоимости и промежуточного потребления также приводит к изменению мультипликаторов дохода домохозяйств и сектора государственного управления, хотя эти изменения не значительны (строки 5 и 6). Наилучший результат экономика региона получает в условиях снижения доли импорта в товарном балансе региона. Из таблицы 5 видно, что все мультипликаторы в столбце 4 больше по сравнению с исходными в столбце 1. Однако принципиальное значение в этой ситуации будет иметь механизм снижения доли импорта – либо рыночно-конкурентный за счет повышения соотношения цены и качества местной продукции, либо административный посредством введения ограничительных мер на импорт продукции, что в долгосрочном плане может привести к снижению конкуренции, формированию товарного дисбаланса и росту цен.

Для более детального и точного анализа экзогенного влияния государственных программ по модернизации и импортозамещению на социально-экономическую ситуацию на территории необходимо провести значительный объем дополнительных исследований, направленных на детализацию МФП. При этом в зависимости

Таблица 5. Изменение мультипликаторов валового выпуска МФП Свердловской области*

		Значение мультипликатора			
		Фактическое 2014 г.	При снижении доли ПП в ВВ на 1%	При увеличении доли ПП в ВВ на 1%	При снижении доли импорта в товарном балансе на 1%
		1	2	3	4
1	Товары и услуги	3,937	3,892	3,984	4,073
2	Отрасли	3,441	3,401	3,482	3,601
3	Капитал	0,808	0,816	0,804	0,845
4	Труд	0,767	0,768	0,762	0,802
5	Домохозяйства	1,159	1,165	1,152	1,213
6	Региональный бюджет	0,165	0,169	0,162	0,173

* Рассчитано авторами на основе таблиц 1, 2, 3, 4.

от целей исследования акцент возможно делать на разных счетах. Для анализа воздействия технологического прогресса на экономику региона акцент целесообразно сделать на дезагрегировании первого и второго счетов – «Товары и услуги», «Отрасли». Для этого необходимо провести масштабные исследования с целью построения актуальных региональных таблиц «Затраты–Выпуск» для отдельных территорий РФ, что позволит

выявить структуру затрат, исследовать структуру доходов и расходов групп населения с различным уровнем благосостояния, а также потоки межрегиональной торговли, миграции населения и перемещения капитала. Отметим, что данные исследования должны носить систематический характер, что позволит отслеживать динамику рассматриваемых процессов и выявлять причинно-следственные взаимосвязи.

Литература

1. Анимица, П.Е. Моделирование влияния домашних хозяйств на создание мультипликативных эффектов в регионе (на примере Свердловской области) [Текст] / П.Е. Анимица // Управленец. – 2016. – № 2. – С. 28-33.
2. Власюк, Л.И. Исследование региональных макроэкономических пропорций и мультипликативных эффектов: Хабаровский край [Текст] / Л.И. Власюк, Н.Г. Захарченко, В.Д. Калашников // Пространственная экономика. – 2012. – № 2. – С. 44-66.
3. Захарчук, Е.А. Формирование системы территориальных счетов в России: возможности и перспективы [Текст] / Е.А. Захарчук, А.Ф. Пасынков // Журнал экономической теории. – 2013. – №3. – С. 154-162.
4. Канторович, Л.В. Экономический расчёт наилучшего использования ресурсов [Текст] / Л.В. Канторович. – М.: Книга по требованию, 2013. – С. 350.
5. Леонтьев, В. Избранные произведения: [в 3 т.]. Т. 1: Общеэкономические проблемы межотраслевого анализа [Текст] / В. Леонтьев. – М.: Наука, 2006. – С. 406.
6. Макаров, В.Л. Применение вычислимых моделей в государственном управлении [Текст] / В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин, С.С. Сулакшин. – М.: Научный эксперт, 2007. – 304 с.
7. Мелентьев, Б.В. Методические рекомендации построения межрегионального межотраслевого финансового баланса «Платежи-доходы» [Текст] / Б.В. Мелентьев, Ю.С. Ершов, А.А. Алимбиева. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. – 144 с.
8. Наумов, И.В. Финансовая устойчивость территории. Основные показатели и индикаторы ее оценки [Текст] / И.В. Наумов // Экономика. Налоги. Право. – 2013. – № 6. – С. 63-71.
9. Солдатова, С.Э. Матричное представление показателей системы региональных счетов Калининградской области: экспериментальная разработка и перспективы моделирования [Текст] / С.Э. Солдатова, К.Ю. Волошенко, Н.В. Огнева // Балтийский регион. – 2015. – № 3. – С. 126-137.
10. Татаркин, Д.А. Оптимизация управления финансовыми потоками на основе оценки региональных мультипликативных эффектов [Текст] / Д.А. Татаркин, Е.Н. Сидорова, А.В. Трынов // Экономика региона. – 2015. – № 4. – С. 323-335.
11. Татаркин, Д.А. Теория построения и перспективы использования балансовой модели финансовых потоков [Текст] / Д.А. Татаркин, Е.Н. Сидорова, А.В. Трынов // Журнал экономической теории. – 2015. – № 3. – С. 62-75.
12. Трынов, А.В. Методика оценки экономической эффективности инвестиционных проектов, реализуемых на принципах государственно-частного партнёрства [Текст] / А.В. Трынов // Экономика региона. – 2016. – № 2. – С. 602-612.
13. Ali Akkmelek, K. Potential impacts of electricity price changes on price formation in the economy: a social accounting matrix price modeling analysis for Turkey [Text] / K. Ali Akkmelek // Energy Policy. – 2011. – Vol. 39 (№ 2). – P. 854-864.
14. Defourny, J. Structural Path Analysis and Multiplier Decomposition within a Social Accounting Matrix Framework [Text] / J. Defourny, E. Thorbecke // The Economic Journal. – 1984. – Vol. 94 (№ 373). P. 111-136.

15. Go, D.S. Estimating parameters and structural change in CGE models using a Bayesian cross-entropy estimation approach [Text] / D.S. Go, H. Lofgren, F.M. Ramos, S. Robinson // *Economic Modelling*. – 2016. – Vol. 52 (January, part B). – P. 790-811.
16. Kim, M-K. An LP-SAM Approach for Examining Regional Economic Impacts: An Application to Wildfire Disasters in Southeast Oregon [Text] / M-K. Kim, E. Zhu, T.R. Harris, J.E. Alevy // *The Review of Regional Studies*. – 2012. – Vol. 42. – P. 207-221.
17. Pyatt, G. Accounting and Fixed Price Multipliers in a Social Accounting Matrix Framework [Text] / G. Pyatt, J.I. Round // *The Economic Journal*. – 1979. – Vol. 89 (№ 356). – P. 850-873.
18. Pyatt, G. Social accounting matrices for development planning [Text] / G. Pyatt, J.I. Round // *Review of Income and Wealth*. – 1977. – Vol. 23 (№ 4). – P. 339-364.
19. Saafi, Y.M. The impacts of petroleum price fluctuations on income distribution across ethnic groups in Malaysia [Text] / Y.M. Saafi, E. Dietzenbacher, B. Los // *Ecological Economics*. – 2016. – Vol. 130. – P. 25-36.
20. Scandizzo, P.L. Social accounting matrix: A new estimation methodology [Text] / P.L. Scandizzo, C. Ferrarese // *Journal of Policy Modeling*. – 2015. – Vol. 37 (№ 1). – P. 14-34.
21. Stone, R. Functions and Criteria of a System of Social Accounting [Text] / R. Stone // *Review of Income and Wealth*. – 1951. – Vol. 1 (№ 1). – P. 1-74.

Сведения об авторах

Денис Александрович Татаркин – кандидат экономических наук, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, tatarkin@mail.ru)

Елена Николаевна Сидорова – кандидат экономических наук, доцент, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, katelen@mail.ru)

Александр Валерьевич Трынов – Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, trynovv@mail.ru)

Tatarkin D.A., Sidorova E.N., Trynov A.V.

Simulation of Structural Changes in the Region's Economy Based on the Matrix of Financial Flows

Abstract. The article is devoted to the improvement of instruments assessing the impact of exogenous factors on the structure of the regional economy. In distinction from previous studies, the analysis is carried out not only on the basis of short-term multiplier effect, but also changes the values of multipliers, demonstrating the sensitivity / elasticity of the economic system in the region to exogenous influences in the long term. Structural changes are analyzed by the example of assessing the impact of the financial measures of the state policy of import substitution. The article presents a method of estimating the multiplicative effects, based on the balance sheet approach and the methodology of the system of national accounts. A distinctive feature of the methodology is to reflect the reproductive structures of institutional sectors in the region in relation to the import and export flows. On an example of the Sverdlovsk Oblast the authors demonstrate the possibility of using methods in predicting changes in key economic indicators in the region (wages, gross profit, tax revenues of the consolidated regional budget, final consumption expenditure, etc.). On the basis of the updated matrix of cash flows, three scenarios for structural change are calculated, in the region's economy, they determine various changes in the multipliers. The developed method makes it possible, first, to assess the direct and indirect economic effects arising in the

implementation of government measures on import substitution; second, to analyze the effectiveness of import substitution programs, taking into account the features of the reproductive structure of the region, and thus to identify the sector that will provide the greatest multiplier economic effect; and third, to improve the objectivity of comparing the financial costs and benefits associated with the implementation of import substitution measures, the potential benefits of investing these funds in alternative projects. The results can be used in further studies on the effectiveness of implementation of the state policy of import substitution and modernization of the economy of the Russian Federation.

Key words: regional development, modernization, import substitution, multiplicative effects, matrix of financial flows, scenario modelling.

References

1. Animitsa P.E. Modelirovanie vliyaniya domashnikh khozyaistv na sozdanie mul'tiplikativnykh effektov v regione (na primere Sverdlovskoi oblasti) [Simulating the impact of households on the creation of multiplier effects in the region (on the example of the Sverdlovsk Oblast)]. *Upravlenets* [Manager], 2016, no. 2, pp. 28-33. (In Russian).
2. Vlasyuk L.I., Zakharchenko N.G., Kalashnikov V.D. Issledovanie regional'nykh makroekonomicheskikh proporsitsii i mul'tiplikativnykh effektov: Khabarovskii krai [Studying regional macroeconomic proportions and multiplier effects: Khabarovsk Krai]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economics], 2012, no. 2, pp. 44-66. (In Russian).
3. Zakharchuk E.A., Pasyukov A.F. Formirovanie sistemy territorial'nykh schetov v Rossii: vozmozhnosti i perspektivy [Formation of the system of territorial accounts in Russia: opportunities and perspectives]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Journal of economic theory], 2013, no. 3, pp. 154-162. (In Russian).
4. Kantorovich L.V. *Ekonomicheskii raschet nailuchshego ispol'zovaniya resursov* [Economic calculation for the best utilization of resources]. Moscow: Kniga po trebovaniyu, 2013. P. 350. (In Russian).
5. Leont'ev V. *Izbrannye proizvedeniya: v 3 t. T. 1: Obshcheekonomicheskie problemy mezhotraslevogo analiza* [Selected works: in 3 volumes. Vol. 1: General economic problems of interindustry analysis]. Moscow: Nauka, 2006. P. 406. (In Russian).
6. Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Sulakshin S.S. *Primenenie vychislimykh modelei v gosudarstvennom upravlenii* [Using computable models in public administration]. Moscow: Nauchnyi ekspert, 2007. 304 p. (In Russian).
7. Melent'ev B.V., Ershov Yu.S., Alimpieva A.A. *Metodicheskie rekomendatsii postroeniya mezhteritorial'nogo mezhotraslevogo finansovogo balansa "Platizhi-dokhody"* [Methodological recommendations for creating an interregional intersectoral financial balance "Payments-revenues"]. Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2010. 144 p. (In Russian).
8. Naumov I.V. Finansovaya ustoichivost' territorii. Osnovnye pokazateli i indikatory ee otsenki [Financial stability of the territory. The main indicators of its evaluation]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Law], 2013, no. 6, pp. 63-71. (In Russian).
9. Soldatova S.E., Voloshenko K.Yu., Ogneva N.V. Matrichnoe predstavlenie pokazatelei sistemy regional'nykh schetov Kaliningradskoi oblasti: eksperimental'naya razrabotka i perspektivy modelirovaniya [Matrix representation of the indicators of the regional accounts system of the Kaliningrad Oblast: experimental design and simulation prospects]. *Baltiiskii region* [Baltic region], 2015, no. 3, pp. 126-137. (In Russian).
10. Tatarkin D.A., Sidorova E.N., Trynov A.V. Optimizatsiya upravleniya finansovymi potokami na osnove otsenki regional'nykh mul'tiplikativnykh effektov [Optimization of financial flow management based on estimates of regional multiplicative effects]. *Ekonomika regiona* [Economy of region], 2015, no. 4, pp. 323-335. (In Russian).
11. Tatarkin D.A., Sidorova E.N., Trynov A.V. Teoriya postroeniya i perspektivy ispol'zovaniya balansovoi modeli finansovykh potokov [Balance model of the financial flows: theory of construction and prospects of use]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Journal of economic theory], 2015, no. 3, pp. 62-75. (In Russian).
12. Trynov A.V. Metodika otsenki ekonomicheskoi effektivnosti investitsionnykh proektov, realizuemykh na printsipakh gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Methodology for assessing the economic efficiency of investment projects implemented on the principles of public-private partnership]. *Ekonomika regiona* [Economy of region], 2016, no. 2, pp. 602-612. (In Russian).

13. Ali Akkmelek K. Potential impacts of electricity price changes on price formation in the economy: a social accounting matrix price modeling analysis for Turkey. *Energy Policy*, 2011, vol. 39, no. 2, pp. 854-864.
14. Defourny J., Thorbecke E. Structural Path Analysis and Multiplier Decomposition within a Social Accounting Matrix Framework. *The Economic Journal*, 1984, vol. 94, no. 373, pp. 111-136.
15. Go D.S., Lofgren H., Ramos F.M., Robinson S. Estimating parameters and structural change in CGE models using a Bayesian cross-entropy estimation approach. *Economic Modelling*, 2016, vol.52, January, part B, pp. 790-811.
16. Kim M-K., Zhu E., Harris T.R., Alevy J.E. An LP-SAM Approach for Examining Regional Economic Impacts: An Application to Wildfire Disasters in Southeast Oregon. *The Review of Regional Studies*, 2012, vol. 42, pp. 207-221.
17. Pyatt G., Round J.I. Accounting and Fixed Price Multipliers in a Social Accounting Matrix Framework. *The Economic Journal*, 1979, vol. 89, no. 356, pp. 850-873.
18. Pyatt G., Round J.I. Social accounting matrices for development planning. *Review of Income and Wealth*, 1977, vol. 23, no. 4, pp. 339-364.
19. Saafi Y.M., Dietzenbacher E., Los B. The impacts of petroleum price fluctuations on income distribution across ethnic groups in Malaysia. *Ecological Economics*, 2016, vol. 130, pp. 25-36.
20. Scandizzo P.L., Ferrarese C. Social accounting matrix: A new estimation methodology. *Journal of Policy Modeling*, 2015, vol. 37, no. 1, pp. 14-34.
21. Stone R. Functions and criteria of a system of social accounting. *Review of Income and Wealth*, 1951, vol. 1, no. 1, pp.1-74.

Information about the Authors

Denis Aleksandrovich Tatarkin – Ph.D. in Economics, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, tatarkin@mail.ru)

Elena Nikolaevna Sidorova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, katelen@mail.ru)

Aleksandr Valer'evich Trynov – Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, trynovv@mail.ru)

Статья поступила 07.11.2016.

Исследование фондового рынка Украины на основе применения событийного анализа

**Константин Анатольевич
МАЛЫШЕНКО**

кандидат экономических наук
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
298635, Россия, Республика Крым, г. Ялта, ул. Халтурина, д. 14
docofecon@mail.ru

Аннотация. В исследовании приведены разработанные базовые принципы анализа событий для совершенствования прогнозирования рыночной конъюнктуры. Целью исследования является создание теоретических основ событийного анализа фондового рынка и их эмпирическое подтверждение. Данный вид анализа позволит более полно учесть общие тенденции развития фондового рынка. Для этого в работе представлен математический аппарат исследования с раскрытием теоретического базиса и генезиса предложенного метода. Кроме того, проведён статистический анализ фондового рынка как традиционными статистическими методами, так и с применением инструментов событийного анализа, прежде всего информационной эластичности. Эмпирическая проверка по данным о курсах валют и индексах ПФТС и Украинской биржи (Украина) позволила установить связь между событиями и изменениями индексов, выявить несколько случаев избыточной реакции, что может быть свидетельством инсайдерского воздействия. Среди авторов наиболее заметных работ последнего времени по данной тематике необходимо отметить Н. Тума и М. Ханна, Оуэна Хьюмпейджа и других. В своих исследованиях они достаточно полно раскрывают значение событийного анализа для целей прогнозирования, связь данного вида анализа с гипотезой эффективности рынка, его методы и подходы. Вместе с тем имеется ряд актуальных задач, которые будут решены в данном исследовании, — это раскрытие

Для цитирования: Малышенко, К.А. Исследование фондового рынка Украины на основе применения событийного анализа / К.А. Малышенко // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 1. — С. 235-253. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.13

For citation: Malyshechenko K.A. Studying the stock market of Ukraine with the use of the event analysis. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 235-253. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.13

связи между событием и изменением курса, определение возможных реакций рынка на различные типы событий, а также определение таких понятий, как: событие, событийный профиль и событийный анализ фондового рынка. Поскольку события экономического или политического характера способны влиять на поведение рынка в течение временного периода длительностью до нескольких недель, месяцев и даже лет, очевидно, что применение фундаментального анализа оправданно только с учетом долгосрочного прогнозирования. Ценностная позиция автора по рассматриваемой проблематике заключается в увеличении доверия инвесторов к отечественному рынку ценных бумаг, повышении его прозрачности и, как следствие, ликвидности. Данный подход является основой создания новой предметной области анализа влияния событий на биржевую динамику.

Ключевые слова: гипотеза эффективных рынков (ГЭР), эластичность, фондовый рынок, эффективный рынок, информационная эффективность.

Реакция рынка на события экономического характера во многом связана с исторически сложившимся в стране типом эффективности рынка. Фондовый рынок постсоветских стран только формируется и, соответственно, обладает слабой информационной эффективностью, что характерно для достигнутого уровня развития экономики. Событийный анализ основывается на исследовании реакции рынка на значимые события. Чем больше время реакции и чем меньше ее однозначность, тем слабее эффективность рынка. Таким образом, значение событийного анализа заключается в его мощной индикативной функции. Данный вид анализа является тем методом, который позволит прогнозировать отечественный фондовый рынок и оценивать эффективность работы государственных органов, регулирующих его деятельность. Событийный анализ фондового рынка — это вид экономического экспресс-анализа с целью определения влияния событий на изменение котировок рынка ценных бумаг. Его возникновение связано прежде всего с ростом влияния фондового рынка на экономику стран, снижением доверия к традиционным источникам информации и расширением использования компьютерных техноло-

гий, позволяющих анализировать большие объёмы информации о событиях экономической и политической жизни общества. Кроме того, он лишён таких недостатков фундаментального анализа, как субъективизм экспертов, трудоёмкость, значительная стоимость и длительность всего процесса. Технический анализ при всей своей простоте остаётся достаточно субъективным инструментом и поэтому не позволяет увидеть истинные причины изменения котировок, не всегда даёт однозначные ответы.

Таким образом, проблемой исследования является обеспечение объективной оценки конкурентной свободы осуществления сделок на фондовом рынке на основе применения событийного анализа. Необходимость проведения событийного анализа фондового рынка заключается в том, что фактически данный вид анализа служит наиболее эффективной процедурой, позволяющей получить релевантные данные в условиях несовершенной системы раскрытия информации. Данная проблема возникает вследствие информационной асимметрии — ситуации, при которой один из контрагентов сделки более информирован об объекте купли-продажи. Необходимо отметить, что информа-

ционная асимметрия возникает как результат действий заинтересованных лиц, например инсайдеров, и наблюдается на любом рынке. В результате падает доверие к информационным источникам, и вследствие этого снижается уровень активности и ликвидности фондового рынка в целом. Актуальность проведенного исследования заключается в необходимости обеспечения прозрачности рынка, справедливых условий осуществления сделок, в устранении внешнего влияния на фондовый рынок, без чего он не станет привлекательным для инвесторов, а эффективность рынка представляет тот индикатор, который показывает степень его развития. Для решения задач информационного обеспечения субъектов фондового рынка разработаны инструменты проверки информационной эффективности в границах предложенного событийного анализа, который позволит дать объективную оценку конкурентной свободы осуществления сделок, так как базируется на первичных данных о событиях и котировках.

Теории событийного анализа посвящено немало исследований, хотя это достаточно новое явление в практике анализа фондового рынка. В этой связи стоит упомянуть работы зарубежных учёных Н. Тума и М. Ханна¹ (1970), Оуэна Хьюмпейджа² (1984), Домингеса и Франкеля³ (1993), Бена Уорвика⁴ (1996). Среди украинских авто-

¹ Tuma N.B., Hannan M.T., Groeneveld L.P. Dynamic analysis of event histories // *American Journal of Sociology*. – 1979. – Pp. 349, 820, 854.

² Humpage Owen F. Dollar Intervention and the Deutschemark-Dollar Exchange Rate: A Daily TimeSeries Model // Working Paper 8404. Federal Reserve Bank of Cleveland, 1984.

³ Dominguez Kathryn M., Jeffrey A. Frankel. Does foreign exchange intervention work? // *Institute for International Economics*. – Washington: DC, 1993.

⁴ Warwick Ben. Event trading: profiting from economic reports and short-term market inefficiencies *Event Trading*. – Chicago [u.a.]: Irwin, 1996.

ров необходимо отметить А.В. Зиненко⁵, которая рассматривала событийный индикатор, а также российских учёных Н. Климарева и С. Студникова⁶, предлагающих универсальную классификацию событий, рассматриваемых в финансовых исследованиях, и других авторов. Однако необходимо раскрыть связь между событием и изменением курса, понять возможные реакции рынка на различные типы событий. И прежде всего – дать определение таких понятий, как «событие», «событийный профиль» и «событийный анализ».

Под событием понимается изменение статуса, измеряемого дискретной переменной, принимающей счетное количество взаимно исключающих значений. Единицами анализа могут выступать индивиды, группы и организации, страны, политические объединения, культурные процессы. Для предсказания времени наступления события строят модель, подобную регрессионному уравнению.

События могут иметь качественные, количественные и временные характеристики. Текущее событие – это то событие, которое рассматривается в данный момент. Относительно текущего события все события подразделяются на уже минувшие и еще не наступившие (прошедшие и будущие). Для любого текущего события событийной истории, если только данное событие не является первым или последним в истории, известны прошедшие и будущие события. У самого первого события нет известного прошлого, а у последнего – не из-

⁵ Зиненко А.В. Событийный индикатор финансового рынка // *Вестник Сибирского аэрокосмического университета им. ак. Решетнева, МФ: сб. науч. тр.* – Красноярск: СибГАУ, 2006. – Вып. 6 (13). – С. 126-129.

⁶ Климарев Н.В., Студников С.С. Методологические проблемы применения метода событийного анализа в финансовых исследованиях // *Вестник Московского университета*. – Серия 6: Экономика. – 2011. – № 6. – С. 58-67.

вестно будущее. На событийном рынке никогда не бывает ни затиший, ни катастроф. Быстрее или медленнее, но любое событие будет завершено. Моментом завершения события фиксируется время начала следующего события. События следуют одно за другим и образуют при этом блоки событий. Продолжительность событий различна, а их смена не линейна во времени. Событие идентифицируется временем своего начала и завершения и является аналогом времени. Блок событий — это последовательность событий, определяющих состояние рынка как совокупность событий, входящих в блок. На событийном рынке четко прослеживается цикличность блоков событий.

Событие рассматривается как функция всех предшествовавших ему событий. Так, текущее событие — это результат (следствие) всех предшествовавших ему событий текущего блока событий. Текущий блок событий есть следствие предшествовавших ему блоков событий и т.п. В то же время текущее событие есть одна из причин цепочки событий, которые последуют за ним. Конкретный способ объединения событий-предшественников, текущего события и последующих событий в блок событий является событийным профилем рынка. Таким образом, событие — это те изменения в социально-экономической жизни общества, которые значительно влияют на экономико-психологические основы формирования конъюнктуры на фондовом рынке. Событийный анализ — это вид экономического экспресс-анализа с целью определения влияния событий на изменение котировок фондового рынка.

Событийный технический анализ — это прогнозирование цены с помощью изучения проекций истории и их графических образов. Прогнозирование включает-

ся в интерполяции событий прошедшего участка истории и аппроксимации полученных результатов в будущее⁷.

Событийный анализ — это вид экономического экспресс-анализа для определения влияния событий на изменение котировок фондового рынка.

Философско-психологическое обоснование методологии событийного анализа представлено в диалектическом единстве событий и динамики курса ценных бумаг (*рис. 1*). Методология предложенного анализа включает следующие элементы:

- объектом методологии событийного анализа выступает связь «событие — индекс (динамика курса)»;

- предметом методологии является совокупность методов и инструментов событийного анализа;

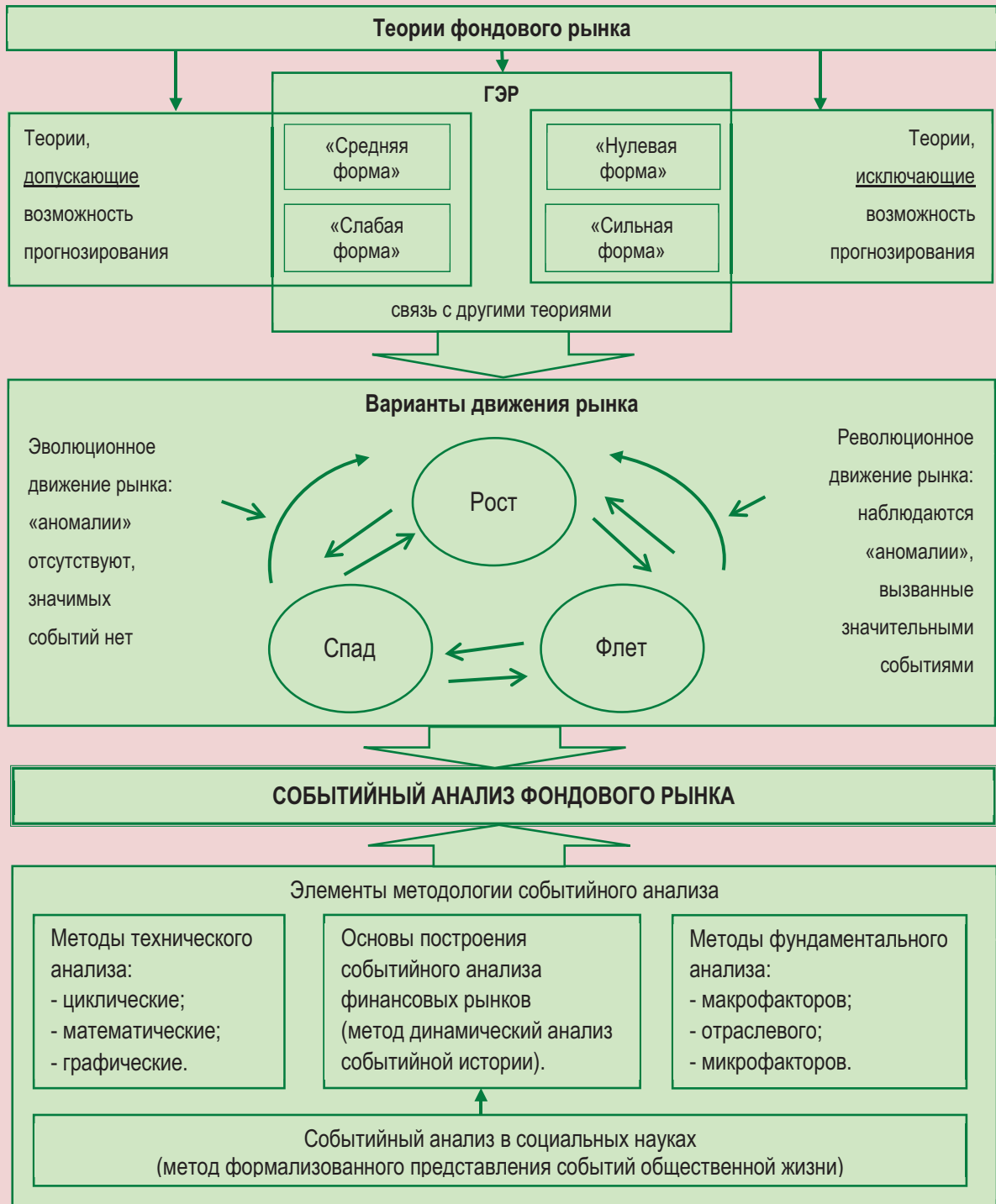
- целью методологии событийного анализа является определение критериев неэффективности рынка в статистическом виде в условиях дефицита релевантной информации.

В качестве общего инструмента выступает информационная эффективность фондового рынка, реализуемая через комплекс различных методов. Данный комплекс включает в себя как традиционные статистические приёмы и методы, так и авторские, основанные на информационной эластичности.

Проблемой методологии событийного анализа является несовершенство системы раскрытия информации и, как следствие, снижение доверия к традиционным источникам данных об изменениях динамики фондового рынка, что характерно и для фундаментального, и для технического анализа фондового рынка в целом. В качестве гипотезы методологии событийного анализа использована ГЭР в её модифи-

⁷ Шевченко И.Г. Порядок и хаос рынка акционерного капитала России. — М. : Упр. персоналом, 2003. — 216 с.

Рисунок 1. Событийный анализ: теоретический базис и генезис метода*

* Составлено автором.

цированном виде — сформулированная в четырёх теоретически обоснованных формах (дополненная нулевой формой, когда рынок не связан с экономикой государства и на события практически не реагирует).

Методом событийного анализа выступает информационная эластичность как индикатор информационной эффективности. Предлагаемый метод обеспечивает идентификацию незавершенных блоков событий и прогнозирование ненаступивших событий из этих блоков на основе идентичности событий, породивших незавершенный блок, с событиями, ранее порождавшими уже завершенные блоки событий. В настоящее время активно разрабатываются количественные подходы к описанию влияния политических и макроэкономических событий (новостей) на финансовые рынки. Единой методологии так называемого стресс-тестирования (stress testing) сценарного событийного моделирования рынков не создано. Инвестиционные компании США и Европы используют событийный анализ для повышения эффективности управления своим бизнесом. Интерес к анализу событий связан с возможностью предсказывать изменения цен, волатильность и объём торгов на рынке ценных бумаг.

В отличие от классического событийного анализа (Р. Болл и П. Браун (Ball and Brown)⁸ и Ю. Фама и другие⁹), предполагающего рациональность субъектов рынка, их реакции зачастую носят нелинейный (иррациональный) характер. Кроме того, нередко при проведении данного анализа

⁸ Becker K.-G., Finnerty J., Friedman J. Economic news and equity market linkages between the U.S. and U.K. // *Journal of Banking and Finance*. — 1995. — 19. — Pp. 1191-1210.

⁹ The Adjustment of Stock Prices to New Information [Электронный ресурс] / E.F. Fama, L. Fisher, M.C. Jensen, R. Roll // *International Economic Review*. — 1969. — 10(1). — Pp. 1-21. — URL: <http://links.jstor.org/sici> (дата обращения: 21.03.2016).

наблюдается проблема «кластори́нга» — когда одновременно возникают сопутствующие события, не учтенные в модели. Определение эффективности возможно только в дихотомическом формате: либо «да» (рынок эффективен), либо «нет» (рынок неэффективен). Предложенный авторский подход имеет ряд существенных преимуществ, так как учитывает нелинейность (иррациональность) реакций субъектов рынка, носит объективный характер и предполагает интервальный результат.

Событийный анализ — это относительно новый инструмент, призванный улучшать торговые стратегии инвесторов. Он тесно связан с теорией поведенческих финансов и в каком-то смысле вступает в противоречие с ГЭР, которая гласит, что любая доступная информация уже отражена в ценах акций. Это условие делает невозможной попытку превзойти рынок в длительный период времени посредством использования известной на рынке информации.

Таким образом, нам необходимо начать с определения влияния события в контексте его влияния на изменение биржевых цен и, как следствие, индексов.

Расчёт событийного профиля дня. Ранее было приведено определение понятия «событие», из которого следует невозможность выделить и ограничить влияние конкретного события и обосновать связь с котировками акций. Таким образом, не само событие воздействует на рынок, а комплекс событий, некоторый ансамбль событий, как это принято называть в теории информации. Назовём такой ансамбль событийным профилем дня. Событийный профиль дня — это комплекс событий (ансамбль), представленный в формальной форме путём присвоения веса различным событиям в зависимости от его типа и их суммирования.

Отличие предложенного подхода в том, что классифицированным событиям присваивается вес в зависимости от различных характеристик. Соответственно событийный профиль дня будет рассчитан по следующей формуле:

$$IvP = \sum_0^n W_v \times W_t \times W_d \times W_f \times W_p \times W_s \times W_l, \quad (1)$$

ивент-единиц,

где W_v – вес вида события (от 1 до 6 в соответствии с видами событий, за исключением слухов и ожиданий, вес которым присваивается в зависимости от сферы самого события: например, если слухи (ожидания) носят политический характер, им присваивается вес в 6 единиц, как и политическому событию);

W_t – вес типа события (от 1 до 3);

W_d – вес длительности воздействия (от 1 до 2);

W_f – вес типа влияния (от -1 до 1);

W_p – вес места возникновения (от 1 до 2);

W_s – вес силы воздействия (от 1 до 3);

W_l – вес уровня анализа (от 1 до 3);

n – количество событий.

Единица измерения – ивент-единица, она носит условный характер и является субъективным показателем энтропии при формировании экспертной оценки. Естественно, все веса имеют целочисленное значение.

Применение данного подхода базируется на следующих условиях:

1. Определение видов событий, которые будут использоваться для событийного профиля дня (целесообразно будет рассматривать следующие виды событий: политические, экономические, социологические, технологические, экологические, слухи и ожидания). Большее количество видов событий неудобно, так как психологически их оценить человек обычно не в состоянии.

2. Определение «весов» события (при этом необходимо достаточно условно их разбить на группы по весу). Определения «веса» события обычно носит субъективный характер. Предоставление информации в СМИ несколько отличается по структуре и методам подачи, в особенности по времени. Для целей анализа вышеуказанным категориям (всего семь) присвоены веса: 6 – для политических, 5 – форс-мажор; 4 – для экономических, 3 – для социологических, 2 – для технологических, 1 – для экологических событий. Особая категория – слухи и ожидания – им вес присваивается в зависимости от типа этого события. Если слухи политические – соответственно вес будет равен 6, о чём уже говорилось выше.

3. Определить направление влияния события: повышающее ($\uparrow$) или понижающее ($\downarrow$), то есть «медвежье» или «бычье» событие.

4. Провести классификации по другим, разработанным ранее и присвоить им соответствующие веса.

Расчёт ивент-фактора дня. Ивент-фактор дня отличается от событийного профиля дня на сохранённое влияние предыдущих дней, то есть он будет включать влияние не только событий, произошедших за какой-то отдельный день, но и влияние всех предыдущих дней, естественно, в определённом временном отрезке. Он может быть рассчитан по следующей формуле:

$$IF_i = IvP_i + IvP_{i-2}/4 + (IvP_{i-1} + IvP_{i-2}/2)/2, \quad (2)$$

где IF – ивент-фактор дня, в ИЕ;

IvP – событийный профиль, в ИЕ;

i – дата событийного дня в рассматриваемом периоде.

Расчёт информационной эластичности.

Отдельно необходимо остановиться на предлагаемом нами методе информационной эластичности рынка. Суть данного метода состоит в следующем. Гипотеза эффективного рынка (ГЭР) характеризуется немедленной реакцией курсовых разниц на изменение существующей информации. Рынок является наиболее эффективным по отношению к поступившей информации в том случае, если данная информация влечет за собой мгновенное и полное отражение в цене активов. На реальных рынках ценных бумаг степень эффективности рынка может быть различной, и чем дольше рыночные цены приспосабливаются к новой информации, тем менее эффективен рынок. Украинский рынок ценных бумаг трудно считать конкурентоспособным до такой степени, чтобы он был эффективен без внешнего давления или контроля. Это происходит по целому ряду причин.

Во-первых, существует монополия на информацию и полулегальная инсайдерская торговля. Обязательным условием эффективного рынка как свободно-конкурентного служит отсутствие монополии на информацию. Информация является общедоступной и одновременно приходит ко всем инвесторам. На эффективном рынке, где участники стремятся получить максимальную прибыль, любое несоответствие цен будет быстро устранено. На украинском рынке инсайдерская информация становится источником прибыли.

Во-вторых, на украинском рынке слабо используются методы регулирования рынка, проверенные практикой экономически развитых стран Запада. Суть такого регулирования заключается в том, что если вычесть штрафы, то прибыль от инсайдерской торговли должна оказаться ниже, чем от стратегии «купил и держи».

Если субъект рынка имеет какую-либо важную информацию, он становится её «информационным монополистом». А если он эту монопольную власть решает использовать в своих корыстных целях, тогда возникает инсайдерское воздействие, которое отражается на деятельности всего рынка. Степень этого воздействия определена нами как «информационная эластичность», а именно: соотношение характеристики информационного потока и изменения курса ценных бумаг. На этом понятии необходимо остановиться более подробно. Как известно, эластичность (греч. *elásticos* – гибкий) – численная характеристика изменения одного показателя (например, спроса или предложения) к другому показателю (например, цене или доходу). Эластичность является производной одного показателя по другому: изменение одного показателя, обусловленное приращением другого показателя на единицу. Как видно из определения, необходимо представить изменение информационного потока в каких-то дискретных величинах. Это значит, что события общественно-политической жизни необходимо представить в абсолютно определённых и конкретных цифрах. Таким образом, нам следует начать с определения влияния события в контексте его влияния на изменение биржевых цен и, как следствие, индексов.

Событие – то, что имеет место, происходит, наступает в произвольной точке пространства–времени; значительное происшествие, явление или иная деятельность как факт общественной или личной жизни.

Попытки формализовать события уже предпринимались, однако численно определить информационные характеристики события можно, лишь применив поряд-

ковую шкалу. Её использование вполне возможно, достаточно вспомнить микроэкономический подход к оценке потребительского поведения. Соответственно, субъекты рынка являются «потребителями» ценных бумаг и, следовательно, все характеристики потребительского поведения им также присущи. Результатом классификации событий в течение дня будет предложенный ивент-фактор (IF_i , формула 2). Однако этот показатель будет не просто оцениваться статистически, но и использоваться для оценки информационной эластичности по следующей формуле:

$$E_{Ie} = \frac{\Delta I \text{ или } \Delta P}{\Delta IF_i}, \quad (3)$$

где E_{Ie} – коэффициент информационной эластичности;

ΔI или ΔP – изменение индекса биржи или котировки ценной бумаги, выраженное в процентах;

ΔIF_i – среднее изменение ивент-фактора i -го дня.

Как видно из формулы, рассчитывается среднее изменение ивент-фактора. Кроме того, будет использована и скользящая

средняя. Это необходимо сделать, чтобы размах значений коэффициента имел меньший диапазон, так как количество событий может значительно отличаться по отдельным дням. Использование средних величин даст возможность это влияние нивелировать. Скользящая средняя также позволит «сгладить» влияние отдельного дня, что соответствует влиянию одного дня на другой и забыванию. То есть при расчёте изменения ивент-фактора его базовое значение берётся по модулю. Это сделано для того, чтобы, при наличии предыдущего отрицательного ивент-фактора, последующий отрицательный фактор не уменьшал, а, наоборот, усиливал его, что будет правильно исходя из логики формирования данного показателя. Далее определимся с возможными значениями коэффициента и их интерпретацией (табл. 1). Как видно из приведенной таблицы, коэффициент имеет два «полюса»: либо рынок не связан с экономикой – и события не вызывают реакцию рынка, либо рынок проявляет активность на фоне событийного затишья, что косвенно подтверждает инсайдерское воздействие. Однако в обоих случаях рынок является информационно

Таблица 1. Значения коэффициента информационной эластичности фондового рынка и их интерпретация

Значение коэффициента	Форма эластичности	Интерпретация	Тип рыночной структуры
$E_{Ie} < \text{экстремальных значений}$	Абсолютно неэластичный	Множество событий не находят отражения в динамике курсов – фактически рынок не связан с экономикой государства. Рынок неэффективен.	Монополия (монопсония)
$0,09 < E_{Ie} < 0,9$	Неэластичный	Рынок слабо реагирует на события внутри страны, его доля в общем экономическом обороте незначительна. Рынок эффективен в слабой форме.	Олигополия
$E_{Ie} \approx 1$ ($0,9 < E_{Ie} < 1,1$)	Единичная эластичность	События напрямую влияют на динамику курсов. Рынок эффективен.	Монополистическая конкуренция
$1,1 < E_{Ie} < \text{экстремальных значений}$	Эластичный	Курсы ценных бумаг (или индекс биржи) активно реагирует на события. Рынок эффективен в сильной форме.	Совершенная конкуренция
$E_{Ie} = \text{экстремальных значений}^*$	Абсолютно эластичный	Цены (индекс) значительно изменяются без видимых причин (события, которые могут вызвать такие изменения, практически отсутствуют). Угроза инсайдерского воздействия. Рынок не эффективен.	Монополия
* Экстремальное значение определяется эмпирически на основе анализа выбросов (составлено автором).			

неэффективным. Таблица содержит в последнем столбце тип рыночной структуры. Данный показатель приведен здесь в связи со сформулированной дополнительной нулевой формой информационной эффективности, в соответствии с типами рыночных структур.

Таким образом, логически увязывается теоретическая основа методики представленного исследования.

Далее покажем практическое применение предложенного метода. Прежде всего, необходимо описать созданную событийную базу исследования. Данная база, первоначально созданная в виде таблицы EXEL, охватывает временной период с 3 мая 2008 по 31 декабря 2013 г., а именно 1857 дней (то есть фактически за пять лет). В качестве источника информации использовались различные новостные интернет-ресурсы. Кроме того, база содержит данные о курсе доллара США к гривне и индексы ПФТС и Украинской биржи, для чего были использованы данные официальных сайтов НБУ, ПФТС и УБ.

Кодировка событий и другие подготовительные процедуры включали следующие действия:

- всем событиям были присвоены веса, рассчитанные в ивент-еденицах;
- далее все веса событий были агрегированы по вертикали, то есть индекс одинаковых событий (если зарегистрировано несколько событий одного вида) были суммированы;
- следующее действие – это суммирование событий по горизонтали – расчёт событийного профиля.

Расчёт ивент-фактора и событийного профиля дня. После этого был рассчитан событийный профиль дня по формуле 1 и ивент-фактор дня по формуле 2. Расчёт коэффициента информационной эластичности был проведен по формуле 3. Проверку

ГЭР с использованием коэффициента информационной эффективности целесообразно провести в несколько этапов:

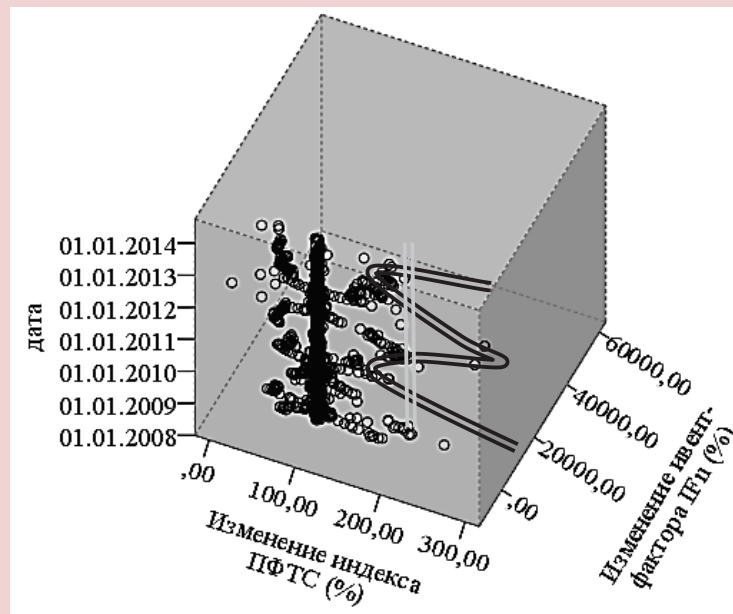
1. Рассчитаем критериальные границы коэффициента информационной эластичности.
2. Проведём группировку данного коэффициента в зависимости от типа эластичности.
3. Определимся с особенностями событийных конфигураций, вызывающих смену тренда (связь выбросов и событий) и др.
4. Рассчитаем критериальные границы коэффициента информационной эластичности.

Определимся с количеством групп наблюдений. С этой целью построим диаграмму рассеяния (простой разброс и с временной привязкой). Диаграммы строятся по двум координатам: изменение индекса ПФТС и изменение ивент-фактора, дня – для простого разброса и по трём координатам и добавим дату (рис. 2).

Данные показатели, а именно изменения индекса и ивент-фактора выбраны в качестве координат, так как они являются элементами формулы (3) информационной эластичности. Однако, как видно из диаграмм, чёткого выделения определённых групп не наблюдается – сказывается большое количество случаев (вместе с тем на рис. 2 двойной линией выделен Ψ -образный «перечёркнутый» след, о котором речь пойдет ниже). Чтобы решить данную проблему, воспользуемся более мощным инструментом – кластерным анализом. Суть метода заключается в формировании групп на основе предварительно заданных переменных.

Для определения оптимального количества кластеров решающее значение имеет показатель, выводимый под заголовком «коэффициенты».

Рисунок 2. Диаграмма рассеяния Δ ПФТС и Δ IF_n с временной привязкой (выделен W-образный след рассеяния точек-объектов)*

* Составлено автором.

Под этим коэффициентом подразумевается расстояние между двумя кластерами, определенное на основании выбранной дистанционной меры с учётом предусмотренного преобразования значений. В данном случае это квадрат евклидова расстояния, определенный с использованием стандартизованных значений (табл. 2). На данном этапе, где эта мера расстояния между двумя кластерами увеличивается скачкообразно, процесс объединения в новые кластеры необходимо остановить, так как в противном случае были бы объединены уже кластеры, находящиеся на относительно большом расстоянии друг от друга.

В рассматриваемом случае – это скачок с 20,483 до 99,389. Это означает, что после образования пяти кластеров объединения не производятся, а результат с пятью кластерами является оптимальным.

Оптимальным считается число кластеров равное разности количества наблюдений (в данном случае: 1850) и количество шагов, после которого коэффициент увеличивается скачкообразно (шаг 1845). Таким образом, оптимальное число групп составляет пять, что соответствует ранее сделанному предположению о видах информационной эластичности. После этого, естественно, с помощью специальной программы, где есть соответствующая функция отбора пяти максимальных и минимальных значений (выбросы) коэффициента, определимся с численными границами экстремальных (крайних) групп (табл. 3):

Из таблицы следует, что экстремальным значением будет величина $\approx \pm 3$.

Преобразуем таблицу 1 в таблицу следующего вида, где укажем рабочие критерии (табл. 4):

Таблица 2. Порядок агломерации (рассчитано на основе базы данных «База событий информационной эффективности фондового рынка Украины 2008–2013 гг.»)¹⁰

Шаг	Объединение в кластеры		Коэффициенты	Шаг, на котором кластер появляется впервые		Следующий шаг
	Кластер 1	Кластер 2		Кластер 1	Кластер 2	
1	1790	1857	0,000	0	0	2
2	2	1790	0,000	0	1	4
3	1725	1732	0,000	0	0	4
...	...	...	...	...	...	...
1844	882	1315	10,809	0	0	1847
1845	2	11	15,379	1843	1842	1848
1846	239	1386	20,483	1841	0	1848
1847	882	1309	99,389	1844	0	1849
1848	2	239	230,134	1845	1846	1849
1849	2	882	1631,989	1848	1847	1850
1850	2	1756	109673,216	1849	0	0

Примечание. Здесь и далее источником является указанная база данных.

Таблица 3. Предельные (экстремальные) значения коэффициента информационной эластичности

Значения		Номер случая	E_{ie}
Максимальные	1	1386	17,96238
	2	239	14,33097
	3	1053	12,69184
	4	1238	3,91086
	5	1141	3,40330
Минимальные	1	882	-45,0109
	2	1315	-41,7232
	3	1309	-33,5341
	4	1695	-5,28390
	5	1236	-4,38490

Таблица 4. Критериальные значения коэффициента информационной эластичности фондового рынка и их интерпретация¹¹

№ п/п	Значение коэффициента	Форма эластичности	Интерпретация	Тип рыночной структуры
1.	$E_{ie} \leq -5$	Абсолютно неэластичный	Рынок неэффективен	Монополия (монополия)
2.	$-5 < E_{ie} \leq 0,9$	Неэластичный	Рынок эффективен в слабой форме	Олигополия
3.	$E_{ie} \approx 1$ ($0,9 < E_{ie} < 1,1$)	Единичная эластичность	Рынок эффективен	Монополистическая конкуренция
4.	$1,1 < E_{ie} \leq 3$	Эластичный	Рынок эффективен в сильной форме	Совершенная конкуренция
5.	$E_{ie} > 3$	Абсолютно эластичный	Угроза инсайдерского воздействия. Рынок неэффективен	Чистая монополия

¹⁰ А. с. 2015620988 РФ, «База данных «База событий информационной эффективности фондового рынка Украины 2008–2013 гг.»» Рос. Федерация: зарегистрирована в государственном реестре программ для ЭВМ г. / К.А. Малышенко (РФ); заявлено 3.04.2015; опубл. 20.07.2015, Бюл. № 7. – 1 с.

¹¹ Малышенко К.А. Информационная эффективность фондового рынка: монография / К.А. Малышенко. – Симферополь: АРИАЛ, 2014. – 443 с.

В соответствии с выбранными границами сгруппируем рассматриваемые значения предложенного коэффициента в пять групп:

1. Группа – значения E_{le} – абсолютно неэластичные – при наличии значительных событий рынок не реагирует.
2. Группа – значения E_{le} – неэластичные – при наличии значительных событий рынок реагирует слабо.
3. Группа – значения E_{le} – имеющие единичную эластичность – при наличии значительных событий рынок реагирует пропорционально.
4. Группа – значения E_{le} – эластичные – при наличии значительных событий рынок реагирует в большем масштабе.
5. Группа – значения E_{le} – абсолютно эластичные – при отсутствии значительных событий рынок имеет значительные реакции.

Под реагированием здесь имеются в виду значительные изменения индексов, превышающие обычные флюктуации.

Вернёмся к рисунку 2 и представим его более схематично, при этом сделаем привязку выделенных подмножеств, имеющих след W-образной формы с привязкой к определённым выше (табл. 4) формам эластичности (рис. 3). Из приведенной схемы видно, что имеется пять групп (это соответствует и результатам кластерного анализа), которые содержат значения коэффициента информационной эластичности от абсолютно неэластичных до абсолютно эластичных.

Линия, которая проходит через все группы, содержит случаи с единичной эластичностью, и, соответственно, переход от одной группы приблизительно проходит через данную область.

Рисунок 3. Схематичная диаграмма рассеяния с привязкой к формам эластичности*

* Составлено автором.

Кроме того, полученная совокупность случаев может быть описана в виде нескольких функций регрессии и быть использована для прогнозирования. В этом заключается её теоретическое значение. Необходимо отметить, что: во-первых не все точки точно вошли в выделенные группы – часть их разбросана возле данных линий – четко вхождение точек-объектов наблюдается только на графиках теоретических зависимостей; во-вторых, трёхмерная форма несколько искажает восприятие схемы, однако, если вспомнить график спроса на фондовом рынке, имеющий ступенчатую форму, приведенный рисунок ему в той или иной форме соответствует, и, в-третьих, данный график содержит в качестве точек-объектов не абсолютные, а относительные величины (коэффициенты) и они могут иметь погрешности. После этого по эмпирическим данным авторской базы была проведена группировка коэффициентов с присвоением им соответствующих номеров групп. Таким образом, в событийной базе возникает новая переменная – номер группы («ГРУППА»), частоты которой представлены в *таблице 5*.

Группа 1 и 5 ожидаемо (исходя из установленного нами диапазона для выбросов) содержат по пять случаев, или 0,3% от всей совокупности. Наиболее многочисленная вторая группа содержит 99,0% всех случаев. В третьей группе всего 2 случая, или 0,1%. Четвёртая группа включила всего 7 случаев, или 0,4% от общего числа.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что фондовый рынок Украины в основном является неэластичным, то есть рынок эффективен в слабой форме, что соответствует такому типу рынка, как олигополия. Данный итог подтверждает вывод, ранее сделанный в результате использования стандартных традиционных статистических процедур. Однако предложенный метод позволяет анализировать ежедневную динамику поведения рынка и оценивать его эффективность при проведении мероприятий государственной политики в области финансов.

Проведём анализ по предложенной методике, также в разрезе отдельных лет (кварталов или ежемесячно) анализируемого периода, чтобы оценить, насколько изменилась структура рынка (доли отдельных групп E_{ie}) (*табл. 6*).

Таким образом, за анализируемый период было выявлено пять подозрительных случаев (пятая группа в таблице), когда рынок проявлял активность, явно не соответствующую событийному профилю. Один случай в 2008 году и по два случая в 2011 и 2012 году. Возможно, это проявление инсайдерского воздействия. Выявленные случаи показывают, что событийный фон не соответствовал реакциям рынка, а именно: значительные изменения индекса в ту или иную сторону не находят объяснения, нет видимых событийных причин, вызвавших такие выбросы. Это и подтверждается высокими коэффициен-

Таблица 5. Количество случаев по группам E_{ie} (частотный анализ)

Группа	Частоты	Доля, %	Накопленная доля, %
1,00	5	0,3	0,3
2,00	1838	99,0	99,2
3,00	2	0,1	99,4
4,00	7	0,4	99,7
5,00	5	0,3	100,0
Итого	1857	100,0	-

Таблица 6. Количество случаев в каждой группе E_{ie} по годам

Год	Группа					Итого
	1,0	2,0	3,0	4,0	5,0	
2008,00		241		1	1	243
2009,00		303				303
2010,00		275		1		276
2011,00	1	355			2	358
2012,00	3	644	2	5	2	656
2013,00		21				21
Итого	4	1839	2	7	5	1857

тами информационной неэластичности. Рассмотрим подробнее эти случаи. Определимся с месяцем и датой выявления данной аномалии. Наиболее значимыми были коэффициенты, характеризовавшие рынок как информационно неэластичный 22 августа 2011, 27 декабря 2008, 29 февраля и 27 июля 2012, 21 ноября 2011 гг.

Необходимо выяснить, что происходило в эти дни и в последующие за этой датой пять дней, чтобы выяснить возможные причины и исключить ошибочность выводов по причине пропуска какого-то события регистратором, формировавшим событийную базу. При более подробном изучении событийного фона по указанным выше датам, где были отмечены значительные изменения, особых причин для них не наблюдалось. Исключение составляет только 21 ноября 2011 года, когда был принят «Порядок составления, подачи запросов на публичную информацию и ее получения в Государственной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку», что, безусловно, могло повлиять на котировки, так как теперь инвестор в соответствии с этим законом мог получить гораздо больше сведений об объекте инвестирования. Последующие события имели незначительный характер, например 25 ноября было изменено «Положение о порядке определения чистой стоимости активов негосударственного пенсионного фонда (открытого, корпора-

тивного, профессионального)», к тому же произошедшее фактически через 4 дня. Следует отметить, что данное событие не было «замечено» при регистрации событий и объясняет необходимость рассмотрения «по сути» любого случая выбросов. В остальные дни ситуация была значительно сложнее. Так, 22 августа 2011 и 27 июля 2012 года особых событий не наблюдалось – их нет в событийной базе, к тому же их не обнаружено и при более подробном анализе, проведенном по этим датам. Вместе с тем последующие дни содержат события, связанные с юридической стороной ведения операций на фондовом рынке, законодательной и инструктивной базой. Так, на следующий день от даты выброса – 23 августа принято восемь документов и 25 августа – ещё один, но не менее важный – «О внесении изменений в „Правила рассмотрения дел о нарушении требований законодательства на рынке ценных бумаг и применения санкций”». По выбросу 27 июля 2012 года ситуация аналогичная: 30 июля (а это следующий рабочий день после даты выброса) принимаются три достаточно важных документа; кроме того, 1 и 6 августа были приняты законы, также связанные с фондовым рынком. Аналогична ситуация и по выбросам 27.12.2008 и 29.02.2012, когда в течение последующих дней (на следующий рабочий день) принимаются законодательные акты, связанные с фондовым

рынком, однако в эти дни были опубликованы и общеэкономические законы, и правительственные решения, связанные с ценообразованием на газ, что затрагивает практически все предприятия, котировки акций которых используются для расчёта биржевого индекса.

Таким образом, были получены эмпирические подтверждения значительной точности (в четырёх случаях из пяти) использования предложенной методики для выявления инсайдерского воздействия, что свидетельствует о возможности её применения для целей пруденциального надзора операций, совершаемых на фондовом рынке соответствующими контролирующими органами.

Первопричиной инсайдерского воздействия является несовершенство системы регулирования фондового рынка стран развивающейся экономикой, что позволяет использовать её для получения монопольной власти и сверхдоходов, вследствие чего нередко нарушаются права мелких инвесторов, прежде всего, на информацию. Несмотря на то, что ГЭР фактически является идеализацией, которая не в полной мере отражает реальное состояние, она служит измерителем относительной эффективности рынков, в чём заключается практическое значение построенного на её основе событийного анализа. Для его

применения нужно иметь совершенную систему раскрытия информации, которая, к сожалению, в странах СНГ еще недостаточно развита. Тем не менее можно констатировать:

1. Приведенный подход позволяет провести исследования гипотезы эффективного рынка в условиях недостаточного информирования на основании событийного анализа. Для этого в работе обоснован авторский метод событийного анализа оценки информационной эффективности, разработана теоретическая основа по формированию событийной базы исследования и др.

2. На основе эмпирического исследования были определены критериальные значения коэффициента информационной эластичности фондового рынка и их интерпретация, выделены пять групп в соответствии с типами рыночных структур и с их помощью проведена группировка всех наблюдений.

3. В результате группировки было выявлено пять подозрительных случаев, когда рынок проявлял активность, явно не соответствующую событийному профилю, и были получены эмпирические подтверждения значительной точности (в четырёх случаях из пяти) использования предложенной методики для выявления инсайдерского воздействия.

Литература

1. А. с. 2015620988 РФ, «База данных «База событий информационной эффективности фондового рынка Украины 2008–2013 г.г.» Рос. Федерация: зарегистрирована в государственном реестре программ для ЭВМ г. / К.А. Малышенко (РФ); заявлено 3.04.2015; опубл. 20.07.2015, Бюл. № 7. – 1 с.
2. Блищик, С.Л. Проблеми та перспективи розвитку фондового ринку України / С.Л. Блищик // Управління розвитком. – 2011. – № 9 (108). – С. 65-67.
3. Дамодаран, А. Инвестиционная оценка. Инструменты и техника оценки любых активов: пер. с англ. / А. Дамодаран. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – 1342 с.
4. Дэвис, М.Х.А. Линейное оценивание и стохастическое управление / М.Х.А. Дэвис; пер. с англ.: М.В. Бурнашева, А.А. Новикова; под ред. А.Н. Ширяева. – М.: Наука, 1984. – 205 с.

5. Зиненко, А.В. Событийный индикатор финансового рынка / А.В. Зиненко // Вестник Сибирского аэрокосмического университета им. ак. Решетнева, МФ: сб. науч. тр. – Красноярск: СибГАУ, 2006. – Вып. 6 (13). – С. 126-129.
6. Климарев, Н.В. Методологические проблемы применения метода событийного анализа в финансовых исследованиях / Н.В. Климарев, С.С. Студников // Вестник Московского университета. – Серия 6: Экономика. – 2011. – № 6. – С. 58-67.
7. Малышенко, К.А. Информационная эффективность фондового рынка: монография / К.А. Малышенко. – Симферополь: АРИАЛ, 2014. – 443 с.
8. Мошенский, С.З. Трансформационные процессы на мировых рынках ценных бумаг / С.З. Мошенский // Финансы Украины. – 2009. – № 7. – С. 54-63.
9. Шевченко, И.Г. Порядок и хаос рынка акционерного капитала России / И.Г. Шевченко. – М.: Упр. персоналом, 2003. – 216 с.
10. Academic Economics: Strengths and Fouls After Considering Interdisciplinary Needs. [Text] / Herb Kay Undergraduate Lecture University of California, October 3, 2003.
11. Bondt, W. De. Does the Stock Market Overreact. [Text] / W. De Bondt, R. Thaler. // Journal of Finance. 1985. № 40. P. 793-808.
12. Becker K.-G., Finnerty J., Friedman J. Economic news and equity market linkages between the U.S. and U.K. // Journal of Banking and Finance 19. 1995. 1191-1210 p.
13. Dominguez, Kathryn M. Does foreign exchange intervention work? [Text] / Kathryn M. Dominguez, Jeffrey A. Frankel // Institute for International Economics. Washington, DC, 1993.
14. Fama, Eugene Efficient Capital Markets: A Review of Theory and Empirical Work [Text] / E. Fama // Journal of Finance. – 1970. – 25. – P. 383-417.
15. Fama, E.F. Fisher L, Jensen M.C., Roll R. “The Adjustment of Stock Prices to New Information” [Электронный ресурс] // International Economic Review, 10(1). 1969. pp. 1-21. URL: <http://links.jstor.org/sici> (дата обращения: 21.03.2016).
16. Holland, J.H. Adaptation in Natural and Artificial systems [Text] / J.H. Holland. 2nd. ed. S. 1. – The MIT Press, 1992.
17. Humpage, Owen F. Dollar Intervention and the Deutschmark-Dollar Exchange Rate: A Daily TimeSeries Model [Text] / Owen F. Humpage // Working Paper 8404. Federal Reserve Bank of Cleveland, 1984.
18. Shefrin, H. The Disposition to Sell Winners Too Early and Ride Losers Too Long: Theory and Evidence [Text] / H. Shefrin, M. Statman. // Journal of Finance. 1985. № 40. – P. 777-790.
19. Simon, H. Administrative Behaviour: A Study of Decision Making Processes in Administrative Organization [Text] / H. Simon. – New York, 1947.
20. Tuma, N.B. Dynamic analysis of event histories [Text] / N.B. Tuma, M.T. Hannan, L. P. Groeneveld // American Journal of Sociology, 1979. 349. 820. 854. p.
21. Tversky, A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. / Tversky A., Kahneman D. – S. I., Econometrica, 1979.
22. Warwick, Ben Event trading: profiting from economic reports and short-term market inefficiencies Event Trading [Text] / Ben Warwick // Hardcover. Chicago [u.a.]: Irwin, 1996.

Сведения об авторах

Константин Анатольевич Малышенко – кандидат экономических наук, доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Институт экономики и управления (298635, Россия, Республика Крым, г. Ялта, ул. Халтурина, д. 14, docofecon@mail.ru)

Malysenko K.A.

Studying the Stock Market of Ukraine with the Use of the Event Analysis

Abstract. The study presents basic principles of the event analysis developed for the purpose of improving the forecasting of market conditions. The aim of the study is to create the theoretical foundations of the event analysis of the stock market and their empirical substantiation. This type of analysis will make it possible to take into consideration the general trends in the stock market more comprehensively. For this purpose, the authors present the mathematical tools of the study, disclose the theoretical basis and genesis of the method proposed. In addition, the article contains the statistical analysis of the stock market performed with the use of traditional statistical methods and with the tools of the event analysis, first of all, the information elasticity. Empirical testing on the data on exchange rates and PFTS and the Ukraine Stock Exchange indices allowed the authors to establish the connection between events and changes in the indices, to identify several cases of excessive response that may be indicative of insider influence. Among the authors most notable for their recent works on this topic it necessary to mention N. Tuma, M. Hannan, O. Humpage and others. In their studies they reveal quite comprehensively the importance of the event analysis for forecasting purposes, the connection of this type of analysis to the hypothesis of market efficiency, its methods and approaches. However, there are several urgent tasks to be solved in this study: discovering the connection between the event and the change in the exchange rate, identifying possible reactions of the market to different types of events, and defining concepts such as event, event profile and event analysis of the stock market. Since economic or political events can influence the behavior of the market during the time period lasting up to several weeks, months, and even years, it is obvious that the use of fundamental analysis is justified only given the long-term forecasting. The value position of the author on the subject consists in enhancing investors' confidence in the domestic stock market, increasing its transparency and, consequently, liquidity. This approach forms the basis for the creation of a new subject area for analyzing the impact of events on stock dynamics.

Key words: efficient market hypothesis (EMH), elasticity, stock market, efficient market, information efficiency.

References

1. A. s. 2015620988 RF, "Baza dannykh "Baza sobytii informatsionnoi effektivnosti fondovogo rynka Ukrainy 2008-2013 g.g." Ros. Federatsiya: zaregistrirovana v gosudarstvennom reestre programm dlya EVM g. / K.A. Malysenko (RF); *zayavleno 3.04.2015; opubl. 20.07.2015, Byul. № 7. – 1 s.* [A. s. 2015620988 Russian Federation, "Database "Database of the events of the information efficiency of the stock market of Ukraine in 2008–2013"". Russian Federation: registered with the state register of computer programs. K.A. Malysenko (Russian Federation); declared 3 April 2015; published 20 July 2015, bulletin no. 7. 1 p.]. (In Russian).
2. Blishchik S.L. Problemi ta perspektivi rozvitku fondovogo rinku Ukraïni [Problems and prospects of development of the stock market of Ukraine]. *Upravlinnya rozvitkom* [Development management], 2011, no. 9 (108), pp. 65-67.
3. Damodaran A. *Investitsionnaya otsenka. Instrumenty i tekhnika otsenki lyubykh aktivov* [Investment valuation: tools and techniques for determining the value of any asset]. Translated from English. Moscow: Al'pina Biznes Buks, 2004. 1342 p. (In Russian).
4. Davis M.H.A. *Lineinoe otsenivanie i stokhasticheskoe upravlenie* [Linear estimation and stochastic control]. Translated from English by M.V. Burnashev and A.A. Novikov. Ed. by A.N. Shiryaev. Moscow: Nauka, 1984. 205 p. (In Russian).

5. Zinenko A.V. Sobytiinyi indikator finansovogo rynka [Event indicator of the financial market]. *Vestnik Sibirskogo aerokosmicheskogo universiteta im. ak. Reshetneva, MF: sb. nauch. tr.* [Vestnik of Siberian State Aerospace University: collection of scientific works], 2006, no. 6 (13), pp. 126-129. (In Russian).
6. Klimarev N.V., Studnikov S.S. Metodologicheskie problemy primeneniya metoda sobytiinogo analiza v finansovykh issledovaniyakh [Methodological problems of application of event study method in financial researches]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. – Seriya 6: Ekonomika* [Moscow University Economics Bulletin], 2011, no. 6, pp. 58-67. (In Russian).
7. Malysenko K.A. *Informatsionnaya effektivnost' fondovogo rynka: monografiya* [Informational efficiency of stock markets: monograph]. Simferopol': ARIAL, 2014. 443 p. (In Russian).
8. Moshenskii S.Z. Transformatsionnye protsessy na mirovykh rynkakh tsennykh bumag [Transformation processes in the global securities markets]. *Finansy Ukrainy* [Finances of Ukraine], 2009, no. 7, pp. 54-63. (In Russian).
9. Shevchenko I.G. *Poryadok i khaos rynka aktsionernogo kapitala Rossii* [Order and chaos of Russian capital stock market]. M.: Upr. personalom, 2003. 216 p. (In Russian).
10. *Academic Economics: Strengths and Faults after Considering Interdisciplinary Needs*. Herb Kay Undergraduate Lecture University of California, October 3, 2003.
11. Bondt W. De., Thaler R. Does the stock market overreact. *Journal of Finance*, 1985, no. 40, pp. 793-808.
12. Becker K.-G., Finnerty J., Friedman J. Economic news and equity market linkages between the U.S. and U.K. *Journal of Banking and Finance*, 1995, no. 19, pp. 1191-1210.
13. Dominguez K.M., Frankel J.A. *Does foreign exchange intervention work?* Institute for International Economics. Washington, DC, 1993.
14. Fama E. Efficient capital markets: a review of theory and empirical work. *Journal of Finance*, 1970, no. 25, pp. 383-417.
15. Fama E.F., Fisher L., Jensen M.C., Roll R. The adjustment of stock prices to new information. *International Economic Review*, 1969, no. 10 (1), pp. 1-21. Available at: <http://links.jstor.org/sici> (accessed 21.03.2016).
16. Holland J.H. *Adaptation in natural and artificial systems*. 2nd edition. The MIT Press, 1992.
17. Humpage O.F. *Dollar Intervention and the Deutschmark-Dollar Exchange Rate: A Daily TimeSeries Model. Working Paper 8404*. Federal Reserve Bank of Cleveland, 1984.
18. Shefrin H., Statman M. The disposition to sell winners too early and ride losers too long: theory and evidence. *Journal of Finance*, 1985, no. 40, pp. 777-790.
19. Simon H. *Administrative Behaviour: A Study of Decision Making Processes in Administrative Organization*. New York, 1947.
20. Tuma N.B., Hannan M.T., Groeneveld L.P. Dynamic analysis of event histories. *American Journal of Sociology*, 1979, no. 84 (4), pp. 820-854.
21. Tversky A., Kahneman D. *Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk*. *Econometrica*, 1979.
22. Warwick B. *Event trading: profiting from economic reports and short-term market inefficiencies*. Chicago: Irwin, 1996.

Information about the Author

Konstantin Anatol'evich Malysenko – Ph.D. in Economics, Associate Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Humanities and Education Science Academy (branch), Institute of Economics and Management (14, Khalturin Street, Yalta, Republic of Crimea, 298635, Russian Federation, docofecon@mail.ru)

Статья поступила 22.06.2016.

Социальная ответственность бизнеса: методы оценки и региональное измерение

**Екатерина Дмитриевна
КОПЫТОВА**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
ekaterina-razgylina@yandex.ru

Аннотация. Для выполнения в полном объеме переданных полномочий в условиях недостаточных финансово-экономических возможностей органам власти необходим поиск дополнительных источников развития. При этом один из ключевых субъектов экономических отношений представляют бизнес-структуры, которые обладают значительным объемом финансовых, инвестиционных, трудовых и иных ресурсов. В данной связи актуальным является развитие взаимовыгодного сотрудничества органов власти и хозяйствующих субъектов. Его эффективной формой, как свидетельствует мировой опыт, выступает социальная ответственность. Однако такая практика не получила широкого распространения в России, а в отечественных исследованиях уделяется недостаточное внимание конкретным инструментам, способствующим повышению роли хозяйствующих субъектов в решении социально-экономических задач территорий. В работе выделены сложившиеся подходы к пониманию социальной ответственности бизнеса и представлена авторская трактовка данной экономической категории. На основе разработанного методического инструментария выполнена оценка социальной ответственности крупнейших предприятий химической промышленности Северо-Западного федерального округа. Опрос руководителей предприятий Вологодской области и г. Вологды, проведенный ИСЭРТ при непосредственном участии автора, позволил выявить проблемы формирования социальной ответственности и перспективы ее развития. Исходя из этого автором предложен комплекс реко-

Для цитирования: Копытова, Е.Д. Социальная ответственность бизнеса: методы оценки и региональное измерение // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 254-271. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.14

For citation: Kopytova E.D. Corporate Social Responsibility: from Theory to the Practice of Development in Russia *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 254-271. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.14

мендаций для органов власти, направленных на устранение негативных факторов, тормозящих исследуемый процесс. В работе использованы системный подход, структурно-функциональный анализ, метод экспертных оценок, группировки, сравнения и обобщения, применены табличные и графические приемы визуализации данных. Информационной базой исследования послужили годовые отчеты хозяйствующих субъектов (АО «ФосАгро» и «Акрон»), составленные как по международным (консолидированная финансовая отчетность), так и российским стандартам бухгалтерского учета, а также данные Федеральной службы государственной статистики, Федеральной налоговой службы и результаты опросов руководителей хозяйствующих субъектов. Материалы статьи могут быть использованы в научной, образовательной деятельности. Они представляют практический интерес для органов власти и управления, совершенствующих экономическую политику, направленную на повышение вклада субъектов хозяйствования в региональное развитие.

Ключевые слова: социальная ответственность бизнеса, взаимодействие, органы власти, региональное развитие, оценка.

Современный этап социально-экономического развития России и ее регионов характеризуется недостатком бюджетных ресурсов на финансирование не только стратегических, но и текущих задач. Ситуация усугубляется введением политических и экономических санкций против России, значительными колебаниями цен на нефть и обменного курса рубля, ростом недоверия бизнеса к органам власти, сопровождаемого увеличением оттока капитала. Эти обстоятельства обуславливают необходимость поиска путей комплексного решения социально-экономических проблем.

В настоящее время становится очевидным тот факт, что обеспечение высоких и устойчивых темпов развития территорий невозможно без заинтересованного партнерства органов государственной власти с представителями бизнес-структур. В исследованиях ведущих зарубежных и отечественных ученых (Дж. Бэнон, Дж. Гелбрейт, К. Макконнелл, В. Ойкен, М. Портер, О. Уильямсон, Ф. Хайек, М.А. Гусаков, В.В. Окрепилов, В.С. Селин, А.И. Татаркин, Т.В. Ускова и др.) доказано, что важную роль в обеспечении соци-

ально-экономического развития регионов играют ресурсы частного сектора.

При этом органы власти также располагают ресурсами (экономическими, административными, политическими, информационными), доступ к которым может быть полезен и выгоден бизнес-структурам, обладающим финансовыми, экспертными, инновационными, управленческими ресурсами [15, 19]. Следовательно, для привлечения хозяйствующих субъектов к решению задач социально-экономического развития территорий необходимо согласование интересов, поиск взаимовыгодных форм сотрудничества.

Одной из перспективных форм взаимодействия власти и бизнеса, позволяющих эффективно решать социально-экономические задачи развития территорий, является социальная ответственность бизнеса (СОБ). Однако в российской деловой среде понимание данной категории только зарождается, а в исследованиях уделяется недостаточное внимание изучению конкретных форм, методов и инструментов, способствующих повышению роли хозяйствующих субъектов в региональном развитии.

Несмотря на увеличение количества исследований в области социальной ответственности, численность дефиниций данной экономической категории достаточно велика. В России наиболее распространено определение, которое дано Ассоциацией менеджеров, в котором под социальной ответственностью понимается добровольный вклад бизнеса в развитие экономической, социальной и экологической сфер. Схожей формулировки придерживается Внешэкономбанк: социальная ответственность – добровольный вклад предприятия в развитие общества в социально-экономической и экологической сферах, который осуществляется большей частью дополнительно по отношению к требованиям законодательства. Фонд «Институт экономики города» описывает ее как комплексную ответственность гражданина, работодателя, бизнес-партнера, участника социальных отношений.

Различные интерпретации социальной ответственности бизнеса в западном мире существуют уже достаточно давно (табл. 1). Классический подход известен теорией корпоративного эгоизма, для которой характерно отрицание социальной ответственности бизнес-структур, поскольку главная цель их функционирования за-

ключается в получении и максимизации прибыли. Суть теории корпоративного альтруизма, которую разработал Комитет по экономическому развитию США, состоит в рекомендациях субъектам хозяйствования вносить определенный вклад в решение социально-экономических проблем территорий. Следующая интерпретация рассматриваемого понятия охватывает добровольные социальные программы бизнес-структур, направленные не только на поддержку определенных групп населения, но и на получение налоговых льгот и публичное признание. Осознание хозяйствующими субъектами преимуществ от благотворительных программ привело к возникновению интегрированного подхода к социальной ответственности, при котором бизнес-структуры извлекают собственные выгоды.

Имеет место и другая точка зрения относительно содержания социальной ответственности бизнеса (табл. 2). И здесь стоит отметить схожесть интегрированного и стратегического подходов. Стратегический подход к изучению СОБ, предложенный такими исследователями, как К. Девис (1960), Р. Аккреман (1973), Р. Фриман (1984), Э. Эпштайн (1987), Т. Дональдсон и Л. Престон (1995), Р. Штойер, М. Портер

Таблица 1. Интерпретации социальной ответственности бизнеса

Теория	Интерпретация
Теория корпоративного эгоизма (классический подход)	Отличительная особенность данной теории заключается в том, что единственной целью социальной ответственности она выдвигает увеличение прибыли акционеров в рамках закона; решать социальные вопросы – основная задача государства (Фридман М. Социальная ответственность бизнеса – делать деньги, 1971).
Теория корпоративного альтруизма	Суть данной теории состоит в том, что хозяйствующие субъекты должны не только выполнять задачу максимизации и получения прибыли, но и вносить вклад в решение проблем населения, окружающей среды и т.д. (Комитет по экономическому развитию США).
Теория «разумного эгоизма» (enlightened selfinterest)	Данная теория заключается в том, что расходы на социальные программы и благотворительность, спонсорство способствуют созданию благоприятного окружения, снижению налогооблагаемой базы предприятий в рамках установленных законодательных норм.
Интегрированный подход	Особенностью данного подхода является участие бизнеса в социально значимых проектах определенной области, в результате чего снижаются противоречия в интересах бизнес-структур и населения.
Источник: составлено по [2, 17, 21, 22].	

Таблица 2. Подходы к содержанию социальной ответственности бизнеса [2, 20, 23]

Подход	Сторонники	Содержание СОБ
Либеральный	Т. Левитт (1958), М. Фридман (1970)	Отрицание экономического эффекта СОБ, соблюдение установленных законом и деловыми обычаями обязательств, правил и традиций, низкий или нулевой уровень поддержки социальных проектов.
Традиционный	Представители бизнес-среды	Несистемная поддержка социальных проектов посредством спонсорства и благотворительности как дань тенденциям рынка; социальные расходы приравниваются к убыткам.
Социальный	Г. Боуэн (1953), С. Сети (1975), Д. Вуд (1991)	Внутренне- и клиентоориентированная ответственность (производство качественных товаров и услуг, уплата налогов, создание рабочих мест, достойная оплата труда персонала).
Стратегический	К. Девис (1960), Р. Аккреман (1973), Р. Фриман (1984), Э. Эпштайн (1987), Т. Дональдсон, Л. Престон (1995), Р. Штойер (2005), О. Фалк, С. Хиблич (2007)	Элемент стратегии с экономическим эффектом, направленный на решение социальных, экологических проблем внутренней и внешней среды корпорации.

и М. Креймер (2005), О. Фалк и С. Хиблич (2007), предполагает расширение границ социальной ответственности за рамки решения краткосрочных, внутренних производственных и социальных задач. Он предусматривает деятельность, направленную на решение как внутренних, так и внешних долгосрочных социальных, экологических и экономических проблем.

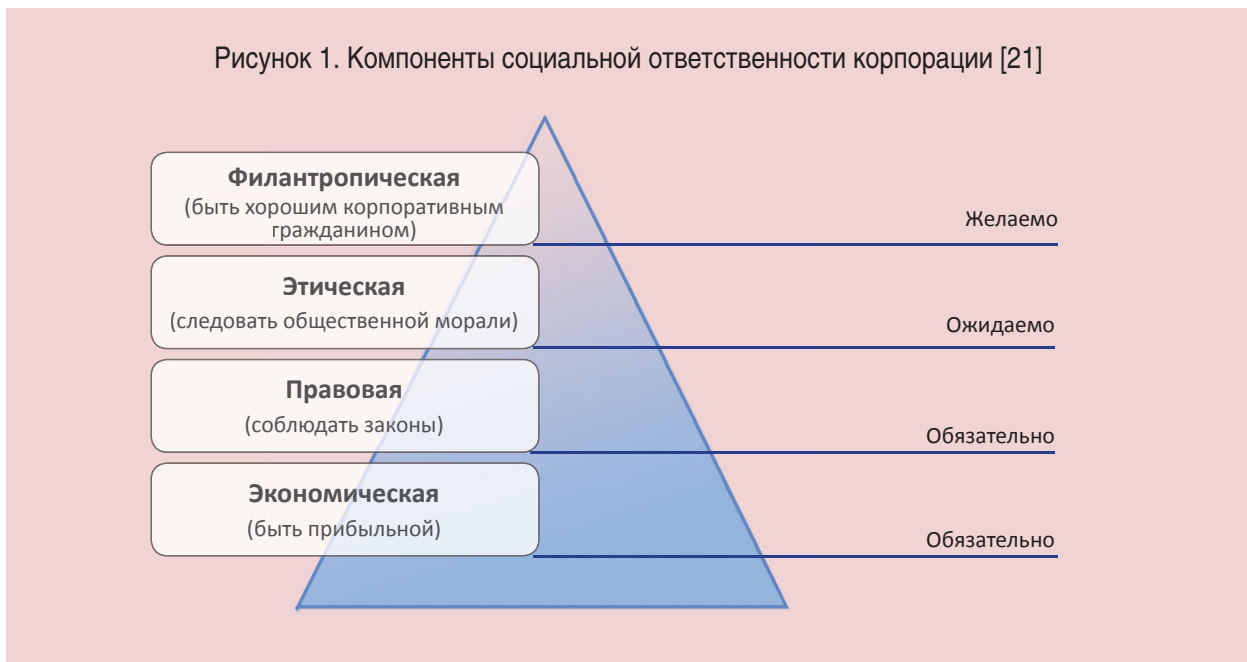
На наш взгляд, именно стратегический подход ассоциируется с успешным мировым опытом, поскольку направлен на развитие не только самого предприятия, но и территории присутствия. В соответствии с таким подходом, нами выделены две трактовки социальной ответственности бизнеса. В узком смысле под ней понимается регулирование социально-трудовых отношений на предприятии, в широком – реализация предприятием программ на уровне территории присутствия.

С учетом выявленных особенностей под *социальной ответственностью бизнеса* мы будем понимать его участие в решении социально-экономических проблем территории присутствия сверх законодательных норм в целях улучшения качества жизни и своих работников, и населения региона.

Уровни социальной ответственности бизнес-структур в виде пирамиды представил зарубежный ученый А. Керолл [21] ещё в 70-х гг. XX в. (рис. 1). Основанием пирамиды служит экономическая ответственность, поскольку это базовая функция хозяйствующего субъекта на рынке как производителя товаров и услуг, позволяющих извлекать прибыль. Правовая ответственность означает необходимость соблюдения законодательных норм в условиях рыночной экономики. Этическая ответственность подразумевает выполнение ожиданий общества от субъекта хозяйствования, не закрепленных в нормативно-правовых нормах, но основанных на действующих нормах морали и этики. Филантропическая ответственность, в свою очередь, предполагает осуществление действий бизнес-структур, направленных на поддержание и развитие благосостояния общества через добровольное участие в реализации социальных программ.

Тема социальной ответственности становится все более актуальной для российского бизнеса, поскольку предприятия, как важнейшие субъекты экономических отношений, влияют на социально-эконо-

Рисунок 1. Компоненты социальной ответственности корпорации [21]

мические процессы, протекающие в современном обществе. Кроме того, в стране происходит общее ухудшение социально-экономической ситуации. Так, среднегодовые темпы прироста ВВП в 2009–2014 гг. по сравнению с 2004–2008 гг. заметно сократились (1,1% против 7,1% соответственно). Прирост промышленного производства в 2009–2014 гг. составил 1,4% против 5,4% в 2004–2008 гг. Зафиксировано значительное падение таких показателей, как инвестиции в основной капитал (1,2 и 15,6%), оборот розничной торговли (3,5 и 14,0%), прибыль организаций (7,0 и 28,0%), доходы консолидированного бюджета (3,3 против 23,0%) [13]. Исследование среднегодовых трендов основных макроэкономических показателей говорит о резком замедлении темпов экономического развития, негативно влияющем на социальную сферу: темпы прироста реальных денежных доходов населения в 2009–2014 гг. составили лишь 2,7% (для сравнения: в 2004–2008 гг. — 10,2%).

Судя по результатам проведенного нами анализа, в течение последних лет среднегодовые темпы роста основных социально-экономических показателей регионов Северо-Западного федерального округа (СЗФО) снижались (табл. 3).

Значительный спад темпов прироста ВРП в 2008–2015 гг. по сравнению с 2000–2007 гг. наблюдается в Республике Карелия (5,0% против -1,1%), Мурманской (1,7% против -1,0%) и Вологодской (4,7% против -0,7%) областях. Промышленное производство в этот период развивалось стабильно, но восстановить докризисный уровень до сих пор не удалось. Кроме того, нельзя не отметить и низкий уровень инвестиций во всех регионах СЗФО, кроме Республики Коми, Мурманской и Новгородской областей. Это становится угрозой для стабильного развития социальной сферы: темпы роста среднедушевых денежных доходов населения в 2008–2015 гг. значительно ниже, чем в 2000–2007 гг.

Таблица 3. Среднегодовые темпы роста основных социально-экономических показателей регионов СЗФО в 2000–2015 гг., % (в сопоставимых ценах 2015 года)

Субъект СЗФО	ВРП*		Объем промышленного производства		Объем продукции сельского хозяйства		Инвестиции в основной капитал		Объем выполненных работ в строительстве		Среднедушевые доходы населения	
	2000–2007 гг.	2008–2015 гг.	2000–2007 гг.	2008–2015 гг.	2000–2007 гг.	2008–2015 гг.	2000–2007 гг.	2008–2015 гг.	2000–2007 гг.	2008–2015 гг.	2000–2007 гг.	2008–2015 гг.
СЗФО	107,5	101,6	108,8	104,4	98,7	103,9	118,0	97,9	116,5	106,8	112,9	102,7
Республика Карелия	105,0	98,9	142,5	115,4	98,1	99,4	107,4	98,3	113,2	103,7	108,1	101,7
Республика Коми	103,6	100,5	104,1	102,6	97,4	101,6	107,5	105,0	115,9	108,4	109,5	99,4
Архангельская область	109,2	101,1	112,9	103,7	93,1	98,0	126,5	93,1	114,9	103,9	110,9	104,0
Вологодская обл.	104,7	99,3	104,4	102,9	97,6	98,8	125,5	92,7	118,1	105,9	111,4	102,2
Калининградская область	110,3	102,0	120,0	108,9	99,5	107,2	119,9	94,9	117,3	105,9	114,4	102,2
Ленинградская область	110,6	102,9	113,7	105,5	101,5	104,2	114,4	97,1	117,5	107,9	116,7	101,2
Мурманская область	101,7	99,0	100,9	104,7	98,4	92,4	108,8	104,3	116,8	107,5	105,6	100,6
Новгородская область	104,7	103,6	106,1	105,6	99,5	110,7	113,6	106,6	115,0	110,9	108,6	105,3
Псковская область	103,6	100,7	104,7	105,2	95,2	107,7	114,0	97,6	117,2	108,3	111,6	103,1
г. Санкт-Петербург	109,6	103,1	110,4	104,9	0,0	0,0	121,7	97,8	116,1	106,6	114,5	103,1

* За 2015 год использованы оценочные данные.
Источник: рассчитано автором.

Ситуация усугубляется недостатком бюджетных средств у органов власти. Проведенный нами анализ показал, что бюджетная система регионов СЗФО характеризуется увеличением дефицита и расходов бюджета, многократным ростом государственного долга (табл. 4). Его объём в ряде субъектов округа превышает 80–100% налоговых и неналоговых доходов [12].

Несомненным является тот факт, что в основе социально ответственного поведения бизнес-структур лежит динамичная, успешная производственно-хозяйственная деятельность конкретного хозяйствующего субъекта, приносящая эффект в виде увеличения числа новых рабочих мест, а также объёмов товарной массы, налоговых поступлений в бюджеты всех уровней и,

следовательно, повышения возможности реализации дополнительных социальных программ. Всё это в конечном счёте обеспечивает высокие и устойчивые темпы роста экономики регионов.

В свете этого особенно актуальной становится оценка роли предприятий в социально-экономическом развитии территории. Российскими учёными ведётся активная работа по созданию методического инструментария такой оценки. Вместе с тем единого подхода к решению данной проблемы не сложилось. Связано это со значительными сложностями получения достоверной информации о реальных объёмах и источниках расходования ресурсов в сфере бизнеса на финансирование тех или иных мероприятий.

Таблица 4. Основные показатели консолидированного бюджета регионов СЗФО, млрд. руб.

Субъект СЗФО	Налоговые и неналоговые доходы		Дефицит бюджета		Расходы бюджета		Государственный долг	
	2008 г.	2015 г.	2008 г.	2015 г.	2008 г.	2015 г.	2008 г.	2015 г.
СЗФО	571,6	894,6	21,0	16,0	766,9	1035,6	31,5	222,0
Республика Карелия	17,8	24,3	0,4	3,8	29,4	38,6	4,1	21,3
Республика Коми	38,4	60,8	0,4	8,7	46,8	76,1	3,2	33,8
Архангельская область	35,6	59,3	4,3	2,8	58,9	81,2	5,4	37,5
Вологодская область	45,8	47,3	-0,3	2,0	52,8	60,0	1,8	34,3
Калининградская область	24,3	39,5	-0,8	11,1	38,1	70,2	7,5	20,4
Ленинградская область	51,6	120,9	-1,1	-11,7	65,6	120,8	5,4	9,6
Мурманская область	33,7	59,5	0,3	1,5	49,8	68,0	0,8	20,7
Новгородская область	16,1	24,7	1,1	1,3	24,1	31,3	2,8	15,4
Псковская область	11,5	17,4	-0,5	2,1	18,7	29,0	0,2	13,3
г. Санкт-Петербург	290,6	423,3	16,7	-7,7	372,5	439,7	0,3	14,7

Составлено по: [3, 12].

Так, некоторые исследователи [2] предлагают измерять уровень социальной ответственности бизнеса на основе социальной отчетности предприятий. Однако их обязанность по её представлению законодательно не закреплена, что делает невозможным применение подобных методик в регионах. Другие ученые [11] определяют уровень СОБ на основе анкетных опросов руководителей предприятий, а это позволяет оценить лишь уровень социальных инвестиций. В работах некоторых авторов [1] данный показатель выявляется только на уровне конкретного предприятия через социально-трудовые отношения, что предполагает наличие доступа к корпоративным отчетам, который в сложившихся рыночных условиях затруднен.

Как нам видится, для повышения достоверности оценки вклада хозяйствующих субъектов в социально-экономическое региональное развитие наиболее подходит в качестве основы методика, разработанная исследователями Кемеровского государственного университета [11]. Она была усовершенствована в части расчета показателей влияния деятельности хозяйствующих субъектов на эконо-

мический рост, улучшение экологической ситуации, уровень и качество жизни населения. Поскольку полученные индексы характеризуют деятельность предприятия по отдельным направлениям, то нами рассчитывается интегральный показатель — коэффициент влияния деятельности предприятия на развитие региона ($K_{\text{вл.рег.раз.}}$) с помощью среднегеометрической величины:

$$K_{\text{вл.рег.раз.}} = \sqrt[3]{K_{\text{вэр}} \times K_{\text{вуж}} \times K_{\text{вэс}}}$$

Индекс влияния деятельности предприятия на экономический рост региона ($K_{\text{вэр}}$) определяется путем перемножения индексов роста валовой добавленной стоимости и увеличения налоговых платежей в региональный и местный бюджеты в рассматриваемом периоде по сравнению с базовым. Индекс влияния деятельности предприятия на уровень и качество жизни населения региона ($K_{\text{вуж}}$) определяется путем перемножения индексов роста средней заработной платы работников компании и увеличения численности работников компании. Индекс влияния деятельности предприятия на экологическую ситуацию

в регионе (Квэс) определяется путем перемножения индексов снижения выбросов вредных веществ в водные источники и снижения выбросов вредных веществ в атмосферу [14, 17].

Проведем оценку влияния деятельности предприятия на развитие региона на примере крупнейших хозяйствующих субъектов химической промышленности Северо-Западного федерального округа – акционерных обществ «Акрон» и «ФосАгро», занимающих лидирующие позиции на мировом рынке производителей минеральных удобрений. Основной вид деятельности этих обществ – производство и реализация фосфоро-азото-калий-содержащих удобрений, фторосолей и других химических продуктов. Как показала оценка, вклад данных предприятий в развитие региона уменьшился (рис. 2).

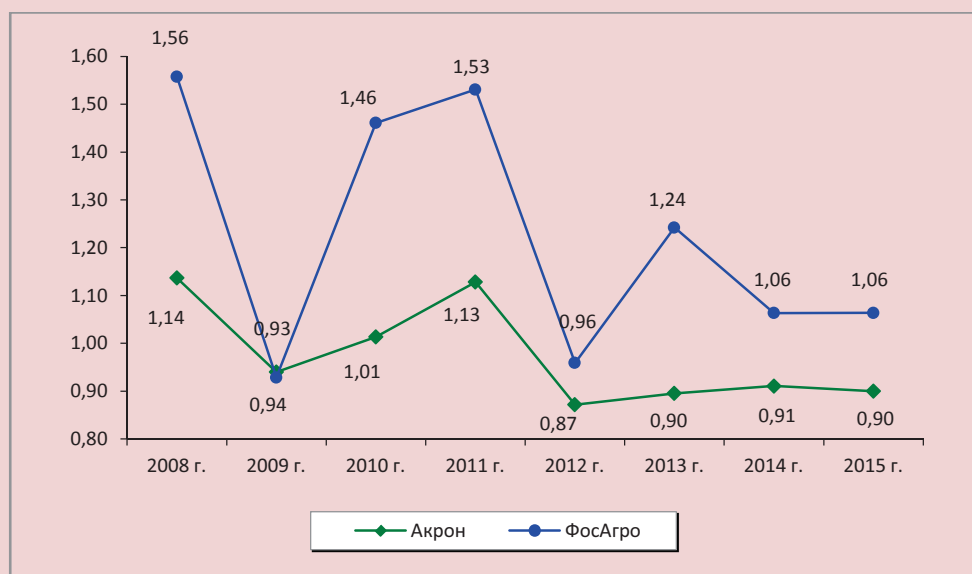
Снижение коэффициента влияния деятельности АО «ФосАгро» на региональное развитие в 2015 году по сравнению с 2008

годом обусловлено сокращением валовой добавленной стоимости, средней заработной платы работников и среднесписочной численности (табл. 5).

Что касается АО «Акрон», то здесь складывается аналогичная ситуация: в 2008 году интегральный показатель составлял 1,14 против 0,9 в 2015 году. Это вызвано нестабильностью мирового рынка химической продукции, а также ростом её себестоимости, что привело к падению чистой прибыли предприятия и, как следствие, снижению его влияния на экономический рост региона (табл. 6).

Приведенные данные свидетельствуют о неэффективной организации властными структурами взаимодействия с бизнесом по решению задач социально-экономического развития территорий. Это подтверждают и результаты ежегодного анкетного опроса, проводимого ИСЭРТ РАН среди руководителей предприятий при непосредственном участии автора [4].

Рисунок 2. Коэффициент влияния деятельности предприятий на региональное развитие

Источник: рассчитано автором на основе годовых отчетов АО «ФосАгро» и «Акрон».

Таблица 5. Расчет коэффициента влияния деятельности АО «ФосАгро» на региональное развитие

Критерий	2008 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Изменение 2008–2015 гг., +/-
<i>1. Индекс влияния деятельности корпорации на экономический рост региона ($K_{взр}$)</i>	3,10	0,60	2,98	1,18	1,20	1,31	-1,79
Индекс увеличения валовой добавленной стоимости	3,74	0,74	2,37	0,98	1,30	1,30	-2,44
Индекс увеличения налоговых платежей в региональный и местный бюджеты	0,83	0,81	1,25	1,20	0,92	1,01	0,18
<i>2. Индекс влияния деятельности корпорации на уровень и качество жизни населения региона ($K_{вжж}$)</i>	1,22	1,12	1,09	1,83	0,91	0,96	-0,26
Индекс роста средней заработной платы работников	1,19	1,15	1,08	1,11	1,05	1,05	-0,14
Индекс увеличения среднесписочной численности работников	1,03	0,97	1,01	1,64	0,87	0,91	-0,12
<i>3. Индекс влияния деятельности корпорации на экологическую ситуацию в регионе ($K_{вэо}$)</i>	0,99	1,18	1,10	0,89	1,10	0,96	-0,03
Индекс снижения выбросов вредных веществ в атмосферу	0,90	1,07	0,99	0,89	1,09	0,95	0,05
Индекс снижения сбросов сточных вод в водные объекты	1,10	1,11	1,11	1,01	1,01	1,01	-0,09
<i>Коэффициент влияния социально ответственной деятельности отдельной корпорации на развитие региона ($K_{вл.рег.раз.}$)</i>	1,56	0,93	1,53	1,24	1,06	1,06	-0,5
Источники: рассчитано автором на основе годовых отчетов АО «ФосАгро».							

Таблица 6. Расчет коэффициента влияния деятельности АО «Акрон» на региональное развитие

Критерий	2008 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	Изменение 2008–2015 гг., +/-
<i>1. Индекс влияния деятельности корпорации на экономический рост региона ($K_{взр}$)</i>	1,51	1,12	1,41	0,70	1,08	1,15	-0,36
Индекс увеличения валовой добавленной стоимости	1,22	0,98	1,01	0,93	1,18	1,28	0,06
Индекс увеличения налоговых платежей в региональный и местный бюджеты	1,24	1,15	1,39	0,76	0,91	0,91	-0,33
<i>2. Индекс влияния деятельности корпорации на уровень и качество жизни населения региона ($K_{вжж}$)</i>	0,99	1,03	1,14	1,09	0,62	0,81	-0,18
Индекс роста средней заработной платы работников	0,96	1,01	1,11	1,01	0,84	0,80	-0,16
Индекс увеличения среднесписочной численности работников	1,02	1,02	1,02	1,05	0,73	1,01	-0,01
<i>3. Индекс влияния деятельности корпорации на экологическую ситуацию в регионе ($K_{вэо}$)</i>	0,99	0,72	0,89	0,94	1,11	0,79	-0,2
Индекс снижения выбросов вредных веществ в атмосферу	1,05	0,90	0,95	0,99	1,02	0,85	-0,2
Индекс снижения сбросов сточных вод в водные объекты	0,95	0,80	0,95	0,95	1,10	0,93	-0,02
<i>Коэффициент влияния социально ответственной деятельности отдельной корпорации на развитие региона ($K_{вл.рег.раз.}$)</i>	1,14	0,94	1,13	0,90	0,91	0,90	-0,24
Источники: рассчитано автором на основе годовых отчетов АО «Акрон».							

В 2014–2015 гг. ни один опрошенный не оценил на 10 баллов уровень сотрудничества с властью в решении проблем региона (рис. 3). Вместе с тем 2% респондентов дали этому взаимодействию оценку 9 баллов; 37% – отметили, что уровень взаимоотношений заслуживает 5–8 баллов, а 25% – поставили 4 балла. Не более чем на 3 балла оценили результативность взаимодействия 37% респондентов. Средняя оценка составила 4,1 балла. При этом взаимодействие между исполнительной властью городов и районов Вологодской области и бизнесом оценивается несколько ниже – в среднем на 4 балла. Доля руководителей, которые считают, что уровень взаимоотношений заслуживает высокой оценки – от 8 баллов и выше, составляет 7%, от 6 до 7 баллов – 10%, не больше 5 баллов – 84%.

Выявленная стабильно низкая результативность взаимодействия власти и бизнеса в части решения социально-экономических проблем территории говорит о важ-

ности указанной проблемы для региональной экономической политики.

Вместе с тем, судя по данным опроса, руководители хозяйствующих субъектов ожидают от представителей власти более активных мер по совершенствованию взаимоотношений с ними. В частности, большинство респондентов (58,8%) выступают за активизацию экономической политики посредством применения преимущественно косвенных мер экономического регулирования. Причём доля тех, по мнению кого государство должно отказаться от вмешательства в экономическую жизнь страны, уменьшилась на 11,2 п. п. (табл. 7).

В то же время, по мнению опрошенных, ведущую роль в решении социальных проблем территорий должны взять на себя органы местного самоуправления (80%), федеральные и региональные органы власти (73%; табл. 8). Лишь 12% руководителей считают, что решением социальных проблем должен заниматься малый и средний бизнес.

Рисунок 3. Уровень взаимодействия органов власти и предприятий в решении социально-экономических проблем в Вологодской области, баллов (наивысший – 10)

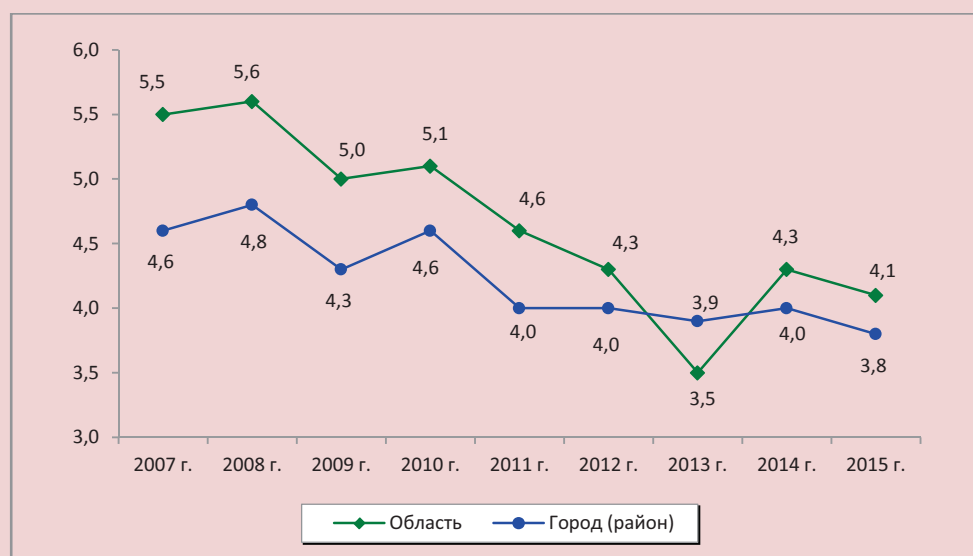

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос: «Какую роль должно играть государство в российской экономике в ближайшие несколько лет?», % от числа ответивших

Оценка	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2015 г.	Изм. 2015 к 2007 гг., п. п.
Государство должно активизировать экономическую политику, расширяя спектр используемых инструментов, в т.ч. в части привлечения бизнес-структур к решению проблем территории	43,6	44,6	50	41,2	65,9	45,5	58,8	+15,2
Государство должно сохранить определенное влияние на экономическую жизнь в стране, но его роль должна уменьшиться	16,4	17,9	17,2	20	18,7	34,8	23,5	+16,4
Государство должно усилить степень прямого участия в экономической жизни, активнее вмешиваться в хозяйственную политику, развивая социальную ответственность бизнеса	16,4	26,8	15,6	17,6	7,7	6,1	8,8	-7,6
Нынешняя степень участия государства в экономике оптимальна	3,6	8,9	6,3	5,9	3,3	0,0	7,4	-3,8
Государство должно полностью отказаться от прямого вмешательства в экономическую жизнь и только следить за соблюдением законов всеми экономическими агентами	12,7	1,8	7,8	9,4	4,4	13,6	1,5	-11,2
Составлено по: [4].								

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос: «Кто должен заниматься решением социальных проблем территорий?», % от числа ответивших

Субъекты	%
Органы местного самоуправления	80
Федеральные и региональные органы власти	73
Жители	30
Крупный бизнес	29
Малый и средний бизнес	12

Результатом продуктивной политики органов власти и управления в сфере привлечения субъектов хозяйствования к решению региональных проблем является положительный эффект для социально-экономического развития региона в виде увеличения доходов бюджета, реализации инвестиционных проектов и др. (рис. 4).

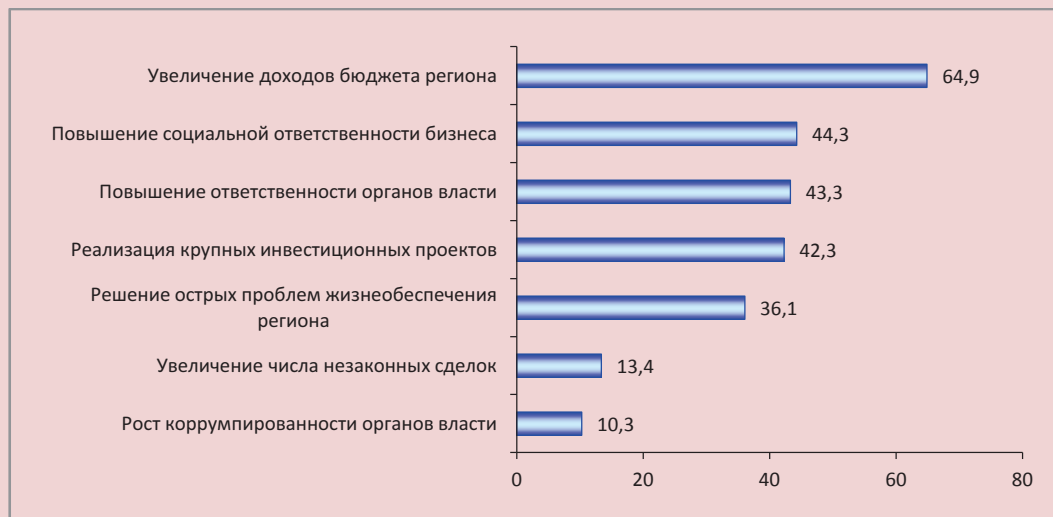
Принимая участие в решении проблем территории, бизнес-структуры обретают также дополнительные преимущества: в частности, это обеспечение себе положительной общественной репутации (64,3% ответивших руководителей предприятий Вологодской области); рост доверия населения к деятельности компании и расши-

рение клиентской базы (47,6%); удержание кадрового потенциала (47,6%) и выстраивание партнерских отношений с органами власти и общественностью (46,4%) [4]. Кроме того, как отмечает главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН) д.и.н. С.П. Перегудов, социальная ответственность становится важным фактором конкурентоспособности предприятий [10].

Тем не менее в настоящее время большинство представителей субъектов хозяйствования понимают социальную ответственность в узком смысле, направляя значительную часть своих ресурсов на

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос: «Какого эффекта, на Ваш взгляд, можно ожидать от реализации взаимодействия органов власти и бизнеса в форме социальной ответственности?», % от числа ответивших руководителей предприятий

развитие и поддержку персонала. Об этом свидетельствуют результаты анкетного опроса руководителей предприятий г. Вологды, проведенного ИСЭРТ РАН в 2015 году (табл. 9).

Более 70% руководителей предприятий областного центра считают, что бизнес должен соблюдать базовое социальное законодательство, т.е. обеспечивать выплату достойной, «белой» заработной платы (76%) и безопасные условия труда, социальную защиту своих работников (70%). По мнению около половины руководителей, от них требуется соблюдение взятых на себя обязательств перед деловыми партнерами (42%) и потребителями, обеспечение выпуска качественной продукции (54%). Как полагает четверть респондентов, участие в развитии территории присутствия может ограничиваться только уплатой налогов.

Среди факторов, сдерживающих развитие социальной ответственности, респонденты называют отсутствие финансовой возможности для реализации социаль-

ных программ (62%), слабое стимулирование этих процессов со стороны государства (51%) и неразвитость законодательной базы (37%). Часть респондентов (23% опрошенных) указывают на слабую информированность о возможном участии в социальных проектах, а 14% — на отсутствие знаний и опыта подобного участия.

Как одну из главных проблем развития взаимодействия с органами власти руководители опрошенных предприятий отмечают недостаточную степень освещения социального поведения организаций в средствах массовой информации (табл. 10).

Результаты опроса руководителей хозяйствующих субъектов показали, что их участие в социально-экономическом развитии территории в определяющей мере зависит от инициативы государства. Поэтому, как нам представляется, региональным органам власти необходимо сформировать благоприятные условия для привлечения бизнес-структур к решению территориальных проблем.

Таблица 9. Основные направления социальной ответственности организаций г. Вологды в 2015 году, % от числа ответивших

Направление	Доля
Развитие и поддержка персонала	85
Охрана здоровья и создание безопасных условий труда	62
Развитие добросовестной деловой практики между поставщиками, бизнес-партнерами и клиентами компании	41
Ресурсосбережение	29
Участие в городских проектах, реализуемых Администрацией г. Вологды на принципах социального партнёрства	26
Природоохранная деятельность	12
Развитие местного сообщества	11

Таблица 10. Достаточность информации о социальном поведении организаций г. Вологды в средствах массовой информации, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Доля			
	газеты	журналы	телевидение	радио
Достаточно	13,1	7,1	19,0	9,5
Скорее недостаточно	36,9	32,1	26,2	29,8
Практически нет	33,3	36,9	39,3	38,1
Затрудняюсь ответить	16,7	23,8	15,5	22,6

По нашему мнению, этому будет способствовать создание специального координирующего органа по развитию социальной ответственности хозяйствующих субъектов и их партнёрскому взаимодействию с органами власти. Успешный опыт создания подобной организации имеется в Белгородской области. Речь идёт о деятельности отдела организации проектного управления (проектный офис), за функционирование которого отвечает Департамент внутренней и кадровой политики. Отдел осуществляет разработку и реализацию проектов, направленных на достижение целей, определённых Стратегией социально-экономического развития Белгородской области. Все проекты регистрируются в базе системы общего электронного документооборота «Электронное правительство Белгородской области», в которой работают все органы исполнительной власти как на региональном, так и на муниципальном уровнях. По состо-

янию на 2015 год в базе зарегистрировано 2300 проектов, реализуется 850 проектов, 950 – завершено [7].

В соответствии с данными, представленными на официальном сайте Департамента внутренней и кадровой политики Белгородской области, реализация этих мероприятий позволила обеспечить эффект для социально-экономического развития территории, заключающийся, в частности, в сокращении периода разработки и согласования проекта (средняя экономия времени составляет не менее 2 месяцев), повышении скорости освоения инвестиций в регионе (в среднем на 23%), увеличении темпов прироста ВРП (в 2011–2015 гг. прирост ВРП составил 0,1%, или более 3 млрд. руб.) [13].

В Вологде также имеется опыт реализации совместных проектов власти и бизнеса. Созданная в Администрации города система по разработке, реализации и продвижению проектов действует под об-

щим брендом «Вологда — город добрых дел». За период с 2010 по 2015 г. количество реализованных проектов увеличилось с 5 до 70, т.е. в 14 раз; количество организаций, участвующих в проектах, — в 30 раз. В то же время очевидно, что формирование институционально-правовых условий приведёт к активизации участия хозяйствующих субъектов в решении задач развития территорий.

Кроме того, государству целесообразно стимулировать эти процессы путём *предоставления льгот*. В данном направлении будет полезен опыт города Вологды по предоставлению в аренду на льготных условиях земельных участков, находящихся в муниципальной собственности (Постановление Администрации города Вологды от 30 ноября 2010 года № 6506 «Перечень имущества, находящегося в собственности муниципального образования „Город Вологда” для предоставления во владение или пользование субъектам малого и среднего бизнеса»), а также по применению налоговых льгот (на основании «Положения о земельном налоге» от 6 октября 2005 года № 309 базовым организациям государственной профессиональной образовательной организации предоставляется 30%-ная льгота).

По нашему мнению, практику применения льгот следует распространить на хозяйствующие субъекты, активно участвующие в решении задач развития региона и осуществляющие при этом партнерское взаимодействие с органами власти.

Активизации социально ответственного поведения бизнес-структур будут способствовать *нематериальные стимулы*. Нами предлагаются такие мероприятия, как организация и проведение просветительских мероприятий, информационная поддержка в местных СМИ, организация выставок-ярмарок социальных проектов.

Решению проблемы отсутствия у субъектов хозяйствования соответствующих знаний и опыта в сфере соблюдения принципов социальной ответственности будут способствовать *организация и проведение обучающих программ и подготовка научно-методического пособия* по формированию социального отчёта. Стоит отметить, что пока не разработана унифицированная форма отчетности по социальной ответственности. Поэтому отчетность хозяйствующих субъектов не содержит количественной информации о реализуемых проектах и средствах, вложенных в развитие собственного персонала и территории присутствия. Вместе с тем социальные отчёты способствуют созданию благоприятной социальной среды в регионах деятельности предприятия, обеспечивая формирование его позитивного имиджа, укрепляя общественное доверие и лояльность к предприятию. Наряду с этим выявляются социальные проблемы и риски вложения предприятиями средств в развитие региона.

В мировой практике существуют стандарты GRI (Global Reporting Initiative, Глобальная инициатива по отчетности), раскрывающие основные принципы и правила составления указанной документации. В России также подготовлены соответствующие рекомендации. В частности, Торгово-промышленной палатой РФ представлен документ «Социальная отчетность предприятий и организаций, зарегистрированных в Российской Федерации. Методические рекомендации», Российским союзом промышленников и предпринимателей — «Базовые индикаторы результативности».

Опираясь на анализ рекомендаций по подготовке нефинансовых отчетов, мы считаем, что система показателей, адаптированных к российской системе учета

и законодательству, должна отражать экономические, социальные и экологические аспекты деятельности предприятий, а *структура социального отчёта* – включать следующие разделы: организационно-экономический, социальный, технологический, экологический, внепроизводственный.

Во введении отчёта необходимо изложить приоритеты и принципы социальной политики компании; в каждом разделе требуется кратко перечислить достигнутые результаты, направления развития соответствующих процессов, намечаемые на перспективу социальные проекты и ожидаемые результаты их реализации.

Резюмируя, отметим, что в современных условиях недостатка бюджетных средств органам власти необходимо при-

влекать дополнительные источники финансирования. В этой ситуации в качестве их выступают ресурсы бизнес-структур, предоставляющие возможность вкладывания внебюджетных средств в развитие общественной инфраструктуры, решение конкретных социально-экономических задач, расширение спектра и повышение качества услуг, формирование новых точек роста, способствующих повышению уровня социально-экономического развития региона [16]. Однако для того, чтобы привлечь такие ресурсы, органы власти и управления должны активизировать свою позицию в отношении использования инструментов, направленных на расширение участия субъектов хозяйствования в социально-экономическом развитии территорий.

Литература

1. Андреева, Е.Л. Механизмы оценки влияния социальной ответственности бизнеса на устойчивое развитие регионов [Текст] / Е.Л. Андреева. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. – 43 с.
2. Беляева, Ж.С. Модели социально ответственного бизнеса в мировой экономике [Текст]: монография / Ж.С. Беляева. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2010.
3. Ильин, В.А. Проблемы эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия-2020: проблемы реализации [Текст]: монография / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 188 с.
4. Мониторинг функционирования и развития промышленности региона [Текст]: заключительный отчет о НИР / исполн. Е.В. Лукин, А.Е. Мельников. – Вологда, 2015. – 82 с.
5. Официальный сайт АО «Акрон». – Режим доступа: <http://www.acron.ru/>
6. Официальный сайт АО «ФосАгро». – Режим доступа: <http://www.phosagro.ru/>
7. Официальный сайт Департамента внутренней и кадровой политики Белгородской области. – Режим доступа: <http://www.dkr31.ru/project>
8. Официальный сайт Федеральной налоговой службы. – Режим доступа: <http://www.nalog.ru/rn35/>
9. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
10. Перегудов, С.П. Бизнес и бюрократия в России: динамика взаимодействия / С.П. Перегудов // Политология. – 2007. – № 1. – С. 47-63.
11. Перекрёстов, Д.Г. Корпоративная социальная ответственность: вопросы теории и практики: монография [Текст] / Д.Г. Перекрёстов, И.П. Поварич, В.А. Шабаев. – М.: Академия Естествознания, 2011. – 216 с.
12. Печенская, М.А. Региональные бюджеты: тенденции, состояние, перспективы [Текст] : монография / М.А. Печенская, А.И. Поварова; под науч. рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – 110 с.
13. Практика организации проектной деятельности в органах исполнительной власти Белгородской области (опыт пилотного региона) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pm-conf.ru/files/04122014/presentations/Pavlova.pdf>

14. Разгулина, Е.Д. Оценка влияния крупнейших предприятий на социально-экономическое развитие территорий / Е.Д. Разгулина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3 (33). – С. 223-234.
15. Татаркин, А.И. Партнерство власти и бизнеса в реализации стратегий развития территорий / А.И. Татаркин, Д.А. Татаркин, К.А. Леванова // Экономика региона. – 2008. – № 4. – С. 18-30.
16. Ускова, Т.В. О роли инвестиций в социально-экономическом развитии территорий / Т.В. Ускова, Е.Д. Разгулина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 2 (38). – С. 72-89.
17. Ускова, Т.В. Социальная ответственность бизнеса: проблемы и тенденции: препринт / Т.В. Ускова, Е.Д. Разгулина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 56 с.
18. Ускова, Т.В. Социально-экономическое развитие территорий: проблемы эффективности региональной политики / Т.В. Ускова // Проблемы развития территории. – 2016. – № 2. – С. 7-18.
19. Ускова, Т.В. Частно-государственное партнерство как механизм модернизации экономики территорий: теоретико-методологические основы [Текст] / Т.В. Ускова // Проблемы развития территории. – 2013. – № 3. – С. 7-16.
20. Banon J.-Cl. Partenariat public-privé et croissance en Europe // Confrontations Europe. 2011. Juill.-Sept. No 95. P. 28-29.
21. Carroll, A.B. A three-dimensional conceptual model of corporate performance / A.B. Carroll // Academy of Management Review. – 1979. – № 4 (4). – P. 500.
22. Williams, C.A. Corporate Social Responsibility in a Comparative Perspective [Text] / A. Crane, et.al. // The Oxford Handbook of Corporate Social Responsibility. – Oxford: Oxford University Press, 2008.
23. Uskova, T.V. Social responsibility of Russian business: theoretical vision and practical implementation [Text] / T.V. Uskova, E.D. Razgulina // Transfer inovácií. – 2013. – 26. – P. 9-12.

Сведения об авторах

Екатерина Дмитриевна Копытова – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ekaterina-razgylina@yandex.ru)

Kopytova E.D.

Corporate Social Responsibility: Assessment Methods and the Regional Dimension

Abstract. In order to implement all the delegated powers amid lack of economic and financial opportunities, it is necessary for the authorities to search for additional sources of development. One of the key economic actors is represented by business structures which possess a significant amount of financial, investment, labor and other resources. In this regard, it is relevant to develop mutually beneficial cooperation of authorities and business entities. An efficient form of such cooperation, as evidenced by world experience, is social responsibility. However, this practice is not widespread in Russia; Russian research do not pay enough attention to specific tools contributing to enhancing the role of businesses in addressing social and economic issues of territories. The present paper identifies current approaches to the understanding of social responsibility of business and presents the author's interpretation of this economic category. Based on the developed methodological tools, the author makes an appraisal of social responsibility of major chemical enterprises of the Northwestern Federal district. The survey of enterprise managers of Vologda and the Vologda Oblast conducted by ISEDT RAS with the author's direct participation has helped reveal the problems of formation of social responsibility and its development prospects. As a result,

the author proposed a set of recommendations for the authorities aimed at eliminating negative factors hindering the process under study. The study uses the system approach, structural-functional analysis, the expert evaluation method, the grouping method, methods of comparison and generalization; various tabular and graphical techniques for data visualization have also been used. The information base of the research consists of annual reports of business entities (FosAgro JSC and Akron JSC), compiled by both international (consolidated financial statements) and Russian accounting standards, as well as data of the Federal State Statistics Service, Federal Tax Service of Russia and the results of surveys of managers of business entities. The research materials may be used in science and education. They are of practical interest for the authorities and administration which are trying to improve economic policy aimed at enhancing the contribution of economic entities to regional development.

Key words: corporate social responsibility, interaction, authorities, regional development, appraisal.

References

1. Andreeva E.L. *Mekhanizmy otsenki vliyaniya sotsial'noi otvetstvennosti biznesa na ustoichivoe razvitiye regionov* [Appraisal mechanisms of the influence of corporate social responsibility of the region's sustainable development]. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2010, 43 p. (In Russian).
2. Belyaeva Zh.S. *Modeli sotsial'no otvetstvennogo biznesa v mirovoi ekonomike: monografiya* [Models of socially responsible business in the global economy: monograph]. Ekaterinburg: In-t ekonomiki UrO RAN, 2010. (In Russian).
3. Ilyin V.A., Povarova A.I. *Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya. Tendentsii rynochnykh transformatsii. Krizis byudzhetnoi sistemy. Rol' chastnogo kapitala. Strategiya-2020: problemy realizatsii: monografiya* [Issues of public administration effectiveness. Trends of market transformations. Budget system crisis. The role of private owned capital. Strategy-2020: issues of implementation: monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2014, 188 p. (In Russian).
4. Lukin E.V., Mel'nikov A.E. *Monitoring funktsionirovaniya i razvitiya promyshlennosti regiona: zaklyuchitel'nyi ochet o NIR* [Monitoring of the region's industrial performance and development: final research report]. Vologda, 2015, 82 p. (In Russian).
5. *Ofitsial'nyi sait AO «Akron»* [Official website of Akron JSC]. Available at: <http://www.acron.ru/>. (In Russian).
6. *Ofitsial'nyi sait AO «FosAgro»* [Official website of FosAgro JSC]. Available at: <http://www.phosagro.ru/>. (In Russian).
7. *Ofitsial'nyi sait Departamenta vnutrennei i kadrovoi politiki Belgorodskoi oblasti* [Department of Internal and Personnel Policy of the Belgorod Oblast]. Available at: <http://www.dkp31.ru/project>. (In Russian).
8. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi nalogovoi sluzhby* [Official website of the Federal Tax Service of Russia]. Available at: <http://www.nalog.ru/rn35/>. (In Russian).
9. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Official website of the Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru/>. (In Russian).
10. Peregudov S.P. *Biznes i byurokратиya v Rossii: dinamika vzaimodeistviya* [Business and bureaucracy in Russia: interaction dynamics]. *Politologiya* [Political science], 2007, no. 1, pp. 47-63. (In Russian).
11. Perekrestov D.G., Povarich I.P., Shabaev V.A. *Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost': voprosy teorii i praktiki: monografiya* [Corporate social responsibility: theoretical and practical issues: monograph]. Moscow: Akademiya Estestvoznaniya, 2011, 216 p. (In Russian).
12. Pechenskaya M.A., Povarova A.I., under scientific supervision of Doctor of Economics, Professor V.A. Ilyin *Regional'nye byudzhetny: tendentsii, sostoyanie, perspektivy: monografiya* [Regional budgets: trends, current state, prospects: monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2016, 110 p. (In Russian).
13. *Praktika organizatsii proektnoi deyatel'nosti v organakh ispolnitel'noi vlasti Belgorodskoi oblasti (opyt pilotnogo regiona)* [Organizing project activities in executive authorities of the Belgorod Oblast]. Available at: <http://www.pm-conf.ru/files/04122014/presentations/Pavlova.pdf>. (In Russian).

14. Razgulina E.D. Otsenka vliyaniya krupneishikh predpriyatii na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie territorii [Appraisal of influence of major enterprises on the territory's socio-economic development]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 3 (33), pp. 223-234. (In Russian).
15. Tatarkin A.I., Tatarkin D.A., Levanova K.A. Partnerstvo vlasti i biznesa v realizatsii strategii razvitiya territorii [Partnership of business and authorities in implementing the strategies of territory's development]. *Ekonomika regiona* [Regional economy], 2008, no. 4, pp. 18-30. (In Russian).
16. Uskova T.V., Razgulina E.D. O roli investitsii v sotsial'no-ekonomicheskom razvitiiterritorii [On the role of investment in the socio-economic development of territories]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2015, no. 2 (38), pp. 72–89. (In Russian).
17. Uskova T.V., Razgulina E.D. *Sotsial'naya otvetstvennost' biznesa: problemy i tendentsii: preprint* [Corporate social responsibility: issues and trends: preprint]. Vologda: ISERT RAN, 2015, 56 p. (In Russian).
18. Uskova T.V. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie territorii: problemy effektivnosti regional'noi politiki [Socio-economic development of territories: problems of regional policy efficiency]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2016, no. 2, pp. 7-18. (In Russian).
19. Uskova T.V. Chastno-gosudarstvennoe partnerstvo kak mekhanizm modernizatsii ekonomiki territorii: teoretiko-metodologicheskie osnovy [Public-private partnership as the mechanism of the territories economic modernization: theoretical and methodological foundations]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2013, no. 3, pp. 7-16. (In Russian).
20. Banon J.-Cl. Partenariat public-privé et croissance en Europe. *Confrontations Europe*, 2011, July–September, no. 95, pp. 28-29.
21. Carroll A.B. A three-dimensional conceptual model of corporate performance. *Academy of Management Review*, 1979, no. 4 (4), p. 500.
22. Williams C.A., Crane A. et al. Corporate Social Responsibility in a Comparative Perspective. *The Oxford Handbook of Corporate Social Responsibility*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
23. Uskova T.V., Razgulina E.D. Social responsibility of Russian business: theoretical vision and practical implementation. *Transfer inovácií*, 2013, no. 26, pp. 9-12.

Information about the Author

Ekaterina Dmitrievna Kopytova – Junior Research Associate, Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, ekaterina-razgulina@yandex.ru)

Статья поступила 07.09.2016.

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ. НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.15

УДК 316.37, ББК 60.55.47

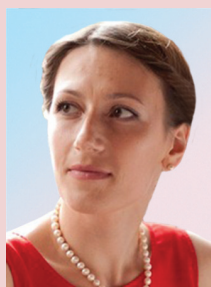
© Ястреб Н.А.

Рецензия на монографию:*

Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога

Смолева Е.О., Морев М.В. / под науч. ред. д.э.н. А.А. Шабуновой

Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – 164 с.

**Наталья Андреевна
ЯСТРЕБ**

кандидат философских наук

Вологодский государственный университет

160000, г. Вологда, ул. Галкинская, д. 3, учебный корпус 1, ауд. 404

fip@mh.vstu.edu.ru

Проблематизация феномена счастья в античной философии позволила в свое время осуществить революцию, связанную с рациональным теоретическим осмыслением глубинных субъективных аспектов личности. В рамках философских дискурсов были сформулированы основные подходы к пониманию счастья и определен ряд факторов, определяющих его наличие, к примеру отсутствие страданий (Спиноза) или получение удовольствий (Эпикур). Уже

в этот период формируется представление о счастье как о мотиве поведения человека и оно начинает рассматриваться как элемент власти и инструмент управления. Особенностью философского обсуждения счастья традиционно являлось стремление к генерализации, максимально широкому и обобщенному описанию этого феномена. В XIX–XX вв. начинается радикальная натурализация философских концепций. Возникающие социальные и гуманитарные

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации, проект № МД-6200.2016.6 «Семиотические основания техники и технического сознания».

Для цитирования: Ястреб, Н.А. Рецензия на монографию (Смолева Е.О., Морев М.В. Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога / под науч. ред. д.э.н. А.А. Шабуновой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – 164 с.) / Н.А. Ястреб // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 272–279. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.15

For citation: Yastreb N.A. Review of the Monograph: (Smoleva E.O., Morev M.V. «Life Satisfaction and the Level of Happiness: a Sociologist's View». Under the scientific editorship of Doctor of Economics A.A. Shabunova. Vologda: ISEDT RAS, 2016. 164 p.). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 272–279. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.15

науки активно трансформируют философские категории в конкретно-научные понятия и применяют к их исследованию методологический аппарат психологического, экономического, социологического, лингвистического познания. В то же время такой перенос не отменяет необходимости философского анализа, возникает уникальная ситуация, когда философские идеи становятся гипотезами, верифицируемыми опытным путем, а результаты социологических или психологических исследований могут становиться основой для новых философских концепций.

Примером такого взаимодействия могут служить понятия счастья и качества жизни. В фокусе современной экономической науки все чаще находится уже не выявление универсальных экономических закономерностей в духе классической политэкономии А. Смита, а субъективные факторы экономического поведения. Можно, хотя и с осторожностью, сказать, что общий тренд стремления к повышению качества жизни человека стал вызовом не только для реальной экономики, но и для экономической науки в целом. На смену риторике экономического роста приходит обсуждение проблем субъективного благополучия, удовлетворенности разнообразных потребностей и в целом счастья человека.

В этом смысле монография «Удовлетворённость жизнью и уровень счастья: взгляд социолога» представляет собой не просто актуальное для региональной социологии исследование, а уникальный источник, заставляющий переосмыслить философские представления о жизненном мире, ценностях и потребностях человека, роли менталитета, образования и воспитания в формировании отношения к жизни и своей деятельности, самоопределении, смысле жизни и счастье. В рассматриваемой ра-

боте проведено масштабное исследование состояния и факторов субъективного благополучия жителей Вологодской области, а именно индекса счастья, удовлетворенности жизнью и значимости терминальных ценностей. В настоящее время в России нет аналогов этой работы, так как отсутствуют масштабные подробные исследования субъективного благополучия на уровне регионов. Проводятся измерения уровня счастья в стране в целом [5], однако они не дифференцируют результаты исследования по регионам и не детализируют показатели по социальным группам.

В экономической науке XX в. проблема субъективных факторов экономического развития также присутствовала, наибольшее внимание при этом уделялось уровню жизни, то есть материальному критерию. Но возрастание уровня жизни не означает пропорционального увеличения уровня удовлетворенности жизнью, так как это критерии разного порядка. Уровень жизни как экономический критерий показывает структуру обладания материальными благами, такими как недвижимость, товары потребления, питание, доступность и качество получаемых услуг. В отличие от него, качество жизни включает удовлетворение культурных, духовных, интеллектуальных потребностей. Но, даже имея возможности для удовлетворения многообразных потребностей, человек все равно может быть несчастным. В этом смысле уровень счастья выступает интегральным критерием, и то, что в монографии наибольшее внимание уделяется именно ему, представляется оправданным.

Уровень счастья как интегральный показатель является некоторым вызовом в методологическом отношении для социолога-эмпирика. Как можно измерить такую величину и как можно быть уверенным, что

мы имеем дело именно с устойчивым явлением, а не с сиюминутными настроениями респондента? В этом смысле методологическая глава монографии представляется не менее интересной, чем непосредственно результаты опросов. Авторами проделана тщательная работа по сравнительному критическому анализу огромного количества методик выявления субъективного благополучия, ценностей, самооценки уровня личного счастья и удовлетворённости жизнью. В результате проведенного анализа для определения уровня счастья жителей Вологодской области были выбраны методика ВЦИОМ, Оксфордский опросник счастья (ОНИ), шкала субъективного благополучия С. Любомирски и Х. Леппер в интерпретации Д.А. Леонтьева, а также методика «Ценностные ориентации» М. Рокича.

Какое же впечатление производят результаты опросов жителей Вологодской области? Большинство населения области демонстрирует высокие показатели уровня счастья по всем трем методикам, хотя и несколько более низкие, чем в среднем по стране, однако показатель имеет положительную динамику [3, с. 46-47]. Правда, авторы осторожно относятся к оценке увеличения доли счастливого населения: по их мнению, это произошло не потому, что люди, ранее бывшие несчастными, стали более счастливыми «за счет уменьшения числа людей, которые не относили себя ни к счастливым, ни к несчастным» [3, с. 48]. Среди факторов, повлиявших на такие изменения, заставивших людей определиться в положительную сторону, называются присоединение Крыма к России, проведение Олимпийских игр, общий подъем патриотизма, также мог сказаться сезонный фактор, то есть время года, в которое проводился опрос. Однако в долгосрочном

периоде счастливыми жителей области делают другие факторы, среди которых лидируют здоровье (на первом месте у несчастливых и втором месте у счастливых людей) и счастливая семейная жизнь, которая занимает первое место у счастливых и второе у несчастных; у всех респондентов на третьем месте находится материальное благополучие [3, с. 58]. Счастливыми себя называют те, у кого есть семейное благополучие, радуют дети и внуки [там же, с. 49], а основными отрицательными факторами, влияющими на уровень счастья, оказываются низкий уровень доходов, рост цен, болезни и старость [там же, с. 50].

Наиболее счастливыми чувствуют себя молодые люди, респонденты, имеющие семью (зарегистрированный брак) и хорошее образование; наименее счастливыми – пенсионеры, инвалиды, безработные, работники сельского хозяйства. Для счастливых людей наибольшую ценность имеет понимание жизненного предназначения, справедливость и разумность в обществе, возможность приносить пользу. Несчастливые наиболее значимыми называют работу (ценность-цель) и образование (ценность-средство).

Материальное благополучие, анализу которого в монографии уделено особое внимание, рассматривается как фактор, нелинейно определяющий субъективное благополучие человека в силу своей сложной структуры. Оценка собственного материального благополучия и уровня потребностей в материальных благах в значительной степени строится людьми в результате сравнения себя с окружающими. В связи с этим в одних ситуациях даже низкий уровень материального благополучия может коррелировать с высоким уровнем счастья в силу того, что потребности респондента скромные, а в другой ситуации повышение

достатка приведет к росту потребностей и разочарованию, что негативно скажется на уровне счастья. Также учитывается фактор адаптации, то есть то, что люди склонны оценивать свое материальное положение через его динамику. Повышение даже не очень высоких доходов будет рассматриваться положительно, а снижение высоких – отрицательно вне зависимости от их абсолютной величины. Насколько можно судить по тексту, авторы, отмечая зависимость оценок материального благополучия от менталитета, ценностей, окружения человека и других факторов, предлагают рассматривать на данном этапе для жителей Вологодской области и России в целом как наиболее адекватный показатель именно оценку изменения материального благополучия респондентов, так как «уровень удовлетворенности жизнью чувствителен к колебаниям в уровне дохода» [3, с. 71]. И действительно, в результатах опроса жителей Вологодской области прослеживается такая зависимость. Менее позитивно чувствуют себя 36% из группы наименее обеспеченных в 2012 году и 43% – в 2015-м. Однако говорить о линейной зависимости между уровнем счастья и уровнем материального благополучия нельзя, так как необходимо учитывать не только величину, но и динамику доходов, рост потребностей, вызываемый ростом доходов, и ряд других факторов.

Интересный момент связан с тем, что в группе наиболее обеспеченных людей средний уровень доходов несчастливых людей оказался выше среднего уровня доходов счастливых людей [3, с. 74], что может свидетельствовать как о закономерном «насыщении» доли материального фактора в субъективном благополучии, так и о неблагоприятных изменениях в финансовой ситуации обеспеченных людей в результате

экономического спада. Этот факт, а также высокий уровень зависимости субъективного благополучия от материального фактора ставят вопрос об общем экономическом благополучии области.

Заставляют задуматься результаты опроса, касающиеся отношения респондентов к работе. При ответе на вопрос о том, почему респондент считает себя счастливым, ответ «хорошая, интересная работа/учеба, профессия» занимает последнее место – так ответили 14% жителей Вологодской области [3, с. 50], а в списке значимых ценностей работа находится на 17 месте среди счастливых и 6 месте среди несчастливых людей, общественное признание в обоих случаях находится на 16 месте [3, с. 58]. Получается, что либо работа не входит в число первостепенных ценностей для человека, либо в области отсутствуют условия для профессиональной самореализации большинства жителей. Может быть, этот показатель связан с особенностями менталитета, общей инертностью, пассивностью вологжан? В пользу этого говорит преобладание конформистских ценностей (воспитанность, самоконтроль) над альтруистическими (терпимость, чуткость) и индивидуалистическими (независимость, непримиримость к недостаткам, смелость в отстаивании своего мнения) [3, с. 61]. При всем положительном социальном значении конформизма, который, безусловно, способствует стабильности и устойчивости социальных систем, нельзя не отметить опасность таких настроений. Нежелание отстаивать свое мнение и неверие в свои возможности могут приводить не только к снижению уровня счастья, но и к отсутствию желания развиваться, ставить жизненные цели и достигать их, активно участвовать в социальных процессах. Стратегия «от меня ничего не зависит»

потенциально является одним из факторов, стимулирующих злоупотребление властью. Думается, что формирование жизнеспособных институтов гражданского общества при таких установках затруднено, а без его функционирования полноценный диалог с властью вряд ли возможен, даже при условии открытости последней.

Несмотря на то, что результаты опросов демонстрируют положительную динамику уровня счастья жителей Вологодской области, не совсем понятно, как это согласуется с оценками социально-экономической и общественно-политической ситуации в стране и регионе, согласно которым большинство опрошенных считают, что в стране больше несогласия, разобщенности – так определили свою позицию 43% счастливых и 55,6% несчастливых людей [3, с. 148]; политическую обстановку в целом оценивают как напряженную, критическую и взрывоопасную 66,3% счастливых и 79,2% несчастливых жителей области [3, с. 149]. При этом в стране не просто «жить трудно, но можно терпеть», а это лидирующий ответ, который выбирают 43,1% счастливых и 43,5% несчастливых людей [3, с. 152], но и прогноз на то, каким будет ближайший год, в целом демонстрирует пессимистические настроения опрошенных. Положительный прогноз (год будет хорошим; хорошим, но не во всем) дают 18,2% счастливых и 5,3% несчастливых жителей, а отрицательный (плохим; плохим, но не во всем) – 31,5% счастливых и 57,5% несчастливых участников опроса [3, с. 152].

Респонденты отмечают возможность и готовность активно действовать на уровне семьи, на работе (в меньшей степени), а влиять на состояние дел на уровне своего района, города, области и страны в целом они считают невозможным. Но именно возможность контролировать ситуацию

и изменять ее является одним из базовых факторов, влияющих на субъективное благополучие, что неоднократно показывалось в философских и психологических исследованиях феномена счастья. Так, М. Аргайл указывает на то, что внутренний контроль – личностная переменная, коррелирующая с удовлетворенностью, а счастливые люди считают, что «хорошие события в жизни происходят благодаря усилиям самого человека» [1, с. 57]. Л.А. Микешина обращает внимание на то, что возможность действовать как субъект, ставить цели и достигать их является не просто базовой ценностью, а основой для ценностных ориентаций в целом и формируется исключительно в социальном взаимодействии [2, с. 104]. В сочетании с тем, что большинство опрошенных указало, что можно доверять только близким друзьям и родственникам [3, с. 148], можно говорить о сужении жизненного мира человека. Чувствуя разобщенность, несогласие в обществе и свою невозможность что-либо изменить в глобальном плане, жители области замыкаются в тесном семейном мире, на процессы в котором они могут влиять и в котором чувствуют себя полноценным субъектом действия. Невозможность влияния на внешние процессы приводит к вытеснению многих социальных явлений из жизненного мира человека. Массовые проявления такой психологической защиты, безусловно, представляют дополнительный фактор риска для государства, так как при таких условиях полноценное взаимодействие граждан с властью затруднено, а социальная самоорганизация, необходимая для благополучного существования общества, практически отсутствует.

Таким образом, в результате исследования мы видим, что наибольшее значение для жителей Вологодской области имеют

семья, воспитание детей, надежные друзья, интересная работа, а способность отстаивать свое мнение, влиять на решения властей, рационализм и высокие требования к жизни занимают места в конце списка значимых ценностей [3, с. 60]. Однако тут неизбежно возникает вопрос. Главным критерием оценки любой аксиологической системы, начиная с античности, является ее внутренняя логическая непротиворечивость. То есть если одна значимая ценность противоречит другой, это неизбежно ведет к личностным, а в более широком случае – к социальным конфликтам разного уровня.

Применительно к анализируемым результатам можно сказать, что такие противоречия просматриваются. К примеру, в списке ценностей общения честность находится на втором месте у счастливых и первом – у несчастливых, а непримиримость к недостаткам в себе и других – на 18 и 17 месте соответственно, при этом широта взглядов, то есть умение понять чужую точку зрения, – на 15 и 13-м [3, с. 60]. Получается, честными для нас быть важно, а вот понимать и уважать непохожесть других – не совсем, бороться с недостатками, в том числе своими, – совсем нет. То есть наша честность, если позволить себе оценочное суждение, имеет оттенок конформизма. Как философа, меня не может настораживать то, что среди ценностей дела ответственность находится на первом месте у счастливых и третьем у несчастливых, а рационализм, умение здраво мыслить, принимать осознанные решения – на 13 и 11-м соответственно. То есть, в представлении респондентов, чтобы быть счастливым, нужно быть ответственным и исполнительным, а умным, независимым и терпимым к иным лучше не стоит? Очевидно, что полученные в результате исследования вы-

воды свидетельствуют о сложной структуре системы ценностей жителей области, гораздо в большей степени дифференцированной и неоднородной, чем в декларируемых органами власти аксиологических моделях [4]. Несмотря на активное обсуждение на государственном уровне задачи формирования ценностей, детальные эмпирические исследования, которые позволили бы выяснить причинно-следственные связи, иерархию и степень реальной значимости материальных и духовных благ, отсутствуют. Особенно значимо выявление социальных, экономических и государственных рисков, обусловленных противоречиями в системе ценностей и субъективными факторами в целом, что делает актуальным более глубокое социологическое исследование структуры ценностей современного российского общества. В частности, высокий уровень конформизма, выявленный в монографии, приводит к разобщению людей, затрудняет построение партнерских отношений между человеком и государством, замедляет формирование гражданского общества, в результате чего он может и должен рассматриваться как угроза для благополучия общества.

Особо настораживает то, что счастливая семейная жизнь, находящаяся на первом месте для счастливых и втором для несчастливых людей, сочетается с тем, что активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни) находится на двенадцатом месте у обеих групп респондентов; интересная работа – на семнадцатом у счастливых и шестом у несчастливых, а продуктивная жизнь, т.е. максимально полное использование своих возможностей, – на одиннадцатом и девятом соответственно [3, с. 58-60]. Возникает вопрос: какой жители области видят цель воспитания детей и чему они

хотят научить их, если у родителей ни самореализация, ни интересная работа, ни творчество (18 место среди абстрактных ценностей) не входят в круг жизненных приоритетов? И это в условиях радикального изменения экономики, образования, профессиональной деятельности, вызываемых становлением общества знания, четвертой промышленной революцией, открытием социальных границ в эпоху социальных сетей. Представляется, что при сохранении такой системы ценностей предпринимательская активность, инновационная деятельность будут скорее исключением из правил, возможно, даже осуждаемым инертным большинством, на что намекает уничижительная риторика в адрес феномена инноваций, заметная в последние годы. Несколько сглаживает этот диссонанс признание значимости образования, которое оценивается намного выше значимости интересной работы. Это дает надежду, что жители области все-таки связывают успешность своей жизни с самореализацией и саморазвитием и понимают значимость для счастья интеллектуального роста и повышения общего уровня культуры.

Помимо индекса счастья и оценки значимости ценностей в исследовании также рассматривалась проблема удовлетворенности жизнью. Если первые два критерия в большей степени отражают эмоциональное состояние респондентов, то удовлетворенность жизнью фиксирует рациональную составляющую субъективного благополучия. Для вычисления ее величины определены обобщенные факторы, в состав которых входят семейное благополучие, материальное положение, образ жизни и другие характеристики. В целом 56% жителей области удовлетворены жизнью [3, с. 77]. Авторы обращают внимание на

то, что именно этот показатель позволяет фиксировать «болевые точки» в социальном климате. Респонденты наименее удовлетворены обстановкой в стране и материальным положением. Высокие оценки значимости этих факторов и низкий уровень удовлетворенности могут свидетельствовать о наличии социального напряжения. Однако хорошие отношения с друзьями и в семье перевешивают низкие оценки материального положения и обстановки в стране, в результате чего интегральный показатель свидетельствует об общей удовлетворенности жизнью.

Подводя итог, нужно сказать, что поворот к анализу субъективных факторов при детальном рассмотрении не снижает степени практической ориентации экономического знания, более того, понимание факторов субъективного благополучия и детальное знание удовлетворенности граждан своей жизнью, структуры значимых для них ценностей, а также их динамики может дать всем уровням власти неопределимые преимущества как для принятия конструктивных социально точных решений, так и для манипуляции настроениями электората. В то же время результаты такого исследования можно рассматривать как отражение реального восприятия руководства государства и проводимой им политики, во многом более честное и объективное, чем выборы, и как не менее честный автопортрет общества, демонстрирующий наши достоинства и слабости. Поэтому с анализируемой книгой необходимо ознакомиться и осмыслить ее выводы не только ученым, руководителям органов власти различных уровней, но и каждому человеку, потому что именно его субъективное благополучие определяет важнейшие аспекты благополучия общества и государства в целом.

Литература

1. Аргайл, М. Психология счастья [Текст] / М. Аргайл; общ. ред. и вступ. ст. М.В. Кларина. – М.: Прогресс, 1990. – 336 с.
2. Микешина, Л.А. Эпистемология ценностей [Текст] / Л.А. Микешина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 439 с.
3. Смолева, Е.О. Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога [Текст]: монография / Е.О. Смолева, М.В. Морев; под науч. ред. д.э.н. А.А. Шабуновой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – 164 с.
4. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс] / Правительство Российской Федерации. – Режим доступа: <http://government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9Ixp7f2xm.pdf>.
5. Счастье – есть! [Электронный ресурс]: аналитические материалы / ВЦИОМ. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115232>

Сведения об авторе

Ястреб Наталья Андреевна – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии гуманитарного факультета, Вологодский государственный университет (160000, г. Вологда, ул. Галкинская, д. 3, учебный корпус 1, ауд. 404, fip@mh.vstu.edu.ru)

Yastreb N.A.

Review of the Monograph:

Smoleva E.O., Morev M.V.

«Life Satisfaction and the Level of Happiness: a Sociologist's View».

Under the scientific editorship of Doctor of Economics A.A. Shabunova.

Vologda: ISEDТ RAS, 2016. 164 p.

References

1. Argyle M. *Psikhologiya schast'ya* [The Psychology of Happiness]. Moscow: Progress, 1990. 336 p. (In Russian).
2. Mikeshina L.A. *Epistemologiya tsennosti* [Epistemology of values]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2007. 439 p. (In Russian).
3. Smoleva E.O., Morev M.V. *Udovletvorennost' zhizn'yu i uroven' schast'ya: vzglyad sotsiologa* [Life satisfaction and the level of happiness: a sociologist's view]. Under the scientific editorship of Doctor of Economics A.A. Shabunova. Vologda: ISERT RAN, 2016. 164 p. (In Russian).
4. *Strategiya gosudarstvennoi kul'turnoi politiki na period do 2030 goda* [The strategy of the state cultural policy for the period till 2030]. Available at: <http://government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9Ixp7f2xm.pdf>. (In Russian).
5. *Schast'e – est'!: analiticheskie materialy* [Happiness exists!: analytical materials]. VTsIOM. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115232>. (In Russian).

Information about the Author

Natal'ya Andreevna Yastreb – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy at the School of the Humanities, Vologda State University (3, building 1, Galkinskaya Street, room 404, Vologda, 160000, Russian Federation, fip@mh.vstu.edu.ru)

Статья поступила 23.01.2017.

ПРАВИЛА
приёма рукописей статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Экономические и социальные перемены:
факты, тенденции, прогноз» (в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (1 стр. ≈ 1800 знаков). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 24 страницы (≈ 43000 знаков). К публикации принимаются также рецензии на книги, информация о научных конференциях, событиях научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензентов; учитываются новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В печатном виде в редакцию представляются:

Статья с подписью автора на первой странице. Для аспирантов и соискателей необходима заверенная надлежащим образом подпись научного руководителя (печать должна быть четкая).

Полные данные об авторе на отдельной странице: Ф.И.О., ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактная информация (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail).

Письменное обязательство автора статьи не публиковать её в других печатных и/или электронных изданиях до выхода в свет журнала с данной статьей.

Материалы направляются по адресу: 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, редакция научного журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз».

В электронном виде в редакцию представляются:

Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .doc либо .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.doc).

Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях. Таблица со сведениями об авторе.

Фотография автора в формате .jpeg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов направляется на электронный адрес: common@vscc.ac.ru.

Требования к оформлению текста статьи

(образцы оформления см. на сайте журнала в Правилах приёма рукописей...)

Поля.

Правое – 1 см, остальные – по 2 см.

Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры, при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов, нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно представить вместе с файлом.

Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

Первая страница статьи.

В правом верхнем углу указывается индекс УДК, под ним – индекс ББК, знак ©, фамилия и инициалы автора. Заголовок статьи должен быть выровнен по центру. Ниже, без абзацных отступов, приводятся аннотация и ключевые слова, выделенные курсивом и выравненные по ширине. Далее следует текст статьи.

Аннотация.

Объём текста аннотации должен составлять от 250 до 300 слов. В обязательном порядке должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов; кратко сформулированы перспективы дальнейшего исследования в указанной области.

Примеры аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте: <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rskb73ae013ofk4g8nrv1>.

Ключевые слова.

Должно быть приведено не более 8 ключевых слов.

Таблицы.

Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами табличного редактора MS WORD. Недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка.

В заголовке слово «Таблица» и её номер не выделяются, заголовок выполняется полужирным шрифтом, выравнивается по центру.

Рисунки (схемы, графики, диаграммы).

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, блок-схем – MS WORD, MS VISIO, формул – MS Equation. Рисунки, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

– в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

– в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

Подпись к рисунку и его номер располагаются под рисунком. Слово «Рисунок» не выделяется. Подпись выполняется полужирным шрифтом, выравнивается по центру.

Библиографическое описание источников под таблицами и рисунками.

Пишется: или «Источник:», или «Составлено по:», или «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

Постраничные сноски.

Оформление сносок производится в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5.–2008.

Список литературы.

Источники располагаются в списке строго по алфавиту (сначала русскоязычные, затем – иностранные). Их библиографическое описание выполняется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы составляет не менее 20-ти, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество включенных в список работ автора не должно превышать 10% общего количества приведенных в списке литературы источников.

Не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивные материалы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. На указанные источники рекомендуется давать соответствующие постраничные сноски.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Правила приёма рукописей статей, направляемых в редакцию научного журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», размещены на сайте журнала (<http://esc.vscs.ac.ru>).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, оформление которых не соответствует требованиям издательства, к рассмотрению не принимаются!

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. **Лицензиар** и **Лицензиат** несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ИСЭРТ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____
_____
Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____
_____
Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);

2) на сайте <http://www.akc.ru>;

3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-10 (доб. 387), адрес электронной почты: bushmanova@vscc.ac.ru).

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 22.02.2017.
Дата выхода в свет 28.02.2017.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 33,5. Тираж 500 экз. Заказ № 66.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-60248 от 19 декабря 2014 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru